Живая классика

Бесприданница

Александр Островский

Бесприданница

Александр Николаевич Островский, Анна Ивановна Журавлева

Аннотация
Александр Николаевич Островский. Бесприданница
Театр для всего народа
Свои люди – сочтемся!. Комедия в четырех действиях
Действие первое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Действие второе
Явление первое

Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Действие третье
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Действие четвертое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Не в свои сани не садись. Комедия в трех действиях

Действие первое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Действие второе
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Явление тринадцатое
Явление четырнадцатое
Явление пятнадцатое

Действие третье
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Сцена II
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Явление тринадцатое
Явление четырнадцатое
Гроза. Драма в пяти действиях
Действие первое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое

Явление девятое
Действие второе
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Действие третье
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Действие четвертое
Явление первое
Явление второе
Явление третье

Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Действие пятое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
На всякого мудреца довольно простоты. Комедия в пяти действиях
Действие первое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Действие второе
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое

Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Действие третье
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Действие четвертое
Явление первое
Явление второе
Сцена II
Действие пятое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Бесприданница. Драма в четырех действиях

Действие первое
- Явление первое
- Явление второе
- Явление третье
- Явление четвертое
- Явление пятое
- Явление шестое
- Явление седьмое

Действие второе
- Явление первое
- Явление второе
- Явление третье
- Явление четвертое
- Явление пятое
- Явление шестое
- Явление седьмое
- Явление восьмое
- Явление девятое
- Явление десятое
- Явление одиннадцатое

Действие третье
- Явление первое
- Явление второе
- Явление третье
- Явление четвертое
- Явление пятое

Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Явление тринадцатое
Явление четырнадцатое
Действие четвертое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Примечания
Свои люди – сочтемся!
Не в свои сани не садись
Гроза

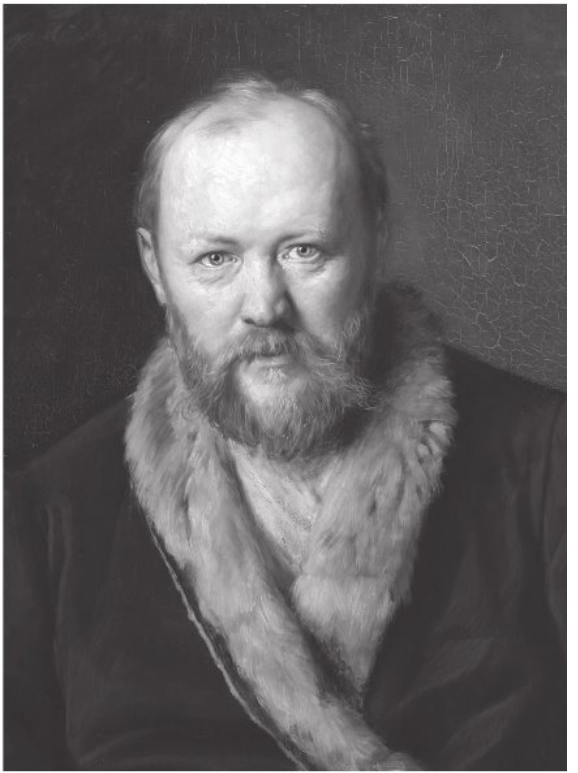
На всякого мудреца довольно простоты
Бесприданница

Аннотация

Сборник пьес великого драматурга, создателя русского национального театра А. Н. Островского.

Для старшего школьного возраста.

Александр Николаевич Островский
Бесприданница



1823—1886

© Журавлева А. И., наследники, составление, вступительная статья, примечания, 1999

© Ильинский И. А., наследники, иллюстрации, 1985

© Панов В. П., наследники, иллюстрации, 1999

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2022

Театр для всего народа

История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома.

А. Н. Островский

Островский — создатель русского национального театра. Эта формула вошла в русское культурное сознание уже при жизни драматурга. Суть исторического дела Островского, закрепленного в нашей памяти этой формулой, — соединение литературы и театра, двух форм культуры, до Островского остававшихся у нас разъединенными.

«Национальный театр есть признак совершеннолетия нации, так же как и академии, университеты, музеи», — написал Островский в конце своего жизненного пути. Между тем театр в современном понимании появился в России довольно поздно — в конце XVII столетия, а укрепился лишь после Петра I. Только в последнюю треть XVIII в. он сделался постоянной культурной

привычкой столичного общества.

И в Москве и в Петербурге до середины 1880-х гг. существовала театральная монополия, то есть платные публичные спектакли мог давать только Императорский театр, находившийся на содержании Дворцового ведомства. Спектакли в нем были гораздо более продолжительными, чем теперь, и состояли из нескольких пьес: главная, большая пьеса обрамлялась более короткими, обычно развлекательными — водевилями или балетными дивертисментами. Зрители из общества, как правило, не оставались на все время спектакля, приезжали к основной пьесе; было даже выражение: «пьеса давалась для съезда карет» или «для разъезда карет».

Несмотря на то что русский театр был в городе один (помимо него существовали еще в разное время французский, немецкий, итальянская опера), публика в нем была довольно постоянной, поскольку культурная прослойка оставалась еще тонкой. По этой причине даже пьесы, имевшие большой успех, шли лишь несколько раз за сезон. Понятно, что при таких условиях театр испытывал большой репертуарный голод: по существу, в течение сезона чуть ли не ежедневно требовалось несколько новых пьес разного жанра.

Потребности театра обслуживала целая масса профессиональных поставщиков репертуара, преимущественно переводивших или переделывавших «на русские нравы» иностранные пьесы. Такое положение не удовлетворяло наиболее эстетически развитую часть зрителей, но оно не менялось. Из произведений русских классиков первой половины XIX в., написанных в драматическом роде, на сцене укрепились только две пьесы Гоголя: «Ревизор» и «Женитьба».

С середины XIX в. борьба за литературный театр, то есть за театр с серьезным, художественным репертуаром, велась передовыми деятелями культуры неустанно. И главная роль тут — прежде всего практическая — принадлежала Островскому.

Разобщенность литературы и театра к середине XIX в., когда Островский начинал свою деятельность, стала чувствоваться особенно остро. В это время в связи с историческими процессами, происходившими в России, больше становилась аудитория драматического искусства. Театральная публика демократизируется. Расширяется круг грамотных людей, быстро растет прослойка трудовой интеллигенции, в театр приходит купечество. В конце своего жизненного пути, в

1880-е гг., Островский, задумав создание в Москве общедоступного дешевого театра с серьезным репертуаром, уже уверен, что в числе зрителей будут и «хозяева ремесленных заведений», и рабочие.

Приход в театр новой публики, сменившей дворянский зал первой половины XIX в., создавал потребность в национальной бытовой драматургии. Новый зритель хотел пьес о себе, о своей жизни. Такие пьесы и начал писать Островский. Но, в соответствии с лучшими традициями русской литературы, молодой драматург считал, что театр должен не просто идти навстречу вкусам публики, но и формировать их, активно воздействовать на моральный и эстетический уровень зрителей.

«Театр — дело серьезное, дело народное», — говорил друг юности Островского поэт и критик Аполлон Григорьев. Так же всю жизнь смотрел на театр и Островский.

После реформ Петра I наша государственная жизнь потекла в целом по общеевропейскому руслу, хотя в ней были и свои особенности. Например, сосуществование современных и давно пройденных Западной Европой форм жизни. Главная из них — чрезмерно долго сохраняв-

шееся в России крепостное право, тяжелый гнет не только на экономике страны, но и на душевном здоровье нации. Крепостным правом называлось, как известно, бесправие, бесправное положение крестьян, которых государство отдавало практически в полную зависимость хозяевам-помещикам, то есть дворянству. Это резкое разделение на рабов и хозяев подчеркивалось еще и тем, что привилегированное сословие — дворянство — со времен Петра должно было забыть национальное платье, отказаться от старинного бытового уклада и устроить свой быт так же, как жили в это время на Западе. В результате и возник глубокий разрыв между образованными сословиями, с одной стороны, и теми, на кого не распространялись жесткие петровские требования жить по-новому: крестьянами, купцами.

Они по-разному одевались, по-разному ели и пили, по-разному веселились, читали разные книги, и даже общая православная вера не до конца их объединяла: простонародье гораздо тщательнее образованных людей соблюдало церковные обряды, но и нередко примешивало к истинной вере всякие суеверия и небылицы. В Русской земле словно существовало два разных, мало связанных, мало понятных друг для друга

мира. Но к середине XIX в. границы этих миров стали постепенно разрушаться. Образованные люди начали искать способы преодолеть этот разрыв, восстановить не только государственное — оно-то было! — но и духовное и культурное единство русского народа. А простые, по-старинному живущие люди все чаще вынуждены были сталкиваться с петровским государством: обращаться в суды для разрешения имущественных споров и наследственных дел (как раз в судах — Совестном и Коммерческом — работал в молодости Островский), в разных государственных учреждениях получать разрешения на промысел и торговлю и т. п. Этот бюрократический мир был им непонятен, о правах и порядках, установленных государством, они ничего не знали. Здесь их обманывали, запугивали и обирали. Самые живые и умные стали учить своих детей, приспосабливаться к «европеизированной» жизни, но на первых порах часто принимали за «образованность» лишь всякие внешние стороны быта высших сословий. «Образование! Знаешь ли ты, что такое образование?.. <…> Ты бы вот сертучишко новенький сшил! <…> Стихи пишет, образовать себя хочет, а сам как фабричный ходит! Разве в этом образование-то состоит, что

дурацкие песни петь?» — поучает своего молодого приказчика купец-самодур Гордей Торцов («Бедность не порок»).

Вот в этих-то «пограничных» зонах между богатыми, но еще вчера жившими по старине людьми и новыми требованиями, которые властно предъявляет современная жизнь, и возникает почва для комедийных конфликтов, да еще таких, где смешное переплетено с грустным, ведь причуды имеющих власть не только забавны, но и опасны для бедных и зависимых. Об этом и пишет молодой Островский.

Хотя отец драматурга, происходивший из духовенства, на государственной службе получил потомственное дворянство (то есть не только он сам, но и его дети стали дворянами), Островский входит в литературу как третьесословный писатель, единственный, в сущности, из классиков первого ряда (за исключением Лескова, но истинные масштабы этого писателя стали ясны только в XX в.). Он всегда смотрел на жизнь с позиции тех, кто ест «трудовой хлеб». В этом отношении те авторы, которых принято называть «шестидесятниками» (писатели-разночинцы, бескомпромиссные критики дворянства, в том числе и дворянской интеллигенции, «лишних

людей»), были ему достаточно близки, и то, что в течение многих лет он печатался в «Современнике», а затем в «Отечественных записках» Некрасова и Салтыкова-Щедрина, отнюдь не было случайностью. Но было между ними существеннейшее, коренное различие. Смолоду, еще со времен близости с А. А. Григорьевым и другими молодыми сотрудниками издававшегося историком М. П. Погодиным журнала «Москвитянин», Островский укрепился в настороженном отношении ко всяким теориям, под которые предлагалось подгонять жизнь. Его простой, но глубокий и трезвый ум, твердое, ясное нравственное чувство отталкивали его как от всякого насилия и тирании, связанных с феодальными пережитками, так и от радикальных идей. Утопическое сознание было ему органически чуждо.

Молодой Чернышевский записывает в своем дневнике: «Вот мой образ мыслей о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее, хоть я и знаю, что долго, может быть весьма долго, из этого не выйдет ничего хорошего, что, может быть, надолго только увеличатся угнетения и т. д. — что нужды? …мирное, тихое развитие невозможно». Невозможно представить себе чего-либо подобного у Островского. Сама мысль о том, что-

бы увеличить надолго гнет и страдания ради «развития», просто никогда не могла прийти ему в голову. Зато «тихое, мирное развитие», улучшение жизни вследствие влияния просвещения кажется ему непреложной истиной. Честный труд, практическое добро, любовь — вот ценности мира Островского. И над всеми, кто попирает эти ценности, смех его беспощаден.

Уже вторая пьеса Островского «Свои люди — сочтемся!» (первоначальное название «Банкрот», 1849) произвела огромное впечатление на современников и сразу выдвинула автора в число лучших писателей. При этом наиболее проницательные читатели сразу поняли масштабность изображенного в пьесе: купцы как благодарный материал для водевильного комизма и до Островского мелькали в литературе. Здесь же Замоскворечье предстало как целый мир, и замкнутый, и, безусловно, связанный с современностью. Здесь тоже происходит конфликт «отцов и детей», здесь говорят о просвещении и эмансипации, но все эти высокие понятия и освобождающие веяния жизни тут искажаются, как в кривом зеркале. Антагонизм богатых и бедных, зависимых развернут не в сфере борьбы за равноправие и свободу личного чувства,

а в борьбе корыстных интересов, стремлении разбогатеть и «зажить по своей воле». Высокие ценности подменены своими пародийными двойниками. Образованность — не что иное, как желание следовать моде, презрение к обычаям и предпочтение «благородных» кавалеров «бородастым» женихам.

Пьеса обладает напряженной интригой и вместе с тем характерной для Островского неторопливостью развертывания событий. Пространная замедленная экспозиция нужна драматургу потому, что драматическое действие у него не исчерпывается интригой. В него втянуты и нравоописательные эпизоды, обладающие потенциальной конфликтностью (споры Липочки с матерью, визиты свахи, сцены с Тишкой). Динамичны и беседы героев, не приводящие ни к каким непосредственным результатам, но имеющие свое «микродействие», которое можно назвать речевым движением. Речь, сам способ рассуждений так колоритен и интересен, что зритель следит за всеми поворотами, казалось бы, пустой болтовни.

Хотя интрига пьесы имеет не просто материальный, но четко выраженный денежный характер, она все равно, как это свойственно

Островскому всегда, переведена в нравственный план. Многомерность конфликта отразилась и в системе персонажей.

О Самсоне Силыче Большове в перечне действующих лиц сказано кратко: купец. Все другие персонажи, живущие в доме Большова или связанные с ним, охарактеризованы уже по отношению к нему (жена, дочь, приказчик, мальчик). Таким образом, Большов охарактеризован прежде всего социально-профессионально, затем косвенно определено его место в семейном мире. Не менее значимо и его полное имя, на примере которого прекрасно видны принципы, определяющие поэтику именования в мире Островского: имена значимые, но совсем не так прямолинейно, как «значащие имена» в пьесах классицистов. Большов — глава и хозяин («сам», «большой» — так в народной речи обозначали главу и хозяина в доме), библейское же имя Самсон, да еще «укрупненное» отчеством Силыч, как бы предрекает поражение от коварства близких, ведь библейский силач Самсон погиб от предательства возлюбленной.

Положение Большова в системе персонажей не остается, однако, неизменным. Он представляет мир Замоскворечья в его наиболее простой,

грубой форме, не идеалы патриархального купечества, а его повседневную, обыденную практику. Он наивен и грубо прямодушен в понимании заповедей своего круга: «Мое детище: хочу — с кашей ем, хочу — масло пахтаю»; нет «документа» — значит, можно не выполнять обещанного; бесчестны те мошенники, которые вредят ему, но такие же проделки по отношению к другим — деловая ловкость и т. п. Большов до начала действия прошел уже обычный путь обогащения, не соответствующий, конечно, моральным заповедям, но и не выходящий за рамки обыденной бытовой нечистоплотности. Задуманное им мошенничество — злостное банкротство — уже примета современной «коммерции», о чем свидетельствует сцена чтения газеты. Большов провоцирует предательское жульничество Подхалюзина и сам становится его жертвой. Переписывание имущества на приказчика, к тому же новоиспеченного зятя, в корне меняет положение Большова: отныне из хозяина положения он становится зависимым от детей. Сложившаяся ситуация меняет не только положение героя в фабуле, но и отношение зрителя к старику, нагло обманутому детьми, вызывая если не сочувствие, то жалость. Современный критик назвал

Большова «купеческим Лиром», и это сравнение закрепилось в культурной памяти.

В отличие от патриархального Большова Подхалюзин представляет уже новые времена. В системе персонажей и самом развитии действия пьесы место Подхалюзина также не остается неизменным: если начальный толчок интриге дает Большов, то затем инициатива переходит к Подхалюзину, который разрабатывает план, параллельный большовскому, но направленный в свою пользу.

«Порча нравов» проявляется и в том, что если Большов, разрабатывая свой план, целиком полагается на незыблемость своего патриархального дома и верность чад и домочадцев, то Подхалюзин всех подкупает — сваху, стряпчего и даже мальчика Тишку.

Однако очень важно, что порча нравов не привнесена извне, ее провоцирует нарушение нравственных законов самим главой патриархального дома, «отцом», а уж грехи «детей» — производное, печальное следствие действия «старших».

Если Большов и Подхалюзин — главные фигуры, характеризующие деловой мир Замоскворечья, то Ли-почка и Подхалюзин — важнейшие

герои в «любовной» и «культурной» проблематике пьесы. Не случайно открывает пьесу большой монолог Липочки о прелести танцев, о преимуществе военных кавалеров, который сменяется злобными попреками матери в необразованности. Однако все разговоры в первом действии — обычные «романтические» мечты купеческой барышни, но Липочка по-своему искренне начинает любить отвергнутого ею только что с бранью и позором «противного» жениха Подхалюзина, когда выясняется, что он может дать ей то, что она считает счастьем. «А если за меня-то… выйдете-с, так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с… В рассуждении шляпок или салопов не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудненй! Лошадей заведем орловских… Мы также фрак наденем да бороду обреем…»

Реализовавшаяся мечта Липочки, показанная в четвертом действии, есть жизнь уже вполне «своевольная», не скованная никакими моральными запретами или хотя бы внешними правилами. Крайняя черствость Ли-почки, ее скупость, наглая уверенность в своем праве всем пренебречь ради своего удобства и спокойствия — словом, неописуемая грубость чувств такова,

что даже Подхалюзин на этом фоне более человечен.

По сравнению с Липочкой, место которой в нравственной проблематике пьесы, безусловно, центральное, Подхалюзин несколько отходит на второй план, но в любовной интриге его фигура очень важна. Гоголь, характеризуя современное ему состояние общества, заметил, что теперь сильнее любовной интриги завязывает пьесу стремление достать выгодное место, и тем самым как бы противопоставил меркантильный интерес и область человеческих чувств. В пьесе Островского это противопоставление снято: любовь тут есть, но она неразделима с материальными интересами. Подхалюзин и правда любит Липочку — как средство достичь богатства и как вывеску своего купеческого дела. В четвертом действии мы видим счастливую супружескую пару, где деловая хватка мужа сочетается с его искренним восхищением «культурой» жены (олицетворение которой — вызывающий восторг Подхалюзина «французский» язык Липочки). Дружный союз, возникающий на развалинах патриархального купеческого дома, закреплен финальной репликой: «А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого робенка

пришлете — в луковице не обочтем».

Уже в этой второй пьесе сложились многие черты поэтики, присущие театру Островского в целом: сосредоточенность на нравственной проблематике, через которую анализируются и социальные аспекты жизни, вытекающее отсюда абсолютное преобладание семейно-бытовых конфликтов, использование нравоописательных элементов для анализа характеров и формирующих их обстоятельств, расширение понятия драматического действия, речь героев не только как средство характеристики, но и как самостоятельный объект изображения.

К середине XIX в. литература и общество начинают испытывать определенную усталость от чисто отрицательного направления. Исключительно критический аспект изображения жизни продолжают разрабатывать лишь писатели, связанные с идеями революционной демократии, в других литературных кругах нарастает потребность в поисках положительных начал национальной жизни. К одному из таких кругов принадлежит в 1850-е гг. Островский, вместе с А. А. Григорьевым возглавляющий так называемую молодую редакцию журнала «Москвитянин».

Москвитянинцы увлекаются разными прояв-

лениями простонародной культуры: собирают песни и дружат с их исполнителями (преимущественно из городских низов), проявляют интерес к народному обряду и чину, прислушиваются к народной речи, высоко ценя живое, меткое слово, свободное умение «разговор рассыпать» (как выразится один из героев Островского); в и д е а-л а х (подчеркнем это слово!) патриархального семейного уклада видят возможность противостоять современному разрушению традиционной морали и разгулу индивидуалистических страстей.

После того как о с о в р е м е н н о й патриархальной семье в комедии «Свои люди — сочтемся!» было сказано с такой бескомпромиссной жесткостью, Островский решает, что надо показать народу, «что знаешь за ним и хорошее». Первым опытом в этом направлении становится комедия «Не в свои сани не садись» (1852), оказавшаяся дебютом Островского на сцене (театральная цензура не пропустила на сцену «Свои люди — сочтемся!», а за автором был учрежден секретный полицейский надзор).

В этой пьесе усилия Островского сосредоточены не на создании социальной картины жизни, а на том, чтобы показать нравственный уклад народного мира, атмосферу безусловно признаваемой

героями патриархальной морали, когда каждый ощущает себя частицей общего. Здесь Островскому не важно, что Русаков — богатый, а Бородкин — небогатый купец, важно, что они принадлежат к одному культурно-бытовому укладу, противопоставленному миру «цивилизованных», европеизированных сословий. Здесь, правда, этот «цивилизованный» дворянский мир представлен искателем богатых невест, промотавшимся гусаром Вихоревым. Вихорев — первый в созданной Островским галерее «красавцев мужчин», прожигателей жизни, хищнически относящихся к любящим женщинам. Дворянский мир — источник соблазна, именно ореол «красивой», блестящей, заманчивой и необыденной любви, воплощенный в Вихореве, кружит голову Дунечке, заставляя ее забыть о прежних теплых отношениях с Ваней Бородкиным, в котором отец видел подходящего жениха.

Итак, семью Русаковых Островский берет как модель народного уклада жизни, о котором говорили москвитянинцы. И поэтому на первый план в действии выступают не участники любовного треугольника, а глава семьи Максим Федотыч Русаков. По своей функции в сюжете это своеобразное преломление в мире Островского

традиционного амплуа «благородного отца», но вместе с тем он резко от него отличается. Фамилия значимая: русак, русачка — так называли купцов, сохранявших в быту традиционный национальный уклад, не бривших бороды, носивших русское платье. В ремарке о Русакове сказано: «богатый купец». Сохранилась авторская характеристика этого героя, написанная для переводчика пьесы на немецкий язык: «Русаков — тип старого русского семьянина. Человек добрый, но строгой нравственности и очень религиозный. Семейное счастье почитает высшим благом, любит дочь и знает ее добрую душу».

Русаков оказывается своеобразным героем-идеологом. Ему доверено выразить представление об идеальных нормах отношений в патриархальной русской семье. Эти представления сформулированы Русаковым в его воспоминаниях о жизни с покойной женой: «Тридцать лет слова неласкового друг от друга не слыхали! Она, голубка, бывало, куда придет, там и радость. Вот и Дуня такая же: пусти ее к лютым зверям, и те ее не тронут. Ты на нее посмотри: у нее в глазах-то только любовь да кротость».

Наряду с чисто семейными ценностями герой утверждает и профессионально-общественные:

безусловную обязанность честного делового поведения («Честный ты купец али нечестный?..»), твердого слова. Будучи «старым русским семьянином», Русаков тем не менее весьма иронически относится к «славянофильским» фразам старающегося его умаслить дворянского жениха Вихорева, пытающегося тоже выступить своеобразным идеологом. Не преуспев с помощью славянофильских фраз, Вихорев с такой же легкостью переходит к «западническим» обвинениям Русакова в косности и упрямстве. Но и то и другое для Вихорева, конечно, не более чем словесные маски. И все же ирония Островского распространяется не только на Вихорева, но и на обе теории. Тут сказалось неизменное у Островского недоверие к идеологическому фразерству.

Характеристика Русакова меняет и его традиционные фабульные функции: быть препятствием на пути соединения влюбленных. «Мне не надо ни знатного, ни богатого, а чтобы был добрый человек да любил Дунюшку», — говорит он. Его несогласие на брак любимой дочери с ее избранником продиктовано не корыстью, не заблуждением и не простым упрямством. Он не хочет отдать Дуню за Вихорева, так как понимает его корыстолюбие и бесчестность. Помехи,

которые он создает (отказ убежавшей дочери в приданом), приводят к разоблачению фальшивого влюбленного, прогоняющего бесприданницу к отцу. Купеческий «благородный отец», Русаков оказывается не только «идеологом», утверждающим патриархальные нравственные ценности своими речами и поведением, но и деятельным двигателем интриги, приводящим к счастливому финалу комедии. Мир Островского человечен и добр, и все участники разыгравшейся в пьесе драмы в критической ситуации проявляют лучшие стороны своей натуры: Русаков сдерживает свой гнев и принимает мудрое решение, Дуня, убедившаяся в низости своего избранника, останавливается на краю гибели и возвращается к отцу, а Ваня Бородкин переступает через предрассудки своей среды и, движимый добротой и верной любовью, готов взять героиню в жены.

Вскоре появилась комедия «Бедность не порок» (1853), имевшая колоссальный театральный успех, и «народная драма» «Не так живи, как хочется» (1854), составившие так называемый москвитянинский цикл, наиболее полно отразивший идеалы молодой редакции. Исследуя в москвитянинский период архаические формы быта и семейных отношений купечества, Ост-

ровский создает художественную утопию, мир, где, опираясь на народные (крестьянские в своих истоках) представления о нравственности, оказывается возможным преодолеть рознь и ожесточенный индивидуализм, все более распространяющийся в современном обществе, вернуть утраченное, разрушенное историей единение людей. Но изменение всей атмосферы русской жизни в преддверии отмены крепостного права приводит Островского к пониманию утопичности и несбыточности этого идеала.

Высшим художественным достижением Островского в предреформенные годы стала пьеса «Гроза» (1859), в которой он открыл народный героический характер.

В пространной и неторопливой экспозиции драматург создает художественный образ Калинова, вымышленного глухого волжского городка, где на фоне великолепных волжских пейзажей течет скудная, замкнутая, какая-то отъединенная и от современного мира, и от исторического прошлого жизнь. Мотив совершенной замкнутости калиновского мира нарастает в пьесе по мере развития действия. Жители не видят нового и знать не знают других земель и стран. О прошлом они тоже сохранили смутные, утратившие смысл

представления (разговор о Литве, которая «с неба упала»). Новости из большого мира приносит странница Феклуша, и калиновцы с одинаковым доверием слушают и о странах, где люди «с песьими головами», и о железной дороге, где для скорости «огненного змия стали запрягать», и о времени, которое «в умаление стало приходить». И все действующие лица вращаются в кругу понятий и представлений этого калиновского мира, даже Кулигин, механик-самоучка, одержимый старинными техническими идеями (солнечные часы, громоотвод и даже средневековая идея перпетуум-мобиле — главная мечта его жизни), любитель старинного слога, цитирующий стихи Ломоносова и воспринимаемый согражданами как своего рода безобидный юродивый. Не составляет исключения и Борис, воспитанием и обликом резко отличающийся от других, но уже взятый в плен Калиновом, попавший в некую совершенно иррациональную зависимость от своего дядюшки Дикого. Все персонажи, начиная от Дикого и кончая странницей Феклушей, — яркие и живые характеры, но композиционно в центр пьесы выдвинуты две героини, представляющие собой два полюса калиновского мира, — Катерина и Кабаниха. Их контрастное

сопоставление в системе персонажей имеет определяющее значение для понимания смысла пьесы. Сходство их как в принадлежности к миру патриархальных представлений и ценностей, так и в силе характеров. Обе они максималистки, не способные пойти на компромисс. Религиозность обеих имеет одну сходную черту: обе не помнят о милосердии и прощении. Однако этим сходство исчерпывается, создавая почву для сравнения и подчеркивая антагонизм героинь. Катерина представляет поэзию, одухотворенность, порыв, мечтательность, дух патриархального уклада в его идеальном значении. Кабаниха вся прикована к земле, к земным делам и интересам, она блюститель порядка и формы, отстаивает уклад во всех его мелочных проявлениях, требуя неукоснительного исполнения обряда и чина, нимало не заботится о внутренней сути человеческих отношений. У Кабанихи нет никаких сомнений в моральной правоте иерархических отношений патриархального быта, но и уверенности в их нерушимости тоже нет. Напротив, она чувствует себя чуть ли не последней опорой правильного миропорядка, и ожидание, что с ее смертью наступит хаос, придает трагизм ее фигуре.

Для общей концепции пьесы очень важно, что

Катерина появилась не откуда-то из просторов другой жизни, другого исторического времени (ведь патриархальный Калинов и современная ему Москва, где кипит суета, о которой рассказывает Феклуша, — это разное историческое время), а родилась и сформировалась в таких же калиновских условиях. Островский подробно показывает это в экспозиции, когда Катерина рассказывает Варваре о своей жизни до замужества. Главный мотив этого рассказа — все пронизывающая любовь к «воле», которая, однако, не вступала в противоречие с веками слагавшимся укладом замкнутой жизни. А потому и нет здесь насилия, принуждения. Идиллическая гармония патриархальной семейной жизни — это некий идеал, утверждаемый кодексом патриархальной морали. Но Катерина живет в эпоху, когда исчез сам дух этой морали — гармония между отдельным человеком и нравственными представлениями среды. И вот Островский показывает, как в душе такой вполне «калиновской» по воспитанию и нравственным представлениям женщины рождается новое отношение к миру, новое чувство, еще неясное самой героине: «…Что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то!» Это смутное чувство, которое Катерина, конечно, не может

объяснить рационалистически, — просыпающееся чувство личности. В душе героини оно, естественно, в соответствии со всем жизненным опытом купеческой жены, приобретает форму индивидуальной, личной любви. Свою любовь Катерина воспринимает как страшный, несмываемый грех, потому что любовь к чужому человеку для нее, замужней женщины, есть нарушение нравственного долга, а моральные заповеди патриархального мира полны для Катерины первозданного смысла.

Уже осознав свою любовь к Борису, она изо всех сил стремится ей противостоять, но не находит в этой борьбе опоры: вокруг нее уже все рушится, и все, на что она пытается опереться, оказывается пустой оболочкой, лишенной подлинного нравственного содержания. Для Катерины же форма и ритуал сам по себе не имеют значения — ей важна человеческая суть отношений. «Гроза», таким образом, не «трагедия любви», а скорее «трагедия совести». Сознание греха не оставляет Катерину и в минуты счастья и с огромной силой овладевает ею, когда счастье кончилось. Катерина кается всенародно без надежды на прощение. Гибель Катерины поэтому предрешена и неотвратима, как бы ни повели себя люди, от которых зависит

ее жизнь. Катерина — жертва не кого-либо из окружающих (что бы ни думали по этому поводу герои пьесы), а хода жизни. Мир патриархальных отношений умирает, и душа этого мира уходит из жизни в муках и страданиях.

Помимо точной социально-исторической характерности, «Гроза» обладает и явно выраженным лирическим началом и мощной символикой. И то и другое в первую очередь связано с образом Катерины. Ее судьбу и речи Островский последовательно соотносит с фабулой и поэтикой лирических песен о женской доле. В этой традиции выдержан рассказ Катерины о жизни в девичестве, монолог перед последним свиданием с Борисом. Автор поэтизирует образ героини, используя для этого даже такое нетрадиционное для драматургии средство, как пейзаж. В словах Катерины, обращенных к Варваре, появляется мотив птицы и полета («Отчего люди не летают?.. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела»), в финале мотив полета трагически преображается в падение с волжской кручи. А спасает Катерину от жизни в неволе Волга, символизирующая даль и волю.

Под пером Островского задуманная социально-

бытовая драма из жизни купеческого сословия переросла в трагедию. Через любовно-бытовую коллизию был показан эпохальный перелом, происходящий в простонародном сознании. Просыпающееся чувство личности и новое отношение к миру, основанное на свободном волеизъявлении, оказались в непримиримом противоречии не только с реальным, житейски достоверным состоянием современного Островскому патриархального уклада, но и с идеальным представлением о нравственности, присущим высокой героине.

Лиризм «Грозы», столь специфичный по форме (А. Григорьев тонко заметил о нем: «…как будто не поэт, а целый народ создавал тут…»), возник на почве близости мира героя и автора.

Надежды на преодоление социальной розни, разгула индивидуалистических страстей и устремлений, культурного разрыва образованных классов и народа на почве воскрешения идеальной народной нравственности, которые Островский и его друзья питали в 1850-е гг., не выдержали испытания реальностью. Прощанием с ними и была «Гроза». Оно только и могло совершиться в трагедии, поскольку утопия эта не была заблуждением частной мысли, а отразила состо-

яние народного сознания на переломе истории.

В пореформенной России рушится замкнутость сословных и культурно-бытовых групп общества. Европеизированный уклад жизни, бывший ранее привилегией дворянства, постепенно становится нормой. Социальная пестрота характеризует и картину жизни, создаваемую Островским в пореформенный период.

У раннего Островского нет характерного для большинства русских классиков героя-интеллигента, дворянского «лишнего человека», а когда в конце 1860-х гг. он к нему обращается, это оказывается совсем особый герой — герой сатирической комедии. «На всякого мудреца довольно простоты» (1868) — начало своеобразного антидворянского цикла. Хотя социальный критицизм почти никогда не чужд Островскому, собственно сатирических комедий у него немного, и все они рисуют дворянский быт («Бешеные деньги» — 1870, «Лес» — 1871, «Волки и овцы» — 1875). Здесь в сферу сатирического изображения вовлечены не отдельные персонажи и сюжетные линии, но вся представленная жизнь, не столько личности, сколько уклад в целом, ход вещей. Пьесы совершенно не связаны сюжетно, но в целом они дают широкое полотно жизни

пореформенного дворянства. По принципам поэтики эти комедии существенно отличаются от главного жанра дореформенного творчества — созданного Островским типа народной комедии. Они остросовременны по материалу и полны злободневных намеков, в них сложная, богато разработанная фабула, часто основанная на авантюрных моментах, их отличает смелое обращение к условности, художественная гиперболизация, в отдельные «ударные» моменты действия — отказ от бытового психологического правдоподобия, использование традиционных приемов театральной техники (амплуа, использование элементов водевильного комизма).

Первая пьеса из сатирического цикла «На всякого мудреца довольно простоты» рисует реакцию на реформу московского дворянства. Комедия построена как портретная галерея характерных типов московского общества, по которой зрителя «проводит» Глумов, молодой человек, решивший делать карьеру. Он — единственный активный герой комедии — создает и ведет интригу с целью добиться жизненного успеха традиционно дворянскими способами: получить выгодное место через влиятельных людей и жениться на богатой невесте.

Герой размышляющий, оценивающий общественное и социальное бытие своих современников, ищущий свое место в жизни и остро чувствующий свое превосходство над массой собратьев по классу — образ, богато разработанный русской литературой. Здесь Глумову предшествует вся галерея «лишних людей». Но если эволюция «лишнего человека» накануне реформ привела к созданию Обломова, героя, полностью выключенного из социальной практики своего круга, то путь Глумова иной — это путь предательства собственного интеллекта, путь нравственного раздвоения, ведущего к разъедающему цинизму и аморальности. Перед нами как будто бы законченный подлец, а вместе с тем его ум, безусловное интеллектуальное превосходство над остальными — притом не вызывающими симпатий — персонажами иной раз словно заставляют радоваться его успеху. Это объясняется тем, что, во-первых, мы не раз именно благодаря игре Глумова, спектаклю, который он талантливо разыгрывает перед каждым из «нужных» людей, смеемся над изображенными в пьесе типами. И во-вторых, мы чувствуем, что перед нами развертывается драматическая история нравственного падения незаурядной личности.

Конфликт героя со средой сведен к минимуму, зато вся человеческая одаренность Глумова состоит в непримиримом противоречии с его жаждой преуспеяния в обществе пошлых и заурядных людей, претендующих на значительность. Однако история Глумова не есть история искушения и падения честного человека (совсем иное дело, чем Жадов в «Доходном месте», с которым Глумова иногда неправомерно сравнивают). Здесь нет и следа душевной борьбы, угрызений совести, герой прямо говорит о себе матери: «Я умен, зол и завистлив». Разыгрывая спектакль перед каждым из людей, с помощью которых он надеется преуспеть, Глумов пишет злой дневник, где дает эпиграмматические характеристики своих благодетелей. Помимо фабульной роли (благодаря дневнику, попавшему в чужие руки, срывается интрига Глумова), дневник демонстрирует несоответствие образа действия героя, его жизненной практики и природных возможностей, дневник есть как бы реализация метафоры «спрятать ум в карман». Ум Глумова проявляется лишь в том, что он понимает: для успеха в этом обществе ум не нужен. «Им надо льстить грубо, беспардонно. Вот и весь секрет успеха», — говорит он. Поведение и речь Глумова связаны с различными

литературными образцами. Но эта условность, «литературность» речей персонажа имеет реалистическую фабульную мотивировку, ведь Глумов играет для каждого из своих партнеров по сцене, он импровизирует в духе того, чего от него ожидают. При этом Островский рассчитывает на литературный и театральный опыт зрителей: в отличие от партнеров Глумова они-то должны понимать, что все глумовские речи — «цитаты». Разоблачение Глумова в финале — наиболее смелый ход в пьесе: герой произносит пылкий обличительный монолог, который обиженные им в дневнике люди терпеливо выслушивают и даже дают понять, что со временем Глумов будет прощен.

Пьеса Островского была написана, что называется, на злобу дня, отразившаяся в ней реакция на реформу была в буквальном смысле документально достоверна. Но удивительным образом она на протяжении последующих ста тридцати лет снова оказывалась остро злободневной.

Благодаря глубине проникновения в национальный характер и силе реалистического обобщения Островский создал как бы галерею «вечных типов» общественного поведения русского человека в эпохи реформ. Отставной

генерал Крутицкий, взявшийся за перо, чтобы влиять на умы, и с помощью Глумова создающий «Трактат о вреде реформ вообще» и «Трактат об улучшении нравственности в молодом поколении». Благодушный глуповатый Мамаев, занимающий, как и в прежние времена, какую-то почетную, но не требующую труда и ответственности должность, глубоко страдающий от того, что реформа лишила веса и значения его мнения по разным вопросам, которые в крепостные времена он мог часами излагать зависимым людям. Городулин, преуспевающий молодой чиновник «нового времени», для которого либеральные идеи лишь некое «условие службы» и гораздо важнее ловкое красноречие, необходимое на разных многочисленных публичных мероприятиях («Нам идеи что! Кто ж их не имеет, таких идей! Слова, фразы очень хороши!» — восхищается он пародийной либеральной риторикой Глумова). Все эти герои оказались современны не только 60-м гг. XIX в.

Другим жанром — наряду с сатирической комедией, — наиболее соответствующим новой пореформенной реальности, стала в творчестве Островского драма, которая в его театре постепенно вызревала в недрах комедии. Становление

драмы было связано с поисками героя, который был бы способен вступить в драматическую борьбу и при этом вызвать сочувствие зрителя, имея достойную цель. В пореформенной действительности Островский, однако, не видел героя, отвечавшего этим требованиям. Все герои в драмах Островского либо черствые преуспевающие дельцы, либо пошлые, циничные прожигатели жизни, либо прекраснодушные идеалисты, бессилие которых перед лицом «делового человека» предопределено. Именно поэтому они не могли стать центром драматического действия. Таким центром становится женщина. Своеобразие построения драмы Островского по этой причине состоит в том, что «центр» пьесы и персонаж (или персонажи, активно ведущие действие) не совпадают. По самому своему положению в обществе современница Островского оказывается объектом драматической борьбы, которая закипает вокруг нее. Ее же роль — проявлять характеры остальных участников действия, а через них — лицо времени. Интерес переносится с перипетий фабулы (нередко достаточно сложных) на переживание происходящих событий, поскольку именно сфера чувства, а не действия доступна героине, вызывающей участие зрителя.

А такая художественная задача требует именно психологической драмы.

Лучшей психологической драмой Островского по праву считается «Бесприданница» (1878). В ней тема психологического исследования — обман и самообман. Здесь уже нет абсолютного противостояния героини и среды: борьба совершается в душе самой Ларисы, это борьба между стихийным стремлением к чистоте, артистизмом и поэтичностью ее натуры, с одной стороны, и представлениями о жизни ее среды, во власти которых почти до конца пути находится и сама героиня, — с другой. В центре пьесы натура противоречивая, естественно поэтому, что именно жанр психологической драмы в наибольшей мере соответствовал реализации авторского замысла.

Через всю драму проходит мотив торговли, которым определяются, в сущности, все отношения персонажей друг с другом и с Ларисой. Первое явление, открывающее действие, в диалогах слуги и буфетчика очерчивает картину жизни вымышленного волжского города Бряхимова «по старине», с пирогами и чаепитиями «до тоски», но ведется эта беседа в ожидании «чистой публики», которая живет в Бряхимове уже совсем

иначе. Именно к этой «чистой публике» принадлежат Кнуров, Вожеватов и Паратов — основные участники развертывающегося в пьесе торга за Ларису. В первом же действии охарактеризованы и возможности героев: самый богатый из них — Кнуров, у него миллионы; Вожеватов несколько менее богат, зато он молод, да к тому же с детских лет приятель Ларисы; у Паратова нет умения наживать деньги, зато он мастер «красиво» проживать их, он — блестящий барин. Кнуров и Вожеватов наживают и покупают, они главные покупатели в пьесе. Паратов проживает и продает.

О первой торговой сделке мы узнаём уже во втором явлении: Вожеватов рассказывает Кнурову, что покупает у Паратова его любимый пароход «Ласточку». Затем разговор переходит на Ларису, мы узнаем о предстоящей вскоре ее свадьбе с бедным чиновником Карандышевым. И вслед за этим известием идет рассказ о доме Огудаловых, о том, как мать Ларисы торгует красотой своей дочери, привлекая в дом возможных женихов и заставляя их оплачивать удовольствие бывать в ее доме, где «на базар похоже». Однако, оговаривается Вожеватов, Огудаловы «не таких правил люди: мало ли случаев-то было,

да вот не польстились; хоть за Карандышева, да замуж». Вожеватов объясняет и причину этой странной помолвки блестящей бесприданницы с бедным и несветским чиновником. Этому предшествовала история страстного увлечения Ларисы Паратовым, который, поездив месяца два и «отбив всех женихов», исчезает из города. Неудачные попытки Огудаловой продать Ларису в жены трем богатым претендентам на ее руку, заканчивавшиеся скандалами, заставили Ларису взбунтоваться против планов матери и объявить: «„Довольно… с нас сраму-то: за первого пойду, кто посватается, богат ли, беден ли — разбирать не буду“. А Карандышев и тут как тут с предложением».

В сущности, Лариса тоже вступает в торговую сделку: за свою красоту и светскость хочет получить преданную любовь, положение замужней женщины и жизнь в сельском уединении, которую она представляет себе совсем в духе сентиментальных романов. Но все это она делает в полной уверенности, что поступает хорошо и вполне честно по отношению к жениху. Но Лариса ошиблась в своем выборе: Карандышев хоть и любит ее, но и он ее «покупает». А что за радость от такой покупки, если ею не похвастаться! И вот

Ларисе приходится пройти через цепь унижений, когда ее бедный жених стремится похвастаться ею и занять в обществе более высокое место, чем то, на которое он может претендовать и по своему происхождению, и, главное, по весьма скромному достатку.

Ларисе кажется, что, решившись на брак с Карандышевым, она вырвалась из сферы кипящих вокруг нее торговых сделок, но она жестоко ошиблась. Ей суждено неизменно вызывать именно торговый ажиотаж, она не может найти бескорыстной и честной любви. Она разочарована в надежде на тихую семейную жизнь, разочарована в Карандышеве и потому без всяких угрызений совести бежит из дома жениха, бежит с его богатыми гостями — и главное, с Паратовым — за Волгу, на ночной мужской пикник. Лариса делает последнюю отчаянную попытку вернуть любовь Паратова и стать его женой. А Паратов этой веселой прогулкой просто «прощается с волюшкой», продаваясь за пятьсот тысяч богатой невесте.

До самых последних сцен Лариса не понимает, что за человек Паратов, не понимает, что и он участвует в торге; только если Кнуров и Вожеватов собираются дать ей богатство, которое заставит замолчать злые языки, если Каранды-

шев платит своим именем и честью, то Паратов просто покупает ее, как цыганку, на прощальный кутеж. И только в последних сценах Лариса осознает истинный смысл своего положения. В разговоре с Карандышевым, подхватывая сказанное им в запальчивости слово, она произносит свою знаменитую, короткую, но весомую, как пространнейший монолог, реплику: «Вещь… да, вещь! Они правы, я вещь, а не человек. Я сейчас убедилась в том, я испытала себя… я вещь!»

Разочарование в Паратове было для нее крушением всех ее жизненных представлений, ведь она не просто полюбила его, как, например, Катерина Бориса, а полюбила в нем свой идеал человека («Сергей Сергеич… это идеал мужчины»). И, назвав себя вещью, она поняла, что сама возможность посчитать Паратова идеалом была выражением ее глубокой внутренней связи с миром торговли, миром, где все репутации создаются деньгами. В сущности, Карандышев с его жалким обедом, жалким ковром на стене и дешевым оружием — карикатура на Паратова, такой же Паратов, только грошовый, дешевенький. Тогда Лариса и решает: «Уж если быть вещью, так одно утешение — быть дорогой, очень дорогой!» В смерти она увидела выход для себя, а в

выстреле Карандышева — вспышку человеческого чувства, наконец-то вызванного ею. И отсюда ее просветление в последние минуты жизни, она всех прощает, и главное — своего убийцу, спасшего ее от участи «очень дорогой вещи».

Паратов — один из самых удачных портретов в галерее образов «красавцев мужчин», созданных Островским. Как и Лариса, он человек-товар, но нисколько не страдает от этого. Кнуров и Вожеватов — вариации типа «делового человека» новой формации, внешне весьма непохожие на замоскворецких купцов, которые выступают как хозяева жизни в ранних пьесах драматурга. Все эти персонажи раскрываются преимущественно в действии, в сюжете. Их внутренний мир не становится предметом исследования. Наиболее психологически разработаны характеры Карандышева и Ларисы.

Карандышев охарактеризован рассказами других действующих лиц (преимущественно Вожеватова), своим непосредственным участием в действии и диалогами с Ларисой. Этот герой — развитие типа «маленького человека». Но он не только маленький человек, забитый и обиженный богатыми, он также «мелкий человек», болезненно амбициозный и стремящийся утвер-

диться именно в том мире, который делает его жалким.

Характер героини разработан Островским с наибольшей разносторонностью и психологической глубиной. Анализируя сюжет пьесы, полностью исчерпывающийся торговой борьбой за Ларису, мы видели, как глубоко проник в ее душу мир, в котором она родилась и живет, как он сформировал ее представления о людях и о жизни в целом. Но характер Ларисы не исчерпывается тем, во что превратили его социальная среда и обстоятельства. Островского занимает как раз борьба чистой, поэтической, правдивой натуры с растлевающим влиянием среды. Поэтому столь важно в Ларисе светлое начало: ее артистизм, отвращение ко лжи, мечта о чистой жизни. Все эти свойства героини раскрываются не только в действии, в разговорах о героине и в ее собственных репликах, но и другими средствами. С Ларисой связан прекрасный волжский пейзаж, описание которого (в ремарке) предваряет появление ее на сцене; затем героиня восхищается его красотой; за Волгу она бежит с унизительного обеда; наконец, она заглядывает в обрыв перед смертью, пытаясь найти спасение от грязи предстоящей ей жизни. Образ Ларисы сопровождает в пьесе

музыкальная тема — стихия цыганского пения. Цыганщина — мотив очень значительный и емкий. «Цыганский табор», — брезгливо говорит Лариса о своем родном доме. Паратов идет кутить с цыганами и берет с собой Ларису. Таким образом, цыганщина — это атмосфера несколько разнузданного веселья, окружающая Ларису, цыган нанимают, они — непременный антураж барской жизни на широкую ногу. Но цыганщина — это и безоглядная страсть без будущего, надрывный лиризм цыганского романса, который так любил сам Островский за его своеобразную поэтичность. Цыганская тема в пьесе — очень важное средство в раскрытии духовного мира героини.

Фильм, поставленный на сюжет «Бесприданницы» в 1984 г., режиссер Э. Рязанов назвал «Жестокий романс». Собственно, сопоставление «Бесприданницы» с жестоким романсом сделано еще Я. Протазановым в классической экранизации 1937 г., поскольку и там Лариса поет не романс «Разуверение» на стихи Е. Баратынского, как у автора, а именно жестокий романс «Нет, не любил он…». Совершенно не касаясь вопроса о качестве этих вполне самостоятельных по отношению к Островскому произведений

другого искусства, отметим только, что само сопоставление с жестоким романсом интересное и глубокое.

Жестокий романс в эпоху Островского — это совсем не то что фольклор, к которому Островский в целом постоянно тяготеет, а отсутствие этого тяготения в «Бесприданнице» очевидно. Жестокий романс выглядит словно бы художественно неустоявшимся и очень зависит от контекста и исполнения, которые все решают. Доверие к слову, вообще говоря, непременный мотив Островского, но здесь на нем буквально держится весь сюжет пьесы. Карандышев всячески пытается попасть в некий образ героя-резонера, даже героя-идеолога, и эти непрерывные мучительные попытки, собственно, и составляют линию его поведения. И пожалуй, раз только и дается Карандышеву слово, только раз он обнаруживает человеческую состоятельность — когда он, в отчаянии после бегства Ларисы, произносит знаменитые слова о смешном человеке. Но «смешной человек» — это, конечно, прямой антипод того образа, который он безуспешно пытался присвоить.

Сложность образа главной героини состоит, в частности, и в том, что при неоднозначном отношении она должна вызывать самое активное

сочувствие. Стилевая природа жестокого романса капризна, одно и то же слово может звучать и пошло, и пронзительно подлинно. Ведь какое-нибудь альбомно-обветшалое и заигранное до явной пошлости выражение «Сергей Сергеевич — это идеал мужчины» для Ларисы звучит во всей первозданности, какой само-то выражение никогда не имело. Патетика здесь не поддержана авторитетом фольклорной, песенной традиции, как в «Грозе», но нет здесь и доскональнейшего анализа с точки зрения жизнеподобности произнесения, как у Чехова.

Сложно построен и монолог умирающей Ларисы. Здесь есть несомненная доля условности, но за счет этой условности, поступившись буквальным правдоподобием, Островский достигает редкого правдоподобия чувств и всего образа в завершающий момент.

Лариса, почти спровоцировавшая Карандышева себя убить, обнаруживает глубокое и подлинное, уже «посмертное», а не предсмертное желание уйти из жизни, доходящее до благодарности убийце. Она прощает Карандышева и появляющихся на сцене Паратова, Вожеватова и Кнурова. Это они вели за нее торг и борьбу, и это их она хочет утешить, простить и, мало того, всех

примирить между собой под цыганское пение.

Мощный финал драмы — смерть героини среди праздничного шума, под цыганское пение — поражает своей художественной дерзостью. Душевное состояние Ларисы показано Островским в характерном для его театра стиле «сильного драматизма» и при этом — с безупречной психологической точностью. И чем резче, сильней разойдется это движение души героини с нашим зрительским возмущением «хорошими людьми», тем сильнее действие финала. Редкий художественный эффект этой сцены Островский строит на остром столкновении разнонаправленных эмоций: чем больше мягкости и всепрощения у героини, тем острее суд зрителя.

За сорок лет труда в русской культуре Островскому удалось создать свой театр как целостный художественный организм, воплотивший модель национального мира. Он исполнил в русской литературе ту же роль, какую в других европейских странах сыграли великие реформаторы драмы, такие, как Шекспир, Мольер, Гольдони, соединившие высокую литературу и демократические театральные традиции.

Однако театр Островского строился в эпоху торжества романного реализма, который, несомнен-

но, повлиял на писателя и придал оригинальные черты этому последнему по времени великому явлению европейской драмы классической формы. Сквозь привычный для нового времени театр действия, подобного романному, в пьесах Островского явственно проступают черты театра древнего — театра показа, зрелища, обрядового действа. Его драматургия тяготеет к каноничности, к устойчивым формам и жанрам, к амплуа, к типажности и неразрывно связана с фольклором: не только со старинным народным театром, но и с песней, сказкой, пословицей. Говоря шире — с устойчивыми формами национального уклада, прежде всего речевого, с эпическим началом фольклора, со всеми пластами долитературной русской культуры и сознания. Полностью это относится к народным комедиям, драме «Гроза» и сказке «Снегурочка», но в той или иной степени все созданное Островским вписывается в эту органичную и целостную художественную систему, представляющую национальный мир как движущийся, меняющийся живой организм.

А. Журавлева

Свои люди – сочтемся!
Комедия в четырех действиях

ЛИЦА

САМСОН СИЛЫЧ БОЛЬШОВ,
купец.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА,
его жена.

ОЛИМПИАДА САМСОНОВНА (ЛИПОЧКА),
их дочь.

ЛАЗАРЬ ЕЛИЗАРЫЧ ПОДХАЛЮЗИН,
приказчик.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА,
сваха.

СЫСОЙ ПСОИЧ РИСПОЛОЖЕНСКИЙ,
стряпчий.

ФОМИНИШНА,
ключница

ТИШКА,
мальчик

} в доме Большова.

Действие первое

Гостиная в доме Большова.

Явление первое

Липочка *(сидит у окна с книгой).* Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Приедешь в Собранье али к кому на свадьбу, сидишь, натурально, — вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная, — вдруг подлетает кавалер: «Удостойте счастия, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейской какой — возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! *(с жаром)* оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! *(Вздыхает.)* Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаро-

вательнее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо, если улан али полковник какой разрисовывает — чудо! Любоваться — мило-дорого! Ну, а прицепи-ко он еще саблю: просто ничего не увидишь любопытнее, одного грома лучше музыки наслушаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный — уж это сейчас видно: и ловкость, и все, а штатский что? Так, какой-то неодушевленный! *(Молчание.)* Удивляюсь, отчего это многие дамы, поджавши ножки, сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот уж я на что совестилась учителя, а в двадцать уроков все решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно только суеверие! Вот маменька, бывало, сердится, что учитель все за коленки хватает. Все это от необразования! Что за важность! Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. *(Задумывается.)* Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор: горят везде свечки, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну как я перед ним оконфужусь! Ах, страм какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уже полтора года не

танцевала! Попробую-ко теперь на досуге.

(Дурно вальсируя.) Раз… два… три… раз… два… три…

Явление второе

Липочка и **Аграфена Кондратьевна**.

Аграфена Кондратьевна *(входя).* Так-так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет ни заря, не поемши хлеба Божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька, я и чай пила, и ватрушку скушала. Посмотрите-ко, хорошо? Раз, два, три… раз… два…

Аграфена Кондратьевна *(преследуя ее).* Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!..

Липочка. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются. Раз… два…

Аграфена Кондратьевна. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! *(Бегает за ней.)* Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

Липочка. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить, как надобно! Раз… два… три…

Аграфена Кондратьевна. Долго ль же мне бегать-то за тобой на старости лет! Ух, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и Бог создал, чтоб жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Раз, два…

Аграфена Кондратьевна. Как! ты еще пляшешь да еще ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку — весь хвост оторву.

Липочка. Ну, да рвите на здоровье! Вам же зашивать придется! Вот и будет! *(Садится.)* Фу… фу… как упаточилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

Аграфена Кондратьевна. Постой, уж я сама оботру! Ишь, уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили. Коли уж матери не почитаешь, так стен-то бы посовестилась! Отец, голубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Липочка. Подите вы с своими советами! Что ж мне делать, по-вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша! Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах! какие вы, маменька, ей-богу! Пра-

во, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

Аграфена Кондратьевна. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Липочка. Не вы учили — посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что ж? Родили вы — я была тогда что? Ребенок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что ж мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия.

Аграфена Кондратьевна. Уймись, эй, уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнусь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко!

Липочка. Да, вам житья нет! Воображаю. А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нем легковерного?

Аграфена Кондратьевна. А то и легковерного, что зубоскал! Приехал, ломался-ломался, вертел-

ся-вертелся. Эка невидаль!

Липочка. Да, много вы знаете! Известно, он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают. Да как еще вы смеете порочить таких людей, которых вы и понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. *(Шепчет в сторону.)* Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна. Да, хорош душка! Скажите, пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за горохового. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то шепчешь.

Липочка. Видимый резон, что не хотите моего счастия. Вам с тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

Аграфена Кондратьевна. Ну, как ты хочешь, там думай. Господь тебе судья! А никто так не заботится о своем детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то денно и нощно заботимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя поскорее.

Липочка. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

Аграфена Кондратьевна. Разве мне тебя не жаль, ты думаешь? Да что делать-то! Потерпи

малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловят.

Липочка. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми, в целой Москве не могли выбрать жениха — всё другим да другим. Кого не заденет за живое: все подруги с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, беспременно найдите!.. Вперед вам говорю, беспременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

Аграфена Кондратьевна. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности? Владыко милосердный, не могу с духом собраться… Ах ты, собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придется отца позвать.

Липочка. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нем разговаривать-то, а попробуйте-ко сами!

Аграфена Кондратьевна. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос! Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над

тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть! У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю! Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах матушки вы мои! Посконный сарафан сошью да вот на голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!

Липочка. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!

Аграфена Кондратьевна. Молчи, молчи, таранта Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал Господь утешение! Девчонка хабальная! Мальчишка ты, шельмец, и на уме-то у тебя все не женское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка. Вы, я воображаю, приплетете скоро всех буточников. Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Всё я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? *(Плачет.)* Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна *(стоит и смотрит на нее).* Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает.

Ну, полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата.

Липочка плачет.

Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань! *(Сквозь слезы.)* Ну, не сердись ты на меня *(плачет)*… бабу глупую… неученую… *(Плачут обе вместе.)* Ну, прости ты меня… сережки куплю.

Липочка *(плача)*. На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

Аграфена Кондратьевна. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка *(сквозь слезы)*. Тогда и перестану, как замуж выду. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна. Выйдешь, выйдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня!

Целуются.

Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слезки оботру. *(Обтирает.)* Вот нынче хотела Устинья Наумовна прийти, мы и потолкуем.

Липочка *(голосом, еще не успокоившимся).* Ах! кабы она поскорей пришла!

Явление третье

Те же и Фоминишна.

Фоминишна. Угадайте-ко, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит жаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь, что я, глупее, что ли, вас с маменькой?

Фоминишна. Уж не знаю, как сказать; на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токмо чтобы что такое, подари хоть платок, валяются у тебя вороха два без призрения, так всё нет, всё чужим да чужим.

Аграфена Кондратьевна. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Липочка. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Фоминишна. Вестимо, так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

Аграфена Кондратьевна. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнешь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там при-

шел-то?

Липочка. Мужчина али женщина?

Фоминишна. У тебя всё мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это-таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдовье дело — как следует назвать?

Липочка. Натурально, незамужняя, вдова.

Фоминишна. Стало быть, моя правда? И выходит, что женщина!

Липочка. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Фоминишна. То-то вот, умна, да не догадлива: некому другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Липочка. Ах, маменька, как это кстати!

Аграфена Кондратьевна. Где же она до сих пор? Веди ее скорее, Фоминишна!

Фоминишна. Сама в секунту явится: остановилась на дворе, с дворником бранится: не скоро калитку отпер.

Явление четвертое

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна *(входя)*. Уф-фа-фа! Что это у вас, серебряные, лестница-то какая крутая:

лезешь, лезешь, насилу вползешь.

Липочка. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

Устинья Наумовна. Не больно спеши! Есть и постарше тебя. Вот с маменькой-то покалякаем прежде. *(Целуясь.)* Здравствуй, Аграфена Кондратьевна, как встала-ночевала, все ли жива, бралиянтовая?

Аграфена Кондратьевна. Слава Создателю! Живу — хлеб жую; целое утро вот с дочкой балясничала.

Устинья Наумовна. Чай, об нарядах все. (*Целуясь с Липочкой.)* Вот и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстела, изумрудная? Пошли, Творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Фоминишна. Тьфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Липочка. Ах, какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьется, как маятник; все как словно тебя подмывает али плывешь по морю, так вот и рябит меланхолия в глазах.

Устинья Наумовна *(Фоминишне)*. Ну, и с тобой, Божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало быть и губы трепать нечего.

Фоминишна. Как знаешь. Известно, мы не хозяева, лыком шитая мелкота; а и в нас тоже душа, а не пар!

Аграфена Кондратьевна *(садясь).* Садись, садись, Устинья Наумовна, что как пушка на колесах стоишь! Поди-ко вели нам, Фоминишна, самоварчик согреть.

Устинья Наумовна. Пила, пила, жемчужная, провалиться на месте, пила и забежала-то так, на минуточку.

Аграфена Кондратьевна. Что ж ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Липочка. Позвольте, маменька, я поскорей сбегаю; видите, какая она неповоротливая.

Фоминишна. Уж не финти, где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю: не пригожее ли будет подать бальсанцу с селедочкой.

Аграфена Кондратьевна. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да как поспеет, вели сюда принести.

Фоминишна. Как же уж! Слушаю! *(Уходит.)*

Явление пятое

Те же без Фоминишны.

Аграфена Кондратьевна. Ну что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь, у меня девка-то стосковалась совсем.

Липочка. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

Устинья Наумовна. Да ишь ты, с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хоть Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились да приданого поменьше ломил. Маменька-то вот, Аграфена Кондратьевна, тоже норовит в свое удовольствие: подавай ты ей беспременно купца, да чтобы был жалованный, да лошадей бы хороших держал, да и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже свое на уме. Как на вас угодишь?

Явление шестое

Те же и **Фоминишна**, входит, ставит на стол водку с закуской.

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не

пойду. Затем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет-нет! Где хочешь возьми, а достань благородного.

Аграфена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет; а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Липочка. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоем купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?

Фоминишна. Не мочалка, а Божий волос, сударыня, так-то-сь!

Аграфена Кондратьевна. Ведь и тятенька твой не оболваненный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Липочка. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слез

недостанет — перцу наемся.

Фоминишна. Никак ты плакать сбираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

Аграфена Кондратьевна. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

Устинья Наумовна. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристей?

Липочка. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтобы не курносого, беспременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был пожурнальному. *(Смотрит в зеркало.)* Ах, Господи! а сама-то я нынче вся, как веник, растрепана.

Устинья Наумовна. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Липочка. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

Устинья Наумовна. Да, очень мне нужно, на старости лет, язык-то ломать по-твоему: как сказалось, так и живет. И крестьяне есть, и орген на шее; ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Липочка. Ах, голубушка, Устинья Наумовна, зайди ужо ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоминишна.

Фоминишна. Ох, уж ты мне, егоза!

Уходят.

Явление седьмое

Аграфена Кондратьевна и Устинья Наумовна.

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно.

Аграфена Кондратьевна *(наливает)*. Кушай-ко на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Еще поспею!

Устинья Наумовна. Уах! фу! Где это вы берете зелье этакое?

Аграфена Кондратьевна. Из винной конторы. *(Пьет.)*

Устинья Наумовна. Ведрами, чай?

Аграфена Кондратьевна. Ведрами. Что уж по малости-то, напасешься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка, что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые, да и только.

Аграфена Кондратьевна. Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхождения и значительный человек; такой вельможа, что вы и во сне не видывали.

Аграфена Кондратьевна. Видно, уж попросить у Самсона Силыча тебе парочку арабчиков.

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и орген на шее, а умен как — просто тебе истукан золотой!

Аграфена Кондратьевна. Ты бы, Устинья Наумовна, вперед доложила, что за дочерью-то у нас не горы, мол, золотые.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать некуды.

Аграфена Кондратьевна. Хорошо бы это, уж и больно хорошо; только вот что, Устинья Наумовна, сама ты, мать, посуди: что я буду с благородным-то зятем делать? Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.

Устинья Наумовна. Оно точно, жемчужная,

дико сначала-то, ну а потом привыкнешь, обойдетесь как-нибудь. Да вот с Самсон Силычем надо потолковать, может, он его и знает, этого человека-то.

Явление восьмое

Те же и Расположенский.

Расположенский *(входя)*. А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу; так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что это, водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! Садиться милости просим; как живете-можете?

Расположенский. Какое уж наше житье! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна! Сами знаете: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу, роптать грех, Аграфена Кондратьева.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшко, последнее дело.

Расположенский. Кто ропщет, значит, тот Богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история…

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшко? Я все позабываю.

Расположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Расположенский. Не умею вам сказать доподлинно; отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович, так Псович; что ж, это ничего, и хуже бывает, бралиянтовый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Расположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьева, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, кушай.

Расположенский *(садится)*. Жил старец, маститый старец… Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой… необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей — мал мала меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая, дети еще малые, а

пить-есть надобно. Что было добра, под старость все прожили, поить, кормить некому! Куда деться с малыми ребятами? Вот он так думать, эдак думать — нет, сударыня моя, ничего уж тут не придумаешь. «Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных дателей». День сидит — Бог подаст, другой сидит — Бог подаст; вот он, матушка, и возроптал.

Аграфена Кондратьевна. А-а, батюшки!

Расположенский. «Господи, говорит, не мздоимец я, не лихоимец я… лучше, говорит, на себя руки наложить».

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко мой!

Расположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в нощи…

Входит Б о л ь ш ов.

Явление девятое

Те же и Большов.

Большов. А! и ты, барин, здесь! Что это ты тут проповедуешь?

Расположенский *(кланяется).* Всё ли здоровы, Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел словно? Аль увечье какое напало?

Большов *(садясь)*. Простудился, должно быть, либо геморрой, что ли, расходился…

Аграфена Кондратьевна. Ну, так, Сысой Псович, что ж ему дальше-то было?

Рисположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в суме-речки и расскажу.

Большов. Что это ты, али за святость взялся! Ха-ха-ха! Пора очувствоваться.

Аграфена Кондратьевна. Ну, уж ты начнешь! Не дашь по душе потолковать.

Большов. По душе!.. Ха-ха-ха… А ты спроси-ко, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Рисположенский. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Большов. А за что ж тебя оттедова выгнали?

Рисположенский. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну, понимаете… с позволенья сказать, хошь бы в погребок… там я его оставил, да хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором

— нет как нет! Хотели меня суду предать, а тут я и вспомнил, что, должно быть, мол, я его в погребке забыл. Поехали с экзекутором — оно там и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что ж! Не токмо что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Большов. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Рисположенский. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Большов. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Этак вы с кругу сопьетесь.

Рисположенский. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги. Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети маленькие! Ну, говорит, Бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай Бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ко, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького.

Устинья Наумовна. У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

Аграфена Кондратьевн а. Что делать-то! Материи новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, все равно что в саду растет.

Уходят.

Явление десятое

Большов и Рисположенский.

Большов. А что, Сысой Псоич, чай, ты с этим крючкотворством на своем веку много чернил извел?

Рисположенский. Хе-хе… Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

Большов. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь эдакое, так уж вы и вьетесь тут с вашим дьяволь-

ским наущением.

Рисположенский. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребятишками. А я еще довольно глуп, чтобы вам советовать, — вы свое дело сами лучше всякого знаете.

Большов. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш брат купец — дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и на руку. Ведь вот ты теперь все пороги у меня обобьешь, таскамшись-то.

Рисположенский. Как же мне не таскаться-то! Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот, что ли, какой бессловесный?

Большов. Знаю я, что ты любишь, — все вы нас любите; только путного от вас ничего не добьешься. Вот я теперь маюсь, маюсь с делом, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним. Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Рисположенский. Что ж, Самсон Силыч, не вы

первый, не вы последний; нешто другие-то не делают?

Большов. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то: без стыда, без совести! На лежачих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему с своей образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да еще и обманет-то кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им сделается!

Рисположенский. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Большов. Знаю, что в наших руках, да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже! Я уж вас знаю! На словах-то вы прытки, а там и пошел блудить.

Рисположенский. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! Хе-хе-хе… Да такие ли я дела делал… да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно, куда Макар телят не гонял.

Большов. Ой ли? Так какую ж ты механику

подсмолишь?

Рисположенский. А там, глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью… *(Пьет.)* Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Большов. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Рисположенский. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Большов. И то дело, чтоб оглядок не было.

Рисположенский. Как на чужого-то закрепишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после, поди, против подлинных-то бумаг.

Большов. Только вот что беда-то: как закрепишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Рисположенский. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Большов. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норовит, как тебя за ворот ухватить, а ты

совести захотел.

Расположенский. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы — нет: каков человек у вас приказчик?

Большов. Который? Лазарь, что ли?

Расположенский. Да, Лазарь Елизарыч.

Большов. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Расположенский. Что же прикажете, Самсон Силыч: закладную или купчую?

Большов. А с чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь все в аккурате, такой тебе, Сысой Псоич, магарыч поставлю, просто сказать, угоришь.

Расположенский. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Большов. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный, ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь. Ну, заложим мы дом, а потом что?

Расположенский. А потом напишем реестрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить,

а другому сердитому и все заплатить… Вы ему заплатите, а он — чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот, мол, так и так, ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Большов. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там что хошь говори, а у меня дочь-невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту к черту. Да вот и Лазарь идет.

Явление одиннадцатое

Те же и Подхалюзин (входит).

Большов. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу, что ль? Как у вас там?

Подхалюзин. Слава Богу-с, идет помаленьку. Сысою Псоичу! *(Кланяется.)*

Рисположенский. Здравствуйте, батюшко Лазарь Елизарыч! *(Кланяется.)*

Большов. А идет, так и пусть идет. *(Помолчав.)* А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для

меня исделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще. А то торгуем-торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы, что ли, грешат, таскают родным да любовницам; их бы маленичко усовещевал. Что так, без барыша-то, небо коптить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

Подхалюзин. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Большов. Да что ж ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы все было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь, чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак какой подвернулся, али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в магазинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли, а?

Рисположенский смеется.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерять-то, говорю, надо тоже поестественнее: тяни да потягивай, только-только чтоб, Боже сохрани, как

не лопнуло, ведь не нам, говорю, после носить. Ну, а зазеваются, так никто виноват, можно, говорю, и просто через руку лишний аршин раз шмыгануть.

Большов. Все единственно: ведь портной украдет же. А? Украдет ведь?

Рисположенский. Украдет, Самсон Силыч, беспременно, мошенник, украдет; уж я этих портных знаю.

Большов. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Рисположенский. Это точно, Самсон Силыч, это вы правду говорить изволите.

Большов. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. *(Помолчав.)* Что, «Ведомости» принес?

П о д х а л ю з и н *(вынимая из кармана и подавая)*. Извольте получить-с.

Большов. Дава-кось, посмотрим. *(Надевает очки и просматривает.)*

Рисположенский. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет, потом надевает очки, садится подле Большова и смотрит в газеты.)*

Большов *(читает вслух)*. «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части,

нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского новерситета, от Губернских правлений, от Приказов общественного призрения». Ну, и это мимо. «От Городской шестигласной думы». А ну-ткось, нет ли чего! *(Читает.)* «От Московской городской шестигласной думы сим объявляется: не пожелают ли кто взять в содержание нижеозначенные оброчные статьи». Не наше дело: залоги надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает…» Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От Сиротского суда». У самих ни отца, ни матери. *(Просматривает дальше.)* Эге! Вон оно куды пошло! Слушай-ко, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего…» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вотте и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

Подхалюзин. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов, никак, тридцать, не то сорок.

Большов. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

Подхалюзин. Сумнительно-с.

Большов. Сочтемся как-нибудь. *(Читает.)*

«Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

Подхалюзин. За масло постное-с, об Великом посту брали бочонка с три-с.

Большов. Вот сухоядцы-то, постники! И Богу-то угодить на чужой счет норовят. Ты, брат, степенству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефрем Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну, а этот как?

Подхалюзин. Вексель есть-с!

Большов. Протестован?

Подхалюзин. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Большов. Ну! И четвертый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

Подхалюзин. Уж такой расподлеющий народ-с.

Большов *(ворочая листы)*. Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа. Возьми прочь!

Подхалюзин *(берет газету)*. Газету-то только пакостят. На все купечество мораль эдакая.

Молчание.

Рисположенский. Прощайте, Самсон Силыч, я

теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Большов. Да ты бы посидел немножко.

Рисположенский. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Большов. Ну, как знаешь!

Рисположенский. Прощайте! Прощайте, Лазарь Елизарыч! *(Уходит.)*

Явление двенадцатое

Большов и Подхалюзин.

Большов. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь что! Так вот даром и бери деньги! Как не деньги, скажет: видал, как лягушки прыгают. На-ко, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть завалящих тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хошь, за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, так сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

Подхалюзин. Уж это как и водится.

Большов. Все вексель да вексель! А что такое это вексель? Так, бумага, да и всё тут. И на дисконту отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да еще после своим добром отвечай. *(Помолчав.)* С городовыми лучше не связывайся: всё в долг да в долг; а привезет ли, нет ли, так слепой мелочью да арабчиками, поглядишь — ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой ан-бар взойдет, только и дела, что нюхает, нюхает, поковыряет, поковыряет, да и прочь пойдет. Уж диви бы товару не было, — каким еще рожном торговать. Одна лавка москательная, другая красная, третья с бакалеей; так нет, ничто не везет. На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще черт знает чего; а наденешь хомут, да еще и вязку подай, да магарычи, да угощения, да разные там недочеты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

Подхалюзин. Кажется, должен чувствовать-с.

Большов. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! *(Помолчав.)* Что, Лазарь, как ты думаешь?

Подхалюзин. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Большов. Что тут подначальное: ты говори по

душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

Подхалюзин. Это опять-таки, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Большов. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

Подхалюзин. Это я не могу знать-с.

Большов *(помолчав).* Скажи, Лазарь, по совести: любишь ты меня? *(Молчание.)* Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? *(Молчание.)* Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

Подхалюзин. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с. Уж вы во мне-то не сумневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Большов. Да что ж, что ты весь-то?

Подхалюзин. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Большов. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время: денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься, пожалуй, что какой-нибудь свой же брат, собачий сын, оберет тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в миллионе, и плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казнись, хлопай глазами-то. Вот я и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то

такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

Подхалюзин. А уж по мне, Самсон Силыч, коли платить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Большов. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельцо обделать. Там после суди владыко на втором пришествии. Хлопот-то только куча. Дом-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзин. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевезти куда подальше. Станем хлопотать-с!

Большов. Оно так. Да старенек уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезу-с.

Большов. Эдак-то лучше! Черта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только напусти Бог смелости. Спасибо тебе, Лазарь. Удружил! *(Встает.)* Ну, хлопочи! *(Подходит к нему и треплет по плечу.)* Сделаешь дело аккуратно, так мы с тобой барышами-то поделимся. Награжу на всю жизнь. *(Идет к двери.)*

Подхалюзин. Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как

жимши у вас с малолетства и видемши все ваши благодеяния, можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

Действие второе

Контора в доме Большова. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.

Явление первое

Тишка *(со щеткой на авансцене).* Эх, житье, житье! Вот чем свет тут ты полы мети! А мое ли дело полы мести! У нас все не как у людей! У других-то хозяев коли уж мальчишка, так и живет в мальчиках — стало быть, при лавке присутствует. А у нас то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой как угорелый. Скоро руку набьешь, держи карман-то. У добрых-то людей для разгонки держат дворника, а у нас он с котятами на печке лежит либо с кухаркой проклажается, а на тебе спросится. У других все-таки вольготность есть; иным часом проштрафишься што либо-оншто, по малолетствию тебе спускается; а у нас — коли не тот, так другой, коли не сам, так сама задаст вытрепку; а то вот приказчик Лазарь, а то вот Фоминишна, а то вот… всякая шваль над тобой командует. Вот она, жисть-то какая анафемская!

А уж это чтобы урваться когда из дому, с приятелями в три листика али в пристенок сразиться — и не думай лучше! Да уж и в голове-то, правда, не то! *(Лезет на стул коленками и смотрит в зеркало.)* Здравствуйте, Тихон Савостьяныч! Как вы поживаете? Все ли вы слава Богу?.. А ну, Тишка, выкинь коленце! *(Делает гримасу.)* Вот оно что! *(Другую.)* Эвось оно как... *(Хохочет.)*

Явление второе

Тишка и Подхалюзин (крадется и хватает его за ворот).

Подхалюзин. А это ты, чертенок, что делаешь?

Тишка. Что? Известно что! Пыль стирал.

Подхалюзин. Языком-то стирал! Что ты за пыль на зеркале нашел? Покажу я тебе пыль! Ишь ломается! А вот я тебе заклею подзатыльника, так ты и будешь знать!

Тишка. «Будешь знать»! Да было бы еще за что?

Подхалюзин. А за то, что за что! Поговоришь, так и увидишь за что! Вот пикни еще!

Тишка. Да, пикни еще! Я ведь и хозяину скажу, не чтоп возьмешь!

Подхалюзин. Хозяину скажу!.. Что мне твой

хозяин… Я, коли на то пошло… хозяин мне твой!.. На то ты и мальчишка, чтоб тебя учить, а ты думал что! Вас, пострелят, не бить, так и добра не видать. Прахтика-то эта известная. Я, брат, и сам огни, и воды, и медные трубы прошел.

Тишка. Знаем, что прошел.

Подхалюзин. Цыц, дьяволенок! *(Замахивается.)*

Тишка. На-кось, попробуй! Нешто не скажу, ей-богу, скажу!

Подхалюзин. Да что ты скажешь-то, чертова перечница!

Тишка. Что скажу? А то, что лаешься!

Подхалюзин. Важное кушанье! Ишь ты, барин какой! Поди-ткось! Был Сысой Псоич?

Тишка. Известно, был.

Подхалюзин. Да ты, чертенок, говори толком! Зайти, что ль, хотел?

Тишка. Зайти хотел!

Подхалюзин. Ну, так ты сбегай на досуге.

Тишка. Рябиновки, что ли?

Подхалюзин. Да, рябиновки. Надо Сысоя Псоича попотчевать. *(Дает деньги.)* Купи полштофа, а сдачу возьми уж себе на пряники. Только ты, смотри, проворней, чтобы не хватились!

Тишка. Стриженая девка косы не заплетет. Так

начну порхать — живым манером.

Тишка уходит.

Явление третье

П о д х а л ю з и н *(один)*. Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать! Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить надо? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать *(вынимает и считает)*, тут, должно быть, попользоваться будет можно. *(Ходит по комнате.)* Говорят, надо совесть знать!

Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял. А я человек бедный!

Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам

несправедливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть?

Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я с ним сделал, да не приходится. Хм! Ведь залезет эдакая фантазия в голову человеку! Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених ее теперича не возьмет, скажет: денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! *(Ходит молча.)* А понабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу: дескать, я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу кругом себя ограничить на этот предмет. Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да при всем том, как заложили мне Самсон Силыч дом и лавки, так и закладной-то можно пугнуть. А знамши-то характер Самсона Силыча, каков

он есть, — это и очень может случиться. У них такое заведение: коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттедова. Все равно как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали, — нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем, взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по них или так взойди им в голову — завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого спрыгнуть можно!

Явление четвертое

Подхалюзин и **Тишка**.

Тишка *(входит со штофом)*. Вот он я пришел!

Подхалюзин. Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Тишка. Там, наверху. Да и стракулист идет.

Подхалюзин. Так ты поставь водку-то на стол да и закусочки достань.

Тишка ставит водку и достает закуски, потом уходит.

Явление пятое

Подхалюзин и **Расположенский**.

Подхалюзин. А, наше вам-с!

Расположенский. К вам, батюшка Лазарь Елизарыч, к вам! Право. Думаю, мол, мало ли что, может, что и нужно. Это водочка у вас? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая; как писать что, Лазарь Елизарыч, так всё левой придерживаю. Ей-богу! А выпьешь водочки, словно лучше. *(Пьет.)*

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?

Расположенский *(садится к столу).* От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю: от того, что больно народ грабите. За неправду Бог наказывает.

Расположенский. Эх-хе-хе… Лазарь Елизарыч! Где нам грабить! Делишки наши маленькие. Мы, как птицы небесные, по зернышку клюем.

Подхалюзин. Вы, стало быть, больше по мелочам?

Расположенский. Будешь и по мелочам, как

взять-то негде. Ну, еще нешто, кабы один, а то ведь у меня жена да четверо ребятишек. Все есть просят, голубчики. Тот говорит — тятенька, дай, другой говорит — тятенька, дай. Одного вот в гимназию определил: мундирчик надобно, то, другое. А домишко-то эвоно где!.. Что сапогов одних истреплешь, ходимши к Воскресенским воротам с Бутырок-то.

Подхалюзин. Это точно-с.

Рисположенский. А зачем ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого в мещане припишешь. Иной день и полтины серебром домой не принесешь. Ей-богу, не лгу. Чем тут жить? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)* А я думаю: забегу, мол, я к Лазарь Елизарычу, не даст ли он мне деньжонок что-нибудь.

Подхалюзин. А за какие же это провинности-с?

Рисположенский. Как за какие провинности! Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите заставьте. А закладную-то вам выхлопотал.

Подхалюзин. Ведь уж вам заплачено! И толковать вам об одном и том же не приходится!

Рисположенский. Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! Эх, Лазарь Елизарыч, бед-

ность-то меня одолела!

Подхалюзин. Бедность одолела! Это бывает-с. *(Подходит и садится к столу.)* А у нас вот лишние есть-с: девать некуда. *(Кладет бумажник на стол.)*

Рисположенский. Что вы, Лазарь Елизарыч, неужто лишние? Небось шутите?

Подхалюзин. Окромя всяких шуток-с.

Рисположенский. А коли лишние, так отчего же бедному человеку не помочь. Вам Бог пошлет за это.

Подхалюзин. А много ли вам требуется?

Рисположенский. Дайте три целковеньких.

Подхалюзин. Что так мало-с?

Рисположенский. Ну, дайте пять.

Подхалюзин. А вы просите больше.

Рисположенский. Ну, уж коли милость будет, дайте десять.

Подхалюзин. Десять-с! Так, задаром?

Рисположенский. Как задаром! Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся.

Подхалюзин. Все это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет. А мы теперь с вами вот какую материю заведем: много ли вам Самсон Силыч обещали за всю эту механику?

Рисположенский. Стыдно сказать, Лазарь Ели-

зарыч, тысячу рублей да старую шубу енотовую. Уж меньше меня никто не возьмет, ей-богу, вот хоть приценитесь подите.

Подхалюзин. Ну, так вот что, Сысой Псоич, я вам дам две тысячи-с… за этот же самый предмет-с.

Рисположенский. Благодетель вы мой, Лазарь Елизарыч! С женой и с детьми в кабалу пойду.

Подхалюзин. Сто серебром теперь же-с, а остальные после, по окончании всего этого происшествия-с.

Рисположенский. Ну вот, как за эдаких людей Богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого. Я вам в ножки поклонюсь, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Это уж на что же-с! Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходи в аккурате, — попал на эту точку и вертись на этой линии. Понимаете-с?

Рисположенский. Как не понимать! Что вы, Лазарь Елизарыч, маленький, что ли, я! Пора понимать!

Подхалюзин. Да что вы понимаете-то? Вот дела-то какие-с. Вы прежде выслушайте. Приезжаем мы с Самсоном Силычем в город, и эрестрик этот привезли, как следует. Вот он пошел по кре-

диторам: тот не согласен, другой не согласен; да так ни один таки и нейдет на эту штуку. Вот она какая статья-то.

Рисположенский. Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! Вот поди ж ты! Вот народ-то!

Подхалюзин. Как бы нам теперича с эстим делом не опростоволоситься! Понимаете вы меня али нет?

Рисположенский. То есть насчет несостоятельности, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. Несостоятельность там сама по себе, а насчет моих-то делов.

Рисположенский. Хе-хе-хе… то есть дом-то с лавками… эдак… дом-то… хе-хе-хе…

Подхалюзин. Что-о-с?

Рисположенский. Нет-с, это я так, Лазарь Елизарыч, по глупости, как будто для шутки.

Подхалюзин. То-то для шутки! А вы этим не шутите-с! Тут не то что дом, у меня теперь такая фантазия в голове об этом предмете, что надо с вами обширно потолковать-с! Пойдемте ко мне-с. Тишка!

Явление шестое

Те же и Тишка.

Подхалюзин. Прибери тут все это! Ну, пойдемте, Сысой Псоич!

Тишка хочет убирать водку.

Рисположенский. Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый! Видишь, что хотят пить, ты и подожди. Ты и подожди. Ты еще мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Подхалюзин. Пейте, да только поскореича, того гляди, сам приедет.

Рисположенский. Сейчас, батюшка Лазарь Елизарыч, сейчас! *(Пьет и закусывает.)* Да уж мы лучше ее с собой возьмем.

Уходят. Тишка прибирает кое-что; сверху сходят **Устинья Наумовна** и **Фоминишна**. **Тишка** уходит.

Фоминишна. Уж пореши ты ее нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается. Я уж это по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадца-

тый годок минет. Что томить-то ее понапрасну. Другие в ее пору давно уж детей повывели. То-то, мать моя, что ж ее томить-то.

Устинья Наумовна. Сама все это разумею, серебряная, да нешто за мной дело стало; у меня женихов-то что кобелей борзых. Да ишь ты, разборчивы очень они с маменькой-то.

Фоминишна. Да что их разбирать-то! Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там какого ни возьми — все человек.

Устинья Наумовна *(садясь).* Присесть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской, с раннего утра, словно отымалка какая, мычуся. А ведь и про-миновать ничего нельзя, везде, стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек — живая тварь; тому невеста понадобилась, той жениха хоть роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит — все я же. Отдувайся одна за всех Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что так уж, видно, устроено, — от начала мира этакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходят и нас за труды: кто на платье тебе материи, кто шаль с бахромой, кто тебе чепчик состряпает, а где и золотой, где и побольше

перевалится, — известно, что чего стоит, глядя по силе возможности.

Фоминишна. Что говорить, матушка, что говорить!

Устинья Наумовна. Садись, Фоминишна, — ноги-то старые, ломаные.

Фоминишна. И-и, мать, некогда! Ведь какой грех-то: сам-то что-то из городу не едет, все под страхом ходим; того и гляди, пьяный приедет. А уж какой благой-то, Господи! Зародится же ведь эдакой озорник!

Устинья Наумовна. Известное дело: с богатым мужиком, что с чертом, не скоро сообразишь.

Фоминишна. Уж мы от него страсти-то видали. Вот на прошлой неделе, ночью, пьяный приехал: развоевался так, что нап-поди. Страсти, да и только! Посуду колотит… «У-у! — говорит, — такие вы и эдакие, убью сразу!»

Устинья Наумовна. Необразование.

Фоминишна. Уж и правда, матушка! А я побегу, родная, наверх-то — Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. Ты как пойдешь домой-то, так заверни ко мне, — я тебе окорочок завяжу. *(Идет на лестницу.)*

Устинья Наумовна. Зайду, серебряная, зайду.

П о д х а л ю з и н входит.

Явление седьмое

Устинья Наумовна и Подхалюзин.

Подхалюзин. А! Устинья Наумовна! Сколько лет, сколько зим-с!

Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа, каково попрыгиваешь?

Подхалюзин. Что нам делается-с. *(Садится).*

Устинья Наумовна. Мамзельку, коли хочешь, высватаю!

Подхалюзин. Покорно благодарствуйте, — нам пока не требуется.

Устинья Наумовна. Сам, серебряный, не хочешь, — приятелю удружу. У тебя ведь, чай, знакомых-то по городу что собак.

Подхалюзин. Да, есть-таки около того-с.

Устинья Наумовна. Ну, а коли есть, так и слава тебе Господи! Чуть мало-мальски жених, холостой ли он, неженатый ли, вдовец ли какой, — прямо и тащи ко мне.

Подхалюзин. Так вы его и жените?

Устинья Наумовна. Так и женю. Отчего же не женить, и невзвидишь, как женю.

Подхалюзин. Это дело хорошее-с. А вот теперича я у вас спрошу. Устинья Наумовна, зачем это

вы к нам больно часто повадились?

Устинья Наумовна. А тебе что за печаль! Зачем бы я ни ходила. Я ведь не краденая какая, не овца без имени. Ты что за спрос?

Подхалюзин. Да так-с, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна. Как напрасно? С чего это ты, серебряный, выдумал! Посмотри-ко, какого жениха нашла. Благородный, крестьяне есть, и из себя молодец.

Подхалюзин. За чем же дело стало-с?

Устинья Наумовна. Ни за чем не стало! Хотел завтра приехать да обзнакомиться. А там обвертим, да и вся недолга.

Подхалюзин. Обвертите, попробуйте, — задаст он вам после копоти.

Устинья Наумовна. Что ты, здоров ли, яхонтовый?

По д х а л ю з и н. Вот вы увидите!

Устинья Наумовна. До вечера не дожить. Ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул.

Подхалюзин. Уж об этом-то вы не извольте беспокоиться, вы об себе-то подумайте, а мы знаем, что знаем.

Устинья Наумовна. Да что ты знаешь-то?

Подхалюзин. Мало ли что знаем-с.

Устинья Наумовна. А коли что знаешь, так и нам скажи; авось язык-то не отвалится.

Подхалюзин. В том-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна. Отчего ж нельзя, меня, что ль, совестишься, бралиянтовый, ничего, говори, — нужды нет.

Подхалюзин. Тут не об совести дело. А вам скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

Устинья Наумовна. Анафема хочу быть, коли скажу — руку даю на отсечение.

Подхалюзин. То-то же-с. Уговор лучше денег-с.

Устинья Наумовна. Известное дело. Ну, что же ты знаешь-то?

Подхалюзин. А вот что-с, Устинья Наумовна: нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с!

Устинья Наумовна. Да что ты, белены, что ль, объелся?

Подхалюзин. Ничего не объелся-с! А если вам угодно говорить по душе, по совести-с, так это вот какого рода дело-с: у меня есть один знакомый купец из русских, и они оченно влюблены в Алимпияду Самсоновну-с. Что, говорит, ни дать, только бы жениться; ничего, говорит, не пожалею.

Устинья Наумовна. Что ж ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?

Подхалюзин. Сказать-то было нечего, по тому самому, что я и сам-то недавно узнал-с.

Устинья Наумовна. Уж теперь поздно, бриллиантовый!

Подхалюзин. Уж какой жених-то, Устинья Наумовна! Да он вас с ног до головы золотом осыплет-с, из живых соболей шубу сошьет.

Устинья Наумовна. Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радостью, да уж я слово дала.

Подхалюзин. Ну, как угодно-с! А за этого высватаете, так беды наживете, что после и не расхлебаете.

Устинья Наумовна. Ну, ты сам рассуди, с каким я рылом покажусь к Самсону-то Силычу? Наговорила им с три короба, что и богат-то, и красавец-то, и влюблен-то так, что и жить не может, а теперь что скажу? Ведь ты сам знаешь, каково у вас чадочко Самсон-то Силыч, ведь он, не ровён час, и чепчик помнет.

Подхалюзин. Ничего не помнет-с.

Устинья Наумовна. Да и девку-то раздразнила, на дню два раза присылает: что жених да как жених?

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастия-с. Хотите две тысячи рублей и шубу соболью, чтобы только свадьбу

эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. Я вам говорю-с, что жених такой, что вы сроду и не видывали, только вот одно-с: происхождения не благородного.

Устинья Наумовна. А они-то разве благородные? То-то и беда, яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей Бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождения-то небось хуже нашего. Отец-то, Самсон Силыч, голицами торговал на Балчуге; добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не понёвница — из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в прынцессы норовит. А все это денежки. Вот я чем хуже ее, а за ее же хвостом наблюдай. Воспитанья-то тоже не бог знает какого: пишет-то, как слон брюхом ползает, по-французскому али на фортопьянах тоже сям, тям, да и нет ничего; ну а танец-то отколоть — я и сама пыли в нос пущу.

Подхалюзин. Ну вот видите ли — за купцом-то быть ей гораздо пристойнее.

Устинья Наумовна. Да как же мне с женихом-то быть, серебряный? Я его-то уж больно уверила,

что такая Алимпияда Самсоновна красавица, что настоящий тебе патрет, и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знает. Что ж я ему теперь-то скажу?

Подхалюзин. Да вы и теперь то же ему скажите, что, мол, и красавица, и образованная, и на всякие манеры, только, мол, они деньгами порасстроились, так он сам откажется!

Устинья Наумовна. А что, ведь и правда, бралиянтовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказывала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.

Подхалюзин. То-то вот, прытки вы очень рассказывать-то. А почем вы знаете, сколько у Самсона Силыча денег-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна. Да уж это кого ни спроси, всякий знает, что Самсон Силыч купец богатейший.

Подхалюзин. Да! Много вы знаете! А что после того будет, как высватаете значительного человека, а Самсон Силыч денег-то не даст? А он после всего этого вступится да скажет: я, дескать, не купец, что меня можно приданым обманывать! Да еще, как значительный-то человек, подаст жалобу в суд, потому что значительному человеку везде ход есть-с: мы-то с Самсон Силычем попа-

лись, да и вам-то не уйти. Ведь вы сами знаете — можно обмануть приданым нашего брата, с рук сойдет, а значительного человека обмани-ко поди, так после и не уйдешь.

Устинья Наумовна. Уж полно тебе пугать-то меня! Сбил с толку совсем.

Подхалюзин. А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с.

Устинья Наумовна. Так ты, яхонтовый, говоришь, что две тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзин. Точно так-с. Уж будьте покойны! А надемши-то шубу соболью, Устинья Наумовна, да по гулянью пройдетесь — другой подумает, генеральша какая.

Устинья Наумовна. А что ты думаешь, да и в самом деле! Как надену соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то в боки, так ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются так, что пожарной трубой не зальешь; жены-то с ревности вам все носы пообборвут.

Подхалюзин. Это точно-с!

Устинья Наумовна. Давай задаток! Была не была!

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте!

Устинья Наумовна. Чего робеть-то? Только

смотри: две тысячи рублей да соболью шубу.

Подхалюзин. Говорю вам, из живых сошьем. Уж что толковать!

Устинья Наумовна. Ну, прощай, изумрудный! Побегу теперь к жениху. Завтра увидимся, так я тебе все отлепартую.

Подхалюзин. Погодите! Куда бежать-то! Зайдите ко мне — водочки выпьем-с. Тишка! Тишка!

Входит **Тишка**.

Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

Уходят.

Явление восьмое

Тишка *(садится к столу и вынимает из кармана деньги).* Полтина серебром — это нынче Лазарь дал. Да намедни, как с колокольни упал, Аграфена Кондратьевна гривенник дали, да четвертак в орлянку выиграл, да третёвось хозяин забыл на прилавке целковый. Эвось, что денег-то! *(Считает про себя.)*

Голос Фоминишны за сценой: «Тишка, а Тишка! Долго ль мне

кричать-то?»

Тишка. Что там еще?

«Дома, что ли-ча, Лазарь?»

Был, да весь вышел!

«Да куда ж он делся-то, Господи?»

А я почем знаю; нешто у меня спрашивается! Вот кабы

спрашивался, — я бы знал.

Фоминишна сходит с лестницы.

Да что там у вас?

Фоминишна. Да ведь Самсон Силыч приехал, да, никак, хмельной.

Тишка. Фю! попались!

Фоминишна. Беги, Тишка, за Лазарем, голубчик, беги скорей!

Тишка бежит.

Аграфена Кондратьевна *(показывается на лестнице)*. Что, Фоминишна, матушка, куда он идет-то?

Фоминишна. Да, никак, матушка, сюда! Ох, запру я двери-то, ей-богу, запру; пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди.

Стук в двери и голос Самсона Силыча: «Эй, отоприте, кто там?»

Аграфена Кондратьевна скрывается.

Поди, батюшка, поди усни, Христос с тобой!

Б о л ь ш о в *(за дверями).* Да что ты, старая карга, с ума, что ли, сошла?

Фоминишна. Ах, голубчик ты мой! Ах, я мымра слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал. Уж извини меня, глуха стала на старости лет.

С а м с о н С и л ы ч входит.

Явление девятое

Фоминишна и Большов.

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчёна.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Фоминишна. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала.

Большов. Пошла вон! *(Садится.)* Фоминишна идет в двери; П о д х а л ю з и н и **Тишка** входят.

Фоминишна *(возвращаясь).* Ах, я дура, дура! Уж не взыщи на плохой памяти. Холодной-то поросенок совсем из ума выскочил.

Явление десятое

Подхалюзин, Большов и Тишка.

Большов. Убирайся к свиньям!

Фоминишна уходит.

(К Тишке.) Что ты рот-то разинул! Аль тебе дела нет?

П о д х а л ю з и н *(к Тишке)*. Говорили тебе, кажется!

Тишка уходит.

Большов. Стряпчий был?

Подхалюзин. Был-с!

Большов. Говорил ты с ним?

Подхалюзин. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит: объявиться несостоятельным.

Большов. Что ж, объявиться так объявиться — один конец.

Подхалюзин. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Большов. Что ж, деньги заплатить? Да с чего же ты это взял? Да я лучше все огнем сожгу, а уж им ни копейки на дам. Перевози товар, продавай векселя, пусть тащат, воруют кто хочет, а уж я им не плательщик.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, заведение было у нас такое превосходное, и теперь должно все в расстройство прийти.

Большов. А тебе что за дело? Не твое было. Ты

старайся только — от меня забыт не будешь.

Подхалюзин. Не нуждаюсь я ни в чем после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо мне имеете. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой фальш сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства: мало ли что может произойти из всего этого.

Большов. А что такое произойти может? Я один в ответе.

Подхалюзин. Что об вас-то толковать! Вы, Самсон Силыч, отжили свой век, слава Богу, пожили, а Алимпияда Самсоновна, известное дело, барышня, каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея пота-крови, прилагаю — так это все больше по тому самому, что жаль мне вашего семейства.

Большов. Полно, так ли?

Подхалюзин. Позвольте-с! Ну, положим, что это все благополучно кончится-с, хорошо-с. Останется у вас чем пристроить Алимпияду Сам-

соновну. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну, а грех какой, сохрани Господи! Как придерутся, да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая мораль пойдет, а еще, пожалуй, и имение-то все отнимут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные. Да это сохрани Господи! Это что ж будет тогда? *(Плачет.)*

Большов. Да об чем же ты плачешь-то?

Подхалюзин. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю — в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен — горами шатает.

Большов. Что ж делать-то, братец, уж, знать, такая воля Божия, против ее не пойдешь.

Подхалюзин. Это точно, Самсон Силыч! А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека, так уж тогда будет она, по крайности, как за каменной стеной-с. Да главное, чтобы была душа у человека, так он будет чувствовать. А то вон, что сватался за Алимпияду Самсоновну, благородный-то, — и оглобли назад поворотил.

Большов. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

Подхалюзин. Я, Самсон Силыч, не выдумал, — вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Большов. А ну его! По моим делам теперь не такого нужно.

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение: я посторонний человек, не родной, а для вашего благополучия ни дня, ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денег еще дают-с, а он ломается да важничает, — ну есть ли в нем душа после всего этого?

Большов. Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем!

Подхалюзин. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да не могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

Большов. Да как же тебе оставить-то меня; только ведь и надежды-то теперь, что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, еще

такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзин. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч. Поймите вы из этого: не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конечно, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с, сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как черт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с, потому что не такой я человек-с. Жалеючи вас это делается, и не столько вас, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет-с…

Большов. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли?..

Подхалюзин. Чего-с?.. Нет, я ничего-с!..

Большов. То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори. Влюблен ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну?

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, может, шутить изволите?

Большов. Что за шутка! Я тебя без шуток спраши-ваюП.о д х а л ю з и н. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это подумать-с.

Большов. А что ж бы такое не сметь-то? Что она, княжна, что ли, какая?

Подхалюзин. Хотя и не княжна, да как бымши вы моим благодетелем и вместо отца родного… Да нет, Самсон Силыч, помилуйте, как же это можно-с, неужели же я этого не чувствую!

Большов. Так ты, стало быть, ее не любишь.

Подхалюзин. Как же не любить-с, помилуйте, кажется, больше всего на свете! Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с!

Большов. Ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

Подхалюзин. Да как же не любить-с! Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю… то бишь, известное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет… Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с!

Большов. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзин. Да как же можно, Самсон Силыч? Как знамши я вас, как отца родного, и Алимпияду Самсоновну-с, и опять знамши себя, что я такое значу, — где же мне с суконным-то рылом-с?

Большов. Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в голове, — а тебе ума-то не занимать стать, этим добром Бог наградил. Так что же, Лазарь, посватать тебе Алимпияду-то Самсоновну, а?

Подхалюзин. Да помилуйте, смею ли я? Алим-

пияда-то Самсоновна, может быть, на меня глядеть-то не захотят-с!

Большов. Важное дело! Не плясать же мне по ее дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу — с кашей ем, хочу — масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзин. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами говорить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Большов. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать?

Подхалюзин. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня Бог!.. Да что я за скотина!

Большов. Ну, а дочь любишь?

Подхалюзин. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

Большов. Ну, а коли душа перевернулась, так мы тебя поправим. Владей, Фаддей, нашей Маланьей!

Подхалюзин. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Большов. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя

все имение переведу, так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

Подхалюзин. Еще как пожалеют-то-с!

Большов. Ну, ты ступай теперь в город, а ужо-тко заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

Подхалюзин. Слушаю, тятенька-с! *(Уходит.)*

Действие третье

Декорация первого действия.

Явление первое

Б о л ь ш о в *(входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зевает).* Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Черт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь, а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. *(Молчание.)* Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер — так все прахом и пойдет. Ох, Господи, Господи! *(Зевает и смотрит по углам.)*

Явление второе

Аграфена Кондратьевна и **Липочка** (разряженная).

Аграфена Кондратьевна. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ко, Самсон Силыч, полюбуйся, сударь

ты мой, как я дочку-то вырядила! Фу-ты, прочь поди! Что твой розан пионовый! *(К ней.)* Ах ты, моя ангелика, царевна, херуимчик ты мой! *(К нему.)* Что, Самсон Силыч, правда, что ли? Только бы ей в карете ездить шестерней.

Большов. Проедет и парочкой — не великого полета помещица!

Аграфена Кондратьевна. Уж известно, не енаральская дочь, а все, как есть, красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что как медведь бурчишь.

Большов. А как мне еще приголублывать-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видал-то? Так что-нибудь, а ведь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человек!

Большов. Что ж что дочь? Слава Богу — обута, одета, накормлена; чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел, что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! По христианскому закону всякого накормить следует; и чужих призирают, не токмо что своих, — а ведь это и в люди сказать грех: как ни на есть, родная детища!

Большов. Знаем, что родная, да чего ж ей еще? Что ты мне притчи эти растолковываешь? Не в

рамку же ее вделать! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшка, отец, так не будь свекором! Пора, кажется, в чувство прийти: расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь; должен бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычаю родительского!

Большов. А нет, так что ж за беда; стало быть, так Бог создал.

Аграфена Кондратьевна. Бог создал! Да сам-то ты что? Ведь и она, кажется, создания Божеская, али нет? Не животная какая-нибудь, прости Господи!.. Да спроси у нее что-нибудь.

Большов. А что я за спрос? Гусь свинье не товарищ: как хотите, так и делайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на деле-то уж не спросим, ты покедова-то вот. Человек приедет чужой-посторонний, все-таки как хочешь примеривай, а мужчина — не женщина — в первый-то раз наедет, не видамши-то его.

Большов. Сказано, что отстань.

Аграфена Кондратьевна. Отец ты эдакой, а еще родной называешься! Ах ты, дитятко моя заброшенная, стоишь, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились от тебя,

да и знать не хотят. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! *(Усаживает.)*

Липочка. Ах, отстаньте, маменька! Измяли совсем.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я на тебя издальки посмотрю.

Липочка. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас расчувствоваетесь.

Аграфена Кондратьевна. Так-так, дитятко! Да как взгляну-то на тебя, так ведь эта жалости подобно.

Липочка. Что ж, надо ведь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Все-таки жалко, дурочка: ponстили, ponстили, да и вырастили — да ни с того ни с сего в чужие люди отдаем, словно ты надоела нам да наскучила глупым малым ребячеством, своим кротким поведением. Вот выживем тебя из дому, словно ворога из города, а там схватимся да спохватимся, да и негде взять. Посудите, люди добрые, каково жить в чужой дальней стороне, чужим куском давишься, кулаком слезы утираючи! Да, помилуй Бог, неровнюшка выйдется, не ровен, дурак навяжется аль дурак какой — дурацкий сын! *(Плачет.)*

Липочка. Вот вы вдруг и расплакались! Право, как не стыдно, маменька! Что там за дурак?

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а *(плача).* Да уж это так говорится — к слову пришлось.

Большов. А об чем бы ты это, слышно, разрюмилась? Вот спросить тебя, так сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, ох, не знаю: такой стих нашел.

Большов. То-то вот сдуру. Слезы у вас дешевы.

Аграфена Кондратьевна. Ох, дешевы, батюшка, дешевы; и сама знаю, что дешевы, да что ж делать-то?

Липочка. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг приедет — что хорошего!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчас перестану!

Явление третье

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна *(входя).* Здравствуйте, золотые! Что вы невеселы — носы повесили?

Целуются.

Аграфена Кондратьевна. А уж мы заждались тебя.

Липочка. Что, Устинья Наумовна, скоро при-

едет?

Устинья Наумовна. Виновата, сейчас провалиться, виновата! А дела-то наши, серебряные, не очень хоро-шиЛ! и п о ч к а. Как? Что такое за новости?

Аграфена Кондратьевна. Что ты еще там выдумала?

Устинья Наумовна. А то, бралиянтовые, что жених-то наш что-то мнется.

Большов. Ха-ха-ха! А еще сваха! Где тебе сосватать!

Устинья Наумовна. Уперся, как лошадь, — ни тпру ни ну; слова от него не добьешься путного.

Липочка. Да что ж это, Устинья Наумовна? Да как же это ты, право!

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть-то?

Липочка. Да давно ль ты его видела?

Устинья Наумовна. Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафорке; а уж употчевал — можно чести приписать. И кофию велел, и рюмку-то, а уж сухарей навалил — видимо-невидимо. Кушайте, говорит, Устинья Наумовна! Я было об деле-то, знаешь ли, — надо, мол, чем-нибудь порешить; ты, говорю, нынче хотел ехать обзнакомиться-то; а он мне на это ничего путного

не сказал. Вот, говорит, подумамши да посоветамшись, а сам только что опояску поддергивает.

Липочка. Что ж он там спустя рукава-то сантиментальничает? Право, уж тошно смотреть, как все это продолжается.

Аграфена Кондратьевна. И в самом деле, что он ломается-то? Мы разве хуже его?

Устинья Наумовна. А, лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдем?

Большов. Ну, уж ты другого-то не ищи, а то опять то же будет. Уж другого-то я вам сам найду.

Аграфена Кондратьевна. Да, найдешь, на печи-то сидя; ты уж и забыл, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Большов. А вот увидишь!

Аграфена Кондратьевна. Что увидать-то! Увидать-то нечего! Уж не говори ты мне, пожалуйста, не расстроивай ты меня! *(Садится.)*

Большов хохочет. Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены. Устинья Наумовна рассматривает ее платье.

Устинья Наумовна. Ишь ты, как вырядилась, — платьице-то на тебе какое авантажное. Уж не сама ль смастерила?

Липочка. Вот ужасно нужно самой! Что мы,

нищие, что ли, по-твоему? А мадамы-то на что?

Устинья Наумовна. Фу-ты, уж и нищие! Кто тебе говорит такие глупости? Тут рассуждают об хозяйстве, что не сама ль, дескать, шила, — а то, известное дело, и платье-то твое дрянь.

Липочка. Что ты, что ты! Никак с ума сошла? Где у тебя глаза-то? С чего это ты конфузить вздумала?

Устинья Наумовна. Что это ты так разъерепенилась?

Липочка. Вот оказия! Стану я терпеть такую напраслину. Да что я, девчонка, что ли, какая необразованная!

Устинья Наумовна. С чего это ты взяла? Откуда нашел на тебя эдакой каприз? Разве я хулю твое платье? Чем не платье — и всякий скажет, что платье. Да тебе-то оно не годится, по красоте-то твоей совсем не такое надобно, — исчезни душа, коли лгу. Для тебя золотого мало: подавай нам шитое жемчугом. Вот и улыбнулась, изумрудная! Я ведь знаю, что говорю!

Тишка *(входит)*. Сысой Псоич приказали спросить, можно ли, дескать, взойти. Они тамотка, у Лазаря Елизарыча.

Большов. Пошел, зови его сюда, и с Лазарем.

Тишка уходит.

Аграфена Кондратьевна. Что ж, недаром же закуска-то приготовлена — вот и закусим. А уж тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

Устинья Наумовна. Известное дело — адмиральский час — самое настоящее время.

Аграфена Кондратьевна. Ну, Самсон Силыч, трогайся с места-то, что так-то сидеть.

Большов. Погоди, вот те подойдут — еще успеешь.

Липочка. Я, маменька, пойду разденусь.

Аграфена Кондратьевна. Поди, дитятко, поди.

Большов. Погоди раздеваться-то — жених приедет.

Аграфена Кондратьевна. Какой там еще жених, — полно дурачиться-то.

Большов. Погоди, Липа, жених приедет.

Липочка. Кто же это, тятенька? Знаю я его или нет?

Большов. А вот увидишь, так, может, и узнаешь.

Аграфена Кондратьевна. Что ты его слушаешь, какой там еще шут приедет! Так, язык чешет.

Большов. Говорят тебе, что приедет, так уж я, стало быть, знаю, что говорю.

Аграфена Кондратьевна. Коли кто в самом

деле приедет, так уж ты бы путем говорил, а то приедет, приедет, а Бог знает, кто приедет. Вот всегда так.

Липочка. Ну, так я, маменька, останусь. *(Подходит к зеркалу и смотрится, потом к отцу.)* Тятенька!

Большов. Что тебе?

Липочка. Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно. ест У.стинья Наумовн а. Стыд не дым — глаза не вы-

Липочка. Нет, ей-богу, стыдно!

Большов. Ну, закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна. Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка. Вот и не угадали, вовсе не шляпку.

Большов. Так чего ж тебе?

Липочка. Выйти замуж за военного!

Большов. Эк ведь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна. Акстись, беспутная! Христос с тобой!

Липочка. Что ж, ведь другие выходят же.

Большов. Ну и пускай их выходят, а ты сиди у моря да жди погодки.

Аграфена Кондратьевна. Да ты у меня и заикаться не смей! Я тебе и родительского благо-

словенья не дам.

Явление четвертое

Те же и Лазарь, Расположенский и Фоминишна

(у дверей).

Расположенский. Здравствуй, батюшка Самсон Силыч! Здравствуй, матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Большов. Здравствуй, братец, здравствуй! Садиться милости просим! Садись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна. Закусить не угодно ли? А у меня закусочка приготовлена.

Расположенский. Отчего ж, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпил.

Большов. А вот сейчас пойдем все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

Устинья Наумовна. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт народился, и будто бы, золотые мои…

Большов. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие Божие; да и не об том теперь речь.

Устинья Наумовна. Так об чем же, яхонтовый?

Большов. А о том, что летаn наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и один Создатель только ведает, что будет вперед, то и положили мы еще при жизни своей отдать в замужество единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она не острамит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими.

Устинья Наумовна. Ишь ведь, как сладко рассказывает, бралиянтовый.

Большов. А так как теперь дочь наша здесь налицо, и при всем том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас оченно чувствительно, в рассуждении божеского благословения, то и назначаем его теперича в общем лицезрении. Липа, поди сюда.

Липочка. Что вам, тятенька, угодно?

Большов. Поди ко мне, не укушу небось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзин. Давно готов-с!

Большов. Ну, Липа, давай руку!

Липочка. Как, что это за вздор? С чего это вы выдумали?

Большов. Хуже, как силой возьму!

Устинья Наумовна. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Аграфена Кондратьевна. Господи, да что ж это такое?

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного!

Фоминишна. С нами крестная сила!

Подхалюзин. Видно, тятенька, не видать мне счастия на этом свете! Видно, не бывать-с по вашему желанию!

Б о л ь ш о в *(берет Липочку насильно за руку и Лазаря).* Как же не бывать, коли я того хочу? На что ж я и отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я ее кормил?

Аграфена Кондратьевна. Что ты! Что ты! Опомнись!

Большов. Знай, сверчок, свой шесток! Не твое дело! Ну, Липа! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать!

Садитесь рядком да потолкуйте ладком — а там честным пирком да за свадебку.

Липочка. Как же, нужно мне очень с неучем сидеть! Вот оказия!

Большов. А не сядешь, так насильно посажу да заставлю жеманиться.

Липочка. Где это видано, чтобы воспитанные барышни выходили за своих работников?

Большов. Молчи лучше! Велю, так и за дворника выйдешь. *(Молчание.)*

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за беда такая.

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, ровно чулан какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Фоминишна. Господи! Семой десяток живу, сколько свадьб праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна. За что ж вы это, душегубцы, девку-то опозорили?

Большов. Да, очень мне нужно слушать вашу фанаберию. Захотел выдать дочь за приказчика, и поставлю на своем, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу! Вот теперь закусить пойдемте, а они пусть побалясничают, может быть, и поладят как-нибудь.

Рисположенский. Пойдемте, Самсон Силыч, и я с вами для компании рюмочку выпью. А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтобы дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится.

Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалю-

зина и Аграфены
Кондратьевны.

Липочка. Да что же это, маменька, такое? Что я им, кухарка, что ли, досталась? *(Плачет.)*

Подхалюзин. Маменька-с! Вам зятя такого, который бы вас уважал и, значит, старость вашу покоил, окромя меня, не найтить-с.

Аграфена Кондратьевна. Да как это ты, батюшко?

Подхалюзин. Маменька-с! В меня Бог вложил такое намерение, по тому самому-с, что другой вас, маменька-с, и знать не захочет, а я по гроб моей жизни *(плачет)* должен чувствовать-с.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко! Да как же это быть?

Б о л ь ш о в *(из двери)*. Жена, поди сюда!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшко, сейчас!

Подхалюзин. Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчас сказал.

Аграфена Кондратьевна уходит.

Явление пятое

Липочка и Подхалюзин.
Молчание.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна-с! Алимпияда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-с! Позвольте вашу ручку поцеловать.

Липочка. Вы дурак необразованный!

Подхалюзин. За что вы, Алимпияда Самсоновна, обижать изволите-с?

Липочка. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас, — не пойду.

Подхалюзин. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с…

Липочка. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер — вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас идти, — вы бы должны отказаться.

Подхалюзин. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить: отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Липочка. А то и будет, что я выйду за благородного.

Подхалюзин. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмет.

Липочка. Как без приданого? Что вы городите-то! Посмотрите-ко, какое у меня приданое-то, — в нос бросится.

Подхалюзин. Тряпки-то-с! Благородный тряпок-то не возьмет. Благородному-то деньги нужны-с.

Липочка. Что ж! Тятенька и денег даст!

Подхалюзин. Хорошо, как даст-с! А как дать-то нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я их оченно хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрут-с.

Липочка. Как банкрут? А дом-то, а лавки?

Подхалюзин. А дом-то и лавки — мои-с!

Липочка. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? Глупее себя нашли!

Подхалюзин. А вот у нас законные документы есть! *(Вынимает.)*

Липочка. Так вы купили у тятеньки?

Подхалюзин. Купил-с!

Липочка. Где же вы денег взяли?

Подхалюзин. Денег! У нас, слава Богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Липочка. Что ж это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились!

Молчание.

Подхалюзин. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного — да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава, что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы

извольте рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда, так только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с. Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с, так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с — окромя бархатных, и надевать не станем. В рассуждении шляпок или салопов не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чуднеñ! Лошадей заведем орловских. *(Молчание.)* Если вы насчет физиономии сумневаетесь, так это, как вам будет угодно-с, мы также и фрак наденем да бороду обреем либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все одно-с.

Липочка. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

Подхалюзин. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна! Нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных — поглядеть только будут деньги давать.

Липочка. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

Подхалюзин. Ну, так мы пукетами пустим. *(Молчание.)* Было бы только с вашей стороны согласие, а то мне в жизни ничего не надобно. *(Молчание.)* Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить.

Липочка. Для чего вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите?

Подхалюзин. А для того, что нам не для чего. *(Молчание.)* Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с. *(Молчание.)* Прикажите на колени стать.

Липочка. Станьте!

Подхалюзин становится.

Вот у вас какая жилетка скверная!

Подхалюзин. Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком мосту закажу, только не погубите! *(Молчание.)* Что же, Алимпияда Самсоновна-с?

Липочка. Дайте подумать.

Подхалюзин. Да об чем же думать-с?

Липочка. Как же можно не думать?

Подхалюзин. Да вы не думамши.

Липочка. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Что прикажете-с?

Липочка. Увезите меня потихоньку.

Подхалюзин. Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?

Липочка. Да так делают. Ну, а коли не хотите увезти, так уж, пожалуй, и так.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна! Позвольте ручку поцеловать! *(Целует, потом вскакивает и подбегает к двери.)* Тятенька-с!..

Липочка. Лазарь Елизарыч, Лазарь Елизарыч! Подите сюда!

Подхалюзин. Что вам угодно-с?

Липочка. Ах, если бы вы знали, Лазарь Елизарыч, какое мне житье здесь! У маменьки семь пятниц на неделе; тятенька как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьет, того и гляди. Каково это терпеть образованной барышне! Вот как бы я вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом. А теперь все опять пойдет по-старому.

Подхалюзин. Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! Мы, Алимпияда Самсоновна, как только сыграем свадьбу, так перейдем в свой дом-с. А уж мы им-то командовать не дадим-с. Нет, уж теперь кончено-с! Будет-с с них — почудили на своем веку, теперь нам пора!

Липочка. Да вы такие робкие, Лазарь Елизарыч, вы не посмеете тятеньке ничего сказать, а с благородным-то они немного наговорили бы.

Подхалюзин. Оттого и робкий-с, что было дело

подначальное — нельзя-с. Прекословить не смею. А как заживем своим домом, так никто нам не указ. А вот вы все про благородных говорите. Да будет ли вас так любить благородный, как я буду любить? Благородный-то поутру на службе, а вечером по клубам шатается, а жена должна одна дома без всякого удовольствия сидеть. А смею ли я так поступать? Я всю жизнь должен стараться, как вам всякое удовольствие доставить.

Липочка. Так смотрите же, Лазарь Елизарыч, мы будем жить сами по себе, а они сами по себе. Мы заведем все по моде, а они — как хотят.

Подхалюзин. Уж это как и водится-с.

Липочка. Ну, теперь зовите тятеньку. *(Встает и охорашивается перед зеркалом.)*

Подхалюзин. Тятенька-с! Тятенька-с! Маменька-с!..

Явление шестое

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Подхалюзин *(идет навстречу Самсону Силычу и бросается к нему в объятия).* Алимпияда Самсоновна согласны-с!

Аграфена Кондратьевна. Бегу, батюшко, бегу!

Большов. Ну, вот и дело! То-то же. Я знаю, что

делаю, уж не вам меня учить.

Подхалюзин *(к Аграфене Кондратьевне).* Маменька-с! Позвольте ручку поцеловать.

Аграфена Кондратьевна. Целуй, батюшко, обе чистые. Ах ты, дитятко, да как же это давеча-то так, а? Ей-богу! Что ж это такое? А уж я и не знала, как это дело и рассудить-то. Ах, ненаглядная ты моя!

Липочка. Я совсем, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарыч такой учтивый кавалер! А теперь вдруг вижу, что он гораздо почтительнее других.

Аграфена Кондратьевна. Вот то-то же, дурочка! Уж отец тебе худа не пожелает. Ах ты, голубушка моя! Эка ведь притча-то, а? Ах, матушки вы мои! Что ж это такое? Фоминишна! Фоминишна!

Фоминишна. Бегу, бегу, матушка, бегу! *(Входит.)*

Большов. Постой ты, таранта! Вот вы садитесь рядом, а мы на вас посмотрим. Да подай-ко ты нам бутылочку шипучки.

Подхалюзин и Липочка садятся.

Фоминишна. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

Явление седьмое

Те же, Устинья Наумовна и Рисположенский.

Аграфена Кондратьевна. Поздравь жениха-то с невестой, Устинья Наумовна! Вот Бог привел на старости лет, дожили до радости.

Устинья Наумовна. Да чем же поздравить-то вас, изумрудные? Сухая ложка рот дерет.

Большов. А вот мы тебе горлышко промочим.

Явление восьмое

Те же, **Фоминишна** и **Тишка** (с вином на подносе).

Устинья Наумовна. Вот это дело другого рода. Ну, дай вам Бог жить да молодеть, толстеть да богатеть.

(Пьет.) Горько, бралиянтовые!

Липочка и Лазарь целуются.

Большов. Дай-ко я поздравлю. *(Берет бокал.)*

Липочка и Лазарь встают.

Живите, как знаете, — свой разум есть. А чтоб вам жить-то было не скучно, так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из на-

личного отсчитаем.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я и так вами много доволен.

Большов. Что тут миловать-то! Свое добро, сам нажил. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще!

Тишка наливает.

Да что тут разговаривать-то. На милость суда нет. Бери все, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

Подхалюзин. Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся!

Большов. Говорят тебе, бери все, да и кончено дело. И никто мне не указ! Заплати только кредиторам. Заплатишь?

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, первый долг-с!

Большов. Только ты смотри — им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то все отдать.

Подхалюзин. Да уж там, тятенька, как-нибудь сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большов. То-то же! Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них… Ну, поцелуйтеся!

Липочка и Лазарь целуются.

Аграфена Кондратьевна. Ах, голубчики вы мои! Да как же это так? Совсем вот как полоум-

ная.

Устинья Наумовна.

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночек яичко снес!

Наливает вина и подходит к Расположенскому. Расположенский
кланяется и отказывается.

Большов. Выпей, Сысой Псоич, на радости!

Расположенский. Не могу, Самсон Силыч, — претит.

Большов. Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна. Еще туда же, ломается!

Расположенский. Претит, Самсон Силыч! Ей-богу, претит. Вот я водочки рюмочку выпью! А это натура не принимает. Уж такая слабая комплекция.

Устинья Наумовна. Ах ты, проволочная шея!

Ишь ты — у него натура не принимает! Да давайте я ему за шиворот вылью, коли не выпьет.

Расположенский. Неприлично, Устинья Наумовна! Даме это неприлично. Самсон Силыч! Не могу-с! Разве бы я стал отказываться? Хе-хе-хе, да что ж я за дурак, чтобы я такое невежество

сделал; видали мы людей-то, знаем, как жить; вот я от водочки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этого не могу — потому претит. А вы, Самсон Силыч, бесчинства не допускайте, обидеть недолго, а нехорошо.

Большов. Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько!

Расположенский бежит от нее.

Устинья Наумовна *(ставит вино на стол).* Врешь, купоросная душа, не уйдешь! *(Прижимает его в угол и хватает за шиворот.)*

Расположенский. Караул!!

Все хохочут.

Действие четвертое

В доме Подхалюзина богато меблированная гостиная.

Явление первое

Олимпиада Самсоновна сидит у окна в роскошном положении; на ней шелковая блуза, чепчик последнего фасона. П о д-х а л ю з и н в модном сюртуке стоит перед зеркалом. **Тишка** за ним обдергивает и охорашивает.

Тишка. Ишь ты, как оно пригнато, в самый раз!

Подхалюзин. А что, Тишка, похож я на француза? а? Да издали погляди!

Тишка. Две капли воды.

Подхалюзин. То-то, дурак! Вот ты теперь и смотри на нас! *(Ходит по комнате.)* Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! А вы хотели за офицера идтить-с. Чем же мы не молодцы? Вот сертучок новенький взяли да и надели.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Да вы, Лазарь Елизарыч, танцевать не умеете.

Подхалюзин. Что ж, нешто не выучимся; еще как выучимся-то — важнейшим манером. Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! Польку станем танцевать.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского.

Подхалюзин. Как же, Алимпияда Самсоновна-с! Надать купить, надать-с.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. А мне новую мантелью принесли, вот мы бы с вами в пятницу и поехали в Сокольники.

Подхалюзин. Как же-с, непременно поедем-с; и в Парк поедем-с в воскресенье. Ведь коляска-то тысячу целковых стоит, да и лошади-то тысячу целковых и сбруя накладного серебра, — так пущай их смотрят. Тишка! трубку!

Тишка уходит.

(Садится подле Олимпиады Самсоновны.) Так-то-с,

Алимпияда Самсоновна! Пущай себе смотрят.

Молчание.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Что это вы, Лазарь Елизарыч, меня не поцелуете?

Подхалюзин. Как же! Помилуйте-с! С нашим удовольствием! Пожалуйте ручку-с! *(Целует.*

Молчание.) Скажите, Алимпияда Самсоновна, мне что-нибудь на французском диалекте-с.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Да что же вам сказать?

Подхалюзин. Да что-нибудь скажите — так, малость самую-с. Мне все равно-с!

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Ком ву зет жоли!

Подхалюзин. А это что такое-с?

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Как вы милы!

П о д х а л ю з и н *(вскакивает со стула).* Вот она у нас жена-то какая-с! Ай да Алимпияда Самсоновна! Уважили! Пожалуйте ручку!

Входит **Тишка** с трубкой.

Тишка. Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзин. Зачем ее еще черт принес!

Тишка уходит.

Явление второе

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна. Как живете-можете, бралиянтовые?

Подхалюзин. Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна *(целуясь)*. Что это ты как

будто похорошела, поприпухла?

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Ах, какой ты вздор городишь, Устинья Наумовна! Ну с чего это ты взяла?

Устинья Наумовна. Что за вздор, золотая; уж к тому дело идет. Рада не рада — нечего делать!.. Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что ж это вы меня позабыли совсем, бралиянтовые? Али еще осмотреться не успели? Все, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете.

Подхалюзин. Есть тот грех, Устинья Наумовна, есть тот грех!

Устинья Наумовна. То-то же: какую я тебе сударушку подсдобила!

Подхалюзин. Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна. Еще б не доволен, золотой! Чего ж тебе! Вы теперь, чай, все об нарядах хлопочете. Много еще модного-то напроказила?

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Не так чтобы много. Да и то больше оттого, что новые материи вышли.

Устинья Наумовна. Известное дело, жемчужная, нельзя ж комиссару без штанов: хоть худенькие, да голубенькие. А каких же больше настряпала — шерстяных али шелковых?

Олимпиада Самсоновн а. Разных — и шерстяных, и шелковых; да вот недавно креповое с золотом сшила.

Устинья Наумовна. Сколько ж всего-то-навсего у тебя, изумрудная?

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. А вот считай: подвенечное блондовое на атласном чахле да три бархатных — это будет четыре; два газовых да креповое, шитое золотом, — это семь; три атласных да три грогроновых — это тринадцать; гроденаплевых да гродафри-ковых семь — это двадцать; три марселиновых, два муслинделиновых, два шинероялевых — много ли это? — три да четыре — семь, да двадцать — двадцать семь; крепрашелевых четыре — это тридцать одно. Ну там еще кисейных, буфмуслиновых да ситцевых штук до двадцати; да там блуз да капотов — не то девять, не то десять. Да вот недавно из персидской материи сшила.

Устинья Наумовна. Ишь ты, Бог с тобой, сколько народила. А ты поди-ко выбери мне какое пошире из гродафриковых.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Гродафрикового не дам, у самой только три; да оно и не сойдется на твою талию; пожалуй, коли хочешь, возьми крепрашелевое.

Устинья Наумовна. На какого мне жида трепрашельчатое-то! Ну, уж, видно, нечего с тобой делать, помирюсь и на атласном, так и быть.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Ну и атласные тоже — как-то не того, сшиты по-бальному, открыто очень — понимаешь? А из крепрашелевых сыщем капот, распустим складочки, и будет в самую припорцию.

Устинья Наумовна. Ну, давай трепрашельчатое! Твое взяло, бралиянтовая! Поди отпирай шкап.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Я сейчас, подожди немножко.

Устинья Наумовна. Подожду, золотая, подожду. Вот еще мне с супругом твоим поговорить надо.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а уходит.

Что же это ты, бралиянтовый, никак забыл совсем свое обещание?

Подхалюзин. Как можно забыть-с, помним! *(Вынимает бумажник и дает ей ассигнацию.)*

Устинья Наумовна. Что ж это такое, алмаз-ны-Пй? о д х а л ю з и н. Сто целковых-с!

Устинья Наумовна. Как так сто целковых? Да ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Что-о-с?

Устинья Наумовна. Ты мне полторы тысячи

обещал.

Подхалюзин. Не жирно ли будет, неравно облопаетесь?

Устинья Наумовна. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? Я, брат, и сама дама разухабистая.

Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать? Диви бы за дело за какое!

Устинья Наумовна. За дело ли, за безделье ли, а давай, — ты сам обещал!

Подхалюзин. Мало ли что я обещал! Я обещал с Ивана Великого прыгнуть, коли женюсь на Алимпияде Самсоновне, — так и прыгать?

Устинья Наумовна. Что ж ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купец второй гильдии, я сама на четырнадцатом классе сижу, какая ни на есть, все-таки чиновница.

Подхалюзин. Да хоть бы генеральша — мне все равно; я вас и знать-то не хочу, — вот и весь разговор.

Устинья Наумовна. Ан врешь — не весь: ты мне еще соболий салоп обещал.

Подхалюзин. Чего-с?

Устинья Наумовна. Соболий салоп! Что ты, оглох, что ли?

Подхалюзин. Соболий-с! Хе-хе-хе…

Устинья Наумовна. Да, соболий! Что ты смеешься-то, что горло-то пялишь!

Подхалюзин. Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить!

Олимпиада Самсоновна выносит платье и отдает Устинье Наумовне.

Явление третье

Те же и Олимпиада Самсоновна.

Устинья Наумовна. Что ж это вы в самом деле — ограбить меня, что ли, хотите?

Подхалюзин. Что за грабеж, а ступайте с Богом, вот и все тут.

Устинья Наумовна. Уж ты гнать меня стал; да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами, — сейчас видно: мещанская-то кровь!

Подхалюзин. Так-с! Скажите пожалуйста!

Устинья Наумовна. А коли так, я и смотреть на вас не хочу! Ни за какие сокровища и водиться-то с вами не соглашусь! Кругом обегу тридцать верст, а мимо вас не пойду! Скорей зажмурюсь да на лошадь наткнусь, чем стану глядеть на ваше логовище! Плюнуть захочется, и то в эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Про-

валиться в тартарары, коли меня здесь увидите!

Подхалюзин. Да вы, тетенька, легонько, а то мы и за квартальным пошлем.

Устинья Наумовна. Уж я вас, золотые, распечатаю: будете знать! Я вас так по Москве-то расславлю, что стыдно будет в люди глаза показать!.. Ах я, дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием-чином… Тьфу! Тьфу! Тьфу! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Ишь ты, расходилась дворянская-то кровь! Ах ты, Господи! Туда же чиновница! Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! Ах ты, Господи! Вот и смотри на нее, дама какая!

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Охота вам была, Лазарь Елизарыч, с ней связываться!

Подхалюзин. Да помилуйте, совсем несообразная женщина!

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а *(глядит в окно)*. Никак тятеньку из ямы выпустили — посмотрите, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Ну, нет-с: из ямы-то тятеньку не скоро выпустят; а надо полагать, его в конкурс выписывали, так отпросился домой… Маменька-с! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идет-с!

Явление четвертое

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Где он? Где он? Родные вы мои, голубчики вы мои!

Целуются.

Подхалюзин. Тятенька, здравствуйте, наше почтение!

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! Оставил ты меня сиротой на старости лет!

Большов. Полно, жена, перестань!

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Что это вы, маменька, точно по покойнике плачете! Не бог знает что случилось.

Большов. Оно точно, дочка, не бог знает что, все-таки отец твой в яме сидит.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами.

Большов. Сидят-то сидят, да каково сидеть-то! Каково по улице-то идти с солдатом! Ох, дочка! Ведь меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет все в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают.

Аграфена Кондратьевна. И лица-то нет на

тебе, голубчик ты мой! Словно ты с того света выходец!

Подхалюзин. Э, тятенька, Бог милостив! Все перемелется — мука будет. Что же, тятенька, кредиторы-то говорят?

Большов. Да что: на сделку согласны. Что, говорят, тянуть-то, — еще возьмешь ли, нет ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и Бог с тобой.

Подхалюзин. Отчего же не дать-с! Надать дать-с! А много ли, тятенька, просят?

Большов. Просят-то двадцать пять копеек.

Подхалюзин. Это, тятенька, много-с!

Большов. И сам, брат, знаю, что много, да что ж делать-то? Меньше не берут.

Подхалюзин. Как бы десять копеек, так бы ладно-с. Семь с половиною на удовлетворение, а две с половиною на конкурсные расходы.

Большов. Я так-то говорил, да и слышать не хотят.

Подхалюзин. Зазнались больно! А не хотят они осемь копеек в пять лет?

Большов. Что ж, Лазарь, придется и двадцать пять дать, ведь мы сами прежде так предлагали.

Подхалюзин. Да как же, тятенька-с! Ведь вы тогда сами изволили говорить-с, больше десяти копеек не давать-с. Вы сами рассудите: по два-

дцати пяти копеек денег много. Вам, тятенька, закусить чего не угодно ли-с? Маменька! Прикажите водочки подать да велите самоварчик поставить, уж и мы, для компании, выпьем-с. А двадцать пять копеек много-с!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшко, сейчас! *(Уходит.)*

Большов. Да что ты мне толкуешь-то: я и сам знаю, что много, да как же быть-то? Потомят года полтора в яме-то да каждую неделю будут с солдатом по улицам водить, а еще, того гляди, в острог переместят — так рад будешь и полтину дать. От одного страма-то не знаешь, куда спрятаться.

Аграфена Кондратьевна с водкой; **Тишка** вносит

закуску и уходит.

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой! Кушай, батюшко, кушай! Чай, тебя там голодом изморили!

Подхалюзин. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чем Бог послал!

Большов. Спасибо, Лазарь! Спасибо! *(Пьет.)* Пей-ко сам.

Подхалюзин. За ваше здоровье! *(Пьет.)* Маменька! Не угодно ли-с? Сделайте одолжение!

Аграфена Кондратьевна. А-а, батюшко, до того

ли мне теперь! Эдакое божеское попущение! Ах ты, Господи Боже мой! Ах ты, голубчик ты мой!

Подхалюзин. Э, маменька, Бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с!

Аграфена Кондратьевна. Дай-то Господи! А то уж и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Большов. Ну, как же, Лазарь?

Подхалюзин. Десять копеечек, извольте, дам-с, как говорили.

Большов. А пятнадцать-то где же я возьму? Не из рогожи ж мне их шить.

Подхалюзин. Я, тятенька, не могу-с! Видит Бог, не могу-с!

Большов. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда ж ты деньги-то дел?

Подхалюзин. Да вы извольте рассудить: я вот торговлей завожусь, домишко отделал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы, что ли-с! Маменька! Попотчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, Самсон Силыч! Кушай! Я тебе, батюшко, пуншик налью!

Б о л ь ш о в *(пьет)*. Выручайте, детушки, выручайте!

Подхалюзин. Вот вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дел? Как же-с? Рассудите

сами: торговать начинаем, известное дело, без капитала нельзя-с, взяться нечем; вот домик купил, заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое. Сами извольте рассудить! Об детях подумать надо.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Что ж, тятенька, нельзя же нам самим ни при чем остаться. Ведь мы не мещане какие-нибудь.

Подхалюзин. Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-с, без капитала-то немного наторгуешь.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Я у вас, тятенька, до двадцати лет жила — свету не видала. Что ж, мне прикажете отдать вам деньги да самой опять в ситцевых платьях ходить?

Большов. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы?..

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же.

Большов. Лазарь! Да ты вспомни-то, ведь я тебе все отдал, все дочиста; вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный! Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни-то, Лазарь,

сколько раз я замечал, что ты на руку не чист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все свое состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-с!

Большов. Чувствуешь ты! Ты бы должен все отдать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне; ты заплати за меня только, что теперь следует.

Подхалюзин. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

Большов. Да разве я прошу! Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем, — и толковать об этом нечего.

Большов. Уж ты скажи, дочка, ступай, мол, ты, старый черт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака. И за дело! Не гонись за большим, будь

доволен тем, что есть. А за большим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттедова тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат. Большов пьет.

А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то теперь за сто верст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это все равно что грешную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствам тащат. А там мимо Иверской, как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда — ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем… А что ему за это было?.. А там Присутственные места, Уголовная палата… ведь я злостный — умышленный… ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа ради! *(Плачет.)*

Подхалюзин. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Бог милостив! Что это вы? Поправим как-нибудь. Все в наших руках!

Большов. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо денег, либо в Сибирь.

Подхалюзин. И денег дадим-с, только бы

отвязались! Я, так и быть, еще пять копеечек прибавлю.

Большов. Эки года! Есть ли в вас христианство? Двадцать пять копеек надо, Лазарь!

Подхалюзин. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу, много!

Большов. Змеи вы подколодные! *(Опускается головой на стол.)*

Аграфена Кондратьевна. Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь и с деньгами-то, иссохнешь, не доживя веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!

Подхалюзин. Полноте, маменька, Бога-то гневить! Что это вы клянете нас, не разобрамши дела-то!

Вы видите, тятенька захмелел маненько, а вы уж и напподи.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Уж вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклясть в треисподнюю. Знаю я: вас на это станет. За то вам, должно быть, и других детей-то Бог не дал.

Аграфена Кондратьевна. Сама ты молчи, беспутная! И одну-то тебя Бог в наказание послал.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. У вас все беспутные — вы одни хороши. На себя-то посмот-

рели бы: только что понедельничаете, а то дня не пройдет, чтоб не облаять кого-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Ишь ты! Ишь ты! Ах, ах, ах!.. Да я прокляну тебя на всех соборах!

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Проклинайте, пожа-луйста! г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Да! Вот как! Умрешь, не сгниешь! Да!..

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Очень нужно!

Б о л ь ш о в *(встает).* Ну, прощайте, дети.

Подхалюзин. Что вы, тятенька, посидите! Надобно же как-нибудь дело-то кончить!

Большов. Да что кончать-то? Уж я вижу, что дело-то кончено. Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет! Ты уж не плати за меня ничего: пусть что хотят со мной, то и делают. Прощайте, пора мне!

Подхалюзин. Прощайте, тятенька! Бог милостив — как-нибудь обойдется!

Большов. Прощай, жена!

Аграфена Кондратьевна. Прощай, батюшко Самсон Силыч! Когда к вам в яму-то пущают?

Большов. Не знаю!

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я наведаюсь: а то умрешь тут, не видамши-то тебя.

Большов. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты,

заживете по-барски. По гуляньям это, по балам — дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные заключенные. Не забудьте нас, бедных заключенных. *(Уходит с Аграфеной Кондратьевной.)*

Подхалюзин. Эх, Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами! Аль не надо-с? Он-то сам лучше их разжалобит. А? Аль ехать? Поеду-с! Тишка!

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Как хотите, так и делайте — ваше дело.

Подхалюзин. Тишка!

Входит **Тишка**.

Подай старый сертук, которого хуже нет.

Тишка уходит.

А то подумают: богат, должно быть, в те поры и не сговоришь.

Явление пятое

Те же, Рисположенский и Аграфена Кондратьевна.

Рисположенский. Вы, матушка, Аграфена Кондратьевна, огурчиков еще не изволили солить?

Аграфена Кондратьевна. Нет, батюшко! Какие теперь огурчики! До того ли уж мне! А вы посолили?

Рисположенский. Как же, матушка, посолили. Дороги нынче очень; говорят, морозом хватило. Лазарь Елизарыч, батюшка, здравствуйте! Это водочка? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Аграфена Кондратьевна уходит с О л и м п и а д о й

Самсоновной.

Подхалюзин. А за чем это вы к нам пожаловали, не слыхать ли?

Рисположенский. Хе-хе-хе!.. Какой вы шутник, Лазарь Елизарыч! Известное дело, за чем!

Подхалюзин. А за чем бы это, желательно знать-с?

Рисположенский. За деньгами, Лазарь Елизарыч, за деньгами! Кто за чем, а я все за деньгами!

Подхалюзин. Да уж вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисположенский. Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даете. Ведь у меня семейство.

Подхалюзин. Что ж, вам не по сту же давать.

Рисположенский. А уж отдали бы зараз, так я бы к вам и не ходил.

Подхалюзин. То-то вы ни уха ни рыла не смыслите, а еще хапанцы берете. За что вам давать-то?

Рисположенский. Как за что? Сами обещали!

Подхалюзин. Сами обещали! Ведь давали тебе — попользовался, ну и будет, пора честь знать.

Рисположенский. Как пора честь знать? Да вы мне еще тысячи полторы должны.

Подхалюзин. Должны! Тоже должны! Словно у него документ! А за что — за мошенничество!

Рисположенский. Как за мошенничество? За труды, а не за мошенничество!

Подхалюзин. За труды!

Рисположенский. Ну, да там за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документ.

Подхалюзин. Чего-с? Документ! Нет, уж это после придите.

Рисположенский. Так что ж, ты меня грабить, что ли, хочешь с малыми детьми?

Подхалюзин. Что за грабеж! А вот возьми еще пять целковых, да и ступай с Богом.

Рисположенский. Нет, погоди! Ты от меня этим не отделаешься!

Тишка входит.

Подхалюзин. А что же ты со мной сделаешь?

Рисположенский. Язык-то у меня некуплен-

ный.

Подхалюзин. Что ж ты, лизать, что ли, меня хочешь?

Расположенский. Нет, не лизать, а добрым людям рассказывать.

Подхалюзин. Об чем рассказывать-то, купоросная душа! Да кто тебе поверит-то еще?

Расположенский. Кто поверит?

Подхалюзин. Да! Кто поверит? Погляди-тко ты на себя.

Расположенский. Кто поверит? Кто поверит? А вот увидишь! А вот увидишь! Батюшки мои, да что ж мне делать-то? Смерть моя! Грабит меня, разбойник, грабит! Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

Подхалюзин. Да что увидать-то?

Расположенский. А вот что увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

Подхалюзин. Погоди да погоди! Уж я и так ждал довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Расположенский. Ты думаешь, мне никто не поверит? Не поверит? Ну, пускай обижают! Я… я вот что сделаю: почтеннейшая публика!

Подхалюзин. Что ты! Что ты! Очнись!

Тишка. Ишь ты, с пьяных-то глаз куда лезет!

Рисположенский. Постой, постой!.. Почтеннейшая публика! Жена, четверо детей — вот сапоги худые!..

Подхалюзин. Все врет-с! Самый пустой человек-с! Полно ты, полно… Ты прежде на себя-то посмотри, ну куда ты лезешь!

Рисположенский. Пусти! Тестя обокрал! И меня грабит… Жена, четверо детей, сапоги худые!

Тишка. Подметки подкинуть можно!

Рисположенский. Ты что? Ты такой же грабитель!

Тишка. Ничего-с, проехали!

Подхалюзин. Ах! Ну что ты мораль-то эдакую пущаешь!

Рисположенский. Нет, ты погоди! Я тебе припомню! Я тебя в Сибирь упеку!

Подхалюзин. Не верьте, все врет-с! Так-с, самый пустой человек-с, внимания не стоящий! Эх, братец, какой ты безобразный! Ну, не знал я тебя — ни за какие бы благополучия и связываться не стал.

Рисположенский. Что, взял, а! Что, взял! Вот тебе, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, черт с тобой! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Какой горячий-с! *(К публике.)* Вы ему не верьте, это он, что говорил-с, — это все

врет. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во сне приснилось. А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого робенка пришлете — в луковице не обочтем.

Не в свои сани не садись
Комедия в трех действиях

ЛИЦА

МАКСИМ ФЕДОТЫЧ РУСАКОВ, богатый купец.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА, его дочь.

АРИНА ФЕДОТОВНА, его сестра, пожилая девушка.

СЕЛИВЕРСТ ПОТАПЫЧ МАЛОМАЛЬСКИЙ, содержатель трактира и гостиницы.

АННА АНТОНОВНА, его жена.

ИВАН ПЕТРОВИЧ БОРОДКИН, молодой купец, имеющий мелочную лавочку и погребок.

ВИКТОР АРКАДЬИЧ ВИХОРЕВ, отставной кавалерист.

АНДРЕЙ АНДРЕИЧ БАРАНЧЕВСКИЙ, чиновник.

СТЕПАН, слуга Вихорева.

ПОЛОВОЙ, в гостинице.

МАЛЬЧИК И ДЕВУШКА

(без речей). Действие происходит в уездном городе Черемухине.

Действие первое

Общая комната в гостинице; на задней и по боковым стенам по
двери, в левом углу от зрителей стол.

Явление первое

С т е п а н сидит за столом и ест селедку на синей сахарной бумаге. П о л о в о й стоит подле него с полотенцем на плече.

С т е п а н. Что ты, братец, смотришь? Незавидное кушанье! Тонкое житье! Третий день вот селедками пробавляюсь, а что в них проку-то, только пьешь да в животе бурчит.

П о л о в о й. Что ваш барин-то, служащий?

С т е п а н. Да, служили мы с барином-то без году неделю.

П о л о в о й. Что ж так мало-с?

С т е п а н. Гм! где ему служить! Не то у него на уме, и притом же горд… *(Глотает с трудом.)* Кто я да что я! Да другие провинности, да шалушки водились, так все к одному пригнали, да и машир на хаус.

П о л о в о й. А имение-то есть у вас?

С т е п а н. Было большое село, да от жару в кучу свело. Все-то разорено, все-то промотано! То есть поверишь ли ты, друг мой, приехали мы это в деревню — ни кола ни двора; а хлеб-то на поле, так не глядели б глаза мои: колос от колоса — не слыхать девичьего голоса.

П о л о в о й. А много ль душ-то?

С т е п а н. У тятеньки-то было полтораста, а у нас только одиннадцать, да я двенадцатый — дворовый. Вот и всё.

П о л о в о й. Зачем же ваш барин сюда приехал?

С т е п а н. Жениться хочет, из себя очень красив… Как женюсь, говорит, на богатой, все дела поправлю.

Голос за сценой: «Степан!»

Иду-с. *(Завертывает селедку в бумагу и кладет в карман. Уходит.)*

Явление второе

Бородкин и Маломальский.

Б о р о д к и н. Теперича которые я вина получил, Селиверст Потапыч, так останетесь довольны, первейшие сорта.

М а л о м а л ь с к и й. Молодцы! Соберите чайку… поскорей… лучшего… *(Садится за стол.)*

Б о р о д к и н. Если вы теперича попробуете, так вы завсегда будете предпочитать брать у меня. А я вам, Селиверст Потапыч, завсегда могу этим делом услужить.

П о л о в о й приносит чай и ставит на стол. Бородкин начинает

мыть чашки и разливать.

Позвольте вас попотчевать бутылочку лисабончику.

М а л о м а л ь с к и й. Я, брат, ничего… я выпью.

Б о р о д к и н. Мальчик! Паренек!

Входит м а л ь ч и к.

Сбегай в лавку, скажи приказчику, чтобы отпустил бутылку лисабону лучшего.

М а л ь ч и к уходит. Бородкин разливает чай.

А ему, Селиверст Потапыч, нет, врет, — не удастся ему замарать меня.

М а л о м а л ь с к и й. Теперича, если ты ведешь свои дела правильно и, значит, аккуратно… ну, и никто тебя не может замарать.

Б о р о д к и н. Я, истинно, Селиверст Потапыч, благодарю Бога! Как остался я после родителя семнадцати лет, всякое притеснение терпел от родных, и теперича, который капитал от тятень-

ки остался, я даже мог решиться всего капиталу. Все это я перенес равнодушно, и когда я пришел в возраст, как должно — не токма чтобы я промотал или там как прожил, а, сами знаете, имею, может быть, вдвое-с, живу сам по себе, своим умом, и никому уважать не намерен.

М а л о м а л ь с к и й. Это ты в правиле… действуешь.

Б о р о д к и н *(стучит крышкой чайника).* Кипя-точку!

Половой подходит и берет чайник.

М а л о м а л ь с к и й. Ты… имеешь свою… правилу…

Б о р о д к и н. Опять, Селиверст Потапыч, за что он меня обижает?

М а л о м а л ь с к и й. Он не должон этого…

Б о р о д к и н. Теперича он пущает слух, якобы то есть я занимаюсь этим малодушеством — пить. Так это он врет: кто меня видел пьяным!.. Опять хоша бы я доподлинно пил, все-таки, стало быть, на свои: что ли, я на его счет буду пить? А все это, главная причина, — одна зависть.

Половой приносит воды. Бородкин разливает.

А может, он того не знает, что я плевать хотел на все это.

М а л о м а л ь с к и й. Слушай, ты! Оставь втуне…

пренебреги! Как ты свой круг имеешь дела, и действуешь ты, примерно, в этом круге… так ты и должон действовать, и тебе ничего не может препятствовать никто.

Б о р о д к и н. Все-таки обидно. Говорится пословица: добрая слава лежит, а худая бежит. Зачем я теперь скажу про человека худо? Лучше я должон сказать про человека хорошо.

М а л о м а л ь с к и й. Это ты правильно говоришь.

Б о р о д к и н. Всякий по чужим словам судит. А почем он знает: может, он мне этим вред делает. Я жениться хочу, так кому же это нужно, когда про человека такая слава идет.

М а л о м а л ь с к и й. Слушай! Коли ты женишься… кто же может ему поверить… потому как он пустой человек и, с позволения сказать, ничтожный его весь разговор… Никому вреда… окромя себе.

Б о р о д к и н. Конечно, Селиверст Потапыч, всякий знает, что все это наносные слова, да к чему же это-с? Что я ему сделал? Я об нем и думать-то забыл, потому как он есть невежа и ругатель.

П о л о в о й *(приносит бутылку).* Прикажете откупорить?

Б о р о д к и н. Откупори да бокальчиков дай.

П о л о в о й. Сейчас. *(Откупоривает, подает на подносе два бокала и наливает.)*

Б о р о д к и н. Пожалуйте-с.

Берут бокалы и пьют.

Как на ваш вкус?

М а л о м а л ь с к и й. Ничего… живет… Эй ты! Прибирай чай. лю Б. о р о д к и н. Я вам это самое по полтинничку постав-

Молчание. Пьют.

А я вам вот… перед истинным… то есть не то чтобы пьянство или там что другое, а больше того стараюсь, чтобы люди про меня хорошее говорили. Как живу я при матушке теперича пятый год, сами знаете, честно и благородно… Пожалуйте еще… выкушайте. *(Наливает.)* Никого я не трогаю, значит, никому до меня дела нет. Конечно, я по молодости своей обязан уважать старшим, да не всякому же: другой не стоит того и внимания, чтоб ему уважать-то. А я к вам с просьбой, Селиверст Потапыч, заставьте за себя Богу молить. *(Встает и кланяется в пояс.)*

М а л о м а л ь с к и й. Какая же может быть твоя просьба?

Б о р о д к и н. Это дело будет касаться Максима Федотыча… Я теперича буду вас просить замолвить за меня словечко.

М а л о м а л ь с к и й. То есть насчет чего же… это… касающее?..

Б о р о д к и н. Насчет Авдотьи Максимовны-с! Есть на то мое желание и маменькино-с.

М а л о м а л ь с к и й. Это ничего… это можно…

Б о р о д к и н. Вы не подумайте, Селиверст Потапыч, чтобы я польстился на деньги или там на приданое, ничего этого нет; мне чтоп приданое, Бог с ним, потому у меня и своего довольно; а как, собственно, я очень влюблен в Авдотью Максимовну. Стараюсь об ней, примерно, не думать — никак невозможно, потому это сверх моих чувств. Поверите ли, Селиверст Потапыч, сядешь это вечером дома к окну, возьмешь гитару, собственно, как для увеселения себя, — такая найдет на тебя тоска, что даже до слез.

М а л о м а л ь с к и й. Это я могу… орудовать…

Б о р о д к и н. И мне, кажется, ничего в жизни не надо, кроме как если бы Максим Федотыч отдали за меня Авдотью Максимовну, хотя бы даже безо всякого награждения.

М а л о м а л ь с к и й. Это все в наших руках.

Б о р о д к и н. Будьте отец и благодетель! Нынче Максим Федотыч зайдут к вам, так уж вы ему поговорите, а уж я вам по гроб жизни буду обязан, то есть вот как-с — скажите: Иван, сделай

то-то, я всей душой-с. Прикажете еще бутылочку послать?

М а л о м а л ь с к и й. Что ж… посылай…

Б о р о д к и н *(половому)*. Пошли мальчика-то, чтоб еще бутылочку принес.

П о л о в о й. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Входит Р у с а к о в. Бородкин быстро встает и раскланивается.

Маломальский тоже встает.

Явление третье

Те же и Русаков.

Б о р о д к и н *(показывая на диван)*. Пожалуйте-с, Максим Федотыч! Наше вам почтение.

Р у с а к о в. Ну, вот, сват, я к тебе пришел, чем-то ты меня станешь потчевать.

М а л о м а л ь с к и й. Китайских трав… первых сортов… велим подать.

Р у с а к о в. Ну тебя с травами!..

Б о р о д к и н. Домашние ваши здоровы ли-с, Авдотья Максимовна, Арина Федотовна?

Р у с а к о в. Ничего, живут помаленьку. Ты, Иванушка, что к нам редко заглядываешь?..

Б о р о д к и н. Побываю, Максим Федотыч, как-нибудь-с. Это время всё делишки были. Не

прикажете ли рюмочку лисабончику?

Р у с а к о в. Нет, я этого, брат, не пью. А вот с дорожки-то ты бы, сват, велел подать рюмочку ерофеичу.

М а л о м а л ь с к и й. Молодцы! Ерофеичу подайте… поскорей, домашнего… да закусочки… Слышь ты, скажи жене, что сват, мол, пришел.

П о л о в о й уходит.

Р у с а к о в. Об чем вы тут, дружки, толкуете?

М а л о м а л ь с к и й. Такое дело, примерно… важное, рассудку требует.

Р у с а к о в. Это ты хорошо, Иванушка, делаешь, что к старшим за советом ходишь. Ум хорошо, а два лучше… Хоть ты парень и умный, а старика послушай… старик тебе худа не посоветует. Так ли я говорю, а?

М а л о м а л ь с к и й. Это ты правильно.

П о л о в о й приносит водку и ставит на стол.

Р у с а к о в *(пьет)*. А ты, сват, выпьешь?

М а л о м а л ь с к и й. Я, сват… я выпью… я нынче загулял. *(Пьет; делает серьезную физиономию.)* А у меня есть слово к тебе, сват…

Р у с а к о в. Какое же это слово?

М а л о м а л ь с к и й *(с важною физиономией показывает на Бородкина)*. Теперича этот молодец… гм!.. к примеру… *(мигает глазом)* то есть,

примерно, приходит он ко мне… и все этакое…

Р у с а к о в. Да ты полно ломаться-то!.. Ты и так-то разговаривать не мастер, а как уж важность-то на себя напустишь, так хоть вовсе брось.

М а л о м а л ь с к и й. Погоди… дело говорю. Гм!.. Выпьем сперва-напперва.

Р у с а к о в. Пей, я не хочу.

М а л о м а л ь с к и й *(пьет и морщится).* Только вот приходит он ко мне… видишь… так и так, говорит… что он, примерно сказать тебе, влюблен…

Бородкин встает.

Ну, и значит… он просит меня, чтобы я руководствовал его… этому всему делу.

Р у с а к о в. Ну?..

М а л о м а л ь с к и й. Ты погоди!.. Как он теперь в состоянии… то есть… при всем своем полном капитале… ну, и должон законным браком… Гм… приходит это, примерно, ко мне…

Р у с а к о в. Уж слышали.

М а л о м а л ь с к и й. Я, сват… я говорить не умею, а то есть у тебя, примерно, товар, а у нас купец… *(Подпирает руки в боки и сидит с важной физиономией.)*

Р у с а к о в. У тебя, сват, не разберешь — так ли ты городишь, зря, или ты про дело толкуешь.

М а л о м а л ь с к и й. Про дело, сват.

Р у с а к о в. Так про дело делом и толковать надо, а не так. Ведь это не шутка, ты сам посуди! Это навек.

М а л о м а л ь с к и й. Послушай, сват… ты нам теперь-то что-нибудь, примерно, хоть обиняком…

Р у с а к о в. Да что вам сказать-то? Ты знаешь, Дуня у меня одна… Одно утешение только и есть. Мне не надо ни знатного, ни богатого, а чтобы был добрый человек да любил Дунюшку, а мне бы любоваться на их житье… право, так. Я, значит, должон это дело сделать с разумом, потому мне придется за нее Богу отвечать.

Б о р о д к и н. Конечно, Максим Федотыч, главная причина, как сами Авдотья Максимовна, как им человек понравится.

М а л о м а л ь с к и й. Это он… так точно.

Р у с а к о в. Врете вы оба! Статочное ли дело, чтоб поверить девке, кто ей понравится!.. Известно, дело девичье — глупое… Девку долго ли обмануть!.. Ветрогон какой-нибудь, прости Господи, подвернется, подластится, ну, девка и полюбит; так ее и отдавать без толку?.. Нет, это непорядок: пусть мне человек понравится. Я не за того отдам, кого она полюбит, а за того, кого я полюблю. Да, кого я полюблю, за того и отдам. Да я

год буду смотреть на человека, со всех сторон его огляжу. А то как девке поверить?.. Что она видела? Кого она знает?.. А я, сват, недаром шестьдесят лет на свете живу, видал-таки людей-то: меня на кривой-то не объедешь.

М а л о м а л ь с к и й. Ты слушай, сват, значит, за кого отец… за того и ступай… потому он лучше… как можно… девке где?.. Дай им волю-то… после и не расчерпаешь, так ли… а?..

Р у с а к о в. Да ты что!.. Все ты не дело толкуешь!.. Моя дочь не такая… Моя Дунюшка вылитая жена-покойница… Помнишь, сват?.. Ну что! Роптать грех. *(Утирая слезы.)* Годков тридцать пожил! и за то должон Бога благодарить. Да как пожил! Тридцать лет слова неласкового друг от друга не слыхали! Она, голубка, бывало, куда придет, там и радость. Вот и Дуня такая же: пусти ее к лютым зверям, и те ее не тронут. Ты на нее посмотри: у нее в глазах-то только любовь да кротость. Она будет любить всякого мужа, надо найти ей такого, чтоб ее-то любил да мог бы понять, что это за душа… душа у ней русская.

Б о р о д к и н. Я, Максим Федотыч, это очень могу понимать-с.

Р у с а к о в. Что ж, Иванушка, я тебя обманывать не стану: ты мне нравишься, ты парень хороший;

лучше тебя у нас в городе нет. Заходи ужо-тка да скажи матери, чтоб побывала, я с ней поговорю.

М а л ь ч и к приносит бутылку вина.

Б о р о д к и н. Первым долгом почту передать это своей родительнице-с.

М а л о м а л ь с к и й. Ну, так по рукам… что ль… а?.. А вот теперь, сват, давайте… вобче… все выпьем.

Пьют.

Р у с а к о в *(встает).* Ну, прощай, сват.

М а л о м а л ь с к и й. Погоди!

Р у с а к о в. Некогда! Дома обедать ждут.

М а л о м а л ь с к и й. Нет, постой… я тебе расскажу историю… Слышь ты… остановились у меня проезжие… только, примерно, напились… и какой же маскарад сделали!

Р у с а к о в. Ну тебя с маскарадом! Прощай!

Б о р о д к и н. Я вот сбегаю в лавку, заверну домой-с, да и к вам-с.

Уходит.

Явление четвертое

Маломальский один, потом А н н а А н т о н о в н а.

М а л о м а л ь с к и й *(допивает, стучит по*

столу и кричит). Эй, молодцы!.. Прибирай все, слышь ты, прибирай!... *(Стучит.)*

А н н а А н т о н о в н а *(входит).* Необразованность ты моя! Что ты шумишь-то? Мужик, мужик!..

М а л о м а л ь с к и й. Жена, молчи! Дело сделали... теперь гуляй!..

А н н а А н т о н о в н а. Стен-то бы ты постыдился, что ты орешь-то?..

Приходит п о л о в о й, собирает со стола, уносит поднос и опять

возвращается.

М а л о м а л ь с к и й. Жена! Поди сюда... дело сделали...

А н н а А н т о н о в н а. Необразованность!

М а л о м а л ь с к и й. Веди меня... я спать хочу... *(Жена берет его за руку и ведет.)* Постой, поцелуй меня!..

А н н а А н т о н о в н а. Пойдем, пойдем, беспутный.

Уходят. Входят Б а р а н ч е в с к и й и В и х о р е в.

Явление пятое

Половой, Баранчевский и Вихорев.

В и х о р е в. Вот как это случилось. Я услыхал, что у Русакова много денег; ну, и приехал сюда из деревни нарочно; думаю, рискну! Уж либо пан, либо пропал… Отрекомендовался ему, познакомились; а с ней-то я познакомился через хозяйку здешнюю, Анну Антоновну. Авдотья Максимовна к ней заходит иногда. Ну, знаешь, поразговорились, то да се, а тут уж долго ли влюбиться.

Б а р а н ч е в с к и й. Что толковать!..

В и х о р е в. Дело в том, Баранчевский, что мне нужны деньги. Состояние, которое у меня было когда-то, давно прожито, имение расстроено. Мой друг! мне жить нечем, мне не с чем в Москву приехать, а я там много должен. Мне нужно жениться на богатой во что бы то ни стало; это единственное средство.

Б а р а н ч е в с к и й. Женись на Русаковой. Чего ж тебе лучше? К тому же она в тебя влюблена.

В и х о р е в. Влюблена-то она влюблена, да что скажет отец. А что, Баранчевский, много у него денег?..

Б а р а н ч е в с к и й. Полмиллиона, наверно.

В и х о р е в. Нет, ты не шутишь?

Б а р а н ч е в с к и й. Что за шутки! Непременно есть полмиллиона, если не больше. *(Смотрит на часы.)* Торопиться-то мне некуда; давай выпьем маленькую.

В и х о р е в. Изволь.

Баранчевский *(половому).* Бутылку шампанского!

Садятся.

В и х о р е в. Нет, послушай, Баранчевский, неужели в самом деле у Максима Федотыча полмиллиона?

Б а р а н ч е в с к и й. Что ж тут мудреного! У нас много богатых купцов. Я сам взял за женой полтораста тысяч.

В и х о р е в. Ты?.. Нет, уж это, брат, шутки!.. Я этому не поверю.

Б а р а н ч е в с к и й. Не верь, пожалуй; а я вот имение купил, премиленькое, верстах в семи от города, душ двести, дом отделал великолепным образом.

В и х о р е в. Баранчевский! Да ты великий человек! Счастливчик просто! А мне так вот нет счастья. Я было в Москве тоже присватался за одну — куш порядочный: влюбилась, сдуру, ужас как, просто средств нет никаких, да не отдают ни

за какие благополучия. Я так, сяк, увезти хотел, да с ней-то не столкуешь — дура ужаснейшая! Дура à la lettre, mon cher[1], такое несчастие!

Б а р а н ч е в с к и й. Одно, брат, неприятно, уж сейчас заметно, что из купчих.

В и х о р е в. Что за важность! Стоит об этом разговаривать! Послушай, Баранчевский, будь друг, ты мне помоги!

Б а р а н ч е в с к и й. Еще бы не помочь!

В и х о р е в. Ведь этот народ не понимает самой простой истины… Что такое деньги?.. Ни больше ни меньше как средство жить порядочно, в свое удовольствие. А они стараются как можно больше копить и как можно меньше проживать; а уж доказано всеми науками, что это вредно… для торговли… и для целого общества.

Б а р а н ч е в с к и й. Так, так, душа моя, так!

В и х о р е в. Вот видишь, если бы у тебя не было денег, ты бы не спросил бутылки шампанского, а этим поддерживается торговля.

Баранчевский утвердительно кивает головой.

Следовательно, если мы, люди образованные и со вкусом, но без средств, женимся на богатых и таким образом даем, знаешь, некоторое движе-

---

[1] Примечания: 1

В полном смысле слова, мой милый *(фр.)*.

ние… можно ли нас за это упрекнуть?

Б а р а н ч е в с к и й. Никоим образом!

В и х о р е в. А ведь есть такие философы, которые осуждают это!..

Б а р а н ч е в с к и й. Осуждай, пожалуй!..

В и х о р е в. Теперь ты возьми в расчет мой меланхолический характер: мне и так все кажется в черном цвете, а во время безденежья… ты себе и вообразить не можешь… При деньгах я совсем другой человек: я делаюсь весел, развязен, могу заняться делом… Нет, Андрюша, в самом деле!.. Особенно в последнее время, обстоятельства были очень плохи, такая, братец, тоска нашла, хандрить начал. Серьезно я говорю, помоги, Баранчевский!

Б а р а н ч е в с к и й. Изволь, изволь!..

В и х о р е в. А вот, во-первых, есть у тебя экипаж хороший?

Б а р а н ч е в с к и й. Лучший в городе.

В и х о р е в. Ты мне одолжи его к ним съездить.

Б а р а н ч е в с к и й. С удовольствием, мой друг!

Встают и ходят по сцене.

Что ж вина не дают?..

В и х о р е в *(ухватывая его за талию)*. Так-то,

Андрюша!.. Вот дела-то!.. Привел Бог свидеться!.. Однако ты потолстел.

Половой приносит бутылку и два стакана, ставит стаканы на стол и откупоривает бутылку.

Без грому, братец, без грому; я этого терпеть не могу.

Садятся к столу. Половой наливает им стаканы и отходит к стороне. Пьют молча.

Что это у вас за шум был?..

П о л о в о й. Хозяин загулял-с.

Вихорев. Что ж, это с ним часто бывает?

П о л о в о й. Со временем бывает-с. С знакомыми сидели; Максим Федотыч был-с, Бородкин.

В и х о р е в. И Максим Федотыч был?

П о л о в о й. Был-с. Они дочку просватали-с.

В и х о р е в. Что за вздор!.. Ты, братец, врешь! За кого?

П о л о в о й. За Бородкина-с.

В и х о р е в. Это пустяки, этого быть не может. Послушай, мой друг, вот это несчастие!.. Вот что называется несчастие!.. *(Вскакивает.)* Это, наконец, черт знает что такое!.. Понимаешь ли ты, я за этим ехал сюда!.. Согласись, Баранчевский, что ведь это ужасно досадно!.. Кто этот Бородкин?..

П о л о в о й. Здешний купец-с.

В и х о р е в. Что, он богат, хорош собою, об-

разован?..

П о л о в о й. Как есть из русских-с.

В и х о р е в. Родство, что ли, у него богатое?

П о л о в о й. Какое родство-с! Нашему слесарю двоюродный кузнец!

В и х о р е в. Так она за него не пойдет ни за что! Я говорю тебе, Баранчевский, что она влюблена в меня; не стану же я тебя обманывать. Или, может быть, у вас тут обычай выдавать насильно. Ведь кто вас знает. Заедешь в такую глушь!.. Это черт знает как досадно!

П о л о в о й. Одна необразованность; по необразованию все делается.

Б а р а н ч е в с к и й. Ну, из чего ты так горячишься?

В и х о р е в. Да, вот ты тут устроился, так тебе и хорошо: тебе тепло здесь с богатой-то женой, а я чем виноват! Ты представь мое-то положение… *(Ходит по комнате.)* Однако что ж мне теперь делать?

Б а р а н ч е в с к и й. Вот что делать: поедем ко мне обедать, я тебя с женой познакомлю, а вечером возьми моих лошадей да и поезжай к Русакову, объяснись с ним поумнее, может быть, еще это все вздор.

В и х о р е в. Ну, так едем. Допивай.

А н н а А н т о н о в н а входит.

Явление шестое

Те же и Анна Антоновна.

А н н а А н т о н о в н а. Виктор Аркадьич, Виктор Аркадьич!

В и х о р е в *(подходя к ней).* Что вам угодно?

А н н а А н т о н о в н а. Ваш предмет у меня теперь сидит; она собирается домой, так вы погодите, я ее здесь проведу.

В и х о р е в. Благодарю вас.

А н н а А н т о н о в н а. Амур! *(Уходит.)*

В и х о р е в *(поправляется перед зеркалом).* Ты поезжай да пришли за мной лошадей; я сейчас приеду. *(Половому.)* А ты пошел вон.

Б а р а н ч е в с к и й. Ну, прощай, я тебя жду. *(Уходит.)*

Явление седьмое

В и х о р е в *(один).* Если этот Максим Федотыч не согласится, так я ее увезу; нечего и разговаривать!.. Будет, помаялся, надобно чем-нибудь кончить. Что ж, мне в ремесленники, что ли,

идти?.. Нет, как у меня деньги-то в кармане, так мне что хочешь пой, я никого и слушать не хочу.

Входят Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.

Явление восьмое

Вихорев, Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.

Вихорев. Какая нечаянность! *(Раскланивается.)*

Авдотья Максимовна кланяется ему.

Анна Антоновна *(тихо, Вихореву)*. Поговорите, полюбезничайте, а я посмотрю, не взошел бы кто.

Вихорев. Я должен с вами проститься, Авдотья Максимовна!..

Авдотья Максимовна стоит в недоумении.

Я еду отсюда.

Авдотья Максимовна. Зачем же вы едете, Виктор Аркадьич?

Вихорев. А зачем мне оставаться, Авдотья Максимовна?.. Я слышал, вы выходите замуж.

Авдотья Максимовна. Это неправда, Виктор Аркадьич, это вас обманули — это только хотят нас расстроить. И кому это только нужно!

В и х о р е в. Помилуйте, нынче утром Максим Федотыч дал слово какому-то Бородкину. Согласитесь сами, после этого что же мне здесь делать!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ах, Боже мой! Тятенька мне ничего не говорил об этом. Я не пойду за Бородкина, Виктор Аркадьич, вы не беспокойтесь, пожалуйста.

В и х о р е в. Вам тятенька прикажет идти.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ах, нет, тятенька меня любит. Я скажу ему, что не люблю Бородкина; он насильно не заставит…

В и х о р е в. А как он этого не послушает, что тогда?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я уж, право, не знаю, что мне и делать с этим делом, такая-то напасть на меня!

В и х о р е в. Хотите, я научу вас, что делать?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Научите.

В и х о р е в. Уедемте потихоньку да и обвенчаемся.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ах, нет, нет! Что вы это, ни за что на свете!.. Ни-ни, ни за какие сокровища!..

В и х о р е в. Тятенька вас любит, он простит. Мы к нему сейчас приедем после свадьбы, знаете, по русскому обыкновению, ему в ноги… Ну, старик

и того…

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Да и не говорите! Он проклянет меня!.. Каково мне тогда будет жить на белом свете! До самой смерти у меня будет камень на сердце.

В и х о р е в. Ну, извините, я другого средства не знаю.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Вы лучше вот что сделайте, Виктор Аркадьич: приезжайте к нам нынче вечером да и поговорите с тятенькой, а я сама его тоже попрошу; хоть и стыдно будет, да уж переломлю себя.

В и х о р е в. А ну, как он откажет мне?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Что ж делать!.. Знать, моя такая судьба несчастная. Вчера тетенька на картах гадала, что-то все дурно выходило, я уж немало плакала. *(Подносит платок к глазам.)*

В и х о р е в. Послушайте, коли вы меня так любите, так вы уговорите Максима Федотыча, он вас послушает. Тогда мы оба будем счастливы!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Вы-то меня любите ли так, Виктор Аркадьич, как я вас люблю?..

В и х о р е в. Какое же может быть сомнение! Если вы не будете моей, я сейчас же уеду на Кавказ и буду нарочно стараться, чтобы меня

поскорее застрелили. Вы знаете, как черкесы хорошо стреляют.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Что это вы, Виктор Аркадьич, какие страсти говорите! Нет, не ездите. Приезжайте ужо к нам.

В и х о р е в. Непременно приеду.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Прощайте, мне пора.

Вихорев берет ее за руку и хочет обнять.

Нет, мне стыдно, ей-богу, стыдно!..

В и х о р е в *(в сторону).* Вот нежности! *(Ей.)* Что за стыд, когда любите. *(Целует ее.)*

Авдотья Максимовн а. Вы будете после смеяться.

В и х о р е в. За кого же вы меня принимаете? Смею ли я!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Нет, мне, право, стыдно. *(Обнимает и целует его сама, закрывает лицо и отходит.)* Прощайте, приезжайте ужо.

В и х о р е в. Непременно приеду. Авдотья Максимовна подходит к Анне Антоновне и, шепнувши ей что-то, уходит.

А н н а А н т о н о в н а *(в дверях, грозя пальцем).* Амур! *(Уходит.)*

Явление девятое

В и х о р е в *(один).* А она даже очень недурна и, как кажется, такая простенькая девушка. А уж как влюблена, ужас! Тысяч сто взять к ней в придачу, да и довольно. Конечно, с такой женой нельзя в столицу показаться, а в уезде ничего, жили бы припеваючи. *(Уходит.)*

Действие второе

Небольшая комната в доме Русакова; на обеих боковых стенах по окну и по двери, на задней стене дверь; два стола, один с правой стороны, другой с левой, почти у самой двери; за столом диван, на окнах цветы и на одном гитара.

Явление первое

Авдотья Максимовна сидит у окна. А рина Федотовна

сидит у окна на диване, шьет.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(смотря в окно, поет русскую песню, потом обращается к Арине Федотовне).*

Научить ли те, Ванюша,
Научить ли те, Ванюша,
Как ко мне ходить.
Ты не улицей ходи,
Ты не улицей ходи —
Переулочком.
Ты не голосом кричи,

Ты не голосом кричи —
Соловьем свищи.
Чтобы я, млада-младенька,
Чтобы я, млада-младенька,
Догадалася.
Со пиру да со беседы,
Со пиру да со беседы
Подымалася.
И я батюшке скажу,
Я родному скажу:
Голова болит.
И я матушке скажу,
Я родимой ли скажу:
Худо можется,
Нездоровится.
Ко милу дружку пойду,
Ко сердечному приду
Здоровёшенька,
Веселёшенька!

Что это со мной, тетенька, за чудо сделалось! Я надивиться не могу, как полюбила я Виктора Аркадьича!.. И надо же было этому делу сделаться!..

Беда, да и только…

А р и н а Ф е д о т о в н а. Никакой тут беды нет, все так и быть должно!..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Как же, тетенька, не беда? Просто моя погибель! Это тятенька давеча, как пришла я от Анны Антоновны, говорил, чтоб я шла за Бородкина. Ни тятеньку мне огорчить не захочется, да и с сердцем-то я не совладаю.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Была оказия идти за Бородкина!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Вот нынче хотел Виктор Аркадьич приехать поговорить с тятенькой. Что-то будет?.. Хоть бы уж поскорее он приехал; по крайней мере, я бы уж знала, а то как тень какая хожу, ног под собой не слышу. Только чувствует мое сердце, что ничего из этого хорошего не выйдет. Уж я знаю, что много мне, бедной, тут слез пролить.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Плачь, пожалуйста, коли тебе хочется. А по мне — сказать отцу, что не хочу, мол, за Бородкина идти, да и конец.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Нет, тетенька, не могу я этого сделать, не мой это характер. Как я ему скажу? Ему и в голову-то не приходит, чтоб я смела не послушать его. *(Взглянув в окно.)* Ну, идет. И без него-то уж мне тошнехонько, не гля-

дели б глаза ни на что! *(Встает.)*

А р и н а Ф е д о т о в н а. Кто идет?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Иван Петрович!.. *(Уходит).*

Б о р о д к и н входит.

Явление второе

Арина Федотовна и Бородкин.

Б о р о д к и н. Наше вам почтенье-с. Как ваше здоровье-с?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Полно ты рядские-то учтивости разводить, слыхали мы это.

Б о р о д к и н. Как не слыхать-с. *(Садится.)*

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ты с чего это вздумал за Дунюшку-то свататься?

Б о р о д к и н. Да вам-то какое теперича до этого дело?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Неприятно для меня это видеть. Ну, какая ты ей пара? Какой ты кавалер? И с бородой, и необразованный?

Б о р о д к и н. Опять-таки это не ваше дело. Нешто я за вами…

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да смел ли бы ты это подумать? Я в Москве воспитывалась, там видала людей-то не тебе чета.

Б о р о д к и н. А я так думаю, что люди всё одне-с.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Вот то-то и есть, что разница. Есть необразованные, вот как ты, а то есть люди с понятием.

Б о р о д к и н. Хоть бы посмотреть когда на таких-то. Что ж вы там замуж не шли?

А р и н а Ф е д о т о в н а. А оттого, что не хочу, чтоб надо мной мужчина командовал. Все они невежи и очень много об себе думают. Да и опять это не твое дело.

Б о р о д к и н. Нет-с, я так. Жалко только со стороны смотреть, что при вашем таком образовании на вас никто не прельщается.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Невежа, смеешь ли ты так с дамой разговаривать?

Б о р о д к и н. Да что с вами разговаривать! Разговаривать-то с вами нечего, потому что вы не дело толкуете… все равно что воду толочь. *(Берет гитару и настраивает.)* Я буду разговаривать с Максимом Федотычем.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Разговаривай, пожалуй, да ничего толку не будет, потому что лезешь ты, мой друг, сдуру куда не следует. *(Оставляет шитье, берет карты и раскладывает.)*

Б о р о д к и н. Хоша бы и так, все это наше де-

ло-с… Вас не спросим. *(Берет несколько аккордов и поет вполголоса русские мотивы.)*

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ну, что ты поешь?.. Есть ли тут склад какой-нибудь! Как есть деревня!

Б о р о д к и н. Спойте вы, коли лучше знаете. *(Подает ей гитару.)*

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да уж, конечно, не стану ваших мужицких песен петь. *(Поет с чувством романс.)*

Б о р о д к и н. Это что ж такое-с?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Что? Известно что — романс. *(Задумывается.)* У нас, Ваня, как жила я в Москве, был приказчик Вася, это он меня выучил. Только как он пел, это прелести слушать. *(Опять раскладывает карты, потом быстро смешивает их и задумывается.)*

Б о р о д к и н. Скоро придет Максим Федотыч?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ах, отстань ты от меня, почем я знаю!

Входит А в д о т ь я М а к с и м о в н а.

Явление третье

Те же и Авдотья Максимовна.

Б о р о д к и н *(быстро вскакивает)*. Наше вам почтенье, Авдотья Максимовна.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Здравствуйте, Иван Петрович. Здорова ли ваша маменька?

Б о р о д к и н. Слава Богу, покорно вас благодарю. Ваше как здоровье-с?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Понемножку. Вы тятеньку дожидаетесь?

Б о р о д к и н. Тятеньку-с.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Он скоро придет, подождите.

Б о р о д к и н. Подождем-с. *(Садится на стул.)*

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. А я, тетенька, к вам погадать пришла. Загадайте мне на трефового короля.

Б о р о д к и н. Кто же это трефовый король-с?

А р и н а Ф е д о т о в н а *(раскладывая карты)*. Уж, конечно, не ты. Ты думаешь, что только у нас и свету, что ты… *(После молчания.)* Вот, Дуня, смотри!.. Он тебя любит. Вот видишь… *(Показывает на карты и шепчет Авдотье Максимовне.)*

Б о р о д к и н. Загадайте мне-с.

А р и н а Ф е д о т о в н а *(гадает)*. Ну, брат, не дожидайся ничего. Слезы тебе выходят…

Б о р о д к и н. Что ж такое-с, плакать-то нам не впервой-с; радости-то мало видали-с!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Вы давеча говорили что-нибудь с тятенькой?

Б о р о д к и н. Насчет чего-с?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Вы говорили, так сами знаете, насчет чего.

Б о р о д к и н. У нас вообще был разговор, втроем-с — и Селиверст Потапыч тут был-с.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ты полно сиротой-то прикидываться; мы уж слышали.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Как же это вам, Иван Петрович, не совестно: не сказавши мне ни слова, да прямо тятеньке! сти А!р и н а Ф е д о т о в н а. Захотела ты от мужика сове-

Б о р о д к и н. Да вы что ж такое, в самом деле!.. все мужик да мужик!..

А р и н а Ф е д о т о в н а. Он братцу Лазаря поет да шутки разные подводит, а тот ему и верит.

Б о р о д к и н. Полноте обижать-то, Арина Федотовна, мы на этакие дела не пойдем-с. Эх, Авдотья Максимовна, вспомните-с! Было времечко-с, да, должно быть, прошло-с! Должно быть, лучше нас нашли-с.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да уж, разумеется, лучше вас. Ишь ты, какой красавец! Думаешь, что уж лучше тебя и на свете нет.

Б о р о д к и н. Были и мы хороши-с.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Пойтить велеть самоварчик поставить, братец придет, чтоб готово

было. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Авдотья Максимовна и Бородкин.

Б о р о д к и н. Эх, Авдотья Максимовна, грех вам! Вспомните: бывало, осенние темные вечера вдвоем просиживали, вот у этого окошечка. Бывало, в сенях встретимся, в сумеречках, так не наговоримся; долго нейду, так, накинувши шубку-то на плечики, у калитки дожидались. Был я и Ванечка, и дружок, а теперь не хорош стал.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(оглядывается кругом, тихо)*. Да ты, Ваня, не сердись! Я тебе все расскажу, ты сам рассудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавец собой-то, какой умный. Любила я тебя, ты знаешь, а уж как его полюбила, я и не знаю, как это словами сказать. Увидела я его у Анны Антоновны, на прошлой неделе… Сидим это мы с ней, пьем чай, вдруг он входит… Как увидала я этакого красавца, так у меня сердце и упало; ну, думаю, быть беде. А он, как нарочно, такой ласковый, такие речи говорит.

Б о р о д к и н. Знаем мы эти речи-то. Оне хороши, пока вы их слушаете. Бывало, сидишь в лавке, ве-

чера-то ждешь не дождешься, вся душа изомрет, и то и другое передумаешь, что тебе сказать-то, а как придешь и слова не выговоришь. А скажется слово, так от сердца, что душа чувствует; а у них речи ученые — говорят одно, а думают другое. Видимое дело, что ему твои деньги нужны; нешто б он не нашел невесту помимо тебя.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Нет, Ваня, не говори этого, он меня любит.

Б о р о д к и н. А нешто я-то тебя, Дуня, не люблю?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Что ж мне делать-то? На грех я его увидала! Так вот с тех пор из ума нейдет, и во сне все его вижу. Словно я к нему привороженная какая. *(Сидит задумавшись.)* И нет мне никакой радости!.. Прежде я веселилась, девка, как птичка порхала, а теперь сижу вот, как к смерти приговоренная, не веселит меня ничто, не глядела б я ни на кого. Уж и что я, бедная, в эти дни слез пролила!.. Ведь надо ж быть такой беде!..

Б о р о д к и н. Ты, может, думаешь, что мне легче тебя!.. Тебе горе, а мне вдвое!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Женись, Ваня, на Груше, она мне ровесница и подруга, а уж со мной пусть будет, что Бог даст.

Б о р о д к и н. Что мне жениться-то!.. на что?.. Чужой век заедать? Я уж любить ее не буду.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Вот я тебе, Ваня, все сказала, что только сердце мое чувствовало… Не захотела я тебя обманывать.

Б о р о д к и н. Эх! загубила ты мою молодость!.. *(Плачет, отворотившись к окну, потом берет гитару и поет.)*

Вспомни, вспомни, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь!
Как мы с тобой, моя любезная,
Погуливали,
Осенние темные ночи
Просиживали.
Забавные, тайные речи
Говаривали —
Тебе, мой друг, мой друг,
Не жениться,
А мне, молодой, замуж
Нейти.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Не пой ты, не терзай мою душу!

Бородкин перестает играть, она подходит к

нему.

Б о р о д к и н *(ударяет себя в грудь, обнимает ее и крепко целует).* Помни, Дуня, как любил тебя Ваня Бородкин!

Она садится на диван, а он ходит по комнате. Входят Р у с а к о в
и Арина Федотовна.

Явление пятое

Те же, Русаков и Арина Федотовна.

Р у с а к о в *(раздевается, ему помогают дочь и сестра).* Старость-то что значит! Устал! Вот далеко ли сходил, устал… Право, так. Что, Иванушка, не весел?..

Б о р о д к и н. Маленько сгрустнулось что-то.

Р у с а к о в. Об чем тебе грустить-то, паренек, паренек!.. Что Бога-то гневить! Дунюшка, поди-ка сюда. *(Гладит по голове и целует.)* Вот какова у меня дочка-то! Невеста! Замуж пора отдавать. А и жаль: радость-то, Иванушка, у меня только одна. Что есть, детушки, лучше того на свете, как жить всем вместе да в радости! Нет больше счастия на земле, как жить своей семьей в мире да в благочестии — и самому весело, и люди на тебя будут радоваться. А врагу рода человеческого это досада

немалая; он тебя будет всяким соблазном соблазнять, всяким прельщением. Поддался ты ему, ну и пошла брань да нелюбовь в семье, и еще того хуже бывает. Не поддался, ну и он бежит далеко, потому ему смерть смотреть на честное житье. Какие бывают дела, Иванушка! Поживешь-то, всего насмотришься. Дети ли не почитают родителей, жены ли живут с мужьями неладно — все это дело вражье. Всякий час от него берегись! Э-хе-хе! Недаром пословица говорится: «Не бойся смерти, а бойся греха». *(Молчание.)* Одна у меня теперь забота: как бы мне Дунюшку пристроить. Полюбовался б на тебя, мое дитятко, внучат бы понянчил, коли Бог приведет... Ну, а там уж что, чего мне ждать, умер бы покойно; по крайности бы, знал, что есть кому душу помянуть, добрым словом вспомнить. Пойдем-ка, Иванушка, мне с тобой поговорить нужно.

Уходят.

Явление шестое

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовн а. Что мне делать, тетенька?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Неужели ж за Бород-

кина идти! Что ты говоришь!.. Виктор Аркадьич все-таки человек… А это что? мразь какая-то!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. А знаете, тетенька, я как-то все боюсь Виктора Аркадьича.

А р и н а Ф е д о т о в н а. То-то вот, матушка, деревня-то что значит! Жила ты все в этом городишке и людей-то не видывала.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Он давеча мне говорит, что коли тятенька не согласится, так он меня потихоньку увезет. Я, тетенька, так испугалась, насилу до дому добежала.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Есть чего пугаться, скажите пожалуйста! Ах, Дунюшка, как это антересно, кабы ты знала! Коли мужчина хочет увезти, уж значит, что любит, пойми ты это!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. А тятенька-то?.. Что я тогда с ним, со стариком, сделаю!

А р и н а Ф е д о т о в н а. Что тятенька-то! Тятенька твой еще ему должен быть благодарен. Где он тебе такого жениха найдет! Чтой-то ты, матушка, право, совсем деревенская. Нет, я смолоду поудалей была.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(смотрит в окно)*. Тетенька, голубушка, едет! Бегите к тятеньке, скажите ему, а я пойду посижу у себя в комнате. Вот когда смерть-то моя! *(Уходит.)*

А р и н а Ф е д о т о в н а *(подходит к двери).* Братец! братец! пожалуйте сюда: к вам гость приехал.

Русаков за сценой: «Кто там еще? Сейчас». В и х о р е в входит.

Явление седьмое

Арина Федотовна и Вихорев.

В и х о р е в. Здравствуйте, Арина Федотовна! Максим Федотыч дома?

Арина Федотовна. Дома-с, сейчас выйдет. *(Уходит.)*

Явление восьмое

В и х о р е в *(один).* Ну, борода, поговорим теперь с тобой! С которой бы стороны к нему подъехать?.. Решительно не знаю… Ну, да уж пущусь на счастье, куда кривая не вынесет. Мудрен ведь этот народ! Нет ничего хуже, как с мужиками разговаривать. Еще обругает, того гляди. Ну, да уж нечего делать, амбицию-то пока в сторону отложим. Вот крайность-то до чего доводит нашего брата!..

Входят Р у с а к о в и Б о р о д к и н.

Явление девятое

Вихорев, Русаков и Бородкин.

Р у с а к о в. Прощай, Иванушка, заходи ужо, теперь мне некогда.

Б о р о д к и н. Прощайте, Максим Федотыч, желаю вам быть здоровым. *(Уходит.)*

В и х о р е в *(подходит к Максиму Федотычу).* Здравствуйте, почтеннейший Максим Федотыч, как вы поживаете?

Р у с а к о в. Слава Богу, живем, пока Бог грехам терпит. Просим милости садиться…

В и х о р е в. Сделайте одолжение, не беспокойтесь. *(Садится.)*

Р у с а к о в. Сестрица, велите нам чайку подать.

В и х о р е в. Не для меня ли вы это, Максим Федотыч, беспокоитесь? Я уже пил, уверяю вас.

Р у с а к о в. Нельзя же, батюшка, без этого.

В и х о р е в. Впрочем, сколько я заметил, уж таков обычай у русского народа — потчевать. Я, знаете ли, сам человек русский и, признаться сказать, люблю и уважаю все русское; особенно мне нравится это гостеприимство, радушие…

Р у с а к о в. Не знаю, батюшка, как сказать. Что

ж, худого тут нет ничего.

Входит д е в к а с подносом чаю.

Просим покорно.

Берут и пьют молча.

В и х о р е в. Скажите, сделайте одолжение, Максим Федотыч, бывали вы в столицах?

Р у с а к о в. Как, батюшка, не бывать, в Москву по делам езжал.

В и х о р е в. Не правда ли, там жизнь совсем другая: больше образованности, больше развлечений. Я думаю, посмотревши на столичную жизнь, довольно скучно жить в уездном городе.

Р у с а к о в. Не всем же жить в столицах, надобно кому-нибудь и в уездном городе.

В и х о р е в. Я с вами согласен; но, впрочем, Максим Федотыч, вы ведь не такой купец, как прочие уездные купцы, вы составляете некоторым образом исключение. Но что же я говорю! Вы сами это очень хорошо знаете. Я думаю, вы с вашим капиталом были бы и в Москве одним из первых.

Р у с а к о в. Как знать чужой капитал!.. Нет, мне и здесь хорошо.

В и х о р е в. Я понимаю, что вам здесь хорошо, — вы здесь родились, привыкли, вам весь город знаком, — конечно, привычка много значит; но

у вас есть дочь.

Р у с а к о в. Так что ж что дочь?

В и х о р е в. Вы, вероятно, захотите ей дать некоторое образование, показать ей людей… наконец, найти хорошую партию. А где вы это здесь найдете?

Р у с а к о в. Да что ж, разве здесь звери живут?.. Чай, тоже люди.

В и х о р е в. Да разве здесь вас могут оценить, Максим Федотыч, разве могут! Что вы говорите!

Р у с а к о в. Да что нас ценить-то! Нам этого не нужно. Ну их совсем и с оценкой-то! Был бы я сам по себе хорош, а то про меня что хошь говори.

В и х о р е в. Нет, скажите: разве есть здесь женихи для Авдотьи Максимовны? Разве есть? Где они? Покажите мне их! Кто посмеет за нее посвататься из здешних? В вас мало самолюбия — и это напрасно, Максим Федотыч, в человеке с такими достоинствами и с такими средствами оно весьма извинительно… Я вам говорю безо всякой лести, я горжусь вашим знакомством… Я много ездил по России, но такого семейства, как ваше, я не встречал нигде до сих пор.

Р у с а к о в. Благодарим покорно.

В и х о р е в. Нет, в самом деле. Много есть купцов, да все в них нет того, что я вижу в вас, —

этой патриархальности… Знаете ли что, Максим Федотыч?.. Ваша доброта, ваше простодушие, наконец, ваш ум дают мне смелость говорить с вами откровенно… Я надеюсь, что вы на меня не обидитесь?

Р у с а к о в. Что вам, батюшка, угодно?..

В и х о р е в. Ох, Максим Федотыч, страшно! Но, во всяком случае, так ли, не так ли, я надеюсь, что мы останемся друзьями. *(Подает ему руку, тот кланяется. Вихорев подвигается к нему.)* Влюблен, Максим Федотыч, влюблен… в Авдотью Максимовну влюблен. Я бы свозил ее в Москву, показал бы ей общество, разные удовольствия… У меня есть имение не очень далеко отсюда. Я думаю, что, выйдя за меня, она нисколько себя не уронит… А главное, мне хочется породниться с вами, Максим Федотыч… Ну, и чин у меня…

Р у с а к о в. Полноте, ваше благородие, мы люди простые, едим пряники неписаные, где нам! Ведь нас только за карман и уважают.

В и х о р е в. Полноте, Максим Федотыч! Что за идея!

Р у с а к о в. Право, так. А то за что нас любить-то?

В и х о р е в. За добрую душу.

Р у с а к о в. Так ли, полно?

В и х о р е в. Я не понимаю, Максим Федотыч, у нас какой-то странный разговор происходит.

Р у с а к о в. Не дело вы говорите. Вы люди благородные, ищите себе барышень… воспитанных, а уж наших-то дур оставьте нам, мы своим-то найдем женихов каких-нибудь дешевеньких.

В и х о р е в. Однако неужели же вы своей дочери не желаете добра, что не хотите отдать ее за человека благородного и притом такого, который ее любит?

Р у с а к о в. Оттого-то и не отдам, что желаю добра; а вы как думали? Я худа, что ль, ей желаю? Ну какая она барышня, посудите, отец, жила здесь в четырех стенах, свету не видала. А купцу-то она будет жена хорошая, будет хозяйничать да детей нянчить.

В и х о р е в. Но, Максим Федотыч, я ее люблю.

Р у с а к о в. Эх! *(Махнув рукой, отворачивается.)*

В и х о р е в. Я вас уверяю, что я люблю Авдотью Максимовну до безумия.

Р у с а к о в. Не поверю я вам.

В и х о р е в. Как — не поверите?

Р у с а к о в. Так, не поверю, да и все тут.

В и х о р е в. Да как же вы не поверите, когда я вам даю честное слово благородного человека?

Р у с а к о в. Не за что вам ее любить! Она девушка простая, невоспитанная и совсем вам не пара. У вас есть родные, знакомые, все будут смеяться над ней, как над дурой, да и вам-то она опротивеет хуже горькой полыни… Так отдам я свою дочь на такую каторгу!.. Да накажи меня Бог!..

В и х о р е в. Я вам говорю, что со мной она будет счастлива, я за это ручаюсь.

Р у с а к о в. Нечего нам об этом разговаривать — это дело несбыточное. Поищите себе другую, я свою не отдам.

В и х о р е в. Я вам только одно могу на это сказать, что вы меня делаете несчастным человеком. *(Встает.)* Извините, что я вас обеспокоил. У вас, вероятно, есть кто-нибудь на примете, иначе я не могу предположить, чтобы вы, любя свою дочь и желая ей счастия, отказали мне. И мне кажется, если б вы меня покороче узнали… Но таков уж, видно, русский человек — ему только бы поставить на своем; из одного упрямства он не подорожит счастьем дочери…

Р у с а к о в. Тфу ты, прах побери! Да я б с тебя ничего не взял слушать-то такие речи! Этакой обиды я родясь не слыхивал! *(Отворотясь.)* Приедет, незваный-непрошеный, да еще и наругается над тобой! *(Идет.)* Провались ты совсем!

Явление десятое

В и х о р е в *(один)*. Вот тебе раз! Ну есть ли какая-нибудь возможность говорить с этим народом! Ломит свое — ни малейшей деликатности! Однако это черт знает как обидно!

Входит А р и н а Ф е д о т о в н а; А в д о т ь я М а к с и м о в н а

выглядывает из дверей.

Явление одиннадцатое

Вихорев, Арина Федотовна и Авдотья Максимовна.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Виктор Аркадьич, как дела?

В и х о р е в. Помилуйте, с этим мужиком нельзя разговаривать; он чуть меня не прогнал.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(выходя).* Скажите мне, Виктор Аркадьич, правду, как перед Богом, — любите вы меня?

В и х о р е в. Я вас люблю, Авдотья Максимовна, но нас хотят разлучить.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я сейчас сама

пойду к тятеньке. Поезжайте вы домой и не беспокойтесь. Он меня любит, он мне не откажет. Только каково мне просить его об этом, кабы вы знали! *(Садится и плачет.)*

В и х о р е в *(раскланиваясь)*. Как же вы мне дадите знать?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Мы пойдем нынче в церковь.

В и х о р е в. Так я вас подожду подле вала, на мосту.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Хорошо.

В и х о р е в. Прощайте. *(Раскланивается и уходит.)*

Явление двенадцатое

Те же и потом Р у с а к о в.

Арина Федотовн а. Ну, Дунюшка, теперь от тебя самой зависит твое счастие.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ну уж, тетенька, что будет, то будет. Вот уж правду-то говорят, что любовь-то на свете мука.

Р у с а к о в *(входя)*. Что, уехал этот барин-то?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Уехал, братец.

Р у с а к о в. Ишь, его принесло, нужно очень.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Я не знаю, братец,

отчего он вам не понравился.

Р у с а к о в. Оттого, что дурак.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да чем же он, братец, дурак? Он образованный человек.

Р у с а к о в. А тем, что не умеет говорить с людьми постарше себя.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Как, братец, кажется, ему не уметь: он человек столичный, жил в Москве все промежду благородными.

Р у с а к о в. Ну, и пусть туда едет.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ах, братец! Он такой образованный, такой политичный кавалер, что и в Москве-то на редкость, а уж здесь-то нам и никогда не найти.

Р у с а к о в. Поди ты с своим образованием! Много ты знаешь! Прожила пять лет в Таганке, да и думаешь, куда как образованна! Что ты там видела? Кроме сидельцев да приказных, ты и людей-то не видала.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Все-таки, братец…

Р у с а к о в. Все-таки, сестрица, не тебе меня учить… вот что!.. Ты что там надувшись сидишь! Дуня! Никак ты плачешь?.. О чем ты плачешь?..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я так, тятенька.

Р у с а к о в. Говори, об чем?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Об себе. Об

своем горе.

Р у с а к о в. Что за горе такое у тебя? Откуда оно взялось?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Тятенька, вы не будете сердиться?

Р у с а к о в. Говори! Не сержусь!..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Тятенька! Я его люблю!

Р у с а к о в. Кого его? Ветрогона-то этого? Опомнись, полоумная!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я без него жить не могу! Умереть мне легче, чем идти за другого!

Р у с а к о в. Что ты!.. что ты!.. Да ты подумай, что ты говоришь-то!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я уж думала, и дни думала, и ночи напролет думала, не смыкаючи глаз. Без него мне не мил белый свет! Я от тоски да от слез в гроб сойду!

А р и н а Ф е д о т о в н а. Братец, пожалейте; у вас ведь одна дочь-то.

Р у с а к о в. Ты, сестра, молчи — это не твое дело. Дуня, не дури! Не печаль отца на старости лет. Выкинь блажь-то из головы. Отец лучше тебя знает, что делает. Ты думаешь, ему ты нужна? Ему деньги нужны, дура! Он тебя только обманывает, он выманит деньги-то, а тебя прогонит

через неделю. У меня есть для тебя жених: Иван Петрович; уж я ему обещал.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Легко ли!.. Уж вот партия! Променять такого кавалера на Бородкина.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(заливаясь слезами).* Не видала б уж я его лучше, чем так мучиться.

Р у с а к о в. Да что ж вы в самом деле, с ума, что ли, сошли! Да как вы смеете со мной так разговаривать? Ты еще, дура, тут своими разговорами девку с толку сбиваешь, из ума выводишь! От тебя-то вся и беда. Что у тебя вместо головы-то надето? Кабы не твоя болтовня, смела б она так с отцом разговаривать?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Вот, братец, вы всегда…

Р у с а к о в. Молчи, пустоголовая!.. Вот тебе, Авдотья, мое последнее слово: или ты поди у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(подымаясь со стула).* Тятенька…

Р у с а к о в. Не подходи! Я тебя растил, я тебя берег пуще глазу. Что греха на душу принял… ведь гордость меня одолела с тобой, я не давал никому про своих детей слова выговорить, я думал, что уж лучше тебя и на свете нет. Наказал Бог по грехам! Говорю тебе, Авдотья, иди за Бородкина!

Не пойдешь — не будет тебе моего благословения. А чтоб я и не слыхал про этого проходимца! Я его и знать не хочу! Слышишь ты, не доводи меня до греха! *(Уходит.)*

Явление тринадцатое

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(почти без памяти).* Тетенька! мне давеча было жаль Ваню, теперь он мне опостылел… опостылел… ах!.. *(Падает в обморок.)*

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ах, батюшки!.. Ах, батюшки!.. Поди погляди, уморил дочь-то, уморил!.. Варвар этакой!.. Тиран!.. Воды подайте! Воды!..

Р у с а к о в входит.

Явление четырнадцатое

Арина Федотовна, Авдотья Максимовна и Русаков.

Р у с а к о в *(вбегая).* Где? Что? Господи! *(Всплеснув руками.)* Побелела как снег, хоть в гроб клади!.. Дунюшка! *(Берет за руку.)* Дунюшка! *(Смотрит на нее.)*

Вот и мать такая же лежала в гробу — вот две капли воды.

(Утирает слезы.) Господи! не попусти! Дуня! *(С ужасом.)* Очнется ли она, очнется ль?.. Нет! Ужли ж я ее убил?.. *(Стоит подле в оцепенении.)*

Д е в к а приносит воду и уходит.

А р и н а Ф е д о т о в н а *(брызгает водою на Дуню).* Дунюшка! Дунюшка!.. Говорила я вам, братец, так не послушали.

Р у с а к о в. Ну, что она?.. Что, Дунюшка?..

А р и н а Ф е д о т о в н а. Тихонько, тихонько, очнулась, кажется.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(открывая глаза).* Где тятенька?

Р у с а к о в. Здесь, дитятко, здесь. *(Садится подле на диване.)*

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(прилегая к нему на грудь).* Тятенька!..

Р у с а к о в. Что, Дунюшка, что?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я люблю его.

Р у с а к о в. Ах, Дунюшка, кабы я знал, что он степенный человек да что он тебя любит, я б тебя сейчас за него отдал и разговаривать бы не стал.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Он меня любит.

Р у с а к о в. Ох, Дунюшка, не верится мне… Ну, да вот мы это узнаем. Дело-то простое. Я ему

скажу, что за тобой ничего не дам; коли любит, пускай так берет. Коли любит, возьмет и так.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Неужели он меня из-за денег любит?..

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ах, братец, разве это можно вообразить, чтобы в таком мужчине не было никаких чувств; он совсем не такой интересан, как вы думаете.

Р у с а к о в. А вот посмотрим, что он скажет.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ну, уж, братец, я вас уверяю, что он человек самый благородный.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Тятенька, да разве в богатстве счастье?.. Коли любишь человека, так никаких сокровищ не надо.

Р у с а к о в. Это ты, мое дитятко, так рассуждаешь, а у них-то другое на уме; ну, да вот посмотрим.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(целует отца).* Тятенька, голубчик, вы меня воскресили, а то уж я, право, думала, что умираю; да я б и умерла с горя, я уж это знаю. Тетенька, ведь мы хотели идти в церковь…

Р у с а к о в. Поди, Дунюшка, помолись, а мне нужно по делу сходить. Прощай! *(Целует ее и уходит.)*

Явление пятнадцатое

Те же, без Русакова.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ах, тетенька, я все еще не могу оправиться.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ну, уж теперь не о чем тужить. На нашей улице праздник. Пойдем-ка скорей. Одевайся. То-то он, бедный, обрадуется, как услышит.

Уходят.

Действие третье

СЦЕНА I

Небольшая комната на постоялом дворе. Темно.

Явление первое

Входят: В и х о р е в, А в д о т ь я М а к с и м о в н а и С т е п а н со

свечой. Авдотья Максимовна садится к столу. Вихорев

ходит по комнате. Степан ставит свечу на стол.

В и х о р е в. Что это за народ! Ведь я тебе, дураку, приказывал, чтобы лошади были готовы.

С т е п а н. Разве с ними сговоришь? Известное дело — мужики. Говорят: сейчас будет готово.

В и х о р е в. Ступай да скажи, чтоб они у меня живей поворачивались, я этого не люблю.

С т е п а н уходит.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Куда вы меня завезли?

В и х о р е в. Мы теперь в Ямской слободе.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Зачем же вы

завезли меня сюда?

В и х о р е в. Затем, что я люблю тебя. Сейчас заложат лошадей, мы поедем к Баранчевскому в деревню, это всего семь верст от города, там и обвенчаемся, а завтра в город. *(Садится подле нее.)*

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Конечно, Виктор Аркадьич, я люблю вас и готова для вас сделать все на свете, да зачем же вы меня увезли насильно? Тятенька теперь меня хватится… и беда моя просто… Что он подумает?.. С какими глазами я к нему покажусь?..

В и х о р е в. Послушай, мой друг! Ты сама мне говорила, что Максим Федотыч согласен; так за что же он будет сердиться? Я тебе скажу откровенно: я тебя увез потому, что у меня был тут свой расчет. Я знаю, что старики упрямы; нынче он согласен, а завтра, пожалуй, заупрямится, как лошадь. Ну, что ж хорошего?.. А уж как дело-то сделано, так назад не воротишь.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Виктор Аркадьич! я с вами и в огонь и в воду готова, только пустите меня к тятеньке; я еще теперь приду вовремя. А вы завтра приезжайте к нам.

В и х о р е в. Ни за что, душа моя! Нет, уж я так глуп не буду; уж я теперь с тобой не расстанусь, благо мне случай помог!

Авдотья Максимовна плачет.

Полно плакать-то, перестань! Так-то ты меня любишь!..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я вас люблю, видит Бог, люблю!.. *(Привстает, обнимает и целует его.)* Голубчик, Виктор Аркадьич, что хотите со мной делайте, только пустите к тятеньке!

В и х о р е в. Полно, перестань! Это дело невозможное, об этом и говорить нечего. *(Встает и ходит по комнате. Авдотья Максимовна плачет.)* Что ж это лошадей не дают? Это ужасно!.. Ну, об чем ты плачешь, скажи?.. *(Напевает.)*

Ах, об чем ты проливаешь
Слезы горькие тайком
И украдкой утираешь
Их кисейным рукавом?..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Вам, я вижу, Виктор Аркадьич, ничего меня не жалко.

Вихорев. Жалеть-то нечего: все это вздор и пустяки.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. А тятенька-то?..

В и х о р е в. Что ж тятенька! Посердится да и перестанет, велика важность!.. Ты мне лучше расскажи, как ты его уговорила, вот это интересно знать. Давеча он на меня зарычал, как медведь!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. И сама не знаю,

как у меня духу достало. Говорю ему прямо, что люблю вас, и не помню себя, и не знаю, как выговорила. Потом уж и не слышу, что он говорит; твержу только одно, что умру, что без вас жить не могу.

В и х о р е в. Вот любовь! вот любовь! Да я тебя расцелую за это. *(Целует ее.)*

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(тихо).* Любишь меня?..

Вихоре в. Люблю, люблю!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ненаглядный ты мой! Радость, жизнь моя! Куда хочешь с тобой! Никого я теперь не боюсь и никого мне не жалко. Так бы вот улетела с тобой куда-нибудь. *(Обнявши его, смотрит ему в глаза.)* Какой ты хорошенький! Я таких и не видывала… Точно нарисованный! *(Говорит с расстановкой.)* Знаешь что! Давай жить здесь все вместе с тятенькой! Точно бы жила я, как в раю. А то уедешь далеко… тятеньки нет… скучно будет без него.

В и х о р е в. Ну, об этом после поговорим. Ты мне расскажи, как ты тятеньку-то уговорила!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ну, вот слушай. Начал он меня бранить, так бранить, так бранить… Я в слезы… Иди, говорит, за Бородкина, вот тебе жених; а об том и думать не смей, а то, говорит, я

тебя и знать не хочу. У меня так к сердцу подкатило, стало в глазах темнеть, темнеть… Тут уж я и не помню ничего, как стояла, так и упала.

В и х о р е в. Вот народ-то! Однако что же это лошадей!.. Степан!

Входит С т е п а н.

Что ж лошади? Осел!

С т е п а н. Сейчас будут готовы-с: взвазживают. *(Уходит.)*

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Как я очнулась — не помню; только вижу: тятенька сидит подле меня, плачет… Ну, говорит, Бог с тобой!

В и х о р е в. Ну, а согласился, так и конец, только и надобно было для нашего благополучия. Погоди, заживем мы с тобой.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Он мне еще одно словечко сказал, да это так, пустяки, не стоит и внимания.

В и х о р е в. Что же это за словечко?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. А вот что: говорит, он тебя, Дуня, не любит, он тебя обманывает, ему только деньги нужны, а не ты. Коли хочет, так пусть берет безо всего. А я думаю: на что деньги? Бог с ними, и с деньгами, не в деньгах счастье. Ну, конечно, приданое, там, что мне нужно, он даст. А деньги… на что они? Не с деньгами жить, а с

добрыми людьми.

В и х о р е в. Да это он врет, он и денег даст.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ну, нет, не знаю: он у нас что сказал, то и свято. Опять же он на меня теперь в сердцах, что я его не послушала; он ни за что не даст.

В и х о р е в. Гм! Дело-то скверно!.. *(Берет себя за голову.)* А-ах!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я, Виктор Аркадьич, так рассудила, что лучше жить в бедности, да с милым человеком, чем в богатстве, да с постылым.

В и х о р е в. С милым! А как с милым-то жить нечем будет?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Да ведь у вас есть деревня своя?

В и х о р е в. Деревня! Какая деревня!.. Все это вздор!.. Ты вот что скажи, только говори откровенно: даст он денег или нет?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Не даст!..

В и х о р е в. Так что ж ты со мной делаешь?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(нетвердым голосом)*. Да разве я виновата, Виктор Аркадьич?

В и х о р е в *(ходя по комнате)*. Вам только влюбляться да как бы замуж выйти за благородного, чтобы барыней быть!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Что вы говорите, Виктор Аркадьич?

В и х о р е в. Кому нужно даром-то вас брать! Можно было, я думаю, догадаться, не маленькая! Любовь да нежность всё на уме!.. Ведь глупость-то какая! Все вы думаете, что вас за красоту берут, так с ума и сходят!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(закрывает лицо руками).* Бедная я, горемычная! Для чего это я только на свет рождена!..

В и х о р е в. Видимое дело, что человеку деньги нужны, коли он на купчихе хочет жениться! Влюбиться-то бы я и в Москве нашел в двадцать раз лучше, а то всякая дура думает, что в нее влюблены без памяти.

С т е п а н *(входит).* Лошади готовы-с.

В и х о р е в. Пошел вон, дурак!

С т е п а н уходит.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Что вы со мной сделали!.. Куда я теперь денусь?.. Как я домой покажусь?..

В и х о р е в. А мне-то какое дело!.. Зачем ехала?..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ведь вы меня насильно посадили.

В и х о р е в. Выпроси у отца сто тысяч, так я,

пожалуй, женюсь на тебе. Будешь барыня!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(вставая и покрываясь платком).* Да отсохни у меня язык, если я у него попрошу хоть копейку! *(Подходит к нему.)* Не будет вам счастья, Виктор Аркадьич, за то, что наругались вы над бедной девушкой… Вы у меня всю жизнь отняли. Мне теперь легче живой в гроб лечь, чем домой явиться: родной отец от меня отступится; осрамила я его на старости лет; весь город будет на меня пальцем показывать.

В и х о р е в. Уж это мы слыхали не один раз.

Авдотья Максимовн а. Бог вас накажет за это, а я вам зла не желаю. Найдите себе жену богатую, да такую, чтоб любила вас так, как я; живите с ней в радости, а я девушка простая, доживу как-нибудь, скоротаю свой век в четырех стенах сидя, проклинаючи свою жизнь. Прощайте! *(Плачет.)* Прощайте… Я к тятеньке пойду!.. *(Быстро уходит.)*

Явление второе

Вихорев, потом С т е п а н.

В и х о р е в *(один).* Опять несчастье! Ах, черт возьми!

Куда я теперь денусь?.. Домотался! Хоть в мар-

кёры ступай! Поеду еще куда-нибудь… Говорят, в Короваеве есть богатые купцы, и недалёко — всего верст пятьдесят… Степка!

С т е п а н *(входит).* Чего изволите-с?..

В и х о р е в. Вели этих лошадей откладывать, а мне найди других, в Короваев. Да поезжай в гостиницу, укладывайся, я сейчас там буду. *(Уходит.)*

Явление третье

С т е п а н *(один).* Должно быть, опять не выгорело! Эх, жизнь, жизнь! Теперь злой сделается, аки лев. Всякую беду все на мне любит срывать. Да это легче в Сибирь Тобольской идти. Дождется уж он, что я от него убегом уйду.

Сцена II

Комната второго акта.

Явление четвертое

А р и н а Ф е д о т о в н а и А н н а А н т о н о в н а выходят из
боковой двери и подходят к задней.

А н н а А н т о н о в н а. Скажите пожалуйста! Ах-ахах!.. *(Качает головой.)*

А р и н а Ф е д о т о в н а. Увез, увез, матушка! Такой молодец! Подхватил в коляску проворным манером, только я их и видела.

А н н а А н т о н о в н а. Уж это по глазам было видно, что парень ловкий.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Какой еще ловкий-то!.. Одного я боюсь: братец спросит, где Дунечка, что я скажу? Скажу, что у тебя; запоздала, мол, и ночевать осталась. Ну, а завтра сами приедут, там как хотят.

А н н а А н т о н о в н а. Обещал мне материи на платье подарить.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Что ты!

А н н а А н т о н о в н а. Право.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Видишь ты, какой благородный человек!

Целуются. Анна Антоновна уходит. Арина Федотовна садится к столу.

Посмотрим, что карты скажут.

Входят Б о р о д к и н и Р у с а к о в.

Явление пятое

Арина Федотовна, Русаков и Бородкин.

Р у с а к о в. Сестрица, а сестрица!

А р и н а Ф е д о т о в н а *(смешивая карты).* Чего изволите, братец?

Р у с а к о в. Да пора бы ужинать, ведь уж время-то поздно.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Сейчас, братец. *(Уходит.)*

Р у с а к о в. А ты, Иванушка, поужинай с нами. Мать-то знает, что ты ко мне пошел?

Б о р о д к и н. Знает.

Р у с а к о в. Ну, так что ж, ну, и ничего, беспокоиться не будет. А ты с нами посиди.

Входит д е в к а и накрывает стол.

Скажи ты мне, Иванушка, отчего это тебя Дуня не любит?

Б о р о д к и н. Я, Максим Федотыч, не знаю-с. Я, кажется, готов всю душу положить за Авдотью Максимовну и всячески стараюсь, как угодить. Если не любят, все-таки не я тому причиной. Может, есть лучше нас, а между прочим, не знаю-с.

Р у с а к о в. Ничего, Иванушка, не тужи. Девичье сердце переменчивое: нынче не любит, а завтра

полюбит.

Б о р о д к и н. Хорошо, кабы так-с.

А р и н а Ф е д о т о в н а *(входит)*. Готово, братец.

Р у с а к о в. А Дунюшка где?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Не знаю, братец, еще не бывала.

Р у с а к о в. Как же не знаешь, ведь ты с ней вместе ходила?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да она хотела к Анне Антоновне зайти; должно быть, там засиделась.

Р у с а к о в. Что ж ты ее одну бросила? Пошли за ней девку поскорей — это недалёко.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да она, может быть, братец, там ночевать останется.

Р у с а к о в. Это зачем еще?.. Пошли, я хочу ее видеть.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Сейчас, братец! *(Уходит.)*

Р у с а к о в. Подождем Дунюшку, посидим, покалякаем о чем-нибудь. *(Молчание.)* Что это, Иванушка, как я погляжу, народ-то все хуже и хуже делается, и что это будет, уж и не знаю. Возьмем хоть из нашего брата: ну, старики-то еще туда-сюда, а молодые-то?.. На что это похоже?.. Ни стыда, ни совести; ведь поверить ничего нельзя,

а уж уважения и не спрашивай. Нет, мы, бывало, страх имели, старших уважали. Опять эту моду выдумали! Прежде ее не было, так лучше было, право. Проще жили, ну, и народ честней был. А то — я, говорит, хочу по моде жить, по-нынешнему, а глядишь, тому не платит, другому не платит.

Б о р о д к и н. Все это, Максим Федотыч, от необузданности, а то и от глупости.

Р у с а к о в. Именно от необузданности. Бить некому! А то-то бы учить-то надо… О-хо-хо — палка-то по них плачет.

Б о р о д к и н. Ведь всё себе на погибель, Максим Федотыч.

Р у с а к о в. Да ведь другого жалко. Глядишь, мальчонка-то и не дурак, ведь, может, из него бы и путный вышел, кабы в руки-то взять. А то его точно как вихорем каким носит, либо кружится тебе, как турман, ровно как угорелый, что ли, да беспутство, да пьянство. Не глядели б глаза, кажется.

Б о р о д к и н. Потому, главная причина, Максим Федотыч, основательности нет… к жизни… Кабы основательность была, ну, другое дело; а то, помилуйте, Максим Федотыч, в голове одно: какое бы колено сделать почудней, чтоб невиданное…

Входит М а л о м а л ь с к и й.

Явление шестое

Те же и Маломальский.

М а л о м а л ь с к и й. Сват, я к тебе пришел… примерно, за делом…

Р у с а к о в. Ну, что ж, садись, милости просим.

Маломальский садится. Молчание.

Ну, что же у тебя за дело?

М а л о м а л ь с к и й. Только чтоб тово… не вдруг…

Р у с а к о в. Да что там такое?

Маломальский. Это, сват, со всяким может… гм… потому захочет что сделать, если, примерно… как ты ее удержишь или усмотришь… настоящее я тебе дело говорю…

Р у с а к о в. Эх, бестолков ты, сват.

М а л о м а л ь с к и й *(отойдя на авансцену, мигая и маня рукой Русакова).* Поди сюда.

Р у с а к о в. Говори вслух, что тебе?..

М а л о м а л ь с к и й. Примерно, такая штука… секретная…

Р у с а к о в. Что там еще?

М а л о м а л ь с к и й *(оглядываясь).* Сват… а где у тебя дочь?

Р у с а к о в. Говорят, к вам пошла, к Анне Ан-

тоновне.

М а л о м а л ь с к и й. Говорят! Кто говорит?.. Не верь, врут!.. Врут, сват… Обман, один обман…

Р у с а к о в. Поди проспись!.. Еще у тебя, видно, хмель-то не вышел… пьян еще…

М а л о м а л ь с к и й. Нет, не пьян… Видел… своими глазами видел…

Р у с а к о в. Да что ты видел-то, говори, злодей!..

М а л о м а л ь с к и й. Ее, сват, видел… ее… едут… в коляске…

Р у с а к о в. С кем?..

М а л о м а л ь с к и й. С барином… с моим с постояльцем… Да… я не пьяный… я видел…

Б о р о д к и н. Кое место-с?

М а л о м а л ь с к и й. За валом… на мосту…

Р у с а к о в *(садится к столу и подпирает голову рукой).* Господи, поддержи! *(Молчание.)* Сестра!

Арина Федотовна входит.

Явление седьмое

Те же и Арина Федотовна.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Что вы, братец?

Р у с а к о в. Где дочь?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Право, братец, не

знаю…

Р у с а к о в. Говори, сестра, говори всю правду, слышишь!

А р и н а Ф е д о т о в н а. Право, братец, не знаю… Может быть, Виктор Аркадьич… Они тут на лошадях подъезжали.

Б о р о д к и н. На чьих лошадях — на извозчичьих-с?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Нет. На баранчевских.

Б о р о д к и н. Так далеко не уедут-с. Либо у Баранчевского надо искать, либо по гостиницам-с.

Р у с а к о в. Постой ты. Что ж, она с ним села да и поехала?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Нет, братец, он ее насильно посадил.

Р у с а к о в. Насильно! *(Встает.)* Что ж это, отцы мои!.. Увезли девушку насильно! Помогите! Дочь мою, голубушку мою, последнюю мою радость! Ведь это разбой!.. Побежимте!..

Б о р о д к и н. Я хоть сию минуту-с.

М а л о м а л ь с к и й. Поедем… у меня, сват, лошадь здесь…

Р у с а к о в *(хватаясь за голову)*. Постойте! Откуда он ее увез?

А р и н а Ф е д о т о в н а. За валом, братец, от мосту.

Р у с а к о в. А зачем она там была? Вы ведь в церковь пошли?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Мы, братец, гуляли.

Р у с а к о в *(хватая ее за руку).* Врешь, у вас уговор был! Говори, был уговор? Говори!

А р и н а Ф е д о т о в н а. Был.

Р у с а к о в *(садится со слезами).* Так зачем же мы поедем? Она своей волей уехала, она своей волей бросила отца, на смех людям, бросила старика одного горе мыкать! Дочка! не век тебе будут радости. Вспомнишь ты и обо мне. Кто тебя так любить будет, как я тебя любил?.. Поживешь в чужих людях, узнаешь, что такое отец!.. Диви бы я с ней строг был или жалел для нее что. Я ли ее не любил, я ли ее не голубил?.. *(Плачет.)*

Б о р о д к и н. Полноте, Максим Федотыч, пойдемте, может, и найдем.

Р у с а к о в. Не трожь, Иванушка, дай мне наплакаться, потом легче будет.

Б о р о д к и н. Да ведь уж слезами, Максим Федотыч, не поможешь; лучше пойти поискать.

Р у с а к о в. Где искать! Зачем искать!

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ах, братец, как вы себя убиваете. Что вы беспокоитесь; они завтра сами приедут: обвенчаются и приедут.

Р у с а к о в *(встает).* Обвенчаются! Так нет,

не хочу, не хочу! Поедем, сват! Отниму, коли найду. Запру в светлицу, там и сиди. Пусть лучше умрет на моих глазах, только не доставайся моему врагу.

Б о р о д к и н. Мне тоже прикажете?

Р у с а к о в. Ты останься. Ну, сестрица, голубушка, отблагодарила ты меня за мою хлеб-соль! Спасибо. Лучше б ты у меня с плеч голову сняла, ничепм ты это сделала. Твое дело, порадуйся! Я ее в страхе воспитывал да в добродетели, она у меня как голубка была чистая. Ты приехала с заразой-то своей. Только у тебя и разговору-то было что глупости… все речи-то твои были такие вздорные. Ведь тебя нельзя пустить в хорошую семью: ты яд и соблазн! Вон из моего дома, вон! Чтоб нога твоя не была здесь!

А р и н а Ф е д о т о в н а. Вы всегда, братец, обижаете…

Р у с а к о в *(уходя с Маломальским)*. Потаскушка ты этакая!

Уходят.

Явление восьмое

Арина Федотовна и Бородкин.

А р и н а Ф е д о т о в н а *(садится, плачет,*

потом, поднявши голову). Ишь ты, разгулялся! Ругатель, обидчик, мужик необразованный!

Б о р о д к и н. А то вас не ругать! Что ж, хвалить, что ли, за этакие дела?

А р и н а Ф е д о т о в н а. И ты туда ж!.. Ах ты, дрянь бородастая! Молчал бы уж лучше…

Б о р о д к и н. Так что ж, небойсь, хорошо сделали!..

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да вот как ни сделали, а тебе не досталось. Теперь ищите с батюшкой-то, а уж дело-то кончено; по крайней мере на своем поставили.

Б о р о д к и н. Как бы после не плакать.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Не об тебе ли уж?.. Эко несчастие, скажите! Какого жениха упустили!.. Как не плакать!.. А ты посмотри-ка, как он завтра с ней прикатит, да взойдет-то этакой кавалер, так любоваться мило-дорого будет.

Б о р о д к и н. Хорошо, кабы вашими устами да мед пить. Я бы сам вчуже за Авдотью Максимовну порадовался.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да уж теперь не то, что прежде, — и посмотреть-то на нее ты должен за счастье считать.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а входит, держась за дверь, и молча садится к столу, Арина Федотовна

и Бородкин смотрят на нее в недоумении.

Явление девятое

Те же и Авдотья Максимовна.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Господи! измучилась… Ну, слава Богу, теперь, по крайней мере, я дома…

А р и н а Ф е д о т о в н а. Дунечка, что с тобой? Откуда ты?..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Где тятенька?

Б о р о д к и н. Они пошли-с… гм… недалечко-с… скоро придут…

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Мне его нужно видеть поскорей… Где он, скажите вы мне!..

А р и н а Ф е д о т о в н а. Дунечка, беда у нас: ведь он все узнал. Тебя искать поехал. Селиверст Потапыч ему все рассказал — он видел, как вы ехали с Виктором Аркадьичем.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Тятенька, голубчик! Скоро ли он придет, скоро ли?.. Я измучаюсь, истрадается мое сердце до него, вся душа изноет.

Б о р о д к и н *(Арине Федотовне).* Надо вам было говорить!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Кто-то стукнул, не тятенька ли?.. *(Встает, шатаясь.)*

Б о р о д к и н *(поддерживая ее).* А хоть бы и он, что ж за беда-с?.. Нешто вы в этом виноваты, коли вас насильно увезли.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Только как мне горько, кабы вы знали!.. На кого была надежда, что он со мной сделал!.. Тошнехонько мне!..

Б о р о д к и н. Что же он с вами сделал-с?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(с отчаянием).* Что сделал? Прогнал! Мне, говорит, тебя не нужно, а нужны деньги. А я, дура, думала, что он меня любит.

Б о р о д к и н. Значит, Авдотья Максимовна, я так думаю: это дело надо будет бросить-с.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. А тятенька-то что скажет? Что люди-то скажут?

Б о р о д к и н. Позвольте мне за это дело взяться: я его обделаю, как доплжно.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Вы?..

Б о р о д к и н. Я-с. Только, Авдотья Максимовна, как, собственно, теперича этот барин за все свои невежества не стоит того, чтобы вы его любили, так уж я буду в надежде-с.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я все на свете для вас сделаю, только бы тятенька не гневался на меня.

Б о р о д к и н. А когда так, не извольте ничего

беспокоиться, идите к себе в комнату, а я с тятенькой переговорю. А то расстроите его, да и сами от чувств даже больны можете быть. Что хорошего?..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. У меня на вас только и надежда!..

Б о р о д к и н. Будьте покойны.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а уходит.

Явление десятое

Бородкин и Арина Федотовна.

Б о р о д к и н. Что? Есть чему радоваться?.. Убирайтесь-ка лучше от греха, пока Максим Федотыч не пришел.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Кто ж это знал, что так случится; я и ума не приложу.

Б о р о д к и н. Говорили вам, кажется, так вы сами умнее всех хотите быть. Посмотрите на Авдотью Максимовну теперь, у меня ажно слезы прошибло.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ну, вот, поди ж ты, разве можно было ждать от него такого невежества?..

Б о р о д к и н. Ох, кабы я на месте Максима Федотыча, я бы вам феферу задал.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Полно храбриться-то!

Б о р о д к и н. Что храбриться-то?.. За что погубили девушку? Али вам это ничего?..

А р и н а Ф е д о т о в н а *(прислушивается).* Братец приехал. *(Уходит в боковую дверь. Бородкин притворяет ее.)*

Входит Р у с а к о в.

Явление одиннадцатое

Бородкин и Русаков (садится к столу).

Р у с а к о в. Нет ее. Ну, Иванушка, сирота я теперь. Поди домой. Оставь меня, поди!

Б о р о д к и н. Куда ж мне торопиться-то, я с вами посижу.

Р у с а к о в. Нет ее, Иванушка, ну и не надо, один поживу… имение нищим раздам.

Б о р о д к и н. Да помилуйте, Максим Федотыч, может, еще все это благополучно кончится.

Р у с а к о в. Я ее теперь и видеть не хочу, не велю и пускать к себе, живи она, как хочет! *(Молчание.)* Я уж не увижу ее… Коли кто из вас увидит ее, так скажите ей, что отец ей зла не желает, что коли она, бросивши отца, может быть душой покойна, жить в радости, так Бог с ней! Но за поругание мое, моей седой головы, я видеть ее не хочу никогда. Дуня умерла у меня! Нет, не умерла, ее и не

было никогда! Имени ее никто не смей говорить при мне!..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а входит и останавливается на пороге.

Явление двенадцатое

Те же и Авдотья Максимовна.

Р у с а к о в. Кто? кто это?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я, тятенька.

Р у с а к о в. Ты? А полюбовник где?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Тятенька!..

Р у с а к о в. К нему, к нему, ступай к нему!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(твердо).* Я не пойду из дому. Прогоните — я умру на пороге.

Р у с а к о в *(молча смотрит на нее).* Где же тот-то? Где мой враг-то?..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Он меня обманул, он меня не любит — ему только деньги нужны.

Р у с а к о в. А! вот что! Я, кажется, давеча говорил тебе об этом. Да где отцу знать: он на старости лет из ума выжил. Ну, зачем же ты пришла?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Куда ж я, тятенька, денусь?

Р у с а к о в. Ну, что ж, известно, не гнать же мне тебя. *(Притворно смеется.)*

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(падает ему в ноги).* Тятенька! простите меня!

Р у с а к о в. Простите! Нет, ты меня уморила было!.. Ведь мне теперь стыдно людям глаза показать, а про тебя-то и говорить нечего. Нет, голубушка, я тебя запру. Поди! *(Отходит.)*

Б о р о д к и н. Встаньте, Авдотья Максимовна, Бог милостив! Дело обойдется как-нибудь.

Поднимает ее, она плачет; они отходят в сторону и разговаривают вполголоса. Входит М а л о м а л ь с к и й.

Явление тринадцатое

Те же и Маломальский.

М а л о м а л ь с к и й. Сват, а сват, я, примерно, молодца-то остановил…

Р у с а к о в. Ах, провались он совсем! Мне-то что за дело?..

М а л о м а л ь с к и й. Как, сват, нет, ты не то… Он этого не должон… Он, примерно, теперь осрамил девушку… ну, и женись… мы заставим…

Р у с а к о в. Да мне его и даром-то не надо, не то что насильно заставлять. Осрамил — ну, что ж, наш грех!.. Да меня золотом осыпь, я на него и глядеть-то не хочу, не то чтоб в зятья взять.

М а л о м а л ь с к и й. Это к тому, что теперича… слух этот пойдет… так и так… и, примерно, разойдется по городу… кто ее возьмет?

Р у с а к о в. Что ж делать-то, согрешили. На себя пе-[ня]Б[й].о р о д к и н *(выступая вперед).* Я возьму-с.

М а л о м а л ь с к и й. Гм!.. *(Мигает глазом.)* Не бери!

Б о р о д к и н. Будет вам врать-то-с. Это наше дело.

Р у с а к о в. Нет, Иванушка, погоди, тебе эта невеста не годится, я тебе найду другую.

Б о р о д к и н. Мне другой не надобно-с.

Р у с а к о в. Тебе надобно девушку честную, чтоб про нее худой славы не было.

Б о р о д к и н. Что это значит — худая слава! Коли я люблю Авдотью Максимовну, так это для меня все одно.

Р у с а к о в. Да она тебя не стоит. Ей теперь нечего об замужестве думать.

Б о р о д к и н. Вы давеча сами обещали. Я вот от своего слова не пячусь, а вы пятитесь. А уж это непорядок, Максим Федотыч!.. Положим, хоша она ваша дочь, а за что ж ее обижать? Авдотья Максимовна и так обижена кругом, должон кто-нибудь за нее заступиться. Ее ж обидели, да ее же и бранить. По крайней мере она у нас будет ласку

видеть, от меня и от маменьки. Что ж такое, со всяким грех бывает. Не нам судить!

Р у с а к о в. Да ты что шумишь-то?

Б о р о д к и н. Да мне что шуметь-то?.. Вы мне обещали Авдотью Максимовну и отдайте!..

Р у с а к о в *(подумавши).* Да возьми, пожалуй. Эка невидаль!

Б о р о д к и н *(подходя к Авдотье Максимовне).* Авдотья Максимовна, не плачьте, перестаньте-с. Теперь вас никто обидеть не смеет-с. Никому не позволю… самому Максиму Федотычу, провалиться на этом месте!..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Иван Петрович! любинте хоть вы меня, меня никто не любит. Весь свет на меня!

Б о р о д к и н. Помилуйте, Авдотья Максимовна, есть же во мне какое-нибудь чувство; я ведь не зверь, и во мне есть искра Божья!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Иван Петрович! Я за вас буду вечно Богу молить, вы заступились за бедную девушку. Уж коли тятенька говорит вам, что вам нужно девушку честную, чего же мне ждать от других-то?.. Этакую муку терпеть!.. Меня б на наделю не стало!.. Кабы кто видел мою душу!.. Каково мне теперь!.. Я честная девушка, Иван Петрович, — я вас обманывать не стану.

Скажите вы это всем и тятеньке.

Р у с а к о в *(пораженный)*. Эхма, сват, состарелся я, а все еще глуп. За что я ее обидел? Во гневе скажешь слово, а его уж не воротишь. Слово-то как стрела. Ведь иногда словом-то обидишь больше, чем делом! Так ли, сват?.. А это грех... Дунюшка, словечко-то у меня давеча в сердцах вырвалось, маленько оно обидно, так ты его к сердцу не принимай. Самому было горько, ну и сказал лишнее.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Тятенька! простите меня.

Р у с а к о в. Бог тебя простит, ты меня-то прости! *(Целует ее.)* Нет, Иванушка, я тебе ее не отдам!..

Б о р о д к и н. Как же это, Максим Федотыч? Это на что ж похоже-с?

Р у с а к о в. Коли хочешь ее взять, так переезжай сюда, и с матерью, и будем жить вместе.

Б о р о д к и н. Это-то все одно-с, а то было уж я перепужался.

Р у с а к о в. Сестра, поди сюда!

Входит А р и н а Ф е д о т о в н а.

Явление четырнадцатое

Те же и Арина Федотовна.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Что вам угодно,

братец?

Р у с а к о в. Ну, прости меня! Теперь, на радости, не ссорятся!

А р и н а Ф е д о т о в н а. И-и, братец, что это вы?.. Да смею ли я обижаться?..

М а л о м а л ь с к и й. А я… все-таки… примерно… его не отпущу…

Р у с а к о в. Кого его?..

М а л о м а л ь с к и й. Барина… То есть ни копейки, примерно, за постой…

Р у с а к о в. Ну, уж я за него заплачу, только чтоб он убирался поскорей.

М а л о м а л ь с к и й. А что, сват, угощение будет?

Р у с а к о в. Будет, как не быть. Мы еще и не ужинали. Сестрица, приготовь-ка нам что-нибудь, поздравить жениха с невестой.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Сейчас, братец.

М а л о м а л ь с к и й. Ну, уж теперь, сват, я загулял… уж теперь вплоть до свадьбы. Там хозяйка как хочет, а я, примерно, гуляю!..

Гроза
Драма в пяти действиях

ЮДИ
ИПРУ

ЛИЦА[2]

САВЕЛ ПРОКОФЬЕВИЧ ДИКОЙ,
купец, значительное лицо в городе.

БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ,
племянник его, молодой человек, порядочно образованный.

МАРФА ИГНАТЬЕВНА КАБАНОВА (КАБАНИХА),
богатая купчиха, вдова.

ТИХОН ИВАНЫЧ КАБАНОВ,
ее сын.

КАТЕРИНА,
жена его.

ВАРВАРА,
сестра Тихона.

КУЛИГИН,
мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле.

ВАНЯ КУДРЯШ,
молодой человек, конторщик Дикого.

ШАПКИН,
мещанин.

ФЕКЛУША,
странница.

ГЛАША,

---

[2] Примечания: 2
Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски. *(Примеч. авт.)*

девка в доме Кабановой.

БАРЫНЯ С ДВУМЯ ЛАКЕЯМИ,

старуха 70 лет, полусумасшедшая.

ГОРОДСКИЕ ЖИТЕЛИ ОБОЕГО ПОЛА.

Действие происходит в городе Калинове, на берегу Волги, летом. Между 3-м и 4-м действиями проходит 10 дней.

Действие первое

Общественный сад на высоком берегу Волги; за Волгой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

Явление первое

К у л и г и н сидит на скамье и смотрит за реку. К у д р я ш и
Шапкин прогуливаются.

К у л и г и н *(поет)*. «Среди долины ровныя, на гладкой высоте…» *(Перестает петь.)* Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.

К у д р я ш. А что?

К у л и г и н. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

К у д р я ш. Нешто!

К у л и г и н. Восторг! А ты «нешто»! Приглядели вы либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

К у д р я ш. Ну, да ведь уж с тобой что толковать!

Ты у нас антик, химик!

К у л и г и н. Механик, самоучка-механик.

К у д р я ш. Все одно.

Молчание.

К у л и г и н *(показывая в сторону)*. Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

К у д р я ш. Это? Это — Дикой племянника ругает.

К у л и г и н. Нашел место!

К у д р я ш. Ему везде место. Боится, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нем и ездит.

Ш а п к и н. Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что человека оборвет.

К у д р я ш. Пронзительный мужик!

Ш а п к и н. Хороша тоже и Кабаниха.

К у д р я ш. Ну, да та хоть, по крайности, все под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!

Ш а п к и н. Унять-то его некому, вот он и воюет!

К у д р я ш. Мало у нас парней-то на мою стать, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Ш а п к и н. А что бы вы сделали?

К у д р я ш. Постращали бы хорошенько.

Ш а п к и н. Как это?

К у д р я ш. Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

Ш а п к и н. Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.

К у д р я ш. Хотел, да не отдал, так это все одно, что ничего. Не отдаст он меня: он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Шапкин. Ой ли?

К у д р я ш. Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь, за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пущай же он меня боится.

Ш а п к и н. Уж будто он тебя и не ругает?

К у д р я ш. Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он — слово, а я — десять; плюнет, да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

К у л и г и н. С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.

К у д р я ш. Ну вот, коль ты умен, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи!

Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Ш а п к и н. А то что ж бы?

К у д р я ш. Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!

Проходят Д и к о й и Б о р и с. Кулигин снимает шапку.

Ш а п к и н *(Кудряшу)*. Отойдем к стороне: еще привяжется, пожалуй.

Отходят.

Явление второе

Те же, Дикой и Борис.

Д и к о й. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал! Дармоед! Пропади ты пропадом!

Б о р и с. Праздник; что дома-то делать!

Д и к о й. Найдешь дело, коль захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстречу попадаться»; тебе все неймется! Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты как столб стоишь-то! Тебе говорят аль нет?

Б о р и с. Я и слушаю, что ж мне делать еще!

Д и к о й *(посмотрев на Бориса)*. Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. *(Уходя.)*

Вот навязался! *(Плюет и уходит.)*

Явление третье

Кулигин, Борис, Кудряш и Шапкин.

К у л и г и н. Что у вас, сударь, за дела с ним? Не поймем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.

Б о р и с. Уж какая охота, Кулигин! Неволя.

К у л и г и н. Да какая же неволя, сударь, позвольте вас спросить. Коли можно, сударь, так скажите нам.

Б о р и с. Отчего ж не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

К у л и г и н. Ну как не знать!

К у д р я ш. Как не знать!

Б о р и с. Батюшку она ведь невзлюбила за то, что он женился на благородной. По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка рассказывала, что она трех дней не могла ужиться с родней: уж очень ей дико казалось.

К у л и г и н. Еще бы не дико! Уж что говорить! Большую привычку нужно, сударь, иметь.

Б о р и с. Воспитывали нас родители в Москве хорошо, ничего для нас не жалели. Меня отдали в Коммерческую академию, а сестру в пансион, да

оба вдруг и умерли в холеру, мы с сестрой сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам выплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.

К у л и г и н. С каким же, сударь?

Б о р и с. Если мы будем к нему почтительны.

К у л и г и н. Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.

Б о р и с. Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, наругается всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да еще станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало.

К у д р я ш. Уж это у нас в купечестве такое заведение. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, нешто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтитель-ныБ?о р и с. Ну да. Уж он и теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Через это я своих обидеть должен!»

К у л и г и н. Значит, сударь, плохо ваше дело.

Б о р и с. Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да и уехал. А то сестру жаль. Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили,

написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была — и представить страшно!

К у д р я ш. Уж само собой. Нешто они обращение понимают?

К у л и г и н. Как же вы у него живете, сударь, на каком положении?

Б о р и с. Да ни на каком. «Живи, говорит, у меня, делай, что прикажут, а жалованья — что положу». То есть через год разочтет, как ему будет угодно.

К у д р я ш. У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье: изругает на чем свет стоит. «Ты, говорит, почем знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А может, я приду в такое расположение, что тебе пять тысяч дам». Вот ты и поговори с ним! Только еще он во всю свою жизнь ни разу в такое-то расположение не приходил.

К у л и г и н. Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь.

Б о р и с. В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут, а уж где ж мне!

К у д р я ш. Кто ж ему угодит, коли у него вся жизнь основана на ругательстве? А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчета без брани не обходится. Другой рад от своего отступиться, только

бы он унялся. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается.

Б о р и с. Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! Голубчики, не рассердите!»

К у д р я ш. Да нешто убережешься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хоть в убыток проси, без брани все-таки не отойдет. А потом и пошел на весь день.

Ш а п к и н. Одно слово: воин!

К у д р я ш. Еще какой воин-то!

Б о р и с. А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись!

К у д р я ш. Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге на перевозе гусар обругал. Вот чудеса-то творил!

Б о р и с. А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.

К у л и г и н. Что это? Никак, народ от вечерни тронулся?

Проходят н е с к о л ь к о л и ц в глубине сцены.

К у д р я ш. Пойдем, Шапкин, в разгул! Что тут стоять-то?

Кланяются и уходят.

Б о р и с. Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь, без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.

К у л и г и н. И не привыкнете никогда, сударь.

Б о р и с. Отчего же?

К у л и г и н. Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтоб на его труды даровые еще больше денег наживать. Знаете, что ваш дядюшка, Савел Прокофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, говорит, Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами об таких пустяках разговаривать! Много у меня

в год-то народу перебывает; вы то поймите: не доплачу и им по какой-нибудь копейке на человека, а у меня из этого тысячи составляются, так оно мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческое истеряно. А те им, за малую благостыню, на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся-судятся здесь да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: водят их, водят, волочат их, волочат; а они еще и рады этому волоченью, того только им и надобно. «Я, говорит, потрачусь, да уж и ему станет в копейку». Я было хотел все это стихами изобразить…

Б о р и с. А вы умеете стихами?

К у л и г и н. По-старинному, сударь. Поначиталсятаки Ломоносова, Державина… Мудрец был Ломоносов, испытатель природы… А ведь тоже из нашего, из простого звания.

Б о р и с. Вы бы и написали. Это было бы интересно.

К у л и г и н. Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят. Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достается; да не могу: люблю разговор рассыпать! Вот еще про семейную жизнь хотел я вам, сударь, рассказать; да когда-нибудь в другое время. А тоже есть что послушать.

Входят Ф е к л у ш а и д р у г а я ж е н щ и н а.

Ф е к л у ш а. Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живете! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых.

Уходят.

Б о р и с. Кабановых?

К у л и г и н. Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем.

Молчание.

Только б мне, сударь, перпету-мобиль найти!

Б о р и с. Что ж бы вы сделали?

К у л и г и н. Как же, сударь! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества

и употребил, для поддержки. Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Б о р и с. А вы надеетесь найти перпетуум-мобиле?

К у л и г и н. Непременно, сударь! Вот только бы теперь на модели деньжонками раздобыться. Прощайте, сударь! *(Уходит.)*

Явление четвертое

Б о р и с *(один)*. Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе и счастлив. А мне, видно, так и загубить свою молодость в этой трущобе. Уж ведь совсем убитый хожу, а тут еще дурь в голову лезет! Ну, к чему пристало! мне ли уж нежности заводить? Загнан, забит, а тут еще сдуру-то влюбляться вздумал. Да в кого! В женщину, с которой даже и поговорить-то никогда не удастся.

Молчание.

А все-таки нейдет она у меня из головы, хоть ты что хочешь. Вот она! Идет с мужем, ну и свекровь с ними! Ну не дурак ли я! Погляди из-за угла да и ступай домой.

(Уходит.)

С противоположной стороны входят К а б а н о

в а, Кабанов,
Катерина и Варвара.

Явление пятое

Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Кабанова. Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала.

К а б а н о в. Да как же я могу, маменька, вас ослушаться!

К а б а н о в а. Не очень-то нынче старших уважают.

В а р в а р а *(про себя)*. Не уважишь тебя, как же!

К а б а н о в. Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг.

К а б а н о в а. Поверила бы я тебе, мой друг, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтение родителям от детей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят.

К а б а н о в. Я, маменька…

К а б а н о в а. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А! как ты думаешь?

К а б а н о в. Да когда же я, маменька, не переносил от вас?

К а б а н о в а. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать.

К а б а н о в *(вздыхая, в сторону)*. Ах ты, Господи! *(Матери.)* Да смеем ли мы, маменька, подумать!

К а б а н о в а. Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдут детки-то по людям славить, что мать ворчунья, что мать проходу не дает, со свету сживает. А сохрани Господи каким-нибудь словом снохе не угодить, ну, и пошел разговор, что свекровь заела совсем.

К а б а н о в. Нешто, маменька, кто говорит про вас?

Кабанов а. Не слыхала, мой друг, не слыхала, лгать не хочу. Уж кабы я слышала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так заговорила. *(Вздыхает.)* Ох, грех тяжкий! Вот долго ли согрешить-то! Разговор близкий сердцу пойдет, ну и согрешишь, рассердишься. Нет, мой друг, говори что хочешь про меня. Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут.

К а б а н о в. Да отсохни язык…

К а б а н о в а. Полно, полно, не божись! Грех! Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу.

К а б а н о в. В чем же вы, маменька, это видите?

К а б а н о в а. Да во всем, мой друг! Мать чего глазами не увидит, так у нее сердце вещун, она сердцем может чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводит от меня, уж не знаю.

К а б а н о в. Да нет, маменька! что вы, помилуйте!

К а т е р и н а. Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.

К а б а н о в а. Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу небось! Ведь он мне тоже сын; ты этого не забывай! Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

В а р в а р а *(про себя)*. Нашла место наставления читать.

К а т е р и н а. Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю.

К а б а н о в а. Да я об тебе и говорить не хотела; а так, к слову пришлось.

К а т е р и н а. Да хоть и к слову, за что ж ты меня обижаешь?

К а б а н о в а. Эка важная птица! Уж и обиделась сейчас.

К а т е р и н а. Напраслину-то терпеть кому ж приятно!

К а б а н о в а. Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну что ж, дождетесь, поживете и на воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делайте что хотите, не будет над вами старших. А может, и меня вспомянете.

К а б а н о в. Да мы об вас, маменька, денно и нощно Бога молим, чтобы вам, маменька, Бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.

К а б а н о в а. Ну, полно, перестань, пожалуйста. Может быть, ты и любил мать, пока был холостой. До меня ли тебе: у тебя жена молодая.

К а б а н о в. Одно другому не мешает-с: жена само по себе, а к родительнице я само по себе почтение имею.

К а б а н о в а. Так променяешь ты жену на мать?

Ни в жизнь я этому не поверю.

К а б а н о в. Да для чего же мне менять-с? Я обеих люблю.

К а б а н о в а. Ну да, так и есть, размазывай! Уж я вижу, что я вам помеха.

К а б а н о в. Думайте как хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рожден, что не могу вам угодить ничем.

К а б а н о в а. Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустил? Ну какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?

К а б а н о в. Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит.

К а б а н о в а. Как зачем бояться! Как зачем бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живешь. Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: этак она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой еще ум-то у тебя, а ты еще хочешь

своей волей жить.

К а б а н о в. Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!

К а б а н о в а. Так, по-твоему, нужно все лаской с женой? Уж и не прикрикнуть на нее, и не пригрозить?

К а б а н о в. Да я, маменька…

К а б а н о в а *(горячо)*. Хоть любовника заводи! А? И это, может быть, по-твоему, ничего? А? Ну, говори!

К а б а н о в. Да ей-богу, маменька…

К а б а н о в а *(совершенно хладнокровно)*. Дурак! *(Вздыхает.)* Что с дураком и говорить! Только грех один.

Молчание.

Я домой иду.

К а б а н о в. И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдем.

К а б а н о в а. Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

К а б а н о в. Нет, маменька, сохрани меня Господи!

К а б а н о в а. То-то же! *(Уходит.)*

Явление шестое

Те же без Кабановой.

К а б а н о в. Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!

К а т е р и н а. Чем же я-то виновата?

К а б а н о в. Кто ж виноват, я уж и не знаю.

В а р в а р а. Где тебе знать!

К а б а н о в. То все приставала: «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя, на женатого!» А теперь поедом ест, проходу не дает — все за тебя.

В а р в а р а. Так нешто она виновата! Мать на нее нападает, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мне глядеть-то на тебя. *(Отворачивается.)*

К а б а н о в. Толкуй тут! Что ж мне делать-то?

В а р в а р а. Знай свое дело — молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь — переминаешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

К а б а н о в. Ну а что?

В а р в а р а. Известно что. К Савелу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

К а б а н о в. Угадала, брат.

К а т е р и н а. Ты, Тиша, скорей приходи, а то

маменька опять браниться станет.

В а р в а р а. Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

К а б а н о в. Уж как не знать!

В а р в а р а. Нам тоже не велика охота из-за тебя брань-то принимать.

К а б а н о в. Я мигом. Подождите! *(Уходит.)*

Явление седьмое

Катерина и Варвара.

К а т е р и н а. Так ты, Варя, жалеешь меня?

В а р в а р а *(глядя в сторону)*. Разумеется, жалко.

К а т е р и н а. Так ты, стало быть, любишь меня? *(Крепко целует.)*

В а р в а р а. За что ж мне тебя не любить-то!

К а т е р и н а. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти.

Молчание. Знаешь, мне что в голову пришло?

В а р в а р а. Что?

К а т е р и н а. Отчего люди не летают!

В а р в а р а. Я не понимаю, что ты говоришь.

К а т е р и н а. Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет

лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь? *(Хочет бежать.)*

В а р в а р а. Что ты выдумываешь-то?

К а т е р и н а *(вздыхая)*. Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.

В а р в а р а. Ты думаешь, я не вижу?

К а т е р и н а. Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключик, умоюсь, принесу с собой водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много. Потом пойдем с маменькой в церковь, все и странницы, — у нас полон дом был странниц да богомолок. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать, где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!

В а р в а р а. Да ведь и у нас то же самое.

К а т е р и н а. Да здесь все как будто из-под неволи. И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается! А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану, — у нас тоже везде лампадки горели, — да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об чем я молилась тогда, чего я просила, не знаю; ничего мне не надобно, всего у меня было довольно. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то.

В а р в а р а. А что же?

К а т е р и н а *(помолчав)*. Я умру скоро.

В а р в а р а. Полно, что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то! Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или… уж и не знаю.

В а р в а р а. Что же с тобой такое?

К а т е р и н а *(берет ее за руку)*. А вот что, Варя, быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. *(Хватается за голову рукой.)*

В а р в а р а. Что с тобой? Здорова ли ты?

К а т е р и н а. Здорова… Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от нее не уйду. Думать стану — мыслей никак не соберу, молиться — не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да все про такие дела нехорошие. И то мне представляется, что мне самое себя совестно сделается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубит меня, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как

прежде, райские деревья да горы; а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо, и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду…

Варвара. Ну?

К а т е р и н а. Да что же это я говорю тебе: ты — девушка.

В а р в а р а *(оглядываясь)*. Говори! Я хуже тебя.

К а т е р и н а. Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.

В а р в а р а. Говори, нужды нет!

К а т е р и н а. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись…

В а р в а р а. Только не с мужем.

К а т е р и н а. А ты почем знаешь?

В а р в а р а. Еще бы не знать!..

К а т е р и н а. Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?

В а р в а р а. Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.

К а т е р и н а. Что же мне делать! Сил моих не

хватает. Куда мне деваться? Я от тоски что-нибудь сделаю над собой!

В а р в а р а. Что ты! Бог с тобой! Вот погоди, завтра братец уедет, подумаем; может быть, и видеться можно будет.

К а т е р и н а. Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани Господи!

В а р в а р а. Чего ты так испугалась?

К а т е р и н а. Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.

В а р в а р а. А вот погоди, там увидим.

К а т е р и н а. Нет, нет, и не говори мне, я и слушать не хочу.

В а р в а р а. А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя! Как же, дожидайся. Так какая ж неволя себя мучить-то!

Входит б а р ы н я с палкой и д в а л а к е я в треугольных шляпах сзади.

Явление восьмое

Те же и барыня.

Б а р ы н я. Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Весело? Красота-то ваша вас радует? Вот красо-

та-то куда ведет. *(Показывает на Волгу.)* Вот, вот, в самый омут.

Варвара улыбается.

Б а р ы н я. Что смеетесь? Не радуйтесь! (*Стучит палкой.)* Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неутолимой! *(Уходя.)* Вон, вон куда красота-то ведет. *(Уходит.)*

Явление девятое

Катерина и Варвара.

К а т е р и н а. Ах, как она меня испугала, — я дрожу вся, точно она пророчит мне что-нибудь.

В а р в а р а. На свою бы тебе голову, старая карга!

Катерина. Что она сказала такое, а? Что она сказала?

Варвара. Вздор все. Очень нужно слушать, что она городит. Она всем так пророчит. Всю жизнь смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от нее прячутся, — грозит на них палкой да кричит *(передразнивая)*: «Все гореть в огне будете»!

К а т е р и н а *(зажмуриваясь)*. Ах, ах, перестань!

У меня сердце упало.

В а р в а р а. Есть чего бояться! Дура старая…

К а т е р и н а. Боюсь, до смерти боюсь. Все она мне в глазах мерещится.

Молчание.

В а р в а р а *(оглядываясь)*. Что это братец нейдет, вон, никак, гроза заходит.

К а т е р и н а *(с ужасом)*. Гроза! Побежим домой! Поскорее!

В а р в а р а. Что ты, с ума, что ли, сошла! Как же ты без братца-то домой покажешься?

К а т е р и н а. Нет, домой, домой! Бог с ним!

В а р в а р а. Да что ты уж очень боишься; еще далеко гроза-то.

К а т е р и н а. А коли далеко, так, пожалуй, подождем немного: а право бы, лучше идти. Пойдем лучше!

В а р в а р а. Да ведь уж коли чему быть, так и дома не спрячешься.

К а т е р и н а. Да все-таки лучше, все покойнее; дома-то я к образам да Богу молиться!

В а р в а р а. Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.

К а т е р и н а. Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть,

со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед Богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то, — вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! страшно вымолвить!

Гром.

Ах!

К а б а н о в входит.

Варвара. Вот братец идет. *(Кабанову.)* Беги скорей!

Гром.

К а т е р и н а. Ах! Скорей, скорей!

Действие второе

Комната в доме Кабановых.

Явление первое

Г л а ш а (собирает платье в узлы) и Ф е к л у ш а (входит).

Ф е к л у ш а. Милая девушка, все-то ты за работой! Что делаешь, милая?

Г л а ш а. Хозяина в дорогу собираю.

Ф е к л у ш а. Аль едет куда свет наш?

Г л а ш а. Едет.

Ф е к л у ш а. Надолго, милая, едет?

Г л а ш а. Нет, не надолго.

Ф е к л у ш а. Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станет выть аль нет?

Г л а ш а. Уж не знаю, как тебе сказать.

Ф е к л у ш а. Да она у вас воет когда?

Г л а ш а. Не слыхать что-то.

Ф е к л у ш а. Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то!

Молчание.

А вы, девушка, за убогой-то присматривайте,

не стянула б чего.

Г л а ш а. Кто вас разберет, все вы друг на друга клеплете. Что вам ладно-то не живется? Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житье, а вы все ссоритесь да перекоряетесь; греха-то вы не боитесь.

Ф е к л у ш а. Нельзя, матушка, без греха: в миру живем. Вот что я тебе скажу, милая девушка, вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!

Г л а ш а. Отчего ж к вам так много?

Ф е к л у ш а. Это, матушка, враг-то из ненависти на нас, что жизнь такую праведную ведем. А я, милая девушка, не вздорная, за мной этого греха нет. Один грех за мной есть, точно; я сама знаю, что есть. Сладко поесть люблю. Ну, так что ж! По немощи моей Господь посылает.

Г л а ш а. А ты, Феклуша, далеко ходила?

Ф е к л у ш а. Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слыхать — много слыхала. Говорят, такие страны есть, милая девушка, где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут

персидский; и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и, что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!» А то есть еще земля, где все люди с песьими головами.

Г л а ш а. Отчего ж так, с песьими?

Ф е к л у ш а. За неверность. Пойду я, милая девушка, по купечеству поброжу: не будет ли чего на бедность. Прощай покудова!

Г л а ш а. Прощай.

Ф е к л у ш а уходит.

Вот еще какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди есть; нет-нет да и услышишь, что на белом свету делается; а то бы так дураками и померли.

Входят К а т е р и н а и В а р в а р а.

Явление второе

Катерина и Варвара.

В а р в а р а *(Глаше)*. Тащи узлы-то в кибитку, лошади приехали. *(Катерине.)* Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось: вот у тебя сердце-то и не уходилось еще.

Г л а ш а уходит.

К а т е р и н а. И никогда не уходится.

В а р в а р а. Отчего ж?

К а т е р и н а. Такая уж я зародилась, горячая! Я еще лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно; я выбежала на Волгу, села в лодку да и отпихнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!

В а р в а р а. Ну, а парни поглядывали на тебя?

К а т е р и н а. Как не поглядывать!

В а р в а р а. Что же ты? Неужто не любила никого?

К а т е р и н а. Нет, смеялась только.

В а р в а р а. А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.

К а т е р и н а. Нет, как не любить! Мне жалко

его очень!

В а р в а р а. Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь одного человека.

К а т е р и н а *(с испугом)*. Почем же ты заметила?

В а р в а р а. Как ты смешно говоришь! Маленькая я, что ли! Вот тебе первая примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.

Катерина потупляет глаза.

Да мало ли…

К а т е р и н а *(потупившись)*. Ну, кого же?

В а р в а р а. Да ведь ты сама знаешь, что называть-то?

К а т е р и н а. Нет, назови! По имени назови!

В а р в а р а. Бориса Григорьича.

К а т е р и н а. Ну да, его, Варинька, его! Только ты, Варинька, ради Бога…

В а р в а р а. Ну вот еще! Ты сама-то смотри не проговорись как-нибудь.

К а т е р и н а. Обманывать-то я не умею, скрыть-то ничего не могу.

В а р в а р а. Ну, а ведь без этого нельзя; ты вспомни, где ты живешь! У нас весь дом на том держится. И я не обманщица была, да выучилась,

когда нужно стало. Я вчера гуляла, так его видела, говорила с ним.

К а т е р и н а *(после непродолжительного молчания, потупившись).* Ну, так что ж?

В а р в а р а. Кланяться тебе приказал. Жаль, говорит, что видеться негде.

К а т е р и н а *(потупившись еще более).* Где же видеться! Да и зачем…

В а р в а р а. Скучный такой…

К а т е р и н а. Не говори мне про него, сделай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю! Я и думать-то не хотела, а ты меня смущаешь.

В а р в а р а. Да не думай, кто ж тебя заставляет?

К а т е р и н а. Не жалеешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Разве я хочу об нем думать; да что делать, коли из головы нейдет. Об чем ни задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак. Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять враг смущал. Ведь я было из дому ушла.

Варвара. Ты какая-то мудреная, Бог с тобой! А по-моему: делай что хочешь, только бы шито да крыто было.

Катерин а. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

В а р в а р а. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

К а т е р и н а. Что я сделаю?

В а р в а р а. Да, что сделаешь?

К а т е р и н а. Что мне только захочется, то и сделаю.

В а р в а р а. Сделай, попробуй, так тебя здесь заедят.

К а т е р и н а. А что мне! Я уйду, да и была такова.

В а р в а р а. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

К а т е р и н а. Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!

Молчание.

В а р в а р а. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

К а т е р и н а. Ну зачем, Варя?

В а р в а р а. Да нешто не все равно?

Катерин а. Боюсь я в незнакомом-то месте ночевать.

В а р в а р а. Чего бояться-то! Глаша с нами будет.

К а т е р и н а. Все как-то робко! Да я пожалуй!

В а р в а р а. Я б тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пустит, а мне нужно.

К а т е р и н а *(смотря на нее)*. Зачем же тебе нужно?

В а р в а р а *(смеется)*. Будем там ворожить с тобой.

К а т е р и н а. Шутишь, должно быть?

В а р в а р а. Известно, шучу; а то неужто в самом деле?

Молчание.

К а т е р и н а. Где ж это Тихон-то?

В а р в а р а. На что он тебе?

К а т е р и н а. Нет, я так. Ведь скоро едет.

В а р в а р а. С маменькой сидят запершись. Точит она его теперь, как ржа железо.

К а т е р и н а. За что же?

В а р в а р а. Ни за что, так, уму-разуму учит. Две недели в дороге будет, заглазное дело! Сама посуди! У нее сердце все изноет, что он на своей воле гуляет. Вот она ему теперь и надает приказов, один другого грозней, да потом к образу поведет, побожиться заставит, что все так точно он и сделает, как приказано.

К а т е р и н а. И на воле-то он словно связанный.

В а р в а р а. Да, как же, связанный! Он как выедет, так запьет. Он теперь слушает, а сам думает, как бы ему вырваться-то поскорей.

Входят К а б а н о в а и К а б а н о в.

Явление третье

Те же, Кабанова и Кабанов.

К а б а н о в а. Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала? Смотри ж, помни! На носу себе заруби!

К а б а н о в. Помню, маменька.

К а б а н о в а. Ну, теперь все готово. Лошади приехали, проститься тебе только, да и с Богом.

К а б а н о в. Да-с, маменька, пора.

Кабанова. Ну!

К а б а н о в. Чего изволите-с?

К а б а н о в а. Что ж ты стоишь, разве порядку не знаешь? Приказывай жене-то, как жить без тебя.

Катерина потупила глаза в землю.

К а б а н о в. Да она, чай, сама знает.

К а б а н о в а. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтоб и я слышала, что ты ей приказываешь! А потом приедешь, спросишь, так ли все исполнила.

К а б а н о в *(становясь против Катерины)*. Слушайся маменьки, Катя!

К а б а н о в а. Скажи, чтоб не грубила свекрови.

Кабанов. Не груби!

Кабанова. Чтоб почитала свекровь, как родную мать!

К а б а н о в. Почитай, Катя, маменьку, как родную мать!

Ка б а н о в а. Чтоб сложа ручки не сидела, как барыня!

К а б а н о в. Работай что-нибудь без меня!

К а б а н о в а. Чтоб в окны глаз не пялила!

К а б а н о в. Да, маменька, когда ж она…

К а б а н о в а. Ну, ну!

К а б а н о в. В окны не гляди!

К а б а н о в а. Чтоб на молодых парней не заглядывалась без тебя!

К а б а н о в. Да что ж это, маменька, ей-богу!

К а б а н о в а *(строго)*. Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит. *(С улыбкой.)* Оно все лучше, как приказано-то.

К а б а н о в *(сконфузившись)*. Не заглядывайся на парней!

Катерина строго взглядывает на него.

К а б а н о в а. Ну, теперь поговорите промежду

себя, коли что нужно. Пойдем, Варвара!

Уходят.

Явление четвертое

Кабанов и Катерина (стоит, как будто в оцепенении).

К а б а н о в. Катя!

Молчание.

Катя, ты на меня не сердишься?

К а т е р и н а *(после непродолжительного молчания, покачав головой).* Нет!

К а б а н о в. Да что ты такая? Ну, прости меня!

К а т е р и н а *(все в том же состоянии, слегка покачав головой).* Бог с тобой! *(Закрыв лицо рукою.)* Обидела она меня!

К а б а н о в. Все к сердцу-то принимать, так в чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей ведь что-нибудь надо ж говорить! Ну, и пущай она говорит, а ты мимо ушей пропущай! Ну, прощай, Катя!

К а т е р и н а *(кидаясь на шею мужу).* Тиша, не уезжай! Ради Бога, не уезжай! Голубчик, прошу я тебя!

К а б а н о в. Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!

К а т е р и н а. Ну, бери меня с собой, бери!

К а б а н о в *(освобождаясь из ее объятий).* Да нельзя.

К а т е р и н а. Отчего же, Тиша, нельзя?

К а б а н о в. Куда как весело с тобой ехать! Вы меня уж заездили здесь совсем! Я не чаю, как вырваться-то; а ты еще навязываешься со мной.

К а т е р и н а. Да неужели же ты разлюбил меня?

К а б а н о в. Да не разлюбил; а с этакой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я все-таки мужчина; всю-то жизнь вот этак жить, как ты видишь, так убежишь и от жены. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов этих на ногах нет, так до жены ли мне?

К а т е р и н а. Как же мне любить-то тебя, когда ты такие слова говоришь?

К а б а н о в. Слова как слова! Какие же мне еще слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься! Ведь ты не одна, ты с маменькой останешься.

К а т е р и н а. Не говори ты мне об ней, не тирань ты моего сердца! Ах, беда моя, беда! *(Плачет.)* Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!

К а б а н о в. Да полно ты!

К а т е р и н а *(подходит к мужу и прижимается к нему).* Тиша, голубчик, кабы ты остался либо взял ты меня с собой, как бы я тебя любила, как бы я тебя голубила, моего милого. *(Ласкает его.)*

К а б а н о в. Не разберу я тебя, Катя! То от тебя слова не добьешься, не то что ласки; а то так сама лезешь.

К а т е р и н а. Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть беде без тебя! Быть беде!

К а б а н о в. Ну, да ведь нельзя, так уж нечего делать.

К а т е р и н а. Ну, так вот что! Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную…

К а б а н о в. Какую клятву?

К а т е р и н а. Вот какую: чтобы не смела я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видеться, чтобы и думать я не смела ни о ком, кроме тебя.

К а б а н о в. Да на что ж это?

К а т е р и н а. Успокой ты мою душу, сделай такую милость для меня!

К а б а н о в. Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти!

К а т е р и н а *(падая на колени).* Чтоб не видать мне ни отца, ни матери! Умереть мне без покая-

ния, если я…

К а б а н о в *(поднимает ее)*. Что ты! Что ты! Какой грех-то! Я и слушать не хочу!

Голос Кабановой: «Пора, Тихон!»

Входят К а б а н о в а, В а р в а р а и Г л а ш а.

Явление пятое

Те же, Кабанова, Варвара и Глаша.

К а б а н о в а. Ну, Тихон, пора. Поезжай с Богом! *(Садится.)* Садитесь все!

Все садятся. Молчание.

Ну, прощай! *(Встает, и все встают.)*

К а б а н о в *(подходя к матери)*. Прощайте, маменька!

К а б а н о в а *(жестом показывает в землю).* В ноги, в ноги!

Кабанов кланяется в ноги, потом целуется с матерью.

Прощайся с женой!

К а б а н о в. Прощай, Катя!

Катерина кидается ему на шею.

К а б а н о в а. Что ты на шею-то виснешь, бесстыдница! Не с любовником прощаешься! Он тебе муж, глава! Аль порядку не знаешь? В ноги кланяйся!

Катерина кланяется в ноги.

К а б а н о в. Прощай, сестрица! *(Целуется с Варварой.)* Прощай, Глаша! *(Целуется с Глашей.)* Прощайте, маменька! *(Кланяется.)*

К а б а н о в а. Прощай! Дальние проводы — лишние слезы.

К а б а н о в уходит, за ним К а т е р и н а, В а р в а р а и Г л а ш а.

Явление шестое

К а б а н о в а *(одна)*. Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои, насмеялась бы досыта. Ничего-то не знают, никакого порядку. Проститься-то путем не умеют. Хорошо еще, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят, а выдут на волю-то, так и путаются на покор да на смех добрым людям. Конечно, кто и пожалеет, а больше все смеются. Да не смеяться-то нельзя; гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только! Так-то вот старина-то и выводится. В другой дом и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, так плюнешь да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет

стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Входят К а т е р и н а и В а р в а р а.

Явление седьмое

Кабанова, Катерина и Варвара.

К а б а н о в а. Ты вот похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воет, лежит на крыльце; а тебе, видно, ничего.

К а т е р и н а. Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешить!

К а б а н о в а. Хитрость-то невеликая. Кабы любила, так бы выучилась. Коли порядком не умеешь, ты хоть бы пример-то этот сделала; все-таки пристойнее; а то, видно, на словах только. Ну, я Богу молиться пойду; не мешайте мне.

В а р в а р а. Я со двора пойду.

К а б а н о в а *(ласково)*. А мне что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придет. Еще насидишься!

Уходят К а б а н о в а и В а р в а р а.

Явление восьмое

К а т е р и н а *(одна, задумчиво)*. Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать, — ангелы ведь это. *(Молчание.)* Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка. *(Задумывается.)* А я вот что сделаю: я начну работу какую-нибудь по обещанию; пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным. Они за меня Бога помолят. Вот и засядем шить с Варварой, и не увидим, как время пройдет; а тут Тиша приедет.

Входит В а р в а ра.

Явление девятое

Катерина и Варвара.

В а р в а р а *(покрывает голову платком перед*

зеркалом). Я теперь гулять пойду; а ужо нам Глаша постелет постели в саду, маменька позволила. В саду, за малиной, есть калитка, ее маменька запирает на замок, а ключ прячет. Я его унесла, а ей подложила другой, чтоб не заметила. На вот, может быть, понадобится. *(Подает ключ.)* Если увижу, так скажу, чтоб приходил к калитке.

К а т е р и н а *(с испугом, отталкивая ключ).* На что! На что! Не надо! Не надо!

В а р в а р а. Тебе не надо, мне понадобится; возьми, не укусит он тебя.

К а т е р и н а. Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты? Что ты! Что ты!

В а р в а р а. Ну, я много разговаривать не люблю; да и некогда мне. Мне гулять пора. *(Уходит.)*

Явление десятое

К а т е р и н а *(одна, держа ключ в руках).* Что она это делает-то? Что она только придумывает? Ах, сумасшедшая, право, сумасшедшая! Вот погибель-то! Вот она! Бросить его, бросить далеко, в реку кинуть, чтоб не нашли никогда. Он мне руки-то жжет, точно уголь. *(Подумав.)* Вот так-то и гибнет наша сестра-то. В неволе-то кому весело!

Мало ли что в голову-то придет. Вышел случай, другая и рада, так очертя голову и кинется. А как же это можно, не подумавши, не рассудивши-то! Долго ли в беду попасть! А там и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то еще горче покажется. *(Молчание.*) А горька неволя, ох как горька! Кто от нее не плачет! А пуще всех мы, бабы. Вот хоть я теперь! Живу, маюся, просвету себе не вижу! Да и не увижу, знать! Что дальше, то хуже. А теперь еще этот грех-то на меня. *(Задумывается.)* Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня… от нее мне и дом-то опостылел; стены-то даже противны. *(Задумчиво смотрит на ключ.)* Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он это ко мне в руки попал? На соблазн, на пагубу мою. *(Прислушивается.)* Ах, кто-то идет! Так сердце и упало. *(Прячет ключ в карман.)* Нет!.. Никого!.. Что я так испугалась! И ключ спрятала… Ну уж, знать, там ему и быть! Видно, сама судьба того хочет! Да какой же в этом грех, если я взгляну на него раз, хоть издали-то! Да хоть и поговорю-то, так все не беда! А как же я мужу-то!.. Да ведь он сам не захотел. Да, может, такого и случая-то еще во всю жизнь не выйдет. Тогда и плачься на себя: был случай, да не умела пользоваться. Да что я говорю-то, что я себя обманываю? Мне хоть умереть,

да увидеть его. Перед кем я притворяюсь-то!.. Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь… Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..

Действие третье

СЦЕНА 1-я

Улица. Ворота дома Кабановых, перед воротами скамейка.

Явление первое

К а б а н о в а и Ф е к л у ш а (сидят на скамейке.)

Ф е к л у ш а. Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние. Еще у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто Содом, матушка, шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и снует, один туда, другой сюда.

К а б а н о в а. Некуда нам торопиться-то, милая, мы и живем не спеша.

Ф е к л у ш а. Нет, матушка, оттого у вас тишина в городе, что многие люди, вот хоть бы вас взять, добродетелями, как цветами, украшаются; оттого все и делается прохладно и благочинно. Ведь эта беготня-то, матушка, что значит? Ведь это суета! Вот хоть бы в Москве: бегает народ взад

да вперед неизвестно зачем. Вот она, суета-то, и есть. Суетный народ, матушка Марфа Игнатьевна, вот он и бегает. Ему представляется-то, что он за делом бежит; торопится, бедный, людей не узнаёт, ему мерещится, что его манит некто; а придет на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдет в тоске. А другому мерещится, что будто он догоняет кого-то знакомого. Со стороны-то свежий человек сейчас видит, что никого нет; а тому-то все кажется от суеты, что он догоняет. Суета-то ведь она вроде туману бывает. Вот у вас в этакой прекрасный вечер редко кто и за вороты-то выйдет посидеть; а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то инда грохот идет, стон стоит. Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрягать: все, видишь, для-ради скорости.

К а б а н о в а. Слышала я, милая.

Ф е к л у ш а. А я, матушка, так своими глазами видела; конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается, они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так (*растопыривает пальцы*) делает. Ну и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат.

К а б а н о в а. Назвать-то всячески можно, пожалуй, хоть машиной назови; народ-то глуп, будет

всему верить. А меня хоть ты золотом осыпь, так я не поеду.

Ф е к л у ш а. Что за крайности, матушка! Сохрани Господи от такой напасти! А вот еще, матушка Марфа Игнатьевна, было мне в Москве видение некоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжится, и вижу на высоком-превысоком доме, на крыше, стоит кто-то, лицом черен. Уж сами понимаете кто. И делает он руками, как будто сыплет что, а ничего не сыпется. Тут я догадалась, что это он плевелы сыплет, а народ днем в суете-то в своей невидимо и подберет. Оттого-то они так и бегают, оттого и женщины-то у них все такие худые, тела-то никак не нагуляют; да как будто они что потеряли либо чего ищут, в лице печаль, даже жалко.

К а б а н о в а. Все может быть, моя милая! В наши времена чему дивиться!

Ф е к л у ш а. Тяжелые времена, матушка Марфа Игнатьевна, тяжелые. Уж и время-то стало в умаление приходить.

К а б а н о в а. Как так, милая, в умаление?

Ф е к л у ш а. Конечно, не мы, где нам заметить в суете-то! А вот умные люди замечают, что у нас и время-то короче становится. Бывало, лето или зима-то тянутся-тянутся, не дождешься, когда

кончатся; а нынче и не увидишь, как пролетят. Дни-то и часы все те же как будто остались, а время-то, за наши грехи, все короче и короче делается. Вот что умные-то люди говорят.

К а б а н о в а. И хуже этого, милая, будет.

Ф е к л у ш а. Нам-то бы только не дожить до этого.

К а б а н о в а. Может, и доживем.

Входит Д и к о й.

Явление второе

Те же и Дикой.

К а б а н о в а. Что это ты, кум, бродишь так поздно?

Д и к о й. А кто ж мне запретит!

К а б а н о в а. Кто запретит! Кому нужно!

Д и к о й. Ну и, значит, нечего разговаривать. Что я, под началом, что ль, у кого? Ты еще что тут! Какого еще тут черта водяного!..

К а б а н о в а. Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебе дороган! Ступай своей дорогой, куда шел. Пойдем, Феклуша, домой. *(Встает.)*

Д и к о й. Постой, кума, постой. Не сердись. Еще успеешь дома-то быть: дом-от твой не за горами.

Вот он!

К а б а н о в а. Коли ты за делом, так не ори, а говори толком.

Д и к о й. Никакого дела нет, а я хмелён, вот что!

К а б а н о в а. Что ж ты мне теперь, хвалить тебя прикажешь за это?

Д и к о й. Ни хвалить, ни бранить. А значит, я хмелён; ну, и кончено дело. Пока не просплюсь, уж этого дела поправить нельзя.

К а б а н о в а. Так ступай спи!

Д и к о й. Куда же это я пойду?

К а б а н о в а. Домой. А то куда же!

Д и к о й. А коли я не хочу домой-то?

К а б а н о в а. Отчего же это, позволь тебя спросить.

Д и к о й. А потому что у меня там война идет.

К а б а н о в а. Да кому ж там воевать-то? Ведь ты один только там воин-то и есть.

Д и к о й. Ну так что ж, что я воин? Ну, что ж из этого?

К а б а н о в а. Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь с бабами. Вот что.

Д и к о й. Ну, значит, они и должны мне покоряться. А то я, что ли, покоряться стану!

К а б а н о в а. Уж немало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу в доме, а на тебя на одного угодить не могут.

Д и к о й. Вот поди ж ты!

К а б а н о в а. Ну, что ж тебе нужно от меня?

Д и к о й. А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всем городе и умеешь меня разговорить.

К а б а н о в а. Поди, Феклуша, вели приготовить закусить что-нибудь.

Ф е к л у ш а уходит.

Пойдем в покои!

Д и к о й. Нет, я в покои не пойду, в покоях я хуже.

К а б а н о в а. Чем же тебя рассердили-то?

Д и к о й. Еще с утра с самого.

К а б а н о в а. Должно быть, денег просили.

Д и к о й. Точно сговорились, проклятые; то тот, то другой целый день пристают.

К а б а н о в а. Должно быть, надо, коли пристают.

Д и к о й. Понимаю я это; да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое! Ведь уж знаю, что надо отдать, а все добром не могу. Друг ты мне, и я тебе должен отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдать отдам, а

обругаю. Потому — только заикнись мне о деньгах, у меня всю нутренную разжигать станет; всю нутренную вот разжигает, да и только; ну, и в те поры ни за что обругаю человека.

К а б а н о в а. Нет над тобой старших, вот ты и куражишься.

Д и к о й. Нет, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вот какие со мной истории бывали. О посту как-то, о Великом, я говел, а тут нелегкая и подсунь мужичонка: за деньгами пришел, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки: изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощенья просил, в ноги ему кланялся, право, так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся. Вот до чего меня сердце доводит: тут на дворе, в грязи, ему и кланялся; при всех ему кланялся.

К а б а н о в а. А зачем ты нарочно-то себя в сердце приводишь? Это, кум, нехорошо.

Д и к о й. Как так нарочно?

К а б а н о в а. Я видала, я знаю. Ты коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотят, ты возьмешь да нарочно из своих на кого-нибудь и накинешься, чтобы рассердиться; потому что ты знаешь, что к тебе сердитому никто уж не

подойдет. Вот что, кум!

Дикой. Ну, что ж такое? Кому своего добра не жалко!

Г л а ш а входит.

Г л а ш а. Марфа Игнатьевна, закусить поставлено, пожалуйте!

К а б а н о в а. Что ж, кум, зайди! Закуси чем Бог послал!

Д и к о й. Пожалуй.

К а б а н о в а. Милости просим! *(Пропускает вперед Дикого и уходит за ним.)*

Глаша, сложа руки, стоит у ворот.

Г л а ш а. Никак, Борис Григорьич идет. Уж не за дядей ли? Аль так гуляет? Должно, так гуляет.

Входит Б о р и с.

Явление третье

Глаша, Борис, потом К у л и г и н.

Б о р и с. Не у вас ли дядя?

Г л а ш а. У нас. Тебе нужно, что ль, его?

Б о р и с. Послали из дому узнать, где он. А коли у вас, так пусть сидит: кому его нужно. Дома-то рады-радехоньки, что ушел.

Г л а ш а. Нашей бы хозяйке за ним быть, она б его скоро прекратила. Что ж я, дура, стою-то с

тобой! Прощай. *(Уходит.)*

Б о р и с. Ах ты, Господи! Хоть бы одним глазком взглянуть на нее! В дом войти нельзя; здесь незваные не ходят. Вот жизнь-то! Живем в одном городе, почти рядом, а увидишься раз в неделю, и то только в церкви либо на дороге, вот и все! Здесь что вышла замуж, что схоронили — все равно. *(Молчание.)* Уж совсем бы мне ее не видать — легче бы было! А то видишь урывками, да еще при людях; во сто глаз на тебя смотрят. Только сердце надрывается. Да и с собой-то не сладишь никак. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здесь, у ворот. И зачем я хожу сюда? Видеть ее никогда нельзя, а еще, пожалуй, разговор какой выдет, ее-то в беду введешь. Ну, попал я в городок! *(Идет, ему навстречу Кулигин.)*

К у л и г и н. Что, сударь? Гулять изволите?

Б о р и с. Да, так гуляю себе, погода очень хороша нынче.

К у л и г и н. Очень хорошо, сударь, гулять теперь. Тишина, воздух отличный, из-за Волги с лугов цветами пахнет, небо чистое…

Открылась бездна, звезд полна,

Звездам числа нет, бездне — дна.

Пойдемте, сударь, на бульвар, ни души там нет.

Б о р и с. Пойдемте!

К у л и г и н. Вот какой, сударь, у нас городишко! Бульвар сделали, а не гуляют. Гуляют только по праздникам, и то один вид делают, что гуляют, а сами ходят туда наряды показывать. Только пьяного приказного и встретишь, из трактира домой плетется. Бедным гулять, сударь, некогда: у них день и ночь работа. И спят-то всего часа три в сутки. А богатые-то что делают? Ну что бы, кажется, им не гулять, не дышать свежим воздухом? Так нет. У всех давно ворота, сударь, заперты и собаки спущены. Вы думаете, они дело делают либо Богу молятся? Нет, сударь. И не от воров они запираются, а чтоб люди не видали, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят. И что слез льется за этими запорами, невидимых и неслышимых! Да что вам говорить, сударь! По себе можете судить. И что, сударь, за этими замками разврату темного да пьянства! И все шито да крыто — никто ничего не видит и не знает, видит только один Бог! Ты, говорит, смотри в людях меня да на улице, а до семьи моей тебе дела нет; на это, говорит, у меня есть замки, да запоры, да собаки злые. Семья, говорит, дело тайное, секретное! Знаем мы эти секреты-то! От этих секретов-то, сударь, ему только одному весело, а

остальные — волком воют. Да и что за секрет? Кто его не знает! Ограбить сирот, родственников, племянников, заколотить домашних так, чтобы ни об чем, что он там творит, пикнуть не смели. Вот и весь секрет. Ну, да Бог с ними! А знаете, сударь, кто у них гуляет? Молодые парни да девушки. Так эти у сна воруют часик, другой, ну и гуляют парочками. Да вот пара.

Показываются К у д р я ш и В а р в а ра. Целуются.

Б о р и с. Целуются.

К у л и г и н. Это у нас нужды нет.

К у д р я ш уходит, а Варвара подходит к своим воротам и

манит Бориса. Он подходит.

Явление четвертое

Борис, Кулигин и Варвара.

К у л и г и н. Я, сударь, на бульвар пойду. Что вам мешать-то? Там и подожду.

Б о р и с. Хорошо, я сейчас приду.

К у л и г и н уходит.

В а р в а р а *(закрываясь платком)*. Знаешь овраг за Кабановым садом?

Б о р и с. Знаю.

В а р в а р а. Приходи туда ужо попозже.

Б о р и с. Зачем?

В а р в а р а. Какой ты глупый! Приходи, там увидишь зачем. Ну, ступай скорей, тебя дожидаются.

Б о р и с уходит.

Не узнал ведь! Пущай теперь подумает. А ужотка я знаю, что Катерина не утерпит, выскочит. *(Уходит в ворота.)*

СЦЕНА 2-я

Ночь. Овраг, покрытый кустами; наверху забор сада Кабановых

и калитка; сверху тропинка.

Явление первое

К у д р я ш *(входит с гитарой).* Нет никого. Что ж это она там! Ну, посидим да подождем. *(Садится на камень.)* Да со скуки песенку споем. *(Поет.)*

Как донской-то казак, казак вел коня поить,
Добрый молодец, уж он у ворот стоит.
У ворот стоит, сам он думу думает,
Думу думает, как будет жену губить.
Как жена-то, жена мужу возмолилася,
Во скоры-то ноги ему поклонилася:
Уж ты, батюшка, ты ли мил сердечный друг!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера!

Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моим малым детушкам,
Малым детушкам, всем ближним соседушкам.
Входит Б о р и с.

Явление второе

Кудряш и Борис.

К у д р я ш *(перестает петь)*. Ишь ты! Смирен, смирен, а тоже в разгул пошел.

Б о р и с. Кудряш, это ты?

К у д р я ш. Я, Борис Григорьич!

Б о р и с. Зачем это ты здесь?

К у д р я ш. Я-то? Стало быть, мне нужно, Борис Григорьич, коли я здесь. Без надобности б не пошел. Вас куда Бог несет?

Б о р и с *(оглядывая местность)*. Вот что, Кудряш, мне бы нужно здесь остаться, а тебе ведь, я думаю, все равно, ты можешь идти и в другое место.

К у д р я ш. Нет, Борис Григорьич, вы, я вижу, здесь еще в первый раз, а у меня уж тут место насиженное, и дорожка-то мной протоптана. Я вас люблю, сударь, и на всякую вам услугу готов, а на этой дорожке вы со мной ночью не встречайтесь, чтобы, сохрани Господи, греха какого не вышло.

Уговор лучше денег.

Б о р и с. Что с тобой, Ваня?

К у д р я ш. Да что Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вот и все. Заведи себе сам, да и гуляй себе с ней, и никому до тебя дела нет. А чужих не трогай! У нас так не водится, а то парни ноги переломают. Я за свою… да я и не знаю, что сделаю! Горло перерву!

Б о р и с. Напрасно ты сердишься; у меня и на уме-то нет отбивать у тебя. Я бы и не пришел сюда, кабы мне не велели.

К у д р я ш. Кто ж велел?

Б о р и с. Я не разобрал: темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришел, сзади сада Кабановых, где тропинка.

К у д р я ш. Кто ж бы это такая?

Б о р и с. Послушай, Кудряш. Можно с тобой поговорить по душе, ты не разболтаешь?

К у д р я ш. Говорите, не бойтесь! У меня все одно что умерло.

Б о р и с. Я здесь ничего не знаю, ни порядков ваших, ни обычаев; а дело-то такое…

К у д р я ш. Полюбили, что ль, кого?

Б о р и с. Да, Кудряш.

К у д р я ш. Ну что ж, это ничего. У нас насчет это-

го слободно. Девки гуляют себе как хотят, отцу с матерью и дела нет. Только бабы взаперти сидят.

Б о р и с. То-то и горе мое.

К у д р я ш. Так неужто ж замужнюю полюбили?

Б о р и с. Замужнюю, Кудряш.

К у д р я ш. Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!

Б о р и с. Легко сказать — бросить! Тебе это, может быть, все равно; ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! уж я коли полюбил…

К у д р я ш. Ведь это, значит, вы ее совсем загубить хотите, Борис Григорьич!

Б о р и с. Сохрани Господи! Сохрани меня Господи! Нет, Кудряш, как можно. Захочу ли я ее погубить! Мне только бы видеть ее где-нибудь, мне больше ничего не надо.

К у д р я ш. Как, сударь, за себя поручиться! А ведь здесь какой народ! Сами знаете. Съедят, в гроб вколотят.

Б о р и с. Ах, не говори этого, Кудряш, пожалуйста, не пугай ты меня!

К у д р я ш. А она-то вас любит?

Б о р и с. Не знаю.

К у д р я ш. Да вы видались когда аль нет?

Б о р и с. Я один раз только и был у них с дядей.

А то в церкви вижу, на бульваре встречаемся. Ах, Кудряш, как она молится, кабы ты посмотрел! Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится.

К у д р я ш. Так это молодая Кабанова, что ль?

Б о р и с. Она, Кудряш.

К у д р я ш. Да! Так вот оно что! Ну, честь имеем проздравить!

Б о р и с. С чем?

К у д р я ш. Да как же! Значит, у вас дело на лад идет, коли сюда приходить велели.

Б о р и с. Так неужто она велела?

К у д р я ш. А то кто же?

Б о р и с. Нет, ты шутишь! Этого быть не может. *(Хватается за голову.)*

К у д р я ш. Что с вами?

Б о р и с. Я с ума сойду от радости.

К у д р я ш. Вота! Есть от чего с ума сходить! Только вы смотрите — себе хлопот не наделайте, да и ее-то в беду не введите! Положим, хоть у нее муж и дурак, да свекровь-то больно люта.

В а р в а р а выходит из калитки.

Явление третье

Те же и Варвара, потом К а т е р и на.

В а р в а р а *(у калитки, поет).*

За рекою за быстрою мой Ваня гуляет.

Там мой Ванюшка гуляет…

К у д р я ш *(продолжает).*

Товар закупает.

(Свищет.)

В а р в а р а *(сходит по тропинке и, закрыв лицо платком, подходит к Борису).* Ты, парень, подожди. Дождешься чего-нибудь. *(Кудряшу.)* Пойдем на Волгу.

К у д р я ш. Ты что ж так долго? Ждать вас еще! Знаешь, что не люблю!

Варвара обнимает его одной рукой, и уходят.

Б о р и с. Точно я сон какой вижу! Это ночь, песня, свидания! Ходят обнявшись. Это так ново для меня, так хорошо, так весело! Вот и я жду чего-то! А чего жду — и не знаю, и вообразить не могу; только бьется сердце да дрожит каждая жилка. Не могу даже и придумать теперь, что сказать-то ей, дух захватывает, подгибаются колени! Вот какое у меня сердце глупое: раскипится вдруг, ничем не унять. Вот идет.

Катерина тихо сходит по тропинке, покрытая большим белым

платком, потупив глаза в землю. Молчание.

Это вы, Катерина Петровна?

Молчание.

Уж как мне благодарить вас, я и не знаю.

Молчание.

Кабы вы знали, Катерина Петровна, как я люблю вас! *(Хочет взять ее за руку.)*

К а т е р и н а *(с испугом, но не подымая глаз)*. Не трогай, не трогай меня! Ах, ах!

Б о р и с. Не сердитесь!

К а т е р и н а. Поди от меня! Поди прочь, окаянный человек! Ты знаешь ли, ведь мне не замолить этого греха, не замолить никогда! Ведь он камнем ляжет на душу, камнем.

Б о р и с. Не гоните меня!

К а т е р и н а. Зачем ты пришел? Зачем ты пришел, погубитель мой? Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски, до гробовой доски…

Б о р и с. Вы сами велели мне прийти…

К а т е р и н а. Да пойми ты меня, враг ты мой, ведь до гробовой доски!

Б о р и с. Лучше б мне не видать вас!

К а т е р и н а *(с волнением)*. Ведь что я себе

готовлю. Где мне место-то, знаешь ли?

Б о р и с. Успокойтесь! *(Берет ее за руку.)* Сядьте!

К а т е р и н а. Зачем ты моей погибели хочешь?

Б о р и с. Как же я могу хотеть вашей погибели, когда я люблю вас больше всего на свете, больше самого себя!

К а т е р и н а. Нет, нет! ты меня загубил!

Б о р и с. Разве я злодей какой?

К а т е р и н а *(качая головой)*. Загубил, загубил, загубил!

Б о р и с. Сохрани меня Бог! Пусть лучше я сам погибну!

Ка т е р и н а. Ну как же ты не загубил меня, коли я, бросивши дом, ночью иду к тебе.

Б о р и с. Ваша воля была на то.

К а т е р и н а. Нет у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я к тебе. *(Поднимает глаза и смотрит на Бориса.)*

Небольшое молчание.

Твоя теперь воля надо мной, разве ты не видишь! *(Кидается к нему на шею.)*

Б о р и с *(обнимая Катерину)*. Жизнь моя!

К а т е р и н а. Знаешь что? Теперь мне умереть вдруг захотелось!

Б о р и с. Зачем умирать, коли нам жить так хорошо?

К а т е р и н а. Нет, мне не жить! Уж я знаю, что не жить.

Б о р и с. Не говори, пожалуйста, таких слов, не печаль меня…

К а т е р и н а. Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..

Б о р и с. Никто и не узнает про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалею!

К а т е р и н а. Э! Что меня жалеть, никто не виноват, — сама на то пошла. Не жалей, губи меня! Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю! *(Обнимает Бориса.)* Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорят, даже легче бывает, когда за какой-нибудь грех здесь, на земле, натерпишься.

Б о р и с. Ну что об этом думать, благо нам теперь-то хорошо!

К а т е р и н а. И то! надуматься-то да наплакаться-то еще успею на досуге.

Б о р и с. А я было испугался, я думал, ты меня прогонишь.

К а т е р и н а *(улыбаясь).* Прогнать! Где уж! С нашим ли сердцем! Кабы ты не пришел, так я, кажется, сама бы к тебе пришла.

Б о р и с. Я и не знал, что ты меня любишь.

К а т е р и н а. Давно люблю. Словно на грех ты к нам приехал. Как увидела тебя, так уж не своя стала. С первого же раза, кажется, кабы ты поманил меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край света, я бы все шла за тобой и не оглянулась бы.

Б о р и с. Надолго ль муж-то уехал?

К а т е р и н а. На две недели.

Б о р и с. О, так мы погуляем! Время-то довольно.

К а т е р и н а. Погуляем. А там… *(Задумывается.)* Как запрут на замок, вот смерть! А не запрут, так уж найду случай повидаться с тобой!

Входят К у д р я ш и В а р в а р а.

Явление четвертое

Те же, Кудряш и Варвара.

В а р в а р а. Ну что, сладили?

Катерина прячет лицо у Бориса на груди.

Б о р и с. Сладили.

В а р в а р а. Пошли бы погуляли, а мы подождем. Когда нужно будет, Ваня крикнет.

Б о р и с и К а т е р и н а уходят. Кудряш и Варвара садятся на

камень.

К у д р я ш. А это вы важную штуку придумали, в садовую калитку лазить. Оно для нашего брата оченно способно.

В а р в а р а. Все я.

К у д р я ш. Уж тебя взять на это. А мать-то не хватится?..

В а р в а р а. Э! Куда ей! Ей и в лоб-то не влетит.

К у д р я ш. А ну, на грех?

В а р в а р а. У нее первый сон крепок; вот к утру так просыпается.

К у д р я ш. Да ведь как знать! Вдруг ее нелегкая поднимет.

В а р в а р а. Ну так что ж! У нас калитка-то, которая со двора, изнутри заперта, из саду; постучит, постучит, да так и пойдет. А поутру мы скажем, что крепко спали, не слыхали. Да и Глаша стережет; чуть что, она сейчас голос подаст. Без опаски нельзя! Как же можно! Того гляди, в беду попадешь.

Кудряш берет несколько аккордов на гитаре. Варвара прилегает к плечу Кудряша, который, не обращая внимания, тихо играет.

(Зевая.) Как бы это узнать, который час?

К у д р я ш. Первый.

В а р в а р а. Почем ты знаешь?

К у д р я ш. Сторож в доску бил.

В а р в а р а *(зевая)*. Пора. Покричи-ка. Завтра мы пораньше выдем, так побольше погуляем.

К у д р я ш *(свищет и громко запевает)*.

Все домой, все домой!

А я домой не хочу.

Б о р и с *(за сценой)*. Слышу!

В а р в а р а *(встает)*. Ну, прощай! *(Зевает, потом целует холодно, как давно знакомого.)* Завтра, смотрите, приходите пораньше! *(Смотрит в ту сторону, куда пошли Борис и Катерина.)* Будет вам прощаться-то, не навек расстаетесь, завтра увидитесь. *(Зевает и потягивается.)*

Вбегает К а т е р и н а, за ней Б о р ис.

Явление пятое

Кудряш, Варвара, Борис и Катерина.

К а т е р и н а *(Варваре)*. Ну, пойдем, пойдем!

Всходят по тропинке, Катерина оборачивается.

Прощай!

Б о р и с. До завтра!

К а т е р и н а. Да, до завтра! Что во сне увидишь, скажи!

Подходят к калитке.

Б о р и с. Непременно.

К у д р я ш *(поет под гитару).*
Гуляй, млада, до поры,
До вечерней до зари!
Ай-лёли, до поры,
До вечерней до зари.
В а р в а р а *(у калитки).*
А я, млада, до поры,
До утренней до зари,
Ай-лёли, до поры,
До утренней до зари!
Уходят.
Кудряш.
Как зорюшка занялась, А я домой поднялась…
и т. д.

Действие четвертое

На первом плане узкая галерея со сводами старинной, начинающей разрушаться постройки; кое-где трава и кусты; за арками берег и вид на Волгу.

Явление первое

Н е с к о л ь к о г у л я ю щ и х обоего пола проходят за арками.

1 — й. Дождь накрапывает: как бы гроза не собралась?

2 — й. Гляди, сберется.

1 — й. Еще хорошо, что есть где схорониться.

Входят все под своды.

Ж е н щ и н а. А что народу-то гуляет на бульваре! День праздничный, все повышли. Купчихи такие разряженные.

1 — й. Попрячутся куда-нибудь.

2 — й. Гляди, что теперь народу сюда набьется!

1 — й *(осматривая стены)*. А ведь тут, братец ты мой, когда-нибудь, значит, расписано было. И теперь еще местами означает.

2 — й. Ну да, как же! Само собой, что расписано было. Теперь, ишь ты, все впусте оставлено, развалилось, заросло. После пожару так и не поправляли. Да ты и пожару-то этого не помнишь, этому лет сорок будет.

1 — й. Что бы это такое, братец ты мой, тут нарисовано было; довольно затруднительно это понимать.

2 — й. Это геенна огненная.

1 — й. Так, братец ты мой!

2 — й. И идут туда всякого звания люди.

1 — й. Так, так, понял теперь.

2 — й. И всякого чину.

1 — й. И арапы?

2 — й. И арапы.

1 — й. А это, братец ты мой, что такое?

2 — й. А это литовское разорение. Литва! Видишь, как наши с Литвой бились?

1 — й. Что ж это такое — Литва?

2 — й. Так она Литва и есть.

1 — й . А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.

2 — й. Не умею я тебе сказать. С неба так с неба.

Ж е н щ и н а. Толкуй еще! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти

курганы насыпаны.

1 — й. А что, братец ты мой! Ведь это так точно.

Входит Д и к о й и за ним Кулигин без шапки. Все кланяются и принимают почтительное положение.

Явление второе

Те же, Дикой и Кулигин.

Д и к о й. Ишь ты, замочило всего. *(Кулигину.)* Отстань ты от меня! Отстань! *(С сердцем.)* Глупый ты человек!

К у л и г и н. Савел Прокофьич, ведь от этого, ваше степенство, для всех вообще обывателей польза.

Д и к о й. Поди ты прочь! Кака польза! Кому нужна эта польза?

К у л и г и н. Да хоть бы для вас, ваше степенство, Савел Прокофьич. Вот бы, сударь, на бульваре, на чистом месте, и поставить. А какой расход? Расход пустой: столбик каменный *(показывает жестами размер каждой вещи)*, дощечку медную, такую круглую, да шпильку, вот шпильку прямую *(показывает жестом)*, простую самую. Уж я все это прилажу и цифры вырежу уж все сам. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите

гулять, или прочие, которые гуляющие, сейчас подойдете и видите, который час. А то этакое место прекрасное, и вид, и все, а как будто пусто. У нас тоже, ваше степенство, и проезжие бывают, ходят туда наши виды смотреть, все-таки украшение, — для глаз оно приятней.

Д и к о й. Да что ты ко мне лезешь со всяким вздором! Может, я с тобой и говорить-то не хочу. Ты должен был прежде узнать, в расположении я тебя слушать, дурака, или нет. Что я тебе — равный, что ли! Ишь ты — какое дело нашел важное! Так прямо с рылом-то и лезет разговаривать.

К у л и г и н. Кабы я с своим делом лез, ну, тогда был бы я виноват. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну, что значит для общества каких-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Дикой. А может, ты украсть хочешь; кто тебя знает!

К у л и г и н. Коли я свои труды хочу даром положить, что же я могу украсть, ваше степенство! Да меня здесь все знают; про меня никто дурно не скажет.

Д и к о й. Ну, и пущай знают, а я тебя знать не хочу.

К у л и г и н. За что, сударь, Савел Прокофьич,

честного человека обижать изволите?

Д и к о й. Отчет, что ли, я стану тебе давать! Я и поважней тебя никому отчета не даю. Хочу так думать о тебе, так и думаю. Для других ты честный человек, а я думаю, что ты разбойник, вот и все. Хотелось тебе это слышать от меня? Так вот слушай! Говорю, что разбойник, и конец! Что ж ты, судиться, что ли, со мной будешь! Так ты знай, что ты червяк. Захочу — помилую, захочу — раздавлю.

К у л и г и н. Бог с вами, Савел Прокофьич! Я, сударь, маленький человек, меня обидеть недолго. А я вам вот что доложу, ваше степенство: «И в рубище почтенна добродетель!»

Д и к о й. Ты у меня грубить не смей! Слышишь ты!

К у л и г и н. Никакой я грубости вам, сударь, не делаю; а говорю вам потому, что, может быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сделать. Силы у вас, ваше степенство, много; была б только воля на доброе дело. Вот хоть бы теперь-то возьмем: у нас грозы частые, а не заведем мы громовых отводов.

Д и к о й *(гордо)*. Все суета!

К у л и г и н. Да какая же суета, когда опыты были.

Д и к о й. Какие такие там у тебя громовые отводы?

К у л и г и н. Стальные.

Д и к о й *(с гневом)*. Ну, еще что?

К у л и г и н. Шесты стальные.

Д и к о й *(сердясь более и более)*. Слышал, что шесты, аспид ты этакой; да еще-то что? Наладил: шесты! ну а еще что?

К у л и г и н. Ничего больше.

Д и к о й. Да гроза-то что такое, по-твоему? а? Ну, говори!

К у л и г и н. Электричество.

Д и к о й *(топнув ногой)*. Какое еще там елестричество! Ну как же ты не разбойник! Гроза-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А? Говори! Татарин?

К у л и г и н. Савел Прокофьич, ваше степенство, Державин сказал:

Я телом в прахе истлеваю,

Умом громам повелеваю.

Д и к о й. А за эти вот слова тебя к городничему отправить, так он тебе задаст! Эй, почтенные! прислушайтеко, что он говорит!

К у л и г и н. Нечего делать, надо покориться! А

вот когда будет у меня миллион, тогда я поговорю. *(Махнув рукой, уходит.)*

Д и к о й. Что ж ты, украдешь, что ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивый мужичонко! С этим народом какому надо быть человеку? Я уж и не знаю. *(Обращаясь к народу.)* Да вы, проклятые, хоть кого в грех введете! Вот не хотел нынче сердиться, а он, как нарочно, рассердил-таки. Чтоб ему провалиться! *(Сердито.)* Перестал, что ль, дождик-то?

1 — й. Кажется, перестал.

Д и к о й. Кажется! А ты, дурак, сходи да посмотри. А то: кажется.

1 — й *(выйдя из-под сводов)*. Перестал!

Д и к о й уходит, и в с е за ним. Сцена несколько времени пуста. Под своды быстро входит В а р в а р а и, притаившись,

высматривает.

Явление третье

Варвара и потом Бо р и с.

В а р в а р а. Кажется, он!

Борис проходит в глубине сцены.

Сс-сс!

Борис оглядывается.

Поди сюда. *(Манит рукой.)*

Борис входит.

Что нам с Катериной-то делать? Скажи на милость!

Б о р и с. А что?

В а р в а р а. Беда ведь, да и только. Муж приехал, ты знаешь ли это? И не ждали его, а он приехал.

Б о р и с. Нет, я не знал.

В а р в а р а. Она просто сама не своя сделалась.

Б о р и с. Видно, только я и пожил десять деньков, пока его не было. Уж теперь и не увидишь ее!

В а р в а р а. Ах ты какой! Да ты слушай! Дрожит вся, точно ее лихорадка бьет; бледная такая, мечется по дому, точно чего ищет. Глаза как у помешанной! Давеча утром плакать принялась, так и рыдает. Батюшки мои! Что мне с ней делать?

Б о р и с. Да, может быть, пройдет это у нее!

В а р в а р а. Ну, уж едва ли. На мужа не смеет глаз поднять. Маменька замечать это стала, ходит да все на нее косится, так змеей и смотрит; а она от этого еще хуже. Просто мука глядеть-то на нее! Да и боюсь я.

Б о р и с. Чего же ты боишься?

В а р в а р а. Ты ее не знаешь! Она ведь чуднаяя какая-то у нас. От нее все станется! Таких дел

наделает, что…

Б о р и с. Ах, Боже мой! Что же делать-то! Ты бы с ней поговорила хорошенько. Неужели уж нельзя ее уговорить!

В а р в а р а. Пробовала. И не слушает ничего. Лучше и не подходи.

Б о р и с. Ну, как же ты думаешь, что она может сделать?

В а р в а р а. А вот что: бухнет мужу в ноги, да и расскажет все. Вот чего я боюсь.

Б о р и с *(с испугом)*. Может ли это быть!

В а р в а р а. От нее все может быть.

Б о р и с. Где она теперь?

В а р в а р а. Сейчас с мужем на бульвар пошли, и маменька с ними. Пройди и ты, коли хочешь. Да нет, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется.

Вдали удары грома.

Никак, гроза? *(Выглядывает.)* Да и дождик. А вот и народ повалил. Спрячься там где-нибудь, а я тут на виду стану, чтоб не подумали чего.

Входят н е с к о л ь к о л и ц разного звания и пола.

Явление четвертое

Разные лица и потом Кабанова, Кабанов, Катерина и Кулигин.

1 — й. Должно быть, бабочка-то очень боится, что так торопится спрятаться.

Ж е н щ и н а. Да уж как ни прячься! Коли кому на роду написано, так никуда не уйдешь.

К а т е р и н а *(вбегая)*. Ах! Варвара! *(Хватает ее за руку и держит крепко.)*

В а р в а р а. Полно, что ты!

К а т е р и н а. Смерть моя!

В а р в а р а. Да ты одумайся! Соберись с мыслями!

К а т е р и н а. Нет! Не могу! Ничего не могу. У меня уж очень сердце болит.

К а б а н о в а *(входя)*. То-то вот, надо жить-то так, чтобы всегда быть готовой ко всему; страху-то бы такого не было.

К а б а н о в. Да какие ж, маменька, у нее грехи такие могут быть особенные! Все такие же, как и у всех у нас, а это так уж она от природы боится.

К а б а н о в а. А ты почем знаешь? Чужая душа потем-киК. а б а н о в *(шутя)*. Уж разве без меня что-нибудь, а при мне, кажись, ничего не было.

К а б а н о в а. Может быть, и без тебя.

Кабанов *(шутя)*. Катя, кайся, брат, лучше, коли в чем грешна. Ведь от меня не скроешься; нет, шалишь! Все узнаю!

Катерина *(смотрит в глаза Кабанову)*. Голубчик мой!

В а р в а р а. Ну что ты пристаешь! Разве не видишь, что ей и без тебя тяжело.

Б о р и с выходит из толпы и раскланивается с Кабановым.

К а т е р и н а *(вскрикивает)*. Ах!

К а б а н о в. Что ты испугалась! Ты думала, чужой? Это знакомый! Дядюшка здоров ли?

Б о р и с. Слава Богу!

К а т е р и н а *(Варваре)*. Чего ему еще надо от меня?.. Или ему мало этого, что я так мучаюсь. *(Приклоняясь к Варваре, рыдает.)*

В а р в а р а *(громко, чтобы мать слышала)*. Мы с ног сбились, не знаем, что делать с ней; а тут еще посторонние лезут! *(Делает Борису знак, тот отходит к самому выходу.)*

К у л и г и н *(выходит на середину, обращаясь к толпе)*. Ну чего вы боитесь, скажите на милость! Каждая теперь травка, каждый цветок радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой! Гроза убьет! Не гроза это, а благодать! Да, благодать! У

вас все гроза! Северное сияние загорится, любоваться бы надобно да дивиться премудрости: «С полночных стран встает заря!» А вы ужасаетесь да придумываете, к войне это или к мору. Комета ли идет, — не отвел бы глаз! красота! звезды-то уже приглядились, всё одни и те же, а это обновка; ну смотрел бы да любовался! А вы боитесь и взглянуть-то на небо, дрожь вас берет! Изо всего-то вы себя пугал наделали. Эх, народ! Я вот не боюсь. Пойдемте, сударь!

Б о р и с. Пойдемте! Здесь страшнее!

Уходят.

Явление пятое

Те же без Бориса и Кулигина.

К а б а н о в а. Ишь, какие рацеи развел! Есть что послушать, уж нечего сказать! Вот времена-то пришли, какие-то учители появились. Коли старик так рассуждает, чего уж от молодых-то требовать!

Ж е н щ и н а. Ну, все небо обложило. Ровно шапкой, так и накрыло.

1 — й. Эко, братец ты мой, точно клубком туча-то вьется, ровно что в ней там живое ворочается. А так на нас и ползет, так и ползет, как живая.

2 — й. Уж ты помяни мое слово, что эта гроза даром не пройдет. Верно тебе говорю: потому знаю. Либо уж убьет кого-нибудь, либо дом сгорит; вот увидишь: потому, смотри, какой цвет необнакновенный!

К а т е р и н а *(прислушиваясь)*. Что они говорят? Они говорят, что убьет кого-нибудь.

К а б а н о в. Известно, так городят зря, что в голову придет.

К а б а н о в а. Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знают. У старых людей на все приметы есть. Старый человек на ветер слова не скажет.

К а т е р и н а *(мужу)*. Тиша, я знаю, кого убьет.

Варвара *(Катерине тихо)*. Ты уж хоть молчи-то!

К а б а н о в а. Ты почем знаешь?

К а т е р и н а. Меня убьет. Молитесь тогда за меня!

Входит б а р ы н я с л а к е я м и. Катерина с криком прячется.

Явление шестое

Те же и барыня.

Б а р ы н я. Что прячешься! Нечего прятаться!

Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Как не хотеться! видишь, какая красавица! Ха, ха, ха! Красота! А ты молись Богу, чтоб отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вот тогда и радуйся красоте-то своей. Много, много народу в грех введешь! Вертопрахи на поединки выходят, шпагами колят друг друга. Весело! Старики старые, благочестивые, об смерти забывают, соблазняются на красоту-то! А кто отвечать будет? За все тебе отвечать придется. В омут лучше с красотой-то! Да скорей, скорей!

Катерина прячется.

Куда прячешься, глупая! От Бога-то не уйдешь!

Удар грома.

Все в огне гореть будете в неугасимом! *(Уходит.)*

К а т е р и н а. Ах! Умираю!

В а р в а р а. Что ты мучаешься-то, в самом деле! Стань к сторонке да помолись, легче будет.

К а т е р и н а *(подходит к стене и опускается на колени, потом быстро вскакивает)*. Ах! Ад! Ад! геенна огненная!

Кабанова, Кабанов и Варвара окружают ее.

Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед Богом и

перед вами! Не я ли клялась тебе, что и не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь, помнишь! А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала! В первую же ночь я ушла из дому…

Кабанов *(растерявшись, в слезах, дергает ее за рукав)*. Не надо, не надо, не говори! Что ты! Матушка здесь!

Кабанова *(строго)*. Ну, ну, говори, коли уж начала.

К а т е р и н а. И все-то десять ночей я гуляла… *(Рыдает.)*

Кабанов хочет обнять ее.

К а б а н о в а. Брось ее! С кем?

В а р в а р а. Врет она, она сама не знает, что говорит.

К а б а н о в а. Молчи ты! Вот оно что! Ну, с кем же?

К а т е р и н а. С Борисом Григорьичем.

Удар грома.

Ах! *(Падает без чувств на руки мужа.)*

К а б а н о в а. Что, сынок! Куда воля-то ведет! Говорила я, так ты слушать не хотел. Вот и дождался!

Действие пятое

Декорация первого действия. Сумерки.

Явление первое

К у л и г и н сидит на лавочке. К а б а н о в идет по бульвару.

К у л и г и н *(поет)*.

Ночною темнотою покрылись небеса,
Все люди для покою закрыли уж глаза…
и проч.

(Увидав Кабанова.) Здравствуйте, сударь! Далеко ли изволите?

К а б а н о в. Домой. Слышал, братец, дела-то наши? Вся, братец, семья в расстройство пришла.

К у л и г и н. Слышал, слышал, сударь.

К а б а н о в. Я в Москву ездил, ты знаешь? На дорогу-то маменька читала, читала мне наставления-то, а я как выехал, так загулял. Уж очень рад, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пил, и в Москве все пил, так это кучун, что нап-поди! Так, чтобы уж на целый год отгуляться. Ни разу про дом-то и не вспомнил. Да хоть бы и вспомнил-то,

так мне бы и в ум не пришло, что тут делается. Слышал?

К у л и г и н. Слышал, сударь.

К а б а н о в. Несчастный я теперь, братец, человек! Так ни за что погибаю, ни за грош!

К у л и г и н. Маменька-то у вас больно крута.

К а б а н о в. Ну да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мне на милость? Я вот зашел к Дикому, ну, выпили; думал — легче будет, нет, хуже, Кулигин! Уж что жена против меня сделала! Уж хуже нельзя…

К у л и г и н. Мудреное дело, сударь. Мудрено вас судить.

К а б а н о в. Нет, постой! Уж на что еще хуже этого. Убить ее за это мало. Вот маменька говорит — ее надо живую в землю закопать, чтоб она казнилась! А я ее люблю, мне ее жаль пальцем тронуть. Побил немножко, да и то маменька приказала. Жаль мне смотреть-то на нее, пойми ты это, Кулигин. Маменька ее поедом ест, а она как тень какая ходит, безответная. Только плачет да тает как воск. Вот я и убиваюсь, глядя на нее.

К у л и г и н. Как бы нибудь, сударь, ладком дело-то сделать! Вы бы простили ей да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не без греха!

К а б а н о в. Уж что говорить!

К у л и г и н. Да уж так, чтоб и под пьяную руку не попрекать! Она бы вам, сударь, была хорошая жена: гляди — лучше всякой.

К а б а н о в. Да пойми ты, Кулигин, я-то бы ничего, а маменька-то… разве с ней сговоришь!..

К у л и г и н. Пора бы уж вам, сударь, своим умом жить.

К а б а н о в. Что ж мне, разорваться, что ли! Нет, говорят, своего-то ума. И, значит, живи век чужим. Я вот возьму да и последний-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, как с дураком, и нянчится.

К у л и г и н. Эх, сударь! Дела, дела! Ну, а Борис-то Григорьич, сударь, что?

К а б а н о в. А его, подлеца, в Тяхту, к китайцам. Дядя к знакомому купцу какому-то посылает туда на контору. На три года его туды.

К у л и г и н. Ну, что же он, сударь?

К а б а н о в. Мечется тоже; плачет. Накинулись мы давеча на него с дядей, уж ругали, ругали — молчит. Точно дикий какой сделался. Со мной, говорит, что хотите делайте, только ее не мучьте! И он к ней тоже жалость имеет.

К у л и г и н. Хороший он человек, сударь.

К а б а н о в. Собрался совсем, и лошади уж готовы. Так тоскует, беда! Уж я вижу, что это ему

проститься хочется. Ну, да мало ли чего! Будет с него. Враг ведь он мне, Кулигин! Расказнить его надобно на части, чтобы знал…

К у л и г и н. Врагам-то прощать надо, сударь!

К а б а н о в. Поди-ка поговори с маменькой, что она тебе на это скажет. Так, братец Кулигин, все наше семейство теперь врозь расшиблось. Не то что родные, а точно вороги друг другу. Варвару маменька точила, точила, а та не стерпела, да и была такова, — взяла да и ушла.

К у л и г и н. Куда ушла?

К а б а н о в. Кто ее знает. Говорят, с Кудряшом с Ванькой убежала, и того также нигде не найдут. Уж это, Кулигин, надо прямо сказать, что от маменьки; потому стала ее тиранить и на замок запирать. «Не запирайте, говорит, хуже будет!» Вот так и вышло. Что ж мне теперь делать, скажи ты мне! Научи ты меня, как мне жить теперь? Дом мне опостылел, людей совестно, за дело возьмусь — руки отваливаются. Вот теперь домой иду; на радость, что ль, я иду?

Входит Г л а ш а.

Г л а ш а. Тихон Иваныч, батюшка!

К а б а н о в. Что еще?

Г л а ш а. Дома у нас нездорово, батюшка.

К а б а н о в. Господи! Так уж одно к одному!

Говори, что там такое?

Г л а ш а. Да хозяюшка ваша…

К а б а н о в. Ну что ж? Умерла, что ль?

Г л а ш а. Нет, батюшка; ушла куда-то, не найдем нигде. Сбились с ног, искамши.

К а б а н о в. Кулигин, надо, брат, бежать, искать ее. Я, братец, знаешь, чего боюсь? Как бы она с тоски-то на себя руки не наложила! Уж так тоскует, так тоскует, что ах! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего ж вы смотрели-то? Давно ль она ушла-то?

Г л а ш а. Недавнушко, батюшка! Уж наш грех, недоглядели. Да и то сказать: на всякий час не остережешься.

К а б а н о в. Ну, что стоишь-то, беги!

Г л а ш а уходит.

И мы пойдем, Кулигин!

Уходят.

Сцена несколько времени пуста. С противоположной стороны

выходит Катерина и тихо идет по сцене.

Явление второе

К а т е р и н а *(одна)*[1]. Нет, нигде нет! Что-то он теперь, бедный, делает? Мне бы только проститься с ним, а там… а там хоть умирать. За что я его в

беду ввела? Ведь мне не легче от этого! Погибать бы мне одной! А то себя погубила, его погубила, себе бесчестье, ему вечный покор! Да! Себе бесчестье, ему вечный покор. *(Молчание.)* Вспомнить бы мне, что он говорил-то? Как он жалел-то меня? Какие слова-то говорил? *(Берет себя за голову.)* Не помню, все забыла. Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в могилу. Так страшно в потемках! Шум какой-то сделается, и поют, точно кого хоронят; только так тихо, чуть слышно, далеко-далеко от меня... Свету-то так рада сделаешься! А вставать не хочется, опять те же люди, те же разговоры, та же мука. Зачем они так смотрят на меня? Отчего это нынче не убивают? Зачем так сделали? Прежде, говорят, убивали. Взяли бы да и бросили меня в Волгу; я бы рада была. «Казнить-то тебя, говорят, так с тебя

[1]Весь монолог и все следующие сцены говорит, растягивая и повторяя слова, задумчиво и как будто в забытьи. *(Примеч. авт.)*

грех снимется, а ты живи да мучайся своим грехом». Да уж измучилась я! Долго ль еще мне мучиться!.. Для чего мне теперь жить, ну для чего? Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и свет Божий не мил! — а смерть не приходит.

Ты ее кличешь, а она не приходит. Что ни увижу, что ни услышу, только тут *(показывая на сердце)* больно. Еще кабы с ним жить, может быть, радость бы какую-нибудь я и видела… Что ж: уж все равно, уж душу свою я ведь погубила. Как мне по нем скучно! Ах, как мне по нем скучно! Уж коли не увижу я тебя, так хоть услышь ты меня издали! Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мне, скучно! *(Подходит к берегу и громко, во весь голос.)*

Радость моя! жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! *(Плачет.)*

Входит Б о р и с.

Явление третье

Катерина и Борис.

Б о р и с *(не видя Катерины)*. Боже мой! Ведь это ее голос! Где же она? *(Оглядывается.)*

К а т е р и н а *(подбегает к нему и кидается на шею)*. Увидала-таки я тебя! *(Плачет на груди у него.)*

Молчание.

Б о р и с. Ну, вот и поплакали вместе, привел Бог.

К а т е р и н а. Ты не забыл меня?

Б о р и с. Как забыть, что ты!

К а т е р и н а. Ах, нет, не то, не то! Ты не сердишься?

Б о р и с. За что мне сердиться?

К а т е р и н а. Ну, прости меня. Не хотела я тебе зло сделать; да в себе не вольна была. Что говорила, что делала, себя не помнила.

Б о р и с. Полно, что ты! что ты!

К а т е р и н а. Ну, как же ты? Теперь-то ты как?

Б о р и с. Еду.

К а т е р и н а. Куда едешь?

Б о р и с. Далеко, Катя, в Сибирь.

К а т е р и н а. Возьми меня с собой отсюда!

Б о р и с. Нельзя мне, Катя. Не по своей я воле еду: дядя посылает, уж и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотел хоть с местом-то тем проститься, где мы с тобой виделись.

К а т е р и н а. Поезжай с Богом! Не тужи обо мне. Сначала только разве скучно будет тебе, бедному, а там и позабудешь.

Б о р и с. Что обо мне-то толковать! Я вольная птица. Ты-то как? Что свекровь-то?

К а т е р и н а. Мучает меня, запирает. Всем говорит и мужу говорит: «Не верьте ей: она хитрая». Все и ходят за мной целый день и смеются мне прямо в глаза. На каждом слове все тобой

попрекают.

Б о р и с. А муж-то?

К а т е р и н а. То ласков, то сердится, да пьет все. Да постыл он мне, постыл, ласка-то его мне хуже побоев.

Б о р и с. Тяжело тебе, Катя!

К а т е р и н а. Уж так тяжело, так тяжело, что умереть легче!

Б о р и с. Кто ж это знал, что нам за любовь нашу так мучиться с тобой! Лучше б бежать мне тогда!

К а т е р и н а. На беду я увидела тебя. Радости видела мало, а горя-то, горя-то что! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что думать о том, что будет! Вот я теперь тебя видела, этого они у меня не отымут; а больше мне ничего не надо. Только ведь мне и нужно было увидать тебя. Вот мне теперь гораздо легче сделалось; точно гора с плеч свалилась. А я все думала, что ты на меня сердишься, проклинаешь меня…

Б о р и с. Что ты, что ты!

К а т е р и н а. Да нет, все не то я говорю; не то я хотела сказать! Скучно мне было по тебе, вот что; ну, вот я тебя увидела.

Б о р и с. Не застали б нас здесь!

К а т е р и н а. Постой, постой! Что-то я тебе хотела сказать! Вот забыла! Что-то нужно было

сказать! В голове-то все путается, не вспомню ничего.

Б о р и с. Время мне, Катя!

К а т е р и н а. Погоди, погоди!

Б о р и с. Ну, что же ты сказать-то хотела?

К а т е р и н а. Сейчас скажу. *(Подумав.)* Да! Поедешь ты дорогой, ни одного ты нищего так не пропускай, всякому подай да прикажи, чтоб молились за мою грешную душу.

Б о р и с. Ах, кабы знали эти люди, каково мне прощаться с тобой! Боже мой! Дай Бог, чтоб им когда-нибудь так же сладко было, как мне теперь. Прощай, Катя! *(Обнимает ее и хочет уйти.)* Злодеи вы! Изверги! Эх, кабы сила!

К а т е р и н а. Постой, постой! Дай мне поглядеть на тебя в последний раз. *(Смотрит ему в глаза.)* Ну, будет с меня! Теперь Бог с тобой, поезжай. Ступай, скорей ступай!

Б о р и с *(отходит несколько шагов и останавливается).* Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучаюсь я дорогой-то, думавши о тебе.

К а т е р и н а. Ничего, ничего! Поезжай с Богом.

Борис хочет подойти к ней.

Не надо, не надо, довольно!

Б о р и с *(рыдая).* Ну, Бог с тобой! Только одного и надо у Бога просить, чтоб она умерла поскорее, чтобы ей не мучиться долго! Прощай! *(Кланяется.)*

К а т е р и н а. Прощай!

Б о р и с уходит. Катерина провожает его глазами и стоит

несколько времени задумавшись.

Явление четвертое

К а т е р и н а *(одна)*. Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу — все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше… Под деревцем могилушка… как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит… весной на ней травка вырастет, мягкая такая… птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие… всякие *(задумывается)*, всякие… Так тихо, так хорошо! Мне как будто легче! А об жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо… нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду! Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это! Ах, темно стало!

И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь… Умереть бы теперь… Что поют? Все равно, что смерть придет, что сама… а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться… Руки крест-накрест складывают… в гробу! Да, так… я вспомнила. А поймают меня да воротят домой насильно… Ах, скорей, скорей! *(Подходит к берегу. Громко.)* Друг мой!

Радость моя! Прощай! *(Уходит.)*

Входят К а б а н о в а, К а б а н о в, К у л и г и н и р а б о т н и к с фонарем.

Явление пятое

Кабанова, Кабанов и Кулигин.

К у л и г и н. Говорят, здесь видели.

К а б а н о в. Да это верно?

К у л и г и н. Прямо на нее говорят.

К а б а н о в. Ну, слава Богу, хоть живую видели-то!

К а б а н о в а. А ты уж испугался, расплакался! Есть о чем. Не беспокойся: еще долго нам с ней маяться будет.

К а б а н о в. Кто ж ее знал, что она сюда пойдет! Место такое людное. Кому в голову придет здесь

прятаться.

К а б а н о в а. Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!

С разных сторон собирается н а р о д с фонарями.

Один из народа. Что, нашли?

К а б а н о в а. То-то, что нет. Точно провалилась куда.

Н е с к о л ь к о г о л о с о в. Эка притча! Вот оказия-то! И куда б ей деться!

О д и н и з н а р о д а. Да найдется!

Д р у г о й. Как не найтись!

Т р е т и й. Гляди, сама придет.

Голос за сценой: «Эй, лодку!»

К у л и г и н *(с берега)*. Кто кричит? Что там?

Голос: «Женщина в воду бросилась!» К у л и г и н и за ним н е с к о л ь к о ч е л о в е к убегают.

Явление шестое

Те же без Кулигина.

К а б а н о в. Батюшки, она ведь это! *(Хочет бежать.)*

Кабанова удерживает его за руку.

Маменька, пустите, смерть моя! я ее вытащу, а

то так и сам… Что мне без нее!

К а б а н о в а. Не пущу, и не думай! Из-за нее да себя губить, стоит ли она того! Мало она нам страму-то наделала, еще что затеяла!

К а б а н о в. Пустите!

К а б а н о в а. Без тебя есть кому. Прокляну, коли пойдешь.

К а б а н о в *(падает на колена)*. Хоть взглянуть-то мне на нее!

К а б а н о в а. Вытащут — взглянешь.

К а б а н о в *(встает, к народу).* Что, голубчики, не видать ли чего?

1 — й. Темно внизу-то, не видать ничего.

Шум за сценой.

2 — й. Словно кричат что-то, да ничего не разберешь.

1 — й. Да это Кулигина голос.

2 — й. Вон с фонарем по берегу ходят.

1 — й. Сюда идут. Вон и ее несут.

Н е с к о л ь к о н а р о д у возвращается.

О д и н и з в о з в р а т и в ш и х с я. Молодец Кулигин! Тут близехонько, в омуточке у берега; с огнем-то оно в воду-то далеко видно, он платье и увидал, и вытащил ее.

К а б а н о в. Жива?

Д р у г о й. Где уж жива! Высоко бросилась-то,

тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная! А точно, робяты, как живая! Только на виске маленькая такая ранка, и одна только, как есть одна, капелька крови.

Кабанов бросается бежать; навстречу ему К у л и г и н с н а р о д о м несут К а т е р и н у.

Явление седьмое

Те же и Кулигин.

К у л и г и н. Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней что хотите! Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша; она теперь перед судией, который милосерднее вас! *(Кладет на землю и убегает.)*

К а б а н о в *(бросается к Катерине)*. Катя! Катя!

К а б а н о в а. Полно! Об ней и плакать-то грех!

К а б а н о в. Маменька, вы ее погубили! Вы, вы, вы…

К а б а н о в а. Что ты? Аль себя не помнишь! Забыл, с кем говоришь!

К а б а н о в. Вы ее погубили! Вы! Вы!

К а б а н о в а *(сыну)*. Ну, я с тобой дома поговорю. *(Низко кланяется народу.)* Спасибо вам, люди добрые, за вашу услугу!

Все кланяются.

К а б а н о в. Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены.)*

На всякого мудреца довольно простоты
Комедия в пяти действиях

Действие первое

ЛИЦА

ЕГОР ДМИТРИЧ ГЛУМОВ,
молодой человек.

ГЛАФИРА КЛИМОВНА ГЛУМОВА,
его мать.

НИЛ ФЕДОСЕИЧ МАМАЕВ,
богатый барин, дальний родственник Глумова.

ЕГОР ВАСИЛЬИЧ КУРЧАЕВ,
гусар.

ГОЛУТВИН,
человек, не имеющий занятий.

МАНЕФА, женщина, занимающаяся гаданьем и предсказыванъем.

ЧЕЛОВЕК МАМАЕВА

Чистая, хорошо меблированная комната, письменный стол, зеркало; одна дверь во внутренние комнаты; на правой стороне другая — входная.

Явление первое

Г л у м о в и Г л а ф и р а К л и м о в н а за сценой.

Г л у м о в *(за сценой)*. Вот еще! Очень нужно! Идти напролом, да и кончено дело. *(Выходя из боковой двери.)* Делайте, что вам говорят, и не рассуждайте!

Г л у м о в а *(выходя из боковой двери)*. Зачем ты заставляешь меня писать эти письма! Право, мне тяжело.

Г л у м о в. Пишите, пишите!

Г л у м о в а. Да что толку? Ведь за тебя не отдадут. У Турусиной тысяч двести приданого, родство, знакомство, она княжеская невеста или генеральская. И за Курчаева не отдадут; за что я взвожу на него, на бедного, разные клеветы и небывальщины!

Г л у м о в. Кого вам больше жаль, меня или гусара Курчаева? На что ему деньги? Он все равно их в карты проиграет, а еще хнычете: я тебя носила под сердцем!

Г л у м о в а. Да если бы польза была!

Г л у м о в. Уж это мое дело.

Гл у м о в а. Имеешь ли ты хоть какую-нибудь

надежду?

Г л у м о в. Имею. Маменька, вы знаете меня: я умен, зол и завистлив; весь в вас. Что я делал до сих пор? Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву, а сам баклуши бил. Нет, довольно. Над глупыми людьми не надо смеяться, надо уметь пользоваться их слабостями. Конечно, здесь карьеры не составишь, карьеру составляют и дело делают в Петербурге, а здесь только говорят. Но и здесь можно добиться теплого места и богатой невесты, — с меня и довольно. Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором. Мы в Москве любим поговорить. И чтоб в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть. Я сумею подделаться и к тузам и найду себе покровительство, вот вы увидите. Глупо их раздражать, им надо льстить грубо, беспардонно. Вот и весь секрет успеха. Я начну с неважных лиц, с кружка Турусиной, выжму из него все, что нужно, а потом заберусь и повыше. Подите пишите! Мы еще с вами потолкуем.

Г л у м о в а. Помоги тебе Бог! *(Уходит.)*

Г л у м о в *(садится к столу)*. Эпиграммы в сторону! Этот род поэзии, кроме вреда, ничего не приносит автору. Примемся за панегирики. *(Вынимает из кармана тетрадь.)* Всю желчь,

которая будет накипать в душе, я буду сбывать в этот дневник, а на устах останется только мед. Один, в ночной тиши, я буду вести летопись людской пошлости. Эта рукопись не предназначается для публики, я один буду и автором, и читателем. Разве со временем, когда укреплюсь на прочном фундаменте, сделаю из нее извлечение.

Входят К у р ч а е в и Г о л у т в и н; Глумов встает и прячет тетрадь в карман.

Явление второе

Глумов, Курчаев, Голутвин.

К у р ч а е в. Bonjour!

Г л у м о в. Очень рад; чему обязан?

К у р ч а е в *(садясь к столу на место Глумова)*. Мы за делом. *(Указывая на Голутвина.)* Вот, рекомендую.

Г л у м о в. Да я его знаю давно. Что вы его рекомендуете?

Г о л у т в и н. Тон мне ваш что-то не нравится. Да-с.

Г л у м о в. Это как вам угодно. Вы, верно, господа, порядочно позавтракали?

К у р ч а е в. Малым делом. *(Берет карандаш и бумагу и чертит что-то.)*

Г л у м о в. То-то, оно и видно. У меня, господа, времени свободного не много. В чем дело? *(Садится, Голутвин тоже.)*

К у р ч а е в. Нет ли у вас стихов?

Г л у м о в. Каких стихов? Вы, верно, не туда зашли.

Г о л у т в и н. Нет, туда.

Глумов *(Курчаеву).* Не марайте, пожалуйста, бумагу!

К у р ч а е в. Нам эпиграмм нужно. Я знаю, что у вас есть.

Г л у м о в. Никаких нет.

К у р ч а е в. Ну полно вам! Все знают. У вас на весь город написаны. Вон он хочет сотрудником быть в юмористических газетах.

Г л у м о в *(Голутвину).* Вот как. Вы писали прежде?

Г о л у т в и н. Писал.

Г л у м о в. Что?

Г о л у т в и н. Все: романы, повести, драмы, комедии…

Г л у м о в. Ну и что же?

Г о л у т в и н. Ну и не печатают нигде, ни за что; сколько ни просил, и даром не хотят. Хочу за скандальчики приняться.

Г л у м о в. Опять не напечатают.

Г о л у т в и н. Попытаюсь.

Г л у м о в. Да ведь опасно.

Г о л у т в и н. Опасно? А что, прибьют?

Г л у м о в. Пожалуй.

Г о л у т в и н. Да, говорят, что в других местах бьют; а у нас что-то не слыхать.

Г л у м о в. Так пишите!

Г о л у т в и н. С кого мне писать-то, я никого не знаю.

К у р ч а е в. У вас, говорят, дневник какой-то есть, где вы всех по косточке разобрали.

Г о л у т в и н. Ну, вот и давайте, давайте его сюда!

Г л у м о в. Ну да, как же не дать!

Г о л у т в и н. А уж мы бы их распечатали.

Г л у м о в. И дневника никакого у меня нет.

К у р ч а е в. Разговаривайте! Видели его у вас.

Г о л у т в и н. Ишь как прикидывается; а тоже ведь наш брат, Исакий.

Г л у м о в. Не брат я вам и не Исакий.

Г о л у т в и н. А какие бы мы деньги за него взяли…

К у р ч а е в. Да, в самом деле, ему деньги нужны. «Будет, говорит, на чужой счет пить, трудиться хочу». Это он называет: трудиться. Скажите пожалуйста!

Г л у м о в. Слышу, слышу.

Г о л у т в и н. Материалов нет.

К у р ч а е в. Вон, видите, у него материалов нет. Дайте ему материал, пусть его трудится.

Г л у м о в *(вставая).* Да не марайте же бумагу!

К у р ч а е в. Ну, вот еще, что за важность.

Г л у м о в. Каких-то петухов тут рисуете.

К у р ч а е в. Ошибаетесь. Это не петух, а мой уважаемый дядюшка, Нил Федосеич Мамаев. Вот *(дорисовывает)*, и похоже, и хохол похож.

Г о л у т в и н. А интересная он личность? Для меня, например?

К у р ч а е в. Очень интересная. Во-первых, он считает себя всех умнее и всех учит. Его хлебом не корми, только приди совета попроси.

Г о л у т в и н. Ну вот, подпишите под петухом-то: новейший самоучитель!

Курчаев подписывает.

Да и пошлем напечатать.

К у р ч а е в. Нет, не надо, все-таки дядя. *(Отталкивает бумагу. Глумов берет и прячет в карман.)*

Г о л у т в и н. А еще какие художества за ним водятся?

К у р ч а е в. Много. Третий год квартиру ищет. Ему и не нужна квартира. Он просто ездит раз-

говаривать, все как будто дело делает. Выедет с утра, квартир десять осмотрит, поговорит с хозяевами, с дворниками, потом поедет по лавкам пробовать икру, балык, там рассядется, в рассуждения пустится. Купцы не знают, как выжить его из лавки, а он доволен: все-таки утро у него не пропало даром. *(Глумову.)* Да, вот еще, я и забыл сказать. Тетка в вас влюблена как кошка.

Г л у м о в. Каким же это образом?

К у р ч а е в. В театре видела, все глаза проглядела, шею было свернула. Все у меня спрашивала: кто такой? Вы этим не шутите!

Г л у м о в. Я не шучу, вы всем шутите.

К у р ч а е в. Ну, как хотите. Я бы на вашем месте… Так вы стихов дадите?

Г л у м о в. Нет.

Г о л у т в и н. Что с ним разговаривать! Поедем обедать!

К у р ч а е в. Поедем! Прощайте! *(Кланяется и уходит.)*

Г л у м о в *(останавливая Курчаева)*. Зачем вы с собой его возите?

К у р ч а е в. Умных людей люблю.

Г л у м о в. Нашли умного человека.

К у р ч а е в. По нас и эти хороши. Настоящие-то умные люди с какой стати станут знакомиться с

нами? *(Уходит.)*

Г л у м о в *(вслед ему)*. Ну, смотрите! Маменька!

Входит Г л у м о в а.

Явление третье

Глумов, Глумова.

Г л у м о в *(показывая портрет Мамаева)*. Поглядите! Вот с кем нужно мне сойтись прежде всего.

Г л у м о в а. Кто это?

Г л у м о в. Наш дальний родственник, мой дядюшка, Нил Федосеич Мамаев.

Г л у м о в а. А кто рисовал?

Г л у м о в. Все тот же гусар, племянничек его, Курчаев. Эту картинку надо убрать на всякий случай. *(Прячет ее.)* Вся беда в том, что Мамаев не любит родственников. У него человек тридцать племянников, из них он выбирает одного и в пользу его завещание пишет, а другие уж и не показывайся. Надоест любимец, он его прогонит и возьмет другого, и сейчас же завещание перепишет. Вот теперь у него в милости этот Курчаев.

Г л у м о в а. Вот кабы тебе…

Г л у м о в. Трудно, но попробую. Он даже не подозревает о моем существовании.

Г л у м о в а. А хорошо бы сойтись. Во-первых,

наследство, потом, отличный дом, большое знакомство, связи.

Г л у м о в. Да! Вот еще обстоятельство: я понравился тетке, Клеопатре Львовне, она меня где-то видела. Вы это на всякий случай запомните! Сблизиться с Мамаевым для меня первое дело — это первый шаг на моем поприще. Дядя познакомит меня с Крутицким, с Городулиным; во-первых, это люди с влиянием, во-вторых, близкие знакомые Турусиной. Мне бы только войти к ней в дом, а уж я женюсь непременно.

Глумов а. Так, сынок, но первый-то шаг самый трудный.

Г л у м о в. Успокойтесь, он сделан. Мамаев будет здесь.

Г л у м о в а. Как же это случилось?

Г л у м о в. Тут ничего не случилось, все это было рассчитано вперед. Мамаев любит смотреть квартиры, вот на эту удочку мы его и поймали.

Входит ч е л о в е к Мамаева.

Ч е л о в е к. Я привез Нила Федосеича.

Г л у м о в. И прекрасно. Получай. *(Дает ему ассигнацию.)* Веди его сюда.

Ч е л о в е к. Да, пожалуй, они рассердятся: я сказал, что квартира хорошая.

Г л у м о в. Я беру ответственность на себя. Сту-

пайте, маменька, к себе; когда нужно будет, я вас кликну.

Ч е л о в е к Мамаева уходит. Глумов садится к столу и делает вид, что занимается работой. Входит М а м а е в, за ним ч е л о в е к его.

Явление четвертое

Глумов, Мамаев и человек Мамаева.

М а м а е в *(не снимая шляпы, оглядывает комнату)*. Это квартира холостая.

Г л у м о в *(кланяется и продолжает работать)*. Холостая.

М а м а е в *(не слушая)*. Она не дурна, но холостая. *(Человеку.)* Куда ты, братец, меня завел?

Г л у м о в *(подвигает стул и опять принимается писать)*. Не угодно ли присесть?

М а м а е в *(садится)*. Благодарю. Куда ты меня завел? Я тебя спрашиваю!

Ч е л о в е к. Виноват-с.

М а м а е в. Разве ты, братец, не знаешь, какая нужна мне квартира? Ты должен сообразить, что я статский советник, что жена моя, а твоя барыня, любит жить открыто. Нужна гостиная, да не одна. Где гостиная, я тебя спрашиваю?

Ч е л о в е к. Виноват-с.

М а м а е в. Где гостиная? *(Глумову.)* Вы меня извините!

Г л у м о в. Ничего-с, вы мне не мешаете.

М а м а е в *(человеку)*. Ты видишь, вон сидит человек пишет! Может быть, мы ему мешаем; он, конечно, не скажет по деликатности; а все ты, дурак, виноват.

Г л у м о в. Не браните его, не он виноват, а я. Когда он тут на лестнице спрашивал квартиру, я ему указал на эту и сказал, что очень хороша, — я не знал, что вы семейный человек.

М а м а е в. Вы хозяин этой квартиры?

Глумов. Я.

М а м а е в. Зачем же вы ее сдаете?

Г л у м о в. Не по средствам.

М а м а е в. А зачем же нанимали, коли не по средствам? Кто вас неволил? Что вас, за ворот, что ли, тянули, в шею толкали? Нанимай, нанимай! А вот теперь, чай, в должишках запутались? На цугундер тянут? Да уж, конечно, конечно. Из большой-то квартиры да придется в одной комнате жить; приятно это будет?

Г л у м о в. Нет, я хочу еще больше нанять.

М а м а е в. Как так больше? На этой жить средств нет, а нанимаете больше! Какой же у вас резон?

Г л у м о в. Никакого резона. По глупости.

М а м а е в. По глупости? Что за вздор!

Г л у м о в. Какой же вздор! Я глуп.

М а м а е в. Глуп! Это странно. Как же так, глуп?

Г л у м о в. Очень просто, ума недостаточно. Что ж тут удивительного! Разве этого не бывает? Очень часто.

М а м а е в. Нет, однако, это интересно! Сам про себя человек говорит, что глуп.

Г л у м о в. Что ж мне, дожидаться, когда другие скажут? Разве это не все равно? Ведь уж не скроешь.

М а м а е в. Да, конечно, этот недостаток скрыть довольно трудно.

Г л у м о в. Я и не скрываю.

М а м а е в. Жалею.

Г л у м о в. Покорно благодарю.

М а м а е в. Учить вас, должно быть, некому?

Г л у м о в. Да, некому.

М а м а е в. А ведь есть учителя, умные есть учителя, да плохо их слушают — нынче время такое. Ну уж от старых и требовать нечего: всякий думает, что коли стар, так и умен. А если мальчишки не слушаются, так чего от них ждать потом? Вот я вам расскажу случай. Гимназист недавно бежит чуть не бегом из гимназии; я его, понятное дело,

остановил и хотел ему, знаете, в шутку поучение прочесть: «в гимназию-то, мол, тихо идешь, а из гимназии домой бегом, а надо, милый, наоборот». Другой бы еще благодарил, что для него, щенка, солидная особа среди улицы останавливается, да еще ручку бы поцеловал; а он что ж!

Г л у м о в. Преподавание нынче, знаете…

М а м а е в. «Нам, говорит, в гимназии наставления-то надоели. Коли вы, говорит, любите учить, так наймитесь к нам в надзиратели. А теперь, говорит, я есть хочу, пустите!» Это мальчишка-то, мне-то!

Г л у м о в. На опасной дороге мальчик. Жаль!

М а м а е в. А куда ведут опасные-то дороги, знаете?

Г л у м о в. Знаю.

М а м а е в. Отчего нынче прислуга нехорошая? Оттого, что свободна от обязанности выслушивать поучения. Прежде, бывало, я у своих подданных во всякую малость входил. Всех поучал, от мала до велика. Часа по два каждому наставления читал; бывало, в самые высшие сферы мышления заберешься, а он стоит перед тобой, постепенно до чувства доходит, одними вздохами, бывало, он у меня истомится. И ему на пользу, и мне благородное занятие. А нынче,

после всего этого… Вы понимаете, после чего?

Г л у м о в. Понимаю.

М а м а е в. Нынче, поди-ко, с прислугой попробуй! Раза два ему метафизику-то прочтешь, он и идет за расчетом. Что, говорит, за наказание! Да; что, говорит, за наказание!

Г л у м о в. Безнравственность!

М а м а е в. Я ведь не строгий человек, я все больше словами. У купцов вот обыкновение глупое: как наставление, сейчас за волосы, и при всяком слове и качает, и качает. Этак, говорит, крепче, понятнее. Ну, что хорошего! А я все словами, и то нынче не нравится.

Г л у м о в. Да-с, после всего этого, я думаю, вам неприятно.

М а м а е в *(строго).* Не говорите, пожалуйста, об этом, я вас прошу. Как меня тогда кольнуло насквозь вот в это место *(показывает на грудь)*, так до сих пор словно как какой-то…

Г л у м о в. В это место?

М а м а е в. Повыше.

Г л у м о в. Вот здесь-с?

М а м а е в *(с сердцем)*. Повыше, я вам говорю!

Г л у м о в. Извините, пожалуйста! Вы не сердитесь! Уж я вам сказал, что я глуп.

М а м а е в. Да-с, так вы глупы… это нехорошо.

То есть тут ничего нет дурного, если у вас есть пожилые, опытные родственники или знакомые.

Г л у м о в. То-то и беда, что никого нет. Есть мать, да она еще глупее меня.

М а м а е в. Ваше положение действительно дурно. Мне вас жаль, молодой человек.

Г л у м о в. Есть, говорят, еще дядя, да все равно что его

не М т. а м а е в. Отчего же?

Г л у м о в. Он меня не знает, а я с ним и видеться не желаю.

М а м а е в. Вот уж я за это и не похвалю, молодой человек, и не похвалю.

Г л у м о в. Да помилуйте! Будь он бедный человек, я бы ему, кажется, руки целовал, а он человек богатый; придешь к нему за советом, а он подумает, что за деньгами. Ведь как ему растолкуешь, что мне от него ни гроша не надобно, что я только совета жажду, жажду, алчу наставления, как манны небесной. Он, говорят, человек замечательного ума, я готов бы целые дни и ночи его слушать.

М а м а е в. Вы совсем не так глупы, как говорите.

Г л у м о в. Временем это на меня просветление находит, вдруг как будто прояснится, а потом и

опять. Большею частию я совсем не понимаю, что делаю. Вот тут-то мне совет и нужен.

М а м а е в. А кто ваш дядя?

Глумов. Чуть ли я и фамилию-то не забыл. Мамаев, кажется, Нил Федосеич.

М а м а е в. А вы-то кто?

Г л у м о в. Глумов.

М а м а е в. Дмитрия Глумова сын?

Г л у м о в. Так точно-с.

М а м а е в. Ну, так этот Мамаев-то, это я.

Г л у м о в. Ах, Боже мой! Как же это! Нет, да как же! Позвольте вашу руку! *(Почти со слезами.)* Впрочем, дядюшка, я слышал, вы не любите родственников; вы не беспокойтесь, мы можем быть так же далеки, как и прежде. Я не посмею явиться к вам без вашего приказания; с меня довольно и того, что я вас видел и насладился беседой умного человека.

М а м а е в. Нет, ты заходи, когда тебе нужно о чем-нибудь посоветоваться.

Г л у м о в. Когда нужно! Мне постоянно нужно, каждую минуту. Я чувствую, что погибну без руководителя.

М а м а е в. Вот заходи сегодня вечером!

Г л у м о в. Покорно вас благодарю. Позвольте уж мне представить вам мою старуху, она недаль-

няя, но добрая, очень добрая женщина.

М а м а е в. Что ж, пожалуй.

Г л у м о в *(громко)*. Маменька!

Входит Г л у м о в а.

Явление пятое

Те же и Глумова.

Г л у м о в. Маменька! Вот! *(Указывая на Мамаева.)* Только не плакать! Счастливый случай привел к нам дядюшку, Нила Федосеича, которого вы так порывались видеть.

Г л у м о в а. Да, батюшка-братец, давно желала. А вы вот родных и знать-то не хотите.

Г л у м о в. Довольно, маменька, довольно. Дядюшка имеет на то свои причины.

М а м а е в. Родня родне рознь.

Г л у м о в а. Позвольте, батюшка-братец, поглядеть на вас! Жорж! А ведь не похож!

Г л у м о в *(дергает ее за платье)*. Полноте, маменька, перестаньте!

Г л у м о в а. Да что перестаньте! Не похож, совсем не похож.

М а м а е в *(строго)*. Что вы шепчете? На кого я там не похож? Я сам на себя похож. ки Г. л у м о в *(матери)*. Очень нужно толковать пустя-

М а м а е в. Уж коли начали, так говорите.

Г л у м о в а. Я говорю, что портрет на вас не похож.

М а м а е в. Какой портрет? Откуда у вас портрет?

Г л у м о в а. Вот видите, у нас бывает иногда Егор Васильич Курчаев. Он, кажется, вам родственник тоже доводится?

Г л у м о в. Такой отличный, веселый малый.

М а м а е в. Да; ну так что ж?

Г л у м о в а. Он все вас рисует. Покажи, Жорж!

Глумов. Да я, право, не знаю, куда я его дел.

Г л у м о в а. Поищи хорошенько! Еще он давеча рисовал, ну, помнишь. С ним был, как их называют? Вот что критики стихами пишут. Курчаев говорит: я тебе дядю буду рисовать, а ты подписи подписывай! Я ведь слышала, что они говорили.

М а м а е в. Покажи мне портрет. Покажи сейчас!

Г л у м о в *(подавая портрет)*. Никогда, маменька, не нужно говорить таких вещей, которые другому могут вред сделать.

М а м а е в. Да вот учи мать-то лицемерию. Не слушай, сестра, живи по простоте! По простоте лучше. *(Рассматривает портрет.)* Ай да молодец племянничек!

Г л у м о в. Бросьте, дядюшка! И непохоже совсем, и подпись к вам не подходит: «Новейший самоучитель».

М а м а е в. Похоже-то оно похоже, и подпись подходит; ну, да это уж до тебя не касается, это мое дело. *(Отдает портрет и встает.)* Ты на меня карикатур рисовать не будешь?

Г л у м о в. Помилуйте, за кого вы меня принимаете! Что за занятие!

М а м а е в. Так ты вот что, ты непременно приходи ужо вечером. И вы пожалуйте!

Г л у м о в а. Ну я-то уж… я ведь, пожалуй, надоем своими глупостями.

М а м а е в уходит, Г л у м о в его провожает.

Кажется, дело-то улаживается. А много еще труда Жоржу будет. Ах как это трудно и хлопотно в люди выходить!

Г л у м о в возвращается.

Явление шестое

Глумова, Глумов и потом М а н е ф а.

Г л у м о в. Маменька, Манефа идет. Будьте к ней внимательнее, слышите! Да не только внимательнее, подобострастнее, как только можете.

Г л у м о в а. Ну, уж унижаться-то перед бабой.

Г л у м о в. Вы барствовать-то любите; а где средства! Кабы не моя оборотливость, так вы бы чуть не по миру ходили. Так помогайте же мне, помогайте же мне, я вам говорю. *(Заслышав шаги, бежит в переднюю и возвращается вместе с Манефой.)*

М а н е ф а *(Глумову)*. Убегай от суеты, убегай!

Г л у м о в *(с постным видом и со вздохом)*. Убегаю, убегаю.

М а н е ф а. Не будь корыстолюбив!

Г л у м о в. Не знаю греха сего.

М а н е ф а *(садясь и не обращая внимания на Глумову, которая ей часто кланяется)*. Летала, летала да к вам попала.

Г л у м о в. Ох, чувствуем, чувствуем.

М а н е ф а. Была в некоем благочестивом доме, дали десять рублей на милостыню. Моими руками творят милостыню. Святыми-то руками доходчивее, нечем грешными.

Г л у м о в *(вынимая деньги)*. Примите пятнадцать рублей от раба Егорья.

М а н е ф а. Благо дающим!

Г л у м о в. Не забывайте в молитвах!

М а н е ф а. В оном благочестивом доме пила чай и кофей.

Г л у м о в а. Пожалуйте, матушка, у меня сейчас

готово.

М а н е ф а встает, они ее провожают под руки до двери.

Г л у м о в *(возвращается и садится к столу).* Записать! *(Вынимает дневник.)* Человеку Мамаева три рубля, Манефе пятнадцать рублей. Да уж кстати весь разговор с дядей. *(Пишет.)*

Входит К у р ч а е в.

Явление седьмое

Глумов, Курчаев.

К у р ч а е в. Послушайте-ко! Был дядя здесь?

Г л у м о в. Был.

К у р ч а е в. Ничего он не говорил про меня?

Г л у м о в. Ну вот! С какой стати! Он даже едва ли знает, где был. Он заезжал, по своему обыкновению, квартиру смотреть.

К у р ч а е в. Это интрига, адская интрига!

Г л у м о в. Я слушаю, продолжайте!

К у р ч а е в. Представьте себе, дядя меня встретил на дороге и…

Г л у м о в. И… что?

К у р ч а е в. И не велел мне показываться ему на глаза. Представьте!

Г л у м о в. Представляю.

К у р ч а е в. Приезжаю к Турусиной — не принимают, высылают какую-то шлюху-приживалку сказать, что принять не могут. Слышите?

Г л у м о в. Слышу.

К у р ч а е в. Объясните мне, что это значит?

Г л у м о в. По какому праву вы требуете от меня объяснения?

К у р ч а е в. Хоть по такому, что вы человек умный и больше меня понимаете.

Г л у м о в. Извольте! Оглянитесь на себя: какую вы жизнь ведете!

К у р ч а е в. Какую? Все ведут такую — ничего, а я виноват. Нельзя же за это лишать человека состояния, отнимать невесту, отказывать в уважении.

Г л у м о в. А знакомство ваше! Например, Голутвин.

К у р ч а е в. Ну что ж Голутвин?

Г л у м о в. Язва! Такие люди на все способны. Вот вам и объяснение! И зачем вы его давеча привели ко мне? Я на знакомства очень осторожен: я берегу себя. И поэтому я вас прошу не посещать меня.

К у р ч а е в. Что вы, с ума сошли!

Г л у м о в. Дядюшка вас удалил от себя, а я желаю этому во всех отношениях достойному

человеку подражать во всем.

К у р ч а е в. А! Теперь я, кажется, начинаю понимать.

Г л у м о в. Ну, и слава Богу!

К у р ч а е в. Послушайте-ко, вы, миленький, уж это не вы ли? Если мои подозрения оправдываются, так берегитесь! Такие вещи даром не проходят. Вы у меня того… вы берегитесь!

Г л у м о в. Буду беречься, когда будет нужно, а теперь пока серьезной опасности не вижу. Прощайте!

К у р ч а е в. Прощайте! *(Уходит.)*

Г л у м о в. Дядя его прогнал. Первый шаг сделан.

Действие второе

ЛИЦА
МАМАЕВ.
КЛЕОПАТРА ЛЬВОВНА МАМАЕВА,
его жена.
КРУТИЦКИЙ,
старик, очень важный господин.
ИВАН ИВАНОВИЧ ГОРОДУЛИН,
молодой, важный господин.
ГЛУМОВ.
ГЛУМОВА.
ЧЕЛОВЕК МАМАЕВА.
Зала; одна дверь входная, две по сторонам.

Явление первое

М а м а е в и К р у т и ц к и й выходят из боковой двери.

М а м а е в. Да, мы куда-то идем, куда-то ведут нас; но ни мы не знаем куда, ни те, которые ведут нас. И чем все это кончится?

К р у т и ц к и й. Я, знаете ли, смотрю на все это как на легкомысленную пробу и особен-

но дурного ничего не вижу. Наш век — век по преимуществу легкомысленный. Все молодо, неопытно, дай то попробую, другое попробую, то переделаю, другое переменю. Переменять легко. Вот возьму да поставлю всю мебель вверх ногами, вот и перемена. Но где же, я вас спрашиваю, вековая мудрость, вековая опытность, которая поставила мебель именно на ноги? Вот стоит стол на четырех ножках, и хорошо стоит, крепко?

М а м а е в. Крепко.

К р у т и ц к и й. Солидно?

М а м а е в. Солидно.

К р у т и ц к и й. Дай попробую поставить его вверх ногами. Ну и поставили.

М а м а е в *(махнув рукой)*. Поставили.

К р у т и ц к и й. Вот и увидят.

М а м а е в. Увидят ли, увидят ли?

К р у т и ц к и й. Что вы мне говорите! Странное дело! Ну, а не увидят, так укажут, есть же люди.

М а м а е в. Есть, есть. Как не быть! Я вам скажу, и очень есть, да не слушают, не слушают. Вот в чем вся беда: умных людей, нас, не слушают.

К р у т и ц к и й. Мы сами виноваты: не умеем говорить, не умеем заявлять своих мнений. Кто пишет? Кто кричит? Мальчишки. А мы молчим да жалуемся, что нас не слушают. Писать надо,

писать — больше писать.

М а м а е в. Легко сказать: писать! На это нужен навык, нужна какая-то сноровка. Конечно, это вздор, но все-таки нужно. Вот я! Говорить я хоть до завтра, а примись писать, и Бог знает что выходит. А ведь не дурак, кажется. Да вот и вы. Ну как вам писать!

К р у т и ц к и й. Нет, про меня вы не говорите! Я пишу, я пишу, я много пишу.

М а м а е в. Да? Вы пишете? Не знал. Но ведь не от всякого же можно этого требовать.

К р у т и ц к и й. Прошло время, любезнейший Нил Федосеич, прошло время. Коли хочешь приносить пользу, умей владеть пером.

М а м а е в. Не всякому дано.

К р у т и ц к и й. Да, вот кстати. Нет ли у вас на примете молодого человека, поскромнее и образованного, конечно, чтобы мог свободно излагать на бумаге разные там мысли, прожекты, ну и прочее.

М а м а е в. Есть, есть именно такой.

К р у т и ц к и й. Он не болтун, не из нынешних зубоскалов?

М а м а е в. Ни-ни-ни! Только прикажите, будет нем как рыба.

К р у т и ц к и й. Вот видите ли, у меня написан

очень серьезный прожект, или записка, как хотите назовите, но ведь вы сами знаете, я человек старого образования…

М а м а е в. Крепче было, крепче было.

К р у т и ц к и й. Я с вами согласен. Излагаю я стилем старым, как бы вам сказать? Ну, близким к стилю великого Ломоносова.

М а м а е в. Старый стиль сильнее был. Куда! Далеко нынче.

К р у т и ц к и й. Я согласен; но все-таки, как хотите, в настоящее время писать стилем Ломоносова или Сумарокова, ведь, пожалуй, засмеют. Так вот, может ли он дать моему труду, как это говорится? Да, литературную отделку.

М а м а е в. Может, может, может.

К р у т и ц к и й. Ну, я заплачу ему тем, что следует.

М а м а е в. Обидите — за счастье почтет!

К р у т и ц к и й. Ну вот! С какой же стати я буду одолжаться! А кто он?

М а м а е в. Племянник, племянничек, да-с.

К р у т и ц к и й. Так скажите ему, чтобы зашел как-нибудь пораньше, часу в восьмом.

М а м а е в. Хорошо, хорошо. Будьте покойны.

К р у т и ц к и й. Да скажите, чтобы ни-ни! Я не хочу, чтобы до поры до времени был разговор, это

ослабляет впечатление.

М а м а е в. Господи! Да понимаю. Внушу, внушу.

К р у т и ц к и й. Прощайте!

М а м а е в. Я сам с ним завтра же заеду к вам.

К р у т и ц к и й. Милости просим. *(Уходит, Мамаев его провожает.)*

Выходят К л е о п а т р а Л ь в о в н а и Г л у м о в а.

Явление второе

Мамаева и Глумова.

Мамаева. Молод, хорош собой, образован, мил! Ах!

Г л у м о в а. И при всем при этом он мог погибнуть в безвестности, Клеопатра Львовна.

М а м а е в а. А кто ж ему велел быть в безвестности! Уж довольно и того, что он молод и хорош собою.

Г л у м о в а. Коли нет родства хорошего или знакомства, где людей-то увидишь? Где протекцию найдешь?

М а м а е в а. Ему не надо было убегать общества; мы бы его заметили, непременно заметили.

Г л у м о в а. Чтобы заметным-то быть, нужно

ум большой; а людям обыкновенным трудно, ох как трудно!

М а м а е в а. Вы к сыну несправедливы, у него ума очень довольно. Да и нет особенной надобности в большом уме, довольно и того, что он хорош собою. К чему тут ум? Ему не профессором быть. Поверьте, что красивому молодому человеку, просто из сострадания, всегда и в люди выйти помогут, и дадут средства жить хорошо. Если вы видите, что умный человек бедно одет, живет в дурной квартире, едет на плохом извозчике — это вас не поражает, не колет вам глаз; так и нужно, это идет к умному человеку, тут нет видимого противоречия. Но если вы видите молодого красавца, бедно одетого, — это больно, этого не должно быть и не будет, никогда не будет!

Г л у м о в а. Какое у вас сердце-то ангельское!

М а м а е в а. Да нельзя!.. Мы этого не допустим, мы, женщины. Мы поднимем на ноги мужей, знакомых, все власти; мы его устроим. Надобно, чтобы ничто не мешало нам любоваться на него. Бедность! Фи! Мы ничего не пожалеем, чтобы… Нельзя! Нельзя! Красивые молодые люди так редки…

Г л у м о в а. Кабы все так думали…

М а м а е в а. Все, все. Мы вообще должны

сочувствовать бедным людям, это наш долг, обязанность, тут и разговаривать нечего. Но едва ли вынесет чье-нибудь сердце видеть в бедности красивого мужчину — молодого. Рукава потерты или коротки, воротнички нечисты. Ах, ах! ужасно, ужасно! Кроме того, бедность убивает развязность, как-то принижает, отнимает этот победный вид, эту смелость, которые так простительны, так к лицу красивому молодому человеку.

Г л у м о в а. Все правда, все правда, Клеопатра Львовна!

Входит М а м а е в.

Явление третье

Те же и Мамаев.

М а м а е в. А-а, здравствуйте!

Г л у м о в а. Я уж не знаю, кому на вас жаловаться, Нил Федосеич!

М а м а е в. А что такое?

Г л у м о в а. Сына у меня совсем отбили. Он меня совсем любить перестал, только вами и грезит. Все про ваш ум да про ваши разговоры; только ахает да удивляется.

М а м а е в. Хороший мальчик, хороший.

Глумов а. Он ребенком был у нас очень удивителен.

М а м а е в а. Да он и теперь почти дитя.

Г л у м о в а. Тихий, такой тихий был, что удивление. Уж никогда, бывало, не забудет у отца или у матери ручку поцеловать; у всех бабушек, у всех тетушек расцелует ручки. Даже, бывало, запрещаешь ему; подумают, что нарочно научили; так потихоньку, чтоб никто не видал, подойдет и поцелует. А то один раз, было ему пять лет, вот удивил-то он нас всех! Приходит поутру и говорит: «Какой я видел сон! Слетают ко мне, к кроватке, ангелы и говорят: люби папашу и мамашу и во всем слушайся! А когда вырастешь большой, люби своих начальников. Я им сказал: ангелы! я буду всех слушаться»... Удивил он нас, уж так обрадовал, что и сказать нельзя. И так мне этот сон памятен, так памятен...

М а м а е в. Ну, прощайте, я еду, у меня дела-то побольше вашего. Я вашим сыном доволен. Вы ему так и скажите, что я им доволен. *(Надевая шляпу.)* Да, вот было забыл. Я знаю, что вы живете небогато и жить не умеете; так зайдите ко мне как-нибудь утром, я вам дам...

Г л у м о в а. Покорно благодарим.

М а м а е в. Не денег, нет; а лучше денег. Я вам

дам совет относительно вашего бюджета. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Мамаева и Глумова.

Г л у м о в а. Довольны, так и слава Богу! Уж никто так не умеет быть благодарным, как мой Жорж.

М а м а е в а. Очень приятно слышать.

Г л у м о в а. Он не то что благодарным быть. Он может обожать своих благодетелей.

М а м а е в а. Обожать? Уж это слишком.

Г л у м о в а. Нет, не слишком. Такой характер, душа такая. Разумеется, матери много хвалить сына не годится, да и он не любит, чтобы я про него рассказывала.

М а м а е в а. Ах, сделайте одолжение; я ему ничего не передам.

Г л у м о в а. Он даже ослеплен своими благодетелями, уж для него лучше их на свете нет. По уму, говорит, Нилу Федосеичу равных нет в Москве; а уж что про вашу красоту говорит, так печатать, право, печатать надо.

М а м а е в а. Скажите пожалуйста.

Г л у м о в а. Какие сравнения находит!

М а м а е в а. Неужели?

Г л у м о в а. Да он вас где-нибудь прежде видал?

М а м а е в а. Не знаю. Я его видала в театре.

Г л у м о в а. Нет, должно быть, видал.

М а м а е в а. Почему же?

Г л у м о в а. Да как же? Он так недавно вас знает, и вдруг такое…

М а м а е в а. Ну, ну! Что же?

Г л у м о в а. И вдруг такое родственное расположение почувствовал.

М а м а е в а. Ах, милый мальчик!

Г л у м о в а. Даже непонятно. Дядюшка, говорит, такой умный, такой умный, а тетушка, говорит, ангел, ангел, да…

М а м а е в а. Пожалуйста, пожалуйста, говорите! Я, право, очень любопытна.

Г л у м о в а. Да вы не рассердитесь за мою глупую откровенность?

М а м а е в а. Нет, нет.

Г л у м о в а. Ангел, говорит, ангел; да ко мне на грудь, да в слезы…

М а м а е в а. Да, вот что… Как же это? Странно.

Г л у м о в а *(переменив тон)*. Уж очень он рад, что его, сироту, обласкали; от благодарности плачет.

М а м а е в а. Да, да, с сердцем мальчик, с сердцем!

Г л у м о в а. Да уж что говорить! Натура — кипяток.

М а м а е в а. Это в его возрасте понятно и… извинительно.

Г л у м о в а. Уж извините, извините его. Молод еще.

М а м а е в а. Да в чем же мне его извинить? Чем он передо мною виноват?

Г л у м о в а. Ну, знаете ли, ведь, может быть, в первый раз в жизни видит такую красавицу женщину, — где ж ему было! Она к нему ласкова, снисходительна… конечно, по-родственному… Голова-то горячая, поневоле с ума сойдешь.

М а м а е в а *(задумчиво)*. Он очень мил, очень мил.

Г л у м о в а. Оно конечно, его расположение родственное… А ведь как хотите… близость-то такой очаровательной женщины в молодые его годы… ведь ночи не спит, придет от вас, мечется, мечется…

М а м а е в а. Он к вам доверчив, он от вас своих чувств не скрывает?

Г л у м о в а. Грех бы ему было. Да ведь и чувства-то его детские.

М а м а е в а. Ну, конечно, детские… Ему еще во всем нужны руководители. Под руководством умной женщины он со временем… да, он может…

Г л у м о в а. Поруководите его! Ему это для жизни очень нужно будет. Вы такая добрая…

М а м а е в а *(смеется)*. Да, да, добрая. Но ведь это, вы знаете, ведь это опасно; можно и самой… увлечься.

Г л у м о в а. Вы, право, такая добрая.

М а м а е в а. Вы, я вижу, очень его любите.

Г л у м о в а. Один, — как не любить!

М а м а е в а *(томно)*. Так давайте его любить вместе.

Г л у м о в а. Вы меня заставите завидовать сыну. Да, именно, он себе счастье нашел в вашем семействе. Однако мне и домой пора. Не сердитесь на меня за мою болтовню… А беда, если сын узнает, уж вы меня не выдайте. Иногда и стыдно ему, что у меня ума-то мало, иногда бы и надо ему сказать: какие вы, маменька, глупости делаете, а ведь не скажет. Он этого слова избегает из почтения к родительнице. А уж я бы ему простила, только бы вперед от глупостей остерегал. Прощайте, Клеопатра Львовна.

М а м а е в а *(обнимает ее)*. Прощайте, душа моя, Глафира Климовна! На днях я к вам, мы с

вами еще потолкуем о Жорже. *(Провожает ее до двери.)*

Явление пятое

Мамаева, потом Г л у м о в.

М а м а е в а. Какая болтушка! Ну, если б услыхал ее сын, не сказал бы ей спасибо. Он так горд, подходит ко мне с такой холодной почтительностью, а дома вон что делает. Значит, я могу еще внушить молодому человеку истинную страсть. Так и должно быть. В последнее время, конечно, очень был чувствителен недостаток в обожателях; но ведь это оттого, что окружающие меня люди отжили и износились. Ну вот, наконец-то! А, мой милый! Теперь я буду смотреть за тобой. Как он ни робок, но истинная страсть должна же прорываться. Это очень интересно наблюдать, когда вперед знаешь, что человек влюблен в тебя.

Входит Г л у м о в, кланяется и останавливается в почтительной

позе.

Подите, подите сюда.

Глумов робко подходит.

М а м а е в а. Что же вы стоите? Разве племянники ведут себя так?

Г л у м о в *(целует ей руку)*. Здравствуйте, Клеопатра Львовна, с добрым утром.

М а м а е в а. Браво! Как это вы осмелились наконец, я удивляюсь!

Г л у м о в. Я очень робок.

М а м а е в а. Будьте развязнее! Чего вы боитесь? Я такой же человек, как и все. Будьте доверчивее, откровенней со мной, поверяйте мне свои сердечные тайны! Не забывайте, что я ваша тетка.

Г л у м о в. Я был бы откровеннее с вами, если бы…

М а м а е в а. Если б что?

Г л у м о в. Если б вы были старуха.

М а м а е в а. Что за вздор такой! Я совсем не хочу быть старухой.

Г л у м о в. И я тоже не желаю. Дай вам Бог цвести как можно долее. Я говорю только, что мне тогда было бы не так робко, мне было бы свободнее.

М а м а е в а. Отчего же? Садитесь сейчас ко мне ближе и рассказывайте все откровенно: отчего вам было бы свободнее, если б я была старухой.

Г л у м о в *(берет стул и садится подле нее)*. У молодой женщины есть свои дела, свои интересы; когда же ей заботиться о бедных родственниках! А у старухи только и дела.

М а м а е в а. Отчего ж молодая не может заботиться о родных?

Г л у м о в. Может, но ее совестно просить об этом; совестно надоедать. У ней на уме веселье, забавы, развлечения, а тут скучное лицо племянника, просьбы, вечное нытье. А для старухи это было бы даже удовольствием; она бы ездила по Москве, хлопотала. Это было бы для нее и занятие от скуки, и доброе дело, которым она после могла бы похвастаться.

М а м а е в а. Ну, если б я была старуха, о чем бы вы меня попросили?

Г л у м о в. Да, если б вы были; а ведь вы не старуха, а, напротив, очень молодая женщина. Вы меня ловите.

М а м а е в а. Все равно, все равно, говорите!

Г л у м о в. Нет, не все равно. Вот, например, я знаю, что вам стоит сказать только одно слово Ивану Иваны-чу, и у меня будет очень хорошее место.

М а м а е в а. Да, я думаю, что довольно будет одного моего слова.

Г л у м о в. Но я все-таки не буду беспокоить вас этой просьбой.

М а м а е в а. Почему же?

Г л у м о в. Потому, что это было бы насилие. Он

так вами очарован.

М а м а е в а. Вы думаете?

Г л у м о в. Я знаю наверное.

М а м а е в а. Какой вы всеведущий. Ну, а я?

Г л у м о в. Уж это ваше дело.

М а м а е в а *(про себя)*. Он не ревнив, это странно.

Г л у м о в. Он не смеет отказать вам ни в чем. Потом, ему ваша просьба будет очень приятна: заставить вас просить — все равно что дать ему взятку.

М а м а е в а. Все это вздор, фантазии! Так вы не желаете, чтоб я за вас просила?

Г л у м о в. Решительно не желаю. Кроме того, мне не хочется быть у вас в долгу. Чем же я могу заплатить вам?

М а м а е в а. А старухе чем вы заплатите?

Г л у м о в. Постоянным угождением; я бы ей носил собачку, подвигал под ноги скамейку, целовал постоянно руки, поздравлял со всеми праздниками и со всем, с чем только можно поздравить. Все это только для старухи имеет цену.

М а м а е в а. Да, конечно.

Г л у м о в. Потом, если старуха действительно добрая, я мог бы привязаться к ней, полюбить ее.

М а м а е в а. А молодую разве нельзя полю-

бить?

Г л у м о в. Можно, но не должно сметь.

М а м а е в а *(про себя)*. Наконец-то!

Г л у м о в. И к чему же бы это повело? Только лишние страдания.

Входит ч е л о в е к.

Ч е л о в е к. Иван Иваныч Городулин-с.

Г л у м о в. Я пойду к дядюшке в кабинет, у меня есть работа-с. *(Кланяется очень почтительно.)*

М а м а е в а *(человеку)*. Проси!

Ч е л о в е к уходит, входит Г о р о д у л и н.

Явление шестое

Мамаева и Городулин.

Г о р о д у л и н. Имею честь представиться.

М а м а е в а *(с упреком)*. Хорош, хорош! Садитесь. Каким ветром, какой бурей занесло вас ко мне?

Г о р о д у л и н *(садится)*. Ветром, который у меня в голове, и бурей страсти, которая бушует в моем сердце.

М а м а е в а. Благодарю. Очень мило с вашей стороны, что вы не забыли меня, брошенную, покинутую.

Г о р о д у л и н. Где он? Где тот несчастный, который вас покинул? Укажите мне его! Я нынче

в особенно воинственном расположении духа.

М а м а е в а. Вы первый, вас-то и надобно убить или что-нибудь другое.

Г о р о д у л и н. Уж лучше что-нибудь другое.

М а м а е в а. Я уж придумала вам наказание.

Г о р о д у л и н. Позвольте узнать. Объявите решение, без того не казнят. Если вы решили задушить меня в своих объятиях, я апеллировать не буду.

М а м а е в а. Нет, я хочу явиться к вам просителем.

Г о р о д у л и н. То есть поменяться со мной ролями?

М а м а е в а. Разве вы проситель? Вы сами там где-то чуть ли не судья.

Г о р о д у л и н. Так, так-с. Но перед дамами я всегда…

М а м а е в а. Полно вам болтать-то! У меня серьезное дело.

Г о р о д у л и н. Слушаю-с.

М а м а е в а. Моему племяннику нужно…

Г о р о д у л и н. Что же нужно вашему племяннику? Курточку, панталончики?

М а м а е в а. Вы мне надоели. Слушайте и не перебивайте! Мой племянник совсем не ребенок, он очень милый молодой человек, очень хорош

собой, умен, образован.

Г о р о д у л и н. Тем лучше для него и хуже для меня.

М а м а е в а. Ему нужно место.

Г о р о д у л и н. Какое прикажете?

М а м а е в а. Разумеется, хорошее! У него отличные способности.

Г о р о д у л и н. Отличные способности? Жаль. С отличными способностями теперь некуда деться; он остается лишний. Такие все места заняты: одно Бисмарком, другое Бейстом.

М а м а е в а. Послушайте, вы меня выведете из терпения, мы с вами поссоримся. Говорите, есть ли у вас в виду место?

Г о р о д у л и н. Для обыкновенного смертного найдется.

М а м а е в а. И прекрасно.

Г о р о д у л и н *(нежно)*. Нам люди нужны. Позвольте мне хоть одним глазком взглянуть на этот феномен; тогда я вам скажу определительно, на что он годен и на какое место можно будет его рекомендовать.

М а м а е в а. Егор Дмитрич! Жорж! Подите сюда. *(Городулину.)* Я вас оставлю с ним на несколько времени. Вы после зайдите ко мне! Я вас подожду в гостиной.

Г л у м о в входит.

Представляю вам моего племянника. Егор Дмитрич Глумов. *(Глумову.)* Иван Иваныч хочет с вами познакомиться. *(Уходит).*

Явление седьмое

Городулин и Глумов.

Г о р о д у л и н *(подавая Глумову руку).* Вы служите?

Г л у м о в *(развязно).* Служил, теперь не служу, да и не имею никакой охоты.

Г о р о д у л и н. Отчего?

Г л у м о в. Уменья не дал Бог. Надо иметь очень много различных качеств, а у меня их нет.

Г о р о д у л и н. Мне кажется, нужно только ум и охоту работать.

Г л у м о в. Положим, что у меня за этим дело не станет; но что толку с этими качествами? Сколько ни трудись, век будешь канцелярским чиновником. Чтобы выслужиться человеку без протекции, нужно совсем другое.

Г о р о д у л и н. А что же именно?

Г л у м о в. Не рассуждать, когда не приказывают, смеяться, когда начальство надумает сострить, думать и работать за начальников и в

то же время уверять их со всевозможным смирением, что я, мол, глуп, что все это вам самим угодно было приказать. Кроме того, нужно иметь еще некоторые лакейские качества, конечно, в соединении с известной долей грациозности; например, вскочить и вытянуться, чтобы это было и подобострастно и неподобострастно, и холопски и вместе с тем благородно, и прямолинейно и грациозно. Когда начальник пошлет за чем-нибудь, надо уметь производить легкое порханье, среднее между галопом, марш-марш и обыкновенным шагом. Я еще и половины того не сказал, что надо знать, чтоб дослужиться до чего-нибудь.

Г о р о д у л и н. Прекрасно! То есть все это очень скверно, но говорите вы прекрасно; вот важная вещь. Впрочем, все это было прежде, теперь совсем другое.

Г л у м о в. Что-то не видать этого другого-то. И притом, все бумага и форма. Целые стены, целые крепости из бумаг и форм. И из этих крепостей только вылетают в виде бомб сухие циркуляры и предписания.

Г о р о д у л и н. Как это хорошо! Превосходно, превосходно! Вот талант!

Г л у м о в. Я очень рад, что вы сочувствуете

моим идеям. Но как мало у нас таких людей!

Г о р о д у л и н. Нам идеи что! Кто же их не имеет, таких идей! Слова, фразы очень хороши. Знаете ли, вы можете сделать для меня великое одолжение.

Г л у м о в. Все, что вам угодно.

Г о р о д у л и н. Запишите все это на бумажку!

Г л у м о в. Извольте, с удовольствием. На что же вам?

Г о р о д у л и н. Вам-то я откроюсь. Мы с вами оба люди порядочные и должны говорить откровенно. Вот в чем дело: мне завтра нужно спич говорить за обедом, а думать решительно некогда.

Г л у м о в. Извольте, извольте!

Г о р о д у л и н *(жмет ему руку).* Сделайте для меня это по-дружески.

Г л у м о в. Стоит ли говорить, помилуйте! Нет, вы дайте мне такую службу, где бы я мог лицом к лицу стать с моим меньшим братом. Дайте мне возможность самому видеть его насущные нужды и удовлетворять им скоро и сочувственно.

Г о р о д у л и н. Отлично, отлично! Вот уж и это запишите! Как я вас понимаю, так вам, по вашему честному образу мыслей, нужно место смотрителя или эконома в казенном или благо-

творительном заведении?

Г л у м о в. Куда угодно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько сил хватит, но с одним условием: чтобы моя работа приносила действительную пользу, чтобы она увеличивала количество добра, нужного для благосостояния массы. Переливать из пустого в порожнее, считать это службой и получать отличия я не согласен.

Г о р о д у л и н. Уж и это бы кстати. «Увеличивать количество добра». Прелесть!

Г л у м о в. Хотите, я вам весь спич напишу?

Г о р о д у л и н. Неужели? Вот видите, долго ли порядочным людям сойтись! Перекинули несколько фраз — и друзья. А как вы говорите! Да, нам такие люди нужны, нужны, батюшка, нужны! *(Взглянув на часы.)* Заезжайте завтра ко мне часу в двенадцатом. *(Подает ему руку.)* Очень приятно, очень приятно! *(Уходит в гостиную.)*

Входит М а м а е в.

Явление восьмое

Мамаев и Глумов.

М а м а е в. А-а, ты здесь! Поди сюда! *(Таинственно.)* Крутицкий давеча заезжал ко мне

посоветоваться об одном деле. Добрый старик! Он там написал что-то, так нужно ему обделать, выгладить слог. Я указал на тебя. Он у нас в кружке не считается умным человеком и написал, вероятно, глупость какую-нибудь, но ты, когда увидишься с ним, польсти ему несколько.

Г л у м о в. Вот, дядюшка, чему вы меня учите.

М а м а е в. Льстить нехорошо, а польстить немного позволительно. Похвали что-нибудь из пятого в десятое, это приятно будет старику. Он может вперед пригодиться. Ругать его будем мы, от этого он не уйдет, а ты все-таки должен хвалить: ты еще молод. Мы с тобой завтра к нему поедем. Да, вот еще одно тонкое обстоятельство. В какие отношения ты поставил себя к тетке?

Г л у м о в. Я человек благовоспитанный, учтивости меня учить не надо.

М а м а е в. Ну вот и глупо, ну вот и глупо! Она еще довольно молода, собой красива, нужна ей твоя учтивость! Врага, что ли, ты нажить себе хочешь?

Г л у м о в. Я, дядюшка, не понимаю.

М а м а е в. Не понимаешь, так слушай, учись! Слава Богу, тебе есть у кого поучиться. Женщины не прощают тому, кто не замечает их красоты.

Г л у м о в. Да, да, да! Скажите! Из ума вон.

М а м а е в. То-то же, братец! Хоть ты и седьмая вода на киселе, а все-таки родственник; имеешь больше свободы, чем просто знакомый; можешь иногда, как будто по забывчивости, лишний раз ручку поцеловать, ну, там глазами что-нибудь. Я думаю, умеешь?

Г л у м о в. Не умею.

М а м а е в. Экой ты, братец! Ну вот так. *(Заводит глаза кверху.)*

Г л у м о в. Полноте, что вы! Как это можно!

М а м а е в. Ну, да ты перед зеркалом хорошенько поучись. Ну, иногда вздохни с томным видом. Все это немножко щекочет их самолюбие.

Г л у м о в. Покорнейше вас благодарю.

М а м а е в. Да и для меня-то покойнее. Пойми, пойми!

Г л у м о в. Опять не понимаю.

М а м а е в. Она женщина темперамента сангвинического, голова у ней горячая, очень легко может увлечься каким-нибудь франтом, черт его знает что за механик попадется, может быть, совсем каторжный. В этих прихвостнях Бога нет. Вот оно куда пошло! А тут, понимаешь ты, не угодно ли вам, мол, свой, испытанный человек. И волки сыты, и овцы целы. Ха-ха-ха! Понял?

Г л у м о в. Ума, ума у вас, дядюшка!

М а м а е в. Надеюсь.

Г л у м о в. А вот еще обстоятельство! Чтоб со стороны не подумали чего дурного, ведь люди злы, вы меня познакомьте с Турусиной. Там уж я открыто буду ухаживать за племянницей, даже, пожалуй, для вас, если вам угодно, посватаюсь. Вот уж тогда действительно будут и волки сыты, и овцы целы.

М а м а е в. Вот-вот-вот. Дело, дело!

Г л у м о в. Клеопатре Львовне мы, разумеется, не скажем про Турусину ни слова. Не то что ревность, а, знаете, есть такое женское чувство.

М а м а е в. Кому ты говоришь! Знаю, знаю. Ни-ни-ни, и заикаться не надо.

Г л у м о в. Когда же мы к Турусиной?

М а м а е в. Завтра вечером. Ну, теперь ты знаешь, что делать тебе.

Г л у м о в. Что делать? Удивляться уму вашему.

Входят М а м а е в а и Г о р о д у л и н.

Явление девятое

Мамаев, Глумов, Мамаева и Городулин.

Г о р о д у л и н *(Мамаевой тихо)*. Через две недели он будет определен.

М а м а е в а. Через две недели я вас поцелую.

М а м а е в. А, Иван Иваныч! Я к вам заезжал сегодня, я хотел дать вам совет по клубному делу.

Г о р о д у л и н. Извините, Нил Федосеич, некогда. *(Подает руку Глумову.)* До свиданья.

М а м а е в. Так поедемте вместе, я вам доронгой. Мне в сенат нужно.

Уходят.

Явление десятое

Мамаева и Глумов.

М а м а е в а *(садится на кресло)*. Целуйте ручку, ваше дело улажено.

Г л у м о в. Я вас не просил.

М а м а е в а. Нужды нет, я сама догадалась.

Г л у м о в *(целует руку).* Благодарю вас. *(Берет шляпу.)*

М а м а е в а. Куда же вы?

Г л у м о в. Домой. Я слишком счастлив. Я побегу поделиться моей радостью с матерью.

М а м а е в а. Вы счастливы? Не верю.

Г л у м о в. Счастлив, насколько можно.

М а м а е в а. Значит, не совсем; значит, вы еще не всего достигли.

Г л у м о в. Всего, на что только я смел наде-

яться.

М а м а е в а. Нет, вы говорите прямо: всего вы достигли?

Г л у м о в. Чего же мне еще! Я получу место.

М а м а е в а. Не верю, не верю. Вы хотите в таких молодых годах показать себя материалистом, хотите уверить меня, что думаете только о службе, о деньгах.

Г л у м о в. Клеопатра Львовна…

М а м а е в а. Хотите уверить, что у вас никогда не бьется сердце, что вы не мечтаете, не плачете, что вы не любите никого.

Г л у м о в. Клеопатра Львовна, я не говорю этого.

М а м а е в а. А если любите, можете ли вы не желать, чтобы и вас любили?

Г л у м о в. Я не говорю этого.

М а м а е в а. Вы говорите, что всего достигли.

Г л у м о в. Я достиг всего возможного, всего, на что я могу позволить себе надеяться.

М а м а е в а. Значит, вы не можете позволить себе надеяться на взаимность. В таком случае зачем вы даром тратите ваши чувства? Ведь это перлы души. Говорите, кто эта жестокая?

Г л у м о в. Но ведь это пытка, Клеопатра Львовна.

М а м а е в а. Говорите, негодный, говорите сейчас! Я знаю, я вижу по вашим глазам, что вы любите. Бедный! Вы очень, очень страдаете?

Г л у м о в. Вы не имеете права прибегать к таким средствам. Вы знаете, что я не посмею ничего скрыть от вас.

М а м а е в а. Кого вы любите?

Г л у м о в. Сжальтесь!

М а м а е в а. Стоит ли она вас?

Г л у м о в. Боже мой, что вы со мной делаете!

М а м а е в а. Умеет ли она оценить вашу страсть, ваше прекрасное сердце?

Г л у м о в. Хоть убейте меня, я не смею!

М а м а е в а *(шепотом)*. Смелей, мой друг, смелее!

Г л у м о в. Кого люблю я?

Мамаева. Да.

Г л у м о в *(падая на колено)*. Вас!

М а м а е в а *(тихо вскрикивая)*. Ах!

Г л у м о в. Я ваш раб на всю жизнь. Карайте меня за мою дерзость, но я вас люблю. Заставьте меня молчать, заставьте меня не глядеть на вас, запретите мне любоваться вами, еще хуже, заставьте меня быть почтительным; но не сердитесь на меня! Вы сами виноваты. Если б вы не были так очаровательны, так снисходительны

ко мне, я, может быть, удержал бы мою страсть в пределах приличия, чего бы мне это ни стоило. Но вы, ангел доброты, вы, красавица, из меня, благоразумного человека, вы сделали бешеного сумасброда! Да, я сумасшедший! Мне показалось, что меня манит блаженство, и я не побоялся кинуться в пропасть, в которой могу погибнуть безвозвратно. Простите меня. *(Склоняет голову.)*

М а м а е в а *(целуя его в голову)*. Я вас прощаю.

Г л у м о в, почтительно кланяясь, уходит. Мамаева провожает

его долгим взглядом.

Действие третье

ЛИЦА
СОФЬЯ ИГНАТЬЕВНА ТУРУСИНА,
богатая вдова, барыня родом из купчих.
МАШЕНЬКА,
ее племянница.
МАНЕФА
ПРИЖИВАЛКА 1-я.
ПРИЖИВАЛКА 2-я.
КРУТИЦКИЙ.
ГОРОДУЛИН.
МАМАЕВ.
ГЛУМОВ.
ГРИГОРИЙ,
человек Турусиной.

Богатая гостиная на даче в Сокольниках; одна дверь посредине,
другая сбоку.

Явление первое

М а ш е н ь к а и Т у р у с и н а выходят из средней двери.

М а ш е н ь к а. Поедемте, ma tante! Поедемте! Ну, пожалуйста, поедемте!

Т у р у с и н а. Нет, мой друг, нет! Ни за что на свете! Я уж велела лошадей отложить.

М а ш е н ь к а. Помилуйте, ma tante, на что же это похоже! В кои-то веки мы сберемся выехать, и то не в час; десяти шагов от ворот не отъехали — и назад.

Т у р у с и н а *(садясь)*. Мой друг, я очень хорошо знаю, что делаю. Зачем напрасно подвергать себя опасности, когда можно избежать ее?

М а ш е н ь к а. Но почему же нам непременно угрожала опасность?

Т у р у с и н а. О чем ты еще спрашиваешь, я не понимаю. Ты сама видела: в самых воротах нам перешла дорогу какая-то женщина. Я хотела приказать остановиться, но так уж, скрепя сердце, поехала дальше, и вдруг встреча…

М а ш е н ь к а. Да что ж такое, что встреча?

Т у р у с и н а. Да, если б с левой стороны, а то с правой…

М а ш е н ь к а. Да и с правой, и с левой все равно.

Т у р у с и н а. Не говори так, я этого не люблю. Я не терплю вольнодумства в моем доме. Я и так довольно слышу кощунства от гостей, которые

бывают у нас. Посторонним я запретить не могу, а тебе запрещаю. Мы должны беречь свою жизнь. Конечно, слишком много заботиться о себе грех, но беречь свою жизнь мы обязаны. Не надо быть упрямым! Мало ли мы видим несчастных случаев: разобьют лошади, сломается экипаж, кучер напьется пьян и завезет в канаву. Провидение печется о людях. Если тебе прямо говорят: не езди туда-то, ты подвергнешь себя опасности, — так кто же виноват, если ты не послушаешь благого совета и сломишь себе голову!

М а ш е н ь к а. Нам никто не говорил: не езди!..

Т у р у с и н а. Разве непременно нужны слова! Дурная встреча красноречивей всяких слов. Еще если б была крайняя необходимость, ну, уж нечего делать; а то ехать бог знает зачем! Для того только, чтоб провести весь вечер в пустых разговорах, в пересудах о ближнем; и для этого пренебрегать указаниями свыше и подвергать себя очевидной опасности! Нет уж, покорно благодарю. Я понимаю, зачем тебе хочется ехать туда! Ты думаешь встретить там Курчаева, самого нераскаянного безбожника, которого я к себе пускать не велю. Вот ты и тянешь тетку, нисколько не рассуждая о том, что я из-за твоего удовольствия могу переломить ногу или руку.

М а ш е н ь к а. Я не понимаю, ma tante, что вам не понравился Курчаев?

Т у р у с и н а. Как он может мне понравиться? Он смеется в моем присутствии над самыми священными вещами.

М а ш е н ь к а. Когда же, ma tante, когда?

Т у р у с и н а. Всегда, постоянно, он смеется над моими странницами, над юродивыми.

М а ш е н ь к а. Вы говорите, что он смеется над священными вещами.

Т у р у с и н а. Ну, конечно; я ему говорю как-то: посмотрите, у моей Матреши от святости уж начинает лицо светиться; это, говорит, не от святости, а от жиру. Уж этого я ему никогда в жизни не прощу. До чего вольнодумство-то доходит, до чего позволяют себе забываться молодые люди! Я в людях редко ошибаюсь; вот и оказалось, что он за человек. Я вчера два письма получила. Прочти, если хочешь!

М а ш е н ь к а. Разве верят безымянным письмам?

Т у р у с и н а. Если б одно, можно бы еще сомневаться, а то вдруг два, и от разных лиц.

Входит ч е л о в е к и подает Турусиной письмо.

Г р и г о р и й. Скитающие люди пришли-с.

Т у р у с и н а. Что он говорит, Бог его знает.

Ну да все равно, вероятно, богомольцы. Вели их накормить.

Ч е л о в е к уходит. Турусина читает письмо.

Вот еще письмо. Видно, что пишет женщина солидная! *(Читает вслух.)* «Милостивая государыня Софья Игнатьевна, хотя я не имею счастия…» *(Читает про себя.)* Вот слушай! «Выбор вами такого человека, как Егор Васильевич Курчаев, заставляет меня заранее проливать слезы об участи бедной Машеньки…», ну и так далее.

М а ш е н ь к а. Удивительно! Я не знаю, что и думать об этом.

Т у р у с и н а. Неужели ты и теперь станешь спорить со мной? Впрочем, мой друг, если ты непременно желаешь, так выходи за него. *(Нюхает спирт.)* Я не хочу, чтоб меня звали тиранкой. Только ты знай, что ты меня этим огорчаешь и что едва ли ты вправе будешь жаловаться, если я тебе…

М а ш е н ь к а. Не дадите денег…

Т у р у с и н а. И, главное-то, благословения.

М а ш е н ь к а. Нет, ma tante, не бойтесь! Я московская барышня, я не пойду замуж без денег и без позволения родных. Мне Жорж Курчаев очень нравится, но, если вам угодно, я за него не пойду, и никакой чахотки со мной от этого не будет. Но,

ma tante, пожалейте меня! У меня благодаря вам есть деньги. Мне хочется пожить.

Т у р у с и н а. Понимаю, мой друг, понимаю.

М а ш е н ь к а. Найдите мне жениха какого угодно, только порядочного человека, я за него пойду без всяких возражений. Мне хочется поблестеть, покрасоваться. Так жить, как мы живем, подумайте сами, мне скучно, очень скучно.

Т у р у с и н а. Я вхожу в твое положение. Суетность в твоем возрасте извинительна.

М а ш е н ь к а. Когда я буду постарше, ma tante, я, весьма вероятно, буду жить так же, как и вы, — это у нас в роду.

Т у р у с и н а. Дай Бог, я тебе от всей души желаю. Это прямой путь, настоящий.

М а ш е н ь к а. Так, ma tante, но мне прежде надо выйти замуж.

Т у р у с и н а. Не хочу скрывать от тебя, что я в большом затруднении. Нынче молодежь так испорчена, что очень трудно найти такого человека, который бы мне понравился, ты мои требования знаешь.

М а ш е н ь к а. Ах, ma tante, уж в Москве-то не найти! Чего-чего в ней нет. Все, что угодно. У вас такое большое знакомство. Можно обратиться к тому, другому; Крутицкий, Мамаев, Городулин

вам помогут, укажут или найдут для вас точно такого жениха, какого вам нужно. Я в этом уверена.

Т у р у с и н а. Крутицкий, Городулин! Ведь они люди, Marie! Они могут обмануть или сами обмануться.

М а ш е н ь к а. Но как же быть?

Т у р у с и н а. Надо ждать указания. Без особого указания я никак не решусь.

М а ш е н ь к а. Но откуда же явится это указание?

Т у р у с и н а. Ты скоро узнаешь откуда; оно явится сегодня же.

М а ш е н ь к а. Курчаеву не отказывайте от дому, пусть ездит.

Т у р у с и н а. Только ты знай, что он тебе не жених.

М а ш е н ь к а. Я вполне полагаюсь на вас; я ваша покорная, самая покорная племянница.

Т у р у с и н а *(целует ее)*. Ты милое дитя.

М а ш е н ь к а. Я буду богата, буду жить весело. Ведь и вы прежде весело жили, ma tante?

Т у р у с и н а. Откуда ты знаешь?

Машенька. Я знаю, знаю, что вы жили очень весело.

Т у р у с и н а. Да, ты знаешь кой-что, но ты не

можешь и не должна всего знать.

М а ш е н ь к а. Все равно. Вы самая лучшая женщина, какую я знаю, и вас я беру примером для себя. *(Обнимает тетку.)* Я тоже хочу жить очень весело; если согрешу, я покаюсь. Я буду грешить и буду каяться так, как вы.

Т у р у с и н а. Празднословие, Marie! Празднословие!

М а ш е н ь к а *(сложив руки).* Виновата.

Т у р у с и н а. Уж ты разговорилась очень. Я устала, дай мне отдохнуть, немного успокоиться. *(Целует Машеньку; она уходит.)* Милая девушка! На нее и сердиться нельзя; она и сама, я думаю, не понимает, что болтает. Где же ей понимать? Так лепечет. Я все силы употреблю, чтобы она была счастлива; она вполне этого заслуживает. Сколько в ней благоразумия и покорности! Она меня тронула почти до слез своей детской преданностью. Право, так взволновала меня. *(Нюхает спирт.)*

Входит Г р и г о р и й.

Г р и г о р и й. Господин Крутицкий.

Т у р у с и н а. Проси!

Входит К р у т и ц к и й.

Явление второе

Турусина и Крутицкий.

К р у т и ц к и й *(берет ее за руки).* Что, всё нервы? а?..

Т у р у с и н а. Нервы.

К р у т и ц к и й. Нехорошо! Вот и руки холодные. Уж вы того, очень…

Т у р у с и н а. Что?

К р у т и ц к и й. Очень, то есть прилежно… ну, очень изнурять себя… не надо очень-то…

Т у р у с и н а. Я уж вас просила не говорить мне об этом.

К р у т и ц к и й. Ну-ну, не буду.

Т у р у с и н а. Садитесь.

К р у т и ц к и й. Нет, ничего, я не устал. Я вот гулять пошел, ну, дай, думаю, зайду навестить старую знакомую, приятельницу старую… хе-хе-хе!.. Помните, ведь мы…

Т у р у с и н а. Ах, не вспоминайте! Я теперь…

К р у т и ц к и й. А что ж такое! Что не вспоминать-то… У вас в прошедшем было много хорошего. А если и было кой-что, на ваш взгляд, дурное, так уж вы, вероятно, давно покаялись. Я, признаться вам сказать, всегда с удовольствием

вспоминаю и нисколько не раскаиваюсь, что…

Т у р у с и н а *(с умоляющим видом).* Перестаньте!

Входит Г р и г о р и й.

Г р и г о р и й. Сударыня, уродливый пришел.

К р у т и ц к и й. Что такое?

Т у р у с и н а. Григорий, как тебе не стыдно! Какой уродливый? Юродивый. Вели его накормить.

Г р и г о р и й уходит.

Как глупы эти люди, самого обыкновенного назвать не умеют.

К р у т и ц к и й. Ну, я не скажу, чтобы в нынешнее время юродивые были очень обыкновенны. Кроме вас, едва ли их где встретишь. Обращаюсь к прежнему разговору. Вы извините, я хотел вам только сказать, что прежде, когда вы вели другой образ жизни, вы были здоровее.

Т у р у с и н а. Здоровее телом, но не душою.

К р у т и ц к и й. Ну, уж этого я не знаю, это не мое дело. Вообще вы с виду были здоровее. Вы еще довольно молоды… вам бы еще можно было пожить как следует.

Т у р у с и н а. Я живу как следует.

К р у т и ц к и й. Ну, то есть рано бы хан-жить-то.

Т у р у с и н а. Я вас просила…

К р у т и ц к и й. Ну, виноват, виноват, не буду.

Т у р у с и н а. Вы странный человек.

Входит Г р и г о р и й.

Г р и г о р и й. Сударыня, странный человек пришел.

Т у р у с и н а. Откуда он, ты не спрашивал?

Г р и г о р и й. Говорит, из стран неведомых.

Т у р у с и н а. Пустить его и посадить за стол вместе с теми.

Г р и г о р и й. Да вместе-то они, сударыня, пожалуй…

Т у р у с и н а. Поди, поди!

Г р и г о р и й уходит.

К р у т и ц к и й. Вы у этих, что из неведомых-то стран приходят, хоть бы паспорты велели спрашивать.

Т у р у с и н а. Зачем?

К р у т и ц к и й. Затем, что с ними до беды недолго. Вон у одного тоже три странника спасались.

Т у р у с и н а. Так что же?

К р у т и ц к и й. Ну, все трое и оказались граверы хорошие.

Т у р у с и н а. Что ж за беда?

К р у т и ц к и й. Да ремесло-то плохое.

Т у р у с и н а. Чем же плохо ремесло — гравирование?

К р у т и ц к и й. Не портреты же они в землянках-то гравируют.

Т у р у с и н а *(тихо)*. Лики?

К р у т и ц к и й. Как же не лики! Целковые.

Т у р у с и н а *(с испугом)*. Ах, что вы!

К р у т и ц к и й *(садится)*. Вот то-то же! Добродетель добродетелью, а и осторожность не мешает. Вам особенно надо беречься. Уж это дело известное, коли барыня чересчур за добродетель возьмется, так уж тут мошенникам пожива. Потому что обмануть вас в это время очень просто.

Т у р у с и н а. Я делаю добро для добра, не разбирая людей. Я с вами хотела посоветоваться об одном очень важном деле.

К р у т и ц к и й *(подвигаясь)*. Что такое, говорите! Я рад, рад вам служить чем могу.

Т у р у с и н а. Вы знаете, что Машенька теперь уж в таком возрасте, что…

К р у т и ц к и й. Да-да, знаю.

Т у р у с и н а. Нет ли у вас на примете молодого человека? Вы знаете, какого мне нужно?

К р у т и ц к и й. Какого вам нужно… Вот это-то и закорючка. Мало ли молодых людей… Да постойте же! Есть, именно такой есть, какого вам нужно.

Т у р у с и н а. Верно?..

К р у т и ц к и й. Я вам говорю. Скромен не по летам, умен, дворянин, может сделать отличную карьеру. Вообще славный малый… малый славный. Его рекомендовали мне для некоторых занятий; ну, я, того, знаете ли, попытал его, что, мол, ты за птица! Парень хоть куда! Далеко пойдет, далеко, вот увидите.

Т у р у с и н а. А кто он?

К р у т и ц к и й. Как его! Дай Бог память! Да вот постойте, он мне адрес дал, он мне теперь не нужен, люди знают. *(Вынимает бумагу.)* Вот! *(Читает.)* Егор Дмитриев Глумов! Каково пишет! Чисто, ровно, красиво! По почерку сейчас можно узнать характер! Ровно — значит, аккуратен… кругло, без росчерков, ну, значит, не вольнодумец. Вот возьмите, может быть, и пригодится.

Т у р у с и н а *(берет адрес)*. Благодарю вас.

К р у т и ц к и й. Что за благодарность! Вот еще. Наш долг! *(Встает.)* Прощайте. Заходить, а? Или сердитесь?

Т у р у с и н а. Ах, что вы! Всегда, всегда рада.

К р у т и ц к и й. То-то! Я ведь любя. Жаль.

Т у р у с и н а. Навещайте.

К р у т и ц к и й. По старой памяти? Хе-хе-хе!.. Ну, до свиданья. *(Уходит.)*

Т у р у с и н а. Вот и старый человек, а как

легкомыслен. Как ему поверить! *(Прячет адрес в карман.)* А все-таки надо будет справиться об этом Глумове.

Входит Г р и г о р и й.

Г р и г о р и й. Господин Городулин.

Т у р у с и н а. Проси.

Г р и г о р и й уходит. Входит Г о р о д у л и н.

Явление третье

Турусина и Городулин.

Т у р у с и н а. Очень рада вас видеть. Не стыдно вам! Что вы пропали?

Г о р о д у л и н. Дела, дела. То обеды, то вот железную дорогу открывали.

Т у р у с и н а. Не верится что-то. Просто вам скучно у меня. Ну, да спасибо и за то, что хоть изредка навещаете. Что наше дело?

Г о р о д у л и н. Какое дело?

Т у р у с и н а. Вы уж и забыли? Вот прекрасно! Покорно вас благодарю. Да и я-то глупо сделала, что поручила вам. Вы человек, занятый важными делами; когда вам помнить о бедных, несчастных, угнетенных! Стоит заниматься этой малостью!

Г о р о д у л и н. Угнетенных, вы изволите говорить? Насчет угнетенных я не могу припомнить

ничего-с. А вот позвольте, я теперь вспомнил: вы, кажется, изволили просить меня справиться насчет ворожеи?

Т у р у с и н а. Не ворожеи, а гадальщицы — это большая разница; к ворожее я бы не поехала ни за что.

Г о р о д у л и н. Извините! Я сознаюсь в своем невежестве: я в этих тонкостях не силен. Одним словом, вдова коллежского регистратора Улита Шмыгаева.

Т у р у с и н а. Какого бы она звания ни была, это все равно, во всяком случае, она дама почтенная, строгой жизни, и я горжусь тем, что пользовалась ее особенным расположением.

Г о р о д у л и н. Особенным-то ее расположением, как из дела видно, пользовался отставной солдат.

Т у р у с и н а. Что вы говорите! Это все вздор, клевета! Она имела успех, имела знакомство с лучшими домами, ей позавидовали и оклеветали ее. Но я надеюсь, что ее оправдали, невинность должна торжествовать.

Г о р о д у л и н. Нет-с, ей по Владимирке.

Т у р у с и н а *(привстав)*. Как! Вот он, ваш хваленый суд! Сослать невинную женщину! За что же? За то, что она приносит пользу другим?

Г о р о д у л и н. Да ведь ее не за гаданье судили.

Т у р у с и н а. Нет, вы мне не говорите! Все это сделано в угоду нынешнему модному неверию.

Г о р о д у л и н. Ее судили за укрывательство заведомо краденных вещей, за пристанодержательство и за опоение какого-то купца.

Т у р у с и н а. Ах, Боже мой! Что вы говорите!

Г о р о д у л и н. Святую истину. Жена этого купца просила у нее приворотного зелья для мужа, чтобы больше любил, — ну, и сварили зелье по всем правилам, на мадере; только одно забыли — спросить дозволение медицинской управы.

Т у р у с и н а. Что же купец?

Г о р о д у л и н. Подействовало. Умер было, только не от любви.

Т у р у с и н а. Вам все это смешно, я вижу. У юристов и у медиков сердца нет. И неужели не нашлось ни одного человека, который бы заступился за эту бедную женщину?

Г о р о д у л и н. Помилуйте, ее защищал один из лучших адвокатов. Красноречие лилось, клубилось, выходило из берегов и, наконец, стихло в едва заметное журчанье. Ничего сделать было нельзя: сами признались во всем. Сначала солдат, который пользовался ее особенным расположе-

нием, потом она.

Т у р у с и н а. Я этого не ожидала! Как легко ошибиться! Нельзя жить на свете!

Г о р о д у л и н. Не то что нельзя, а при смутном понимании вещей действительно мудрено. Теперь учение о душевных болезнях довольно подвинулось, и галлюцинации…

Т у р у с и н а. Я вас просила не говорить со мною об этом.

Г о р о д у л и н. Виноват, забыл.

Т у р у с и н а. Пусть я ошибаюсь в людях. Пусть меня обманывают. Но помогать людям, хлопотать о несчастных — для меня единственное блаженство.

Г о р о д у л и н. Блаженство — дело нешуточное. Нынче редко можно встретить блаженного человека.

Г р и г о р и й входит.

Г р и г о р и й. Блаженный человек пришел.

Г о р о д у л и н. Неужели?

Т у р у с и н а. Кто он такой?

Г р и г о р и й. Надо полагать, из азиатцев-с.

Г о р о д у л и н. И я тоже полагаю.

Т у р у с и н а. Почему ты думаешь, что азиатец?

Г р и г о р и й. Уж очень страшен-с. Так даже

жутко глядеть-с. Ежели, сударыня, к вечеру, — не приведи Господи.

Т у р у с и н а. Как страшен? Что за вздор?

Г р и г о р и й. Такая свирепость необыкновенная-с. Оброс весь волосами, только одни глаза видны-с.

Т у р у с и н а. Грек, должно быть.

Г р и г о р и й. Не очень чтобы грек-с, еще цветом не дошел. А как вот есть венгерец-с.

Т у р у с и н а. Какой венгерец? Что ты глупости говоришь!

Г р и г о р и й. Вот что мышеловки продают.

Т у р у с и н а. Принять его, накормить и спросить, не нужно ли чего ему.

Г р и г о р и й. Его, я думаю, особенно-с…

Т у р у с и н а. Ну, ступай, не рассуждай!

Г р и г о р и й. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Т у р у с и н а. У меня к вам просьба, Иван Иваныч.

Г о р о д у л и н. Весь внимание.

Т у р у с и н а. Я насчет Машеньки. Нет ли у вас кого на примете?

Г о р о д у л и н. Жениха? Пощадите! Что за фантазия пришла вам просить меня! Ну с какой стороны я похож на сваху московскую? Мое призвание — рушить узы, а не связывать. Я про-

тивник всяких цепей, даже и супружеских.

Т у р у с и н а. А сами носите.

Г о р о д у л и н. Оттого-то я и не желаю их никакому лихому татарину.

Т у р у с и н а. Кроме шуток, нет ли?

Г о р о д у л и н. Постойте, кого-то я на днях видел, так у него крупными буквами на лбу и написано: хороший жених. Вот так того и гляди, что сию минуту женится на богатой невесте.

Т у р у с и н а. Вспомните, вспомните.

Г о р о д у л и н. Да, да… Глумов.

Т у р у с и н а. Хороший человек?

Г о р о д у л и н. Честный человек, и больше ничего не знаю. Кроме шуток, отличный человек.

Т у р у с и н а. Постойте, как вы назвали? *(Вынимает бумагу из кармана.)*

Г о р о д у л и н. Глумов.

Т у р у с и н а. Егор Дмитрич?

Городулин. Да.

Т у р у с и н а. Вот и Крутицкий мне про него же гово-[ри]Г[л].о р о д у л и н. Ну, значит, ему и быть, так у него и на лбу, то есть на роду написано. Прощайте! *(Кланяется и уходит.)*

Т у р у с и н а. Что это за Глумов? В другой раз сегодня я слышу имя этого человека. И хотя я не верю ни Крутицкому, ни Городулину, но

все-таки тут что-нибудь да есть, коли его хвалят люди совершенно противоположных убеждений. *(Звонит.)*

Входит Г р и г о р и й.

Зови барышню и скажи, чтобы все шли сюда.

Г р и г о р и й уходит.

Какая потеря для Москвы, что умер Иван Яковлич! Как легко и просто было жить в Москве при нем. Вот теперь я ночи не сплю, все думаю, как пристроить Машеньку, — ну, ошибешься как-нибудь, на моей душе грех будет. А будь жив Иван Яковлич, мне бы и думать не о чем. Съездила, спросила — и покойна. Вот когда мы узнаем настоящую-то цену человеку, когда его нет! Не знаю, заменит ли его Манефа, а много и от нее сверхъестественного.

Входят М а ш е н ь к а, 1 — я п р и ж и в а л к а с колодой карт, которую держит перед собой, как книгу, 2 — я п р и ж и в а л к а с собачкой на руках.

Явление четвертое

1-я приживалка садится у стола, 2-я приживалка садится на

скамейке у ног Турусиной.

1 — я п р и ж и в а л к а. Прикажете разложить?

Т у р у с и н а. Погоди! Ну, Машенька, я говорила о тебе и с Крутицким, и с Городулиным.

М а ш е н ь к а *(с волнением)*. Говорите. Продолжайте. Я покорилась вашей воле и теперь с трепетом жду решения.

Т у р у с и н а. Они оба рекомендовали одного человека, точно сговорились.

М а ш е н ь к а. И прекрасно. Значит, человек достойный. Кто же он?

Т у р у с и н а. Но я им не верю.

1 — я п р и ж и в а л к а. Прикажете?

Т у р у с и н а. Гадай! Правду ли они говорили? *(Машеньке.)* Я им не верю, они могут ошибаться.

М а ш е н ь к а. Почему же, ma tante?

Т у р у с и н а. Они люди. *(2-й приживалке.)* Не урони собачку!

М а ш е н ь к а. Кому же вы поверите, ma tante? Оракулу? Мне что-то страшно.

Т у р у с и н а. Очень естественно. Так и надо, и должно быть страшно. Мы не можем, не должны без страха поднимать завесу будущего. Там, за этой завесой, и счастье, и несчастье, и жизнь, и смерть твоя.

М а ш е н ь к а. Кто же нам приподнимет завесу?

Т у р у с и н а. Тот, кто имеет власть.

Входит Г р и г о р и й.

Г р и г о р и й. Манефа-с.

Т у р у с и н а. Вот кто. *(Встает, идет навстречу Манефе, и все за ней.)*

Входит М а н е ф а.

Явление пятое

Те же и Манефа.

Т у р у с и н а. Милости просим, пожалуйте!

М а н е ф а. И то иду. Пошла шабала и пришла шабала.

1 — я п р и ж и в а л к а *(с умилением)*. Ох, батюшки мои!

Т у р у с и н а *(грозно)*. Молчи!

М а н е ф а *(садясь)*. Пришла да села, как квашня.

2 — я п р и ж и в а л к а *(со вздохом)*. О-о-о-ох! Ах, премудрость.

1 — я п р и ж и в а л к а. Привел Господь, дожили!

Т у р у с и н а *(грозно)*. Тише!

М а н е ф а. Что вы бельмы-то выпучили?

Т у р у с и н а. Очень рады, что сподобились видеть тебя.

1 — я п р и ж и в а л к а. Ох, сподобились!

2 — я п р и ж и в а л к а. Все сподобились.

Т у р у с и н а. Ждем! Что скажешь, мати Манефа.

М а н е ф а. Ждем! Ждали в сапогах, а приехали в лап[тях]1.– я п р и ж и в а л к а. Батюшки, батюшки! Запоминайте, запоминайте хорошенько.

Т у р у с и н а. Я хотела спросить тебя…

М а н е ф а. Не спрашивай, вперед знаю. Знайка бежит, а незнайка лежит. Девкой меньше, так бабой больше.

2 — я п р и ж и в а л к а. Так, так, так.

Т у р у с и н а. Нам человека-то знать нужно. Не скажешь ли чего рабе Марии? Может быть, во сне или в видении тебе…

М а н е ф а. Было видение, было. Идет Егор с высоких гор.

2 — я п р и ж и в а л к а. Скажите! Егор!

Машенька *(тихо Турусиной)*. Ведь и Курчаев Егор.

Т у р у с и н а. Погоди. Кто же он такой?

М а н е ф а. А я почем знаю? Увидишь — так узнаешь!

Т у р у с и н а. Когда же мы его увидим?

М а н е ф а. Желанный гость зову не ждет.

1 — я п р и ж и в а л к а. Замечайте! Замечайте!

Т у р у с и н а. Ты нам хоть приметы скажи.

2 — я п р и ж и в а л к а. Первое дело: надо спросить, волосом каков. Всегда так спрашивают, как это вы не зна-[ете]Т!у р у с и н а. Ну, уж ты молчи! Волосом каков?

М а н е ф а. К кому бедокур, а к вам белокур.

М а ш е н ь к а. Белокурый. Ведь и Курчаев белокурый. Может быть, он.

Т у р у с и н а. Да ведь ты слышала — видение было. Разве может гусар благочестивым людям в видениях являться? Какая ты легкомысленная.

1 — я п р и ж и в а л к а. Ах, даже удивительно! И по картам выходит Егор.

Т у р у с и н а. Что ты мелешь! Как ты по картам имя увидала?

1 — я п р и ж и в а л к а. Тьфу ты! Обмолвилась. Язык-то наш… то есть белокурый по картам-то.

Т у р у с и н а *(Манефе)*. Тебе все известно, а мы грешные люди, мы в сомнении. Егоров много, и белокурых тоже довольно.

М а н е ф а. Чуж чуженин далеко, а суженый у ворот.

Т у р у с и н а и п р о ч и е. У ворот?

М а н е ф а. Сряжайтеся, сбирайтеся, гости будут.

Т у р у с и н а. Когда?

М а н е ф а. В сей час, в сей миг.

Все обращаются к дверям. Входит Г р и г о р и й.

Приехали с орехами. *(Встает.)*

Г р и г о р и й. Нил Федосеич Мамаев.

Т у р у с и н а. Один?

Г р и г о р и й. С ними молодой барин, такой белокурый.

1 — я п р и ж и в а л к а. Ах! Будем ли мы живы?

2 — я п р и ж и в а л к а. Не во сне ли мы все это видели?

Т у р у с и н а. Проси! *(Обнимая Машеньку.)* Ну, Машенька, услышаны мои молитвы! *(Садится, нюхает спирт.)*

М а ш е н ь к а. Это так необыкновенно, ma tante, я вся дрожу.

Т у р у с и н а. Поди, успокойся, друг мой, ты после выйдешь.

М а ш е н ь к а уходит.

М а н е ф а. Конец всему делу венец. *(Идет к двери.)*

Т у р у с и н а *(приживалкам)*. Возьмите ее под руки, да чаю ей, чаю.

М а н е ф а. Кто пьет чай, тот отчаянный.

Т у р у с и н а. Ну, чего только ей угодно.

Приживалки берут под руки Манефу и идут к двери. В дверях
останавливаются.

1 — я п р и ж и в а л к а. Одним бы глазком взглянуть!

2 — я п р и ж и в а л к а. Умрешь, таких чудес не увидишь!

Входят М а м а е в и Г л у м о в.

Явление шестое

Турусина, Мамаев, Глумов, Манефа и приживалки.

М а м а е в. Софья Игнатьевна, позвольте представить вам моего племянника, Егора Дмитрича Глумова.

П р и ж и в а л к и *(в дверях)*. Ах, Егор! Ах, белокурый!

М а м а е в. Полюбите его.

Т у р у с и н а *(встает)*. Благодарю вас! Я полюблю его, как родного сына.

Глумов почтительно целует ее руку.

Действие четвертое

СЦЕНА I

ЛИЦА

КРУТИЦКИЙ.

ГЛУМОВ.

МАМАЕВА.

ЧЕЛОВЕК КРУТИЦКОГО.

Приемная у Крутицкого. Дверь выходная, дверь направо — в кабинет, налево — в гостиную. Стол и один стул.

Явление первое

Входит Г л у м о в, ч е л о в е к у двери, потом К р у т и ц к и й.

Г л у м о в. Доложи!

Ч е л о в е к *(заглядывая в дверь кабинета)*. Сейчас выйдут-с.

Выходит К р у т и ц к и й. Ч е л о в е к уходит.

К р у т и ц к и й *(кивая головой).* Готово?

Г л у м о в. Готово, ваше превосходительство. *(Подает тетрадь.)*

К р у т и ц к и й *(берет тетрадь).* Четко, кра-

сиво, отлично. Браво, браво! Трактат, отчего же не прожект?

Г л у м о в. Прожект, ваше превосходительство, когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротив, все новое отвергается… *(с заискивающею улыбкою)* и совершенно справедливо, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й. Так вы думаете, трактат?

Г л у м о в. Трактат лучше-с.

К р у т и ц к и й. Трактат? Да, ну пожалуй. «Трактат о вреде реформ вообще». «Вообще»-то не лишнее ли?

Г л у м о в. Это главная мысль вашего превосходительства, что все реформы вообще вредны.

К р у т и ц к и й. Да, коренные, решительные; но если неважное что-нибудь изменить, улучшить, я против этого ничего не говорю.

Г л у м о в. В таком случае это будут не реформы, а поправки, починки.

К р у т и ц к и й *(ударяя себя карандашом по лбу)*. Да, так, правда. Умно, умно. У вас есть тут, молодой человек, есть. Очень рад; старайтесь!

Г л у м о в. Покорнейше благодарю, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й *(надевая очки)*. Пойдем далее! Любопытствую знать, как вы начинаете экспли-

кацию моей главной идеи. «Артикул первый. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключает в себе реформа? Реформа заключает в себе два действия: 1-е) отмену старого и 2-е) поставление на место оного чего-либо нового. Какое из сих действий вредно? И то и другое одинаково. 1-е) отметая старое, мы даем простор опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отметается, и составлять таковые умозаключения: отметается нечто непригодное, такое-то учреждение отметается, значит, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо сим возбуждается свободномыслие и делается как бы вызов обсуждать то, что обсуждению не подлежит». Складно, толково.

Г л у м о в. И совершенно справедливо.

К р у т и ц к и й *(читает)*. «2-е) поставляя новое, мы делаем как бы уступку так называемому духу времени, который есть не что иное, как измышление праздных умов». Ясно изложено. Надеюсь, будет понятно для всякого; так сказать, популярно.

Г л у м о в. Мудрено излагать софизмы, а неопровержимые истины…

К р у т и ц к и й. Вы думаете, что это неопровержимые истины?

Г л у м о в. Совершенно убежден, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й *(оглядываясь)*. Что это они другого стула не ставят?

Г л у м о в. Ничего-с, я и постою, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й. Конечно, нельзя всякому дозволить; другой, пожалуй, рассядется… магазинщик со счетом или портной приедет…

Г л у м о в. Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Я должен буду просить извинения у вашего превосходительства.

К р у т и ц к и й. Что такое, мой любезный, что такое?

Г л у м о в. В вашем трактате некоторые слова и выражения оставлены мной без всякого изменения.

К р у т и ц к и й. Почему?

Г л у м о в. Слаб современный язык для выражения всей грандиозности ваших мыслей.

Крутицкий. Например?

Г л у м о в. В двадцать пятом артикуле, о положении мелких чиновников в присутственных местах…

Крутицкий. Ну?

Г л у м о в. Вашим превосходительством весьма

сильно выражена прекрасная мысль о том, что не следует увеличивать содержание чиновникам и вообще улучшать их положение, что, напротив, надобно значительное увеличение жалованья председателям и членам.

К р у т и ц к и й. Не помню. *(Перелистывает тетрадь.)*

Г л у м о в. Я, ваше превосходительство, помню наизусть, да не только этот параграф, а весь трактат.

К р у т и ц к и й. Верю, но удивляюсь. Для чего?

Г л у м о в. У меня ведь целая жизнь впереди; нужно запасаться мудростию; не часто может представиться такой случай; а если представился, так надо им воспользоваться. Не из журналов же учиться уму-разуму.

К р у т и ц к и й. Еще бы!

Г л у м о в. Молодому человеку и свихнуться нетрудно.

К р у т и ц к и й. Похвально, похвально! Приятно видеть такой образ мыслей в молодом человеке. Что там ни толкуй, а благонамеренность хорошее дело.

Г л у м о в. Первое, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й. Ну, так что ж у меня там в двадцать пятом артикуле?

Г л у м о в. Артикул двадцать пятый «Увеличение окладов в присутственных местах, если почему-либо таковое потребуется, должно быть производимо с крайней осмотрительностию, и то только председателям и членам присутствия, а отнюдь не младшим чиновникам. Увеличение окладов старшим может быть произведено на тот конец, дабы сии наружным блеском поддерживали величие власти, которое должно быть ей присуще. Подчиненный же сытый и довольный получает несвойственные его положению осанистость и самоуважение, тогда как, для успешного и стройного течения дел, подчиненный должен быть робок и постоянно трепетен».

К р у т и ц к и й. Да, так, верно, верно.

Г л у м о в. Вот слово: «трепетен», ваше превосходительство, меня очаровало совершенно.

К р у т и ц к и й *(погружаясь в чтение, изредка взглядывает на Глумова. Как бы мельком).* Коли куришь, так кури. Спички на камине.

Г л у м о в. Я не курю, ваше превосходительство. А впрочем, как прикажете.

К р у т и ц к и й. Вот еще! Мне-то какое дело! Дядя не видал твоей работы?

Г л у м о в. Как можно! Как же бы я осмелился!

К р у т и ц к и й. Ну, то-то же. Он только говорит,

что умен, а ведь он болван совершенный.

Г л у м о в. Не смею спорить с вашим превосходительством.

К р у т и ц к и й. Он только других учит, а сам попробуй написать, вот мы и увидим. А жена тоже ведь дура замечательная.

Г л у м о в. Не заступлюсь и за нее.

К р у т и ц к и й. Как ты с ними уживаешься — не понимаю.

Г л у м о в. Нужда, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й. Ты служишь?

Г л у м о в. Поступаю. По протекции тетушки, Иван Иваныч Городулин обещал достать место.

К р у т и ц к и й. Вот еще нашли человека. Определит он тебя. Ты ищи прочного места; а эти все городулинские-то места скоро опять закроются, вот увидишь. Он у нас считается человеком опасным. Ты это заметь.

Г л у м о в. Я не по новым учреждениям…

К р у т и ц к и й. Да, да. А уж я думал… Ну что ж, поступай. Без службы болтаться хуже. Потом, если хочешь, я тебе могу письма дать в Петербург, — перейдешь, — там служить виднее. У тебя прошедшее-то хорошо, чисто совершенно? Тебя можно рекомендовать?

Г л у м о в. Я ленив был учиться, ваше превос-

ходительство.

К р у т и ц к и й. Ну что ж, это не важно. Очень-то заучишься, так оно, пожалуй, и хуже. Нет ли чего важнее?

Г л у м о в. Мне совестно признаться перед вашим превосходительством.

К р у т и ц к и й *(с серьезным видом)*. Что такое? Уж ты лучше говори прямо.

Г л у м о в. В молодости грешки, увлечения…

К р у т и ц к и й. Говори, не бойся.

Г л у м о в. В студенческой жизни, ваше превосходительство… только я больше старых обычаев придерживался.

К р у т и ц к и й. Каких старых обычаев? Что ты, раскольник, что ли?

Г л у м о в. То есть не так вел себя, как нынешние студенты.

К р у т и ц к и й. А как же?

Г л у м о в. Покучивал, ваше превосходительство; случались кой-какие истории не в указные часы, небольшие стычки с полицией.

К р у т и ц к и й. И только?

Г л у м о в. Больше ничего, ваше превосходительство. Сохрани меня Бог! Сохрани Бог!

К р у т и ц к и й. Что ж, это даже очень хорошо. Так и должно быть. В молодых летах надо пить,

кутить. Чего тут стыдиться? Ведь ты не барышня. Ну так значит, я на твой счет совершенно покоен. Я не люблю оставаться неблагодарным. Ты мне с первого раза понравился; я уж за тебя замолвил в одном доме словечко.

Г л у м о в. Мне сказывала Софья Игнатьевна. Я не нахожу слов благодарить ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й. Ты присватался, что ли? Тут ведь куш очень порядочный.

Г л у м о в. Я на деньги глуп, ваше превосходительство; девушка очень хороша.

К р у т и ц к и й. Ну, не умею тебе сказать. Они, брат, все одинаковые; вот тетка, знаю, что ханжа.

Г л у м о в. Любовь нынче не признают, ваше превосходительство; а я знаю по себе, какое это великое чувство.

К р у т и ц к и й. Пожалуй, не признавай, никому от того ни тепло, ни холодно; а как заберет, так скажешься. Со мной было в Бессарабии, лет сорок тому назад: я было умер от любви. Что ты смотришь на меня?

Г л у м о в. Скажите пожалуйста, ваше превосходительство!

К р у т и ц к и й. Горячка сделалась. Вот ты и не

признавай. Ну что ж, давай Бог, давай тебе Бог! Я очень рад. Будешь капиталистом, найдем тебе место видное, покойное. Нам такие люди нужны. Ты ведь будешь из наших? Нам теперь поддержка нужна, а то молососы одолевать начали. Но, однако, мой милый, сколько же я тебе должен за твой труд?

Г л у м о в. Не обижайте, ваше превосходительство!

К р у т и ц к и й. Ты меня не обижай!

Г л у м о в. Если уж хотите вознаградить меня, так осчастливьте, ваше превосходительство!

К р у т и ц к и й. Что такое? В чем дело?

Г л у м о в. Брак — такое дело великое, такой важный шаг в жизни… не откажитесь!.. Благословение такого высокодобродетельного лица будет служить залогом… уже знакомство с особой вашего превосходительства есть счастие, а в некотором роде родство, хотя и духовное, это даже и для будущих детей…

К р у т и ц к и й. В посаженые отцы, что ли? Я что-то не пойму.

Г л у м о в. Осчастливьте, ваше превосходительство!

К р у т и ц к и й. Изволь, изволь! Ты бы так и говорил. Это дело не мудреное.

Г л у м о в. Я передам и Софье Игнатьевне.

К р у т и ц к и й. Передавай, пожалуй.

Г л у м ов. Я не нужен вашему превосходительству?

К р у т и ц к и й. Нет.

Г л у м о в. Честь имею кланяться.

К р у т и ц к и й. О моем маранье молчи. Оно скоро будет напечатано, без моего имени, разумеется; один редактор просил; он, хотя это довольно странно, очень порядочный человек, пишет так учтиво: ваше превосходительство, осчастливьте, ну и прочее. Коли будет разговор о том, кто писал, будто ты не знаешь.

Г л у м о в. Слушаю, ваше превосходительство! *(Кланяется и уходит.)*

К р у т и ц к и й. Прощай, мой любезный! Что уж очень бранят молодежь! Вот, значит, есть же и из них; и с умом, и с сердцем малый. Он льстив и как будто немного подленек; ну да вот оперится, так это, может быть, пройдет. Если эта подлость в душе, так нехорошо, а если только в манерах, так большой беды нет; с деньгами и с чинами это постепенно исчезает. Родители, должно быть, были бедные, а мать попрошайка: «у того ручку поцелуй, у другого поцелуй»; ну вот оно и въелось. Впрочем, это все-таки лучше, чем грубость.

Входит ч е л о в е к.

Ч е л о в е к. Госпожа Мамаева! Они в гостиной-с. Я докладывал, что ее превосходительства дома нет-с.

М а м а е в а *(за дверью)*. Не помешаю?

К р у т и ц к и й. Нет-нет! *(Человеку.)* Подай кресло!

Ч е л о в е к уходит, возвращается с креслом. Входит М а м а е в а.

Явление второе

Крутицкий и Мамаева.

М а м а е в а. Будет вам делами-то заниматься! Что бы с молодыми дамами полюбезничать! А то сидит в своем кабинете! Такой нелюбезный старичок!

К р у т и ц к и й. Где уж мне! Был конь, да уездился! Хе-хе-хе! Пора и молодым дорогу дать.

М а м а е в а *(садясь)*. Нынче и молодежь-то хуже стариков.

К р у т и ц к и й. Жалуетесь?

М а м а е в а. Разве не правда?

К р у т и ц к и й. Правда, правда. Никакой поэзии нет, никаких благородных чувств. Я думаю, это оттого, что на театре трагедий не дают. Возобновить

бы Озерова, вот молодежь-то бы и набиралась этих деликатных тонких чувств. Да чаще давать трагедии, через день. Ну, и Сумарокова тоже. У меня прожект написан об улучшении нравственности в молодом поколении. Для дворян трагедии Озерова, для простого народу продажу сбитня дозволить. Мы, бывало, все трагедии наизусть знали, а нынче скромно! Они и по книге-то прочесть не умеют. Вот оттого в нас и рыцарство было, и честность, а теперь одни деньги. *(Декламирует.)*

Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней теченье,
Когда к страданию даны мне грустны дни?
Прерву.
Помните?

М а м а е в а. Ну, как же не помнить! Ведь, чай, этому лет пятьдесят, не больше, так как же мне не помнить!

К р у т и ц к и й. Извините, извините! Я считаю вас моей ровесницей. Ах, я и забыл вам сказать! Я вашим родственником очень доволен. Прекрасный молодой человек.

М а м а е в а. Не правда ли, мил?

К р у т и ц к и й. Да-да. Ведь уж и вы его балуете.

М а м а е в а. Да чем же?

К р у т и ц к и й. Позвольте, вспомнил еще. *(Декламирует.)*

О боги! Не прошу от вас речей искусства; Но дайте ныне мне язык души и чувства!

Очаровательно!

М а м а е в а. Чем же балуем?

К р у т и ц к и й. Ну да как же! Жените. Какую невесту нашли…

М а м а е в а *(с испугом)*. Какую? Вы ошибаетесь.

К р у т и ц к и й *(декламирует)*.

О матерь, слезный ток, коль можно, осуши!

А ты, сестра, умерь уныние души!

М а м а е в а. На ком же, на ком?

К р у т и ц к и й. Да Боже мой! На Турусиной. Будто не знаете? Двести тысяч приданого.

М а м а е в а *(встает)*. Не может быть, не может быть, я говорю вам.

К р у т и ц к и й *(декламирует)*.

При вести таковой задумчив пребываешь;

Вздыханья тяжкие в груди своей скрываешь,

И горесть мрачная в чертах твоих видна!

М а м а е в а. Ах, вы надоели мне с вашими стихами!

К р у т и ц к и й. Но он, кажется, парень с сердцем. Вы, говорит, ваше превосходительство, не

подумайте, что я из-за денег. Звал меня в посаженые отцы: сделайте, говорит, честь. Ну что ж не сделать! Я, говорит, не из приданого; мне, говорит, девушка нравится. Ангел, ангел, говорит, и так с чувством говорит. Ну что ж, прекрасно. Дай ему Бог; нет, а вы возьмите, вот в Донском. *(Декламирует.)*

Когда Россиянин решится слово дать,
То без стыда ему не может изменять.

Мамаева. Ой!

К р у т и ц к и й. Что с вами?

М а м а е в а. Мигрень. Ах, я больна совсем.

К р у т и ц к и й. Ну ничего. Пройдет. *(Декламирует.)*

Ты знаешь, что союз сей верен до того…

М а м а е в а. Ах, подите вы! Скажите вашей жене, что я хотела ее подождать, да не могу: очень дурно себя чувствую. Ах! Прощайте!

К р у т и ц к и й. Да ничего. Что вы? У вас вид такой здоровый. *(Декламирует.)*

Чтоб при сопернице в измене обличить
И ревностью его веселье отравить…

М а м а е в а. Прощайте, прощайте! *(Быстро уходит.)*

К р у т и ц к и й. Что ее кольнуло? Поди вот с бабами! Хуже, чем дивизией командовать. *(Берет*

тетрадь.) Заняться на досуге. Никого не принимать! *(Уходит в кабинет.)*

Сцена II

ЛИЦА
ГЛУМОВ.
ГЛУМОВА.
МАМАЕВА.
ГОЛУТВИН.

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г л у м о в выходит из боковой двери с дневником, потом

Глумова.

Г л у м о в. Насилу кончил. Интересный разговор с

Крутицким записан весь. Любопытный памятник для потомства! Чего стоило весь этот вздор запомнить!

Я, кажется, в разговоре с ним пересолил немного. Еще молод, увлекаюсь, увлекаюсь. Ну да это не мешает:

кашу маслом не испортишь. Вот дядюшка у меня прелесть! Сам научил за женой ухаживать. И тут я увлекся. Это дело уже нешуточное! Тут надо держать ухо востро. Как мы от нее ни скрываем наше сватовство, а все же узнает; пожалуй,

и помешает, хоть не из любви, так из ревности; женщины завистливы, любить-то не всякая умеет, а ревновать-то всякая мастерица.

Входит Г л у м о в а.

Маменька, вы к Турусиной?

Г л у м о в а. К Турусиной.

Г л у м о в *(глядя на часы и строго)*. Вы немного поздно, маменька! Туда надо с утра идти. И каждый день, каждый день. Так и живите там.

Г л у м о в а. Можно и надоесть.

Г л у м о в. Ну да уж что делать. Сойдитесь с прислугой, с гадальщицами, с странницами, с приживалками; не жалейте для них никаких подарков. Зайдите теперь в город, купите две табакерки серебряных, небольших! Все эти приживалки табак нюхают зло и очень любят подарки.

Г л у м о в а. Хорошо, хорошо!

Г л у м о в. Главное, блюдите все входы и выходы, чтоб ничто сомнительное ни под каким видом не могло проникнуть в дом. Для этого ублажайте прислугу, у прислуги чутье хорошее. Ну, прощайте! Торопите, чтоб поскорее парадный сговор.

Г л у м о в а. Говорят, ближе, как через неделю, нельзя. *(Уходит.)*

Г л у м о в. Ух, долго! Измучаешься. Богатство само прямо в руки плывет; прозевать такой случай будет и жалко, и грех непростительный. *(Садится к столу.)* Что-то я хотел добавить в дневник? Да, расход записать. *(Записывает.)* Две табакерки приживалкам. *(Заслыша стук экипажа, подходит к окну.)* Это кто? Клеопатра Львовна. Что за чудо! Знает она или не знает? Сейчас увидим.

Входит М а м а е в а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глумов и Мамаева.

Г л у м о в. Мог ли я ожидать такого счастия! Если бы все олимпийские боги сошли с неба…

М а м а е в а. Не горячитесь, я не к вам: я зашла вашу матушку навестить.

Г л у м о в *(про себя)*. Не знает. *(Громко.)* Она только вышла перед вами.

М а м а е в а. Жаль.

Г л у м о в *(подавая стул)*. Присядьте! Осчастливьте мою хату, осветите ее своим блеском.

М а м а е в а *(садясь)*. Да, мы счастливим, а нас делают несчастными.

Г л у м о в. Несчастными! Да вы знаете ли, какое это преступление? Даже огорчить-то вас чем-нибудь и то надо иметь черную душу и зверское сердце.

М а м а е в а. Черную душу и зверское сердце! Да, вы правду говорите.

Г л у м о в. Ни черной души, ни зверского сердца у меня нет, значит…

М а м а е в а. Что «значит»?

Г л у м о в. Значит, я и не огорчу вас ничем.

М а м а е в а. Верить прикажете?

Г л у м о в. Верьте!

М а м а е в а. Будем верить.

Г л у м о в *(про себя)*. Не знает. *(Громко.)* Как мне огорчить вас! Я, страстный, робкий юноша, давно искал привязанности, давно искал теплого женского сердца, душа моя ныла в одиночестве. С трепетом сердца, с страшной тоской я искал глазами ту женщину, которая бы позволила мне быть ее рабом. Я бы назвал ее своей богиней, отдал ей всю жизнь, все свои мечты и надежды. Но я был беден, незначителен, и от меня отворачивались. Мои мольбы, мои вздохи пропадали, гасли даром. И вот явились передо мной вы, сердце мое забилось сильней прежнего; но вы не были жестокой красавицей, вы не оттолкнули меня, вы снизошли к несчастному страдальцу, вы согрели бедное сердце взаимностью, и я счастлив, счастлив, бесконечно счастлив! *(Целует руку.)*

М а м а е в а. Вы женитесь?

Г л у м о в. Как! Нет… да… но!

М а м а е в а. Вы женитесь?

Г л у м о в. То есть ваш муж хочет женить меня, а я не думал. Да я и не расположен совсем и не желаю.

М а м а е в а. Как он вас любит, однако! Против воли хочет сделать счастливым!

Г л у м о в. Он хочет женить меня на деньгах. Не все же мне быть бедным писарьком, пора мне быть самостоятельным человеком, иметь значение. Очень естественно, он хочет мне добра; жаль только, что не справился о моих чувствах. ся М? а м а е в а. На деньгах? А невеста вам не нравит-

Г л у м о в. Конечно, не нравится. Да разве может…

М а м а е в а. Так вы ее не любите?

Г л у м о в. Да могу ли я! Кого же я буду обманывать: ее или вас?

М а м а е в а. Может быть, обеих.

Г л у м о в. За что вы меня мучаете подозрениями? Нет, я вижу, это надо кончить.

М а м а е в а. Как кончить?

Г л у м о в. Пусть дядюшка сердится, как хочет, я скажу ему решительно, что не хочу жениться.

М а м а е в а. Правда?

Г л у м о в. Сегодня же скажу.

М а м а е в а. И прекрасно. Без любви что за брак!

Г л у м о в. И вы могли подумать! И вам не совестно?

М а м а е в а. Теперь, когда я вижу такое бескорыстие, разумеется, совестно.

Г л у м о в *(с жаром)*. Я ваш, ваш, всегда ваш! Только уж вы ни слова: ни дядюшке, никому, я сам все устрою. А то вы себя выдадите.

М а м а е в а. Конечно, конечно.

Г л у м о в. Вот что значит застенчивость! Я боялся сказать прямо дядюшке, что не хочу жениться, отделывался полусловами: посмотрим, увидим, к чему спешить? А вот что из этого вышло. Я дал повод подозревать себя в низости.

Звонок.

Кто это? Вот очень нужно! *(Идет к дверям.)*

М а м а е в а *(про себя)*. Он меня обманывает. Это ясно. Ему хочется успокоить меня, чтоб я не мешала.

Г л у м о в. Клеопатра Львовна, войдите в маменькину комнату, кто-то пришел ко мне.

М а м а е в а уходит. Входит Г о л у т в и н.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Глумов и Голутвин.

Г л у м о в *(пристально глядя на Голутвина)*.

Ну-с?

Г о л у т в и н. Во-первых, так не принимают, а во-вторых, я устал, потому что на своих к вам. *(Садится.)*

Г л у м о в. Что вам нужно от меня?

Г о л у т в и н. Пустяки. Minimum двадцать пять рублей; а больше сколько хотите, я не обижусь.

Г л у м о в. Да, вот что! На бедность? Да кто же вам сказал, что я имею возможность давать такую щедрую милостыню?

Г о л у т в и н. Я не милостыню прошу, я за труд.

Г л у м о в. За какой?

Г о л у т в и н. Я ходил за вами, наблюдал, собирал сведения, черты из жизни вашей, написал вашу биографию и приложил портрет. В особенности живо изобразил последнюю вашу деятельность. Так не угодно ли вам купить у меня оригинал, а то я продам в журнал. Вы видите, я прошу недорого, ценю себя невысоко.

Г л у м о в. Меня не испугаете. Печатайте! Кто вас читает?

Г о л у т в и н. Да ведь я и не тысячу рублей прошу. Я знаю, что большого вреда вам сделать не могу; ну а все-таки неприятность, скандальчик. Ведь лучше для вас, если б его не было совсем, ну,

так и заплатите!

Г л у м о в. Знаете, как называется ваш поступок?

Г о л у т в и н. Знаю. Уменье пользоваться обстоятельствами.

Г л у м о в. Да честно ли это?

Г о л у т в и н. Вот этого не знаю. А все-таки, должно быть, честнее, чем посылать безымянные письма.

Г л у м о в. Какие письма? Чем вы докажете?

Г о л у т в и н. Не горячитесь! Заплатите лучше; я вам советую.

Г л у м о в. Ни копейки.

Г о л у т в и н. У вас теперь богатая невеста в виду. Что хорошего, прочитает. «Ах!» — скажет… Не ссорьтесь со мной, заплатите! И мне-то хлеб, и вам покойнее. Право, дешево прошу.

Г л у м о в. За что платить? Вы этак, пожалуй, повадитесь, в другой раз придете.

Г о л у т в и н. Честное слово. За кого вы меня принимаете?

Г л у м о в *(указывая на дверь)*. Прощайте.

Г о л у т в и н. А то ведь в следующем нумере.

Г л у м о в. В каком хотите!

Г о л у т в и н. Пять рублей уступлю, деньги пустые.

Г л у м о в. Пяти копеек не дам.

Г о л у т в и н. Ну, как хотите. Папироски нет у вас?

Глумо в. Нет. Освободите меня от вашего посещения.

Г о л у т в и н. Сейчас. Отдохну немного.

Г л у м о в. Вас Курчаев подослал?

Г о л у т в и н. Нет, мы с ним поругались. Он тоже гусь порядочный вроде вас.

Г л у м о в. Ну довольно.

Г о л у т в и н *(встает и заглядывает в дверь)*. Что это у вас там?

Г л у м о в. Что за низость! Убирайтесь!

Г о л у т в и н. Любопытно.

Г л у м о в. Убирайтесь, говорю вам!

Г о л у т в и н *(уходя)*. Вы не умеете ценить чужого благородства оттого, что в вас своего нет. *(Идет в переднюю.)*

Г л у м о в. Вот еще принесло. Ну, да пусть печатает! *(Идет за Голутвиным.)*

Г о л у т в и н *(из двери)*. Два слова только.

Г л у м о в уходит за ним в переднюю и затворяет дверь.

Входит М а м а е в а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мамаева одна, потом Г л у м о в.

М а м а е в а. Никого нет. Куда же он делся? *(Подходит к столу.)* Это что? Дневник его. Ай-ай, как зло! Это ужасно! А вот о невесте! Я так и знала; он меня обманывает! Какой глупый человек! Ах, Боже мой! Это про меня-то! Мне дурно, я падаю… Низкий, низкий человек! *(Отирает слезы. Подумавши.)* Вот мысль! Он никак не подумает на меня! *(Прячет дневник в карман и отходит от стола.)* О, как я могу его унизить! Как мне приятно будет видеть его унижение! Когда все отвернутся от него, бросят, выкинут его, как негодную вещь, какой кроткой овечкой он приползет ко мне.

Входит Глумов.

Г л у м о в. Это уж из рук вон!

М а м а е в а. Кто был у вас?

Г л у м о в. Таких людей нельзя пускать ни под каким видом. Написал ругательную статью на меня и пришел за деньгами, а то, говорит, напечатаю.

М а м а е в а. Что вы за ужасы говорите! Это те же брави[1]. Кто он такой, я желаю знать?

Г л у м о в. Зачем вам?

М а м а е в а. Ну хоть для того, чтобы беречься его.

Г л у м о в. Голутвин.

М а м а е в а. Где живет?

Г л у м о в. Где день, где ночь. Адрес можно узнать в редакции. Да зачем вам?

М а м а е в а. А если кто меня обидит, вот и мщение! Другого нет у женщин; дуэли для нас не существуют.

Г л у м о в. Вы шутите?

М а м а е в а. Конечно, шучу. Вы дали ему денег?

Г л у м о в. Немного. Он ведь не дорог. Все-таки покойнее. Всякий скандал нехорош.

М а м а е в а. А если ему дадут больше?

Г л у м о в. Кому же нужно! У меня врагов нет.

М а м а е в а. Значит, вы покойны. Ах, бедный! Как он вас расстроил. Так вы решительно отказываетесь от невесты?

Г л у м о в. Решительно.

М а м а е в а. Да вы знаете ли, чего вы себя лишаете?

Г л у м о в. Денег. Променяю ли я рай на деньги?

М а м а е в а. Да ведь много денег, двести тысяч.

Г л у м о в. Знаю.

М а м а е в а. Кто же это делает?

Г л у м о в. Тот, кто истинно любит.

М а м а е в а. Да ведь этого не бывает.

Г л у м о в. Вот вам доказательство, что бывает.

[1]Наемные убийцы *(ит.).*

М а м а е в а. Вы герой! Вы герой! Ваше имя будет записано в историю. Придите в мои объятия. *(Обнимает его.)* Ну, прощайте, душа моя! Жду вас сегодня вечером. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г л у м о в *(один)*. Ну, как гора с плеч! Пора к невесте. *(Берет шляпу и смотрится в зеркало.)* Разумеется, все это мелочи; но когда дело-то рискованное, так всего боишься. Прав-то у меня на эту невесту и, главное, на это приданое никаких. Все взято одной энергией. Целый замок висит на воздухе без фундамента. Все это может лопнуть и разлететься в прах каждую минуту. Поневоле будешь пуглив и осторожен. Ну, да теперь мне бояться нечего! Клеопатру Львовну успокоил, Голутвину заплачено. Пока я все уладил. *(Нараспев.)* Все уладил, все уладил! Я с этими хлопотами рассеян стал. Шляпа, перчатки… Где перчатки, где перчатки? Вот они. *(Подходит к столу.)* В этом кармане бумажник, в этом дневник. *(Не глядя шарит рукой по столу, а другую опускает в задний карман.)* Платок здесь. *(Оборачивается к столу.)* Что такое? Где же? *(Открывает ящик.)* Куда я его засунул? Да что ж это такое? Вот еще

беда-то! Да нет, не может быть! Я его здесь положил. Я сейчас видел его. А-ах!.. Где же он? Нельзя, нельзя… *(Стоит молча.)* Падает, все падает… и я валюсь, в глубокую пропасть валюсь. Зачем я его завел? Что за подвиги в него записывал? Глупую, детскую злобу тешил. Нет, уж если такие дела делать, так нечего их записывать! Ну, вот и предоставил публике «Записки подлеца, им самим написанные». Да что же я сам-то себя ругаю! Меня еще будут ругать, все ругать. Кто же это? Он или она? Если он, я выкуплю; он на деньги пойдет; еще беда не велика. А если она? Ну, тут уж одно красноречие. Женское сердце мягко. Мягко-то оно мягко; зато ведь уж и злей-то женщины ничего на свете нет, если ее обидеть чувствительно. Страшно становится. Женщина отомстит ужасно, она может такую гадость придумать, что мужчине и в голову не придет. Ну, уж делать нечего! Бездействие хуже. Пойду прямо в пасть к геенне. *(Уходит.)*

Действие пятое

ЛИЦА
ТУРУСИНА.
МАШЕНЬКА.

МАМАЕВ.
МАМАЕВА.
КРУТИЦКИЙ.
ГОРОДУЛИН.
ГЛУМОВ.
КУРЧАЕВ.
ГРИГОРИЙ.

Большая терраса на даче, прямо сад, по сторонам двери.

Явление первое

К у р ч а е в и М а ш е н ь к а выходят из гостиной.

К у р ч а е в. Как все это быстро сделалось.

М а ш е н ь к а. Я сама не понимаю. Тут или самая тонкая интрига, или…

К у р ч а е в. Чудо, вы думаете?

М а ш е н ь к а. Я ничего не думаю, я просто голову потеряла.

К у р ч а е в. Я его знаю давно и ничего особенного в нем не замечал; кажется, человек хороший.

М а ш е н ь к а. Он явился каким-то неотразимым. Всё за него. Все знакомые тетушки рекомендуют прямо его, приживалки во сне его видят каждую ночь, станут на картах гадать

— выходит он, гадальщицы указывают на него, странницы тоже; наконец, Манефа, которую тетушка считает чуть не за святую, никогда не видав его, описала наружность и предсказала минуту, когда мы его увидим. Какие же тут могут быть возражения? Судьба моя в руках тетушки, а она им совершенно очарована.

К у р ч а е в. Значит, отдадут ему вас, отдадут деньги, — добродетель награждается, порок наказан. С вашей стороны возражений нет, а про меня и говорить нечего: я должен в молчании удалиться. Еще с кем другим я бы поспорил, а перед добродетельным человеком я пас; я никогда этим не занимался.

М а ш е н ь к а. Тише! Они идут.

Входят Т у р у с и н а и Г л у м о в.

Явление второе

Те же, Турусина и Глумов.

Турусина садится в кресло. Глумов останавливается с левой стороны и кладет руку на спинку кресла. Курчаев стоит справа, несколько потупившись, в самой почтительной позе. Машенька у стола перелистывает книгу.

Г л у м о в. Когда я почувствовал призвание к

семейной жизни, я взглянул на это дело серьезно. Жениться для того, чтобы взять деньги, это не в моих правилах, — это было бы торговая сделка, а не брак, — установление священное! Жениться по любви… но ведь любовь чувство преходящее, плотское! Я понял, что в выборе подруги на всю жизнь должно быть нечто особое, нечто роковое для того, чтобы брак был крепок. Мне нужно было найти кроткое женское сердце, связать его с своим неразрывными узами; я говорю: судьба, укажи мне это сердце, и я покорюсь твоим велениям. Я вам признаюсь, я ждал чего-то чудесного! Чудесного много на свете, только мы не хотим заметить его.

Т у р у с и н а. Я сама то же говорю, но не все верят. *(Взглядывает на Курчаева, тот шаркает ногой и кланяется.)*

Г л у м о в. Я ждал чуда и дождался чуда.

К у р ч а е в. Скажите! Дождались. Это чрезвычайно любопытно.

Г л у м о в. Я поехал к одной благочестивой женщине.

К у р ч а е в. Не к Манефе ли?

Г л у м о в. Нет, к другой. Я Манефы не знаю. Только я вошел, не успел промолвить слова, она, даже не видя лица моего, — она сидела ко мне

задом, — заговорила: «Не ты невест ищешь, они тебя ищут. Ступай зажмурившись и найдешь». Куда идти, говорю, укажите мне! «Как войдешь, говорит, в первый незнакомый дом, где ты ни разу не бывал, там и ищи, там тебя знают!» Я, знаете ли, сначала удивился и как будто не совсем поверил. Поутру она мне это сказала — вечером дядюшка привез меня к вам. Тут есть невеста, и тут меня знают.

Т у р у с и н а. Да, много чудесного, но мало избранных…

К у р ч а е в. У нас тоже, когда мы стояли в Малороссии, был случай с одним евреем…

Т у р у с и н а. Вы бы пошли по саду погуляли.

К у р ч а е в шаркает ногой и кланяется.

Г л у м о в. Не ясно ли тут предопределение! Я даже не успел еще хорошенько осведомиться о чувствах моей невесты… *(Машеньке.)* Извините, Марья Ивановна! Я довольствовался только ее согласием.

Т у р у с и н а. Ничего больше и не нужно.

Г л у м о в. Если я, может быть, не совсем нравлюсь теперь, так понравлюсь после. Такой брак должен быть счастлив и благополучен.

К у р ч а е в. Непременно.

Г л у м о в. В этом браке нет людского произвола,

следовательно, нет и ошибки.

Т у р у с и н а. Вот правила! Вот у кого надо учиться, как жить.

Входит Г р и г о р и й.

Г р и г о р и й. Иван Иваныч Городулин.

Т у р у с и н а. Я пойду оденусь потеплее, здесь сыро становится. *(Уходит.)*

М а ш е н ь к а *(Курчаеву)*. Пойдемте в сад.

Уходят в сад. Входит Г о р о д у л и н.

Явление третье

Глумов и Городулин.

Г о р о д у л и н. Здравствуйте! Сколько вы денег бере-те?Г л у м о в. Кажется, двести тысяч.

Г о р о д у л и н. Как же вы это сделали?

Г л у м о в. Да ведь вы же сами меня рекомендовали — мне Софья Игнатьевна сказывала.

Г о р о д у л и н. Когда же? Да, да, помню. Да как же вы поладили с Турусиной, ведь вы вольнодумец?

Г л у м о в. Я с ней не спорю.

Г о р о д у л и н. А если она вздор говорит?

Г л у м о в. Ее исправить невозможно. К чему же трудиться?

Г о р о д у л и н. Да, так вы вот как. Это хорошо.

Вы теперь будете иметь состояние. Я вас в клуб запишу.

Г л у м о в *(тихо)*. На днях будет напечатан трактат Крутицкого.

Г о р о д у л и н. Неужели? Вот бы его отделать хорошенько!

Г л у м о в. Это очень легко.

Г о р о д у л и н. Еще бы, с вашими способностями. Но вам неловко, вы еще очень молодой человек, можете себе повредить. Вас надо будет выгородить. Вы напишите, а уж я, так и быть, пожертвую собой, выдам за свое. Надо их, старых, хорошенько.

Г л у м о в. Надо, надо. Ведь только посмотрите, что пишут.

Г о р о д у л и н. Осмеять надо. Я бы и сам, да некогда. Очень рад вашему счастью. Поздравляю. Нам такие люди, как вы, нужны. Нужны. А то, признаться вам, чувствовался недостаток. Дельцы есть, а говорить некому, нападут старики врасплох. Ну и беда. Есть умные из молодых людей, да очень молодые, в разговор пустить нельзя, с ними разговаривать не станут. Хор-то есть, да запевалы нет. Вы будете запевать, а мы вам подтягивать. Где Марья Ивановна?

Г л у м о в. Вон, в саду гуляет.

Г о р о д у л и н. Пойду поболтать с ней. *(Идет в сад.)*

Г л у м о в *(вслед)*. Я сейчас вас догоню. Кажется, Мамаевы приехали. Как я ее урезонил! Мало того, что дала согласие на мой брак, но и сама приехала. Вот это мило с ее стороны.

Входит М а м а е в а.

Явление четвертое

Глумов и Мамаева.

М а м а е в а. Ну что, нашли?

Г л у м о в. Нет, Голутвин клянется-божится, что не брал. Даже слезы на глазах у него показались. Я, говорит, без куска хлеба останусь, а такой гнусности не сделаю.

М а м а е в а. Кому же взять! Потеряли как-нибудь.

Г л у м о в. И представить себе не могу.

М а м а е в а. Найдет кто-нибудь и бросит.

Г л у м о в. Хорошо, как бросит.

М а м а е в а. А чего же вы боитесь, разве там было что-нибудь такое?

Г л у м о в. Ничего особенного! Сердечные излияния, любовные заметки, страстные тирады, стишки; очи, кудри. Все то, что пишется про себя

и что в чужих руках видеть стыдно.

М а м а е в а. Так у вас в дневнике очи да кудри? Ну так не беспокойтесь: никто не обратит внимания. Таких дневников бездна. Что же вы здесь одни? Где ваша невеста?

Г л у м о в. Гуляет в саду с молодыми людьми. Вот вам доказательство, что я женюсь не по склонности. Мне нужны деньги, нужно положение в обществе. Не все же мне быть милым молодым человеком, пора быть милым мужчиной. Посмотрите, каким молодцом я буду, каких лошадей заведу. Теперь меня не замечают, а тогда все вдруг заговорят: ах, какой красавец появился! — точно как будто я из Америки приехал. И все будут завидовать вам.

М а м а е в а. Отчего же мне?

Г л у м о в. Оттого, что я ваш.

М а м а е в а. Да хорошо, если б можно было взять деньги без невесты, а то у вас будет молодая жена.

Г л у м о в. Это не мешает. Я предложил руку невесте, карман для денег, а сердце остается вам.

М а м а е в а. Вы опасный человек; вас слушаешь, слушаешь, да, пожалуй, и поверишь.

Г л у м о в. На каких рысаках я буду подъезжать к вам!

М а м а е в а. Подъезжайте, подъезжайте. А теперь подите к невесте, нехорошо оставлять ее. Если она вам и не нравится, так вы хоть для виду, из приличия полюбезничайте с ней.

Г л у м о в. Вот вы сами посылаете.

М а м а е в а. Ступайте, ступайте.

Г л у м о в уходит.

Как он торжествует! Погоди, мой друг, не рано ли ты

вздумал радоваться!

Входит К у р ч а е в.

Явление пятое

Мамаева и Курчаев.

М а м а е в а. Куда вы?

К у р ч а е в. Домой-с.

М а м а е в а. Домой, такой печальный? Погодите, я догадываюсь.

Курчаев кланяется.

М а м а е в а. Погодите, я вам говорю.

Курчаев кланяется.

Ах, какой противный! Подождите, я вам говорю. Мне вас нужно.

Курчаев кланяется и остается.

Вы влюблены?

Курчаев кланяется и хочет уйти.

Вы ничего не знаете?

К у р ч а е в. Позвольте мне удалиться.

М а м а е в а. Я поеду домой рано, одна, вы меня проводите.

Курчаев кланяется.

Что вы всегда молчите! Послушайте. Будьте со мной откровенны; я приказываю вам как тетка. Вы влюблены, я знаю. Она вас любит? Ну!

Курчаев кланяется.

Я уверена, что любит. Не теряйте надежды. Мало ли какие сюрпризы бывают.

К у р ч а е в. Во всяком другом случае я мог бы…

М а м а е в а. А здесь что же?

К у р ч а е в. Софья Игнатьевна заявляет такие требования…

М а м а е в а. Какие?

К у р ч а е в. Я никак не мог ожидать этого. Притом же это несовместно с моей службой.

М а м а е в а. Что несовместно?

К у р ч а е в. Я и воспитанием не приготовлен…

М а м а е в а. Я вас не понимаю.

К у р ч а е в. Софья Игнатьевна ищет для племянницы…

Мамаева. Ну?

К у р ч а е в. Мог ли я этого ожидать? Это так редко бывает…

М а м а е в а. Что, что?

К у р ч а е в. Я никогда и не слыхивал…

М а м а е в а. Да объяснитесь хорошенько.

К у р ч а е в. Она ищет добродетельного человека.

М а м а е в а. Ну так что ж?

К у р ч а е в. Я никаких добродетелей не имею.

М а м а е в а. Как — никаких? Что же, в вас только пороки?

Курчаев. Я и пороков не имею, я просто обыкновенный человек. Это странно искать добродетельного человека. Ну, не будь Глумова, где бы она взяла? Во всей Москве только он один и есть. И чудеса с ним бывают, и видения он видит. Ну, позвольте вас спросить, как же можно этого требовать от всякого?

М а м а е в а. Погодите, погодите! Может быть, это еще и лучше не иметь добродетелей, но не иметь и пороков.

Входит из сада М а ш е н ь к а.

Явление шестое

Мамаева, Курчаев, Машенька, потом Т у р у с и н а, М а м а е в,
Крутицкий.

М а м а е в а. Поздравляю вас! Вы с каждым днем все больше расцветаете. Очень рада вашему счастию.

М а ш е н ь к а. В господине Глумове так много хороших качеств, что мне становится страшно: я не считаю себя достойною такого мужа.

М а м а е в а. Где же и искать добродетелей, как не в вашем доме? Вы можете пользоваться и наставлением, и примером от вашей тетушки.

М а ш е н ь к а. Я ей очень благодарна! Добродетельной быть действительно очень недурно, но из всех добродетелей я могу похвалиться только одной: послушанием.

Входят Т у р у с и н а, М а м а е в и К р у т и ц к и й.

М а м а е в *(Крутицкому)*. В принципе я с вами согласен, но в подробностях нет.

К р у т и ц к и й. Да почему же?

М а м а е в. Зачем непременно трагедия, отчего не комедия?

К р у т и ц к и й. А затем, что комедия изображает низкое, а трагедия высокое, а нам высокое-то и нужно.

М а м а е в. Да, но позвольте! Рассмотрим этот предмет со всех сторон.

Отходят в глубину.

Т у р у с и н а *(Мамаевой)*. У нас теперь принято не верить ничему, это в моде; только и слышишь: зачем вы пускаете к себе Манефу, она обманщица. Вот бы я и пригласила господ неверующих посмотреть, какая она обманщица. Я очень рада за нее, она теперь войдет в моду, получит большую практику. И мне Москва должна быть благодарна, что я нашла такую женщину, я этим много для Москвы сделала.

М а м а е в а. Но где же ваш жених? Я его не вижу.

Т у р у с и н а. Машенька, где Егор Дмитрич?

М а ш е н ь к а. Он в саду с Городулиным.

Т у р у с и н а. По рекомендациям всех моих знакомых и по некоторым другим причинам, я уже ожидала, что встречу примерного молодого человека. Но когда я познакомилась с Егором Дмитричем покороче, тут я увидала, что он превзошел все мои ожидания.

М а м а е в а *(подходя)*. Кто это превзошел все

ожида-нитя́у? р у с и н а. Ваш племянник.

М а м а е в. Я знал, что вы будете меня благодарить за него. Знаю, кому что нужно, знаю. Не стал сватать ему другую невесту, прямо к вам.

Т у р у с и н а. Вам бы грешно было; вы знаете, я сирота.

К р у т и ц к и й. Да, Глумов может далеко пойти.

М а м а е в. Разумеется, с нашею помощью.

Входит Г р и г о р и й.

Т у р у с и н а. И за что мне такое счастие? Разве за мои… *(Григорию.)* Что тебе? Разве за мои добрые дела!

Ч е л о в е к подает конверт.

Что это такое? *(Распечатывает.)* Какая-то газета! Должно быть, не ко мне.

М а м а е в а *(берет конверт).* Нет, к вам. Вот видите, адрес.

Т у р у с и н а. Это, должно быть, ошибка. Кто принес?

Г р и г о р и й. Почтальон-с.

Т у р у с и н а. Где он?

Г р и г о р и й. Он давно ушел-с.

М а м а е в. Дайте-ко сюда. Я вам разберу и объясню. *(Берет конверт и вынимает из него печатный лист.)* Во-первых, газета, да и не газета, а только

один лист из газеты, одна статья.

Т у р у с и н а. Но ведь это не из редакции?

М а м а е в. Нет, кто-нибудь из знакомых прислал.

Т у р у с и н а. Что же такое там?

М а м а е в. А вот сейчас рассмотрим. Статья называется: «Как выходят в люди».

Т у р у с и н а. Это до нас не касается. Бросьте.

М а м а е в. Зачем же? Надо посмотреть. Вот и портрет с подписью: «Муж, каких мало». Ба-ба-ба! Да это Егор Дмитрич!

М а м а е в а. Покажите сюда, это интересно.

Мамаев отдает газету.

Т у р у с и н а. Это какая-нибудь гнусная интрига, у него должно быть много врагов.

Мамаев косо взглядывает на Курчаева.

К у р ч а е в. Вы не меня ли подозреваете? Я в живописи не мастер, только вас и умею рисовать.

М а м а е в *(строго)*. Да-да. Я знаю.

М а м а е в а. Тот, кто писал эту статью, должен очень хорошо знать Егора Дмитрича: тут все малейшие подробности его жизни, если это только не выдумки.

М а м а е в *(вынимает из конверта тетрадь)*. Вот еще что-то.

К р у т и ц к и й. Это его рука, я к ней приглядел-

ся. Его, его! Чем хотите отвечаю.

М а м а е в. Да, это его рука, а вот подпись другой рукой. «В доказательство того, что все в статье справедливо, прилагается сей дневник». Что нам читать — статью или дневник?

К р у т и ц к и й. Лучше уж оригинал.

М а м а е в. Начнем с той страницы, которая заложена закладкой. Тут счет. «Манефе двадцать пять рублей, ей же еще двадцать пять рублей… Дура набитая, а берется предсказывать! Учил, учил, насилу наладил. Ей же послано: бутылка рому. Ей же дано на дому у меня пятнадцать рублей… Очень неприятно, что таким прибыльным ремеслом занимаются глупые люди. Любопытно узнать, что она возьмет с Турусиной? Спросить после! Двум приживалкам Турусиной за гаданье на картах и за рассказыванье снов, в которых они должны видеть каждый день меня, по семи рублей с полтиной и по серебряной табакерке, десять рублей за обе».

Т у р у с и н а *(нюхая спирт)*. Всех прогоню, всех! Злой быть грешно и доброй глупо! Как жить после этого?

М а м а е в а. Не жалуйтесь, не вас одних обманывают.

М а м а е в. «За три анонимных письма к Туру-

синой пятнадцать коп…».

М а ш е н ь к а. Так вот откуда письма-то, ma tante!

Т у р у с и н а. Вижу, мой друг. Извини меня. Я очень дурно сделала, что взяла на себя заботу устроить твою судьбу; я вижу, что это мне и не по уму и не по силам. Располагай собой как хочешь, я тебе мешать не буду.

М а ш е н ь к а *(тихо)*. Мой выбор уж сделан, ma tante.

Т у р у с и н а. И прекрасно. В нем ты не обманешься, потому что он ничего хорошего и не обещает.

Курчаев кланяется.

А этих приживалок я прогоню непременно.

К р у т и ц к и й. И заведете себе других?

Т у р у с и н а. Не знаю.

М а м а е в. Прикажете продолжать?

Т у р у с и н а. Уж теперь продолжайте, все равно.

М а м а е в. «Человеку Мамаева за то, что привез ко мне своего барина обманом, пользуясь его слабостью к отдающимся в наймы квартирам, — этому благодетелю моему три рубля. Чувствую, что мало». Тут дальше разговор со мной, совсем неинтересный. «Первый визит Крутицкому. Му-

за! Воспоем доблестного мужа и его прожекты. Нельзя довольно налюбоваться тобой, маститый старец! Поведай нам, поведай миру, как ты ухитрился, дожив до шестидесятилетнего возраста, сохранить во всей неприкосновенности ум шестилетнего ребенка?»

К р у т и ц к и й. Ну довольно! Это пашквиль… Кому приятно?..

Явление седьмое

Т е ж е и Г о р о д у л и н, потом Г л у м о в.

М а м а е в *(не замечая Городулина)*. Позвольте, тут я вижу несколько слов о Городулине. «Городулин в каком-то глупом споре о рысистых лошадях одним господином назван либералом; он так этому названию обрадовался, что три дня по Москве ездил и всем рассказывал, что он либерал. Так теперь и числится». А ведь похоже!

К р у т и ц к и й. Похоже! Вы про себя-то прочтите, похоже ли написано.

Г о р о д у л и н. Вы находите, что похоже?

М а м а е в. Ах, Иван Иваныч, я вас и не приметил. Посмотрите, как нас тут расписали.

Г о р о д у л и н. Кто же этот современный Ювенал?

М а м а е в. Мой племянник, Глумов.

Т у р у с и н а. Отдайте, Иван Иваныч, эту рукопись автору и попросите его, чтобы он удалился незаметно.

Входит Г л у м о в, Городулин почтительно подает ему дневник.

Г л у м о в *(принимая дневник)*. Зачем же незаметно? Я ни объясняться, ни оправдываться не стану. Я только скажу вам: вы сами скоро пожалеете, что удалили меня из вашего общества.

К р у т и ц к и й. Милостивый государь, наше общество состоит из честных людей.

В с е. Да, да, да.

Г л у м о в *(Крутицкому)*. А вы сами, ваше превосходительство, догадались, что я нечестный человек? Может быть, вы вашим проницательным умом убедились в моей нечестности тогда, как я взялся за отделку вашего трактата? Потому что какой же образованный человек возьмется за такую работу! Или вы увидали мою нечестность тогда, когда я в кабинете у вас раболепно восторгался самыми дикими вашими фразами и холопски унижался перед вами? Нет, вы тогда готовы были расцеловать меня. И не попадись вам этот несчастный дневник, вы долго, долго, всегда считали бы меня честным человеком.

К р у т и ц к и й. Оно конечно, но…

Г л у м о в *(Мамаеву).* Вы, дядюшка, тоже догадались сами, а? Не тогда ли, как вы меня учили льстить Крутицкому?.. Не тогда ли, как вы меня учили ухаживать за вашей женой, чтобы отвлечь ее от других поклонников, а я жеманился да отнекивался, что не умею, что мне совестно? Вы видели, что я притворяюсь, но вам было приятно, потому что я давал вам простор учить меня уму-разуму. Я давно умнее вас, и вы это знаете, а когда я прикинусь дурачком и стану просить у вас разных советов, вы рады-радехоньки и готовы клясться, что я честнейший человек.

М а м а е в. Ну, что нам с тобой считаться: мы свои люди.

Г л у м о в. Вас, Софья Игнатьевна, я точно обманул, и перед вами я виноват, то есть не перед вами, а перед Марьей Ивановной, а вас обмануть не жаль. Вы берете с улицы какую-то полупьяную крестьянку и по ее слову послушно выбираете мужа для своей племянницы. Кого знает ваша Манефа, кого она может назвать! Разумеется, того, кто ей больше денег дает. Хорошо, что еще попался я, Манефа могла бы вам сосватать какого-нибудь беглого, и вы бы отдали, что и бывало.

Т у р у с и н а. Я знаю одно: что на земле правды

нет, и с каждым днем все больше в этом убеждаюсь.

Г л у м о в. Ну, а вы, Иван Иваныч?

Г о р о д у л и н. Я ни слова. Вы прелестнейший мужчина! Вот вам рука моя. И все, что вы говорили про нас, то есть про меня, — про других я не знаю, — правда совершенная.

Г л у м о в. Я вам нужен, господа. Без такого человека, как я, вам нельзя жить. Не я, так другой будет. Будет и хуже меня, и вы будете говорить: эх, этот хуже Глумова, а все-таки славный малый. *(Крутицкому.)* Вы, ваше превосходительство, в обществе человек, что называется, обходительный; но когда в кабинете, с глазу на глаз с вами, молодой человек стоит навытяжку и, униженно поддакивая после каждого слова, говорит «ваше превосходительство», у вас по всем членам разливается блаженство. Действительно честному человеку вы откажете в протекции, а за того поскачете хлопотать сломя голову.

К р у т и ц к и й. Вы слишком злоупотребляете нашею снисходительностию.

Г л у м о в. Извините, ваше превосходительство! *(Мамаеву.)* Вам, дядюшка, я тоже нужен. Даже прислуга ни за какие деньги не соглашается слушать ваших наставлений, а я слушаю даром.

М а м а е в. Довольно! Если ты не понимаешь, мой милый, что тебе здесь оставаться долее неприлично, так я тебе растолкую…

Г л у м о в. Понимаю. И вам, Иван Иваныч, я нужен.

Г о р о д у л и н. Нужен, нужен.

Глумов. И умных фраз позаимствоваться для спича…

Г о р о д у л и н. И умных фраз для спича.

Г л у м о в. И критику вместе написать.

Г о р о д у л и н. И критику вместе написать.

Г л у м о в. И вам, тетушка, нужен.

М а м а е в а. Я и не спорю, я вас и не виню ни в чем.

К р у т и ц к и й *(Мамаеву)*. Я, знаете ли, в нем сразу заметил…

М а м а е в *(Крутицкому)*. И я сразу. В глазах было что-то.

Г л у м о в. Ничего вы не заметили. Вас возмутил мой дневник. Как он попал к вам в руки, я не знаю. На всякого мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что пока я был между вами, в вашем обществе, — я только тогда и был честен, когда писал этот дневник. И всякий честный человек иначе к вам относиться не может. Вы подняли во мне всю желчь. Чем вы обиделись в

моем дневнике? Что вы нашли в нем нового для себя? Вы сами то же постоянно говорите друг про друга, только не в глаза. Если б я сам прочел вам, каждому отдельно, то, что про других писано, вы бы мне аплодировали. Если кто имеет право обижаться, сердиться, выходить из себя, беситься, так это я. Не знаю кто, но кто-нибудь из вас, честных людей, украл мой дневник. Вы у меня разбили всё: отняли деньги, отняли репутацию. Вы гоните меня и думаете, что это все, — тем дело и кончится. Вы думаете, что я вам прощу. Нет, господа, горько вам достанется. Прощайте. *(Уходит.)*

Молчание.

К р у т и ц к и й. А ведь он все-таки, господа, что ни говори, деловой человек. Наказать его надо; но, я полагаю, через несколько времени можно его опять приласкать.

Г о р о д у л и н. Непременно.

М а м а е в. Я согласен.

М а м а е в а. Уж это я возьму на себя.

Бесприданница
Драма в четырех действиях

Действие первое

ЛИЦА

ХАРИТА ИГНАТЬЕВНА ОГУДАЛОВА, вдова средних лет; одета изящно, но смело и не по летам.

ЛАРИСА ДМИТРИЕВНА,
ее дочь, девица; одета богато, но скромно.

МОКИЙ ПАРМЕНЫЧ КНУРОВ,
из крупных дельцов последнего времени,
пожилой человек, с громадным состоянием.

ВАСИЛИЙ ДАНИЛЫЧ ВОЖЕВАТОВ, очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы; по костюму европеец.

ЮЛИЙ КАПИТОНЫЧ КАРАНДЫШЕВ,
молодой человек, небогатый чиновник.

СЕРГЕЙ СЕРГЕИЧ ПАРАТОВ,
блестящий барин, из судохозяев, лет за 30.

РОБИНЗОН.

ГАВРИЛО, клубный буфетчик и содержатель кофейной на бульваре.

ИВАН,
слуга в кофейной.

Действие происходит в настоящее время, в большом городе
Бряхимове на Волге.

Городской бульвар на высоком берегу Волги, с площадкой перед кофейной; направо от актеров вход в кофейную, налево — деревья; в глубине низкая чугунная решетка, за ней вид на Волгу, на большое пространство: леса, сёла и проч.; на площадке столы и стулья: один стол на правой стороне, подле кофейной, другой — на левой.

Явление первое

Гаврило стоит в дверях кофейной. И в а н приводит в порядок
мебель на площадке.

И в а н. Никого народу-то нет на бульваре.

Г а в р и л о. По праздникам всегда так. По старине живем: от поздней обедни все к пирогу да ко щам, а потом, после хлеба-соли, семь часов отдых.

И в а н. Уж и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведение.

Г а в р и л о. А вот около вечерен проснутся, попьют чайку до третьей тоски…

И в а н. До тоски! Об чем тосковать-то?

Г а в р и л о. Посиди за самоваром поплотнее, поглотай часа два кипятку, так узнаешь. После шестого пота она, первая-то тоска, подступает…

Расстанутся с чаем и выползут на бульвар раздышаться да разгуляться. Теперь чистая публика гуляет: вон Мокий Парменыч Кнуров проминает себя.

И в а н. Он каждое утро бульвар-то меряет взад и вперед, точно по обещанию. И для чего это он так себя утруждает?

Г а в р и л о. Для моциону.

И в а н. А моцион-то для чего?

Г а в р и л о. Для аппетиту. А аппетит нужен ему для обеду. Какие обеды-то у него! Разве без моциону такой обед съешь?

И в а н. Отчего это он все молчит?

Г а в р и л о. «Молчит»! Чудак ты. Как же ты хочешь, чтобы он разговаривал, коли у него миллионы! С кем ему разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он разговаривает, а больше не с кем; ну, он и молчит. Он и живет здесь не подолгу от этого от самого; да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург да за границу, там ему просторнее.

И в а н. А вот Василий Данилыч из-под горы идет. Вот тоже богатый человек, а разговорчив.

Г а в р и л о. Василий Данилыч еще молод; малодушеством занимается; еще мало себя понимает; а в лета войдет, такой же идол будет. Слева выхо-

дит Кнуров и, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает. Справа входит В о ж е в а т о в.

Явление второе

Кнуров, Вожеватов, Гаврило и Иван.

В о ж е в а т о в *(почтительно кланяясь)*. Мокий Парменыч, честь имею кланяться!

К н у р о в. А! Василий Данилыч! *(Подает руку.)* Откуда?

В о ж е в а т о в. С пристани. *(Садится.)*

Гаврило подходит ближе.

К н у р о в. Встречали кого-нибудь?

В о ж е в а т о в. Встречал, да не встретил. Я вчера от Сергея Сергеича Паратова телеграмму получил. Я у него пароход покупаю.

Г а в р и л о. Не «Ласточку» ли, Василий Данилыч?

В о ж е в а т о в. Да, «Ласточку». А что?

Г а в р и л о. Резво бегает, сильный пароход.

В о ж е в а т о в. Да вот обманул Сергей Сергеич, не приехал.

Г а в р и л о. Вы их с «Самолетом» ждали, а они, может, на своем приедут, на «Ласточке».

И в а н. Василий Данилыч, да вон еще пароход бежит сверху.

В о ж е в а т о в. Мало ль их по Волге бегает.

И в а н. Это Сергей Сергеич едут.

Вожеватов. Ты думаешь?

И в а н. Да похоже, что они-с… Кожухи-то на «Ласточке» больно приметны.

В о ж е в а т о в. Разберешь ты кожухи за семь верст!

И в а н. За десять разобрать можно-с… Да и ходко идет, сейчас видно, что с хозяином.

В о ж е в а т о в. А далеко?

И в а н. Из-за острова вышел. Так и выстилает, так и выстилает.

Г а в р и л о. Ты говоришь, выстилает?

И в а н. Выстилает. Страсть! Шибче «Самолета» бежит, так и меряет.

Г а в р и л о. Они едут-с.

В о ж е в а т о в *(Ивану)*. Так ты скажи, как приставать станут.

И в а н. Слушаю-с… Чай, из пушки выпалят.

Г а в р и л о. Беспременно.

В о ж е в а т о в. Из какой пушки?

Г а в р и л о. У них тут свои баржи серёд Волги на якоре.

В о ж е в а т о в. Знаю.

Г а в р и л о. Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, всегда палят. *(Взглянув в сторону за кофейную.)* Вон и коляска за ними едет, извозчицкая, Чиркова-с! Видно, дали знать Чиркову, что приедут. Сам хозяин, Чирков, на козлах. Это за ними-с.

В о ж е в а т о в. Да почем ты знаешь, что за ними?

Г а в р и л о. Четыре иноходца в ряд, помилуйте, за ними. Для кого же Чирков такую четверню сберет! Ведь это ужасти смотреть… как львы… все четыре на трензелях! А сбруя-то, сбруя-то! За ними-с.

И в а н. И цыган с Чирковым на козлах сидит, в парадном казакине, ремнем перетянут так, что, того и гляди, переломится.

Г а в р и л о. Это за ними-с. Некому больше на такой четверке ездить. Они-с.

К н у р о в. С шиком живет Паратов.

В о ж е в а т о в. Уж чего другого, а шику довольно.

К н у р о в. Дешево пароход-то покупаете?

В о ж е в а т о в. Дешево, Мокий Парменыч.

К н у р о в. Да, разумеется; а то что за расчет покупать. Зачем он продает?

В о ж е в а т о в. Знать, выгоды не находит.

К н у р о в. Конечно, где ж ему! Не барское это дело. Вот вы выгоду найдете, особенно коли дешево-то купите.

В о ж е в а т о в. Нам кстати: у нас на низу грузу мно-го.

К н у р о в. Не деньги ль понадобились? Он ведь мотоват.

В о ж е в а т о в. Его дела. Деньги у нас готовы.

К н у р о в. Да, с деньгами можно дела делать, можно. *(С улыбкой.)* Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много.

В о ж е в а т о в. Дурное ли дело! Вы сами, Мокий Парменыч, это лучше всякого знаете.

К н у р о в. Знаю, Василий Данилыч, знаю.

В о ж е в а т о в. Не выпить ли холодненького, Мокий Парменыч?

К н у р о в. Что вы, утром-то! Я еще не завтракал.

В о ж е в а т о в. Ничего-с. Мне один англичанин — он директор на фабрике — говорил, что от насморка хорошо шампанское натощак пить. А я вчера простудился немного.

К н у р о в. Каким образом? Такое тепло стоит.

В о ж е в а т о в. Да все им же и простудился: холодно очень подали.

К н у р о в. Нет, что хорошего; люди посмотрят, скажут: ни свет ни заря шампанское пьют.

В о ж е в а т о в. А чтоб люди чего дурного не сказали, так мы станем чай пить.

К н у р о в. Ну, чай — другое дело.

В о ж е в а т о в *(Гавриле).* Гаврило, дай-ка нам чайку *моего*, понимаешь?.. *Моего*!

Г а в р и л о. Слушаю-с. *(Уходит.)*

К н у р о в. Вы разве особенный какой пьете?

В о ж е в а т о в. Да все то же шампанское, только в чайники он разольет и стаканы с блюдечками подаст.

К н у р о в. Остроумно.

В о ж е в а т о в. Нужда всему научит, Мокий Парменыч.

К н у р о в. Едете в Париж-то на выставку?

В о ж е в а т о в. Вот куплю пароход да отправлю его вниз за грузом и поеду.

К н у р о в. И я на днях, уж меня ждут.

Г а в р и л о приносит на подносе два чайника с шампанским и

два стакана.

В о ж е в а т о в *(наливая).* Слышали новость, Мокий Парменыч? Лариса Дмитриевна замуж выходит.

К н у р о в. Как замуж? Что вы! За кого?

В о ж е в а т о в. За Карандышева.

К н у р о в. Что за вздор такой! Вот фантазия!

Ну что такое Карандышев! Не пара ведь он ей, Василий Данилыч.

В о ж е в а т о в. Какая уж пара! Да что ж делать-то, где взять женихов-то? Ведь она бесприданница.

К н у р о в. Бесприданницы-то и находят женихов хороших.

В о ж е в а т о в. Не то время. Прежде женихов-то много было, так и на бесприданниц хватало; а теперь женихов в самый обрез: сколько приданых, столько и женихов, лишних нет — бесприданницам-то и недостает. Разве бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были?

К н у р о в. Бойкая женщина.

В о ж е в а т о в. Она, должно быть, не русская.

К н у р о в. Отчего?

В о ж е в а т о в. Уж очень проворна.

К н у р о в. Как это она оплошала? Огудаловы все-таки фамилия порядочная; и вдруг за какого-то Карандышева!.. Да с ее-то ловкостью… всегда полон дом холостых!..

В о ж е в а т о в. Ездить-то к ней все ездят, потому что весело очень: барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное, оно и тянет. Ну, а жениться-то надо подумавши.

К н у р о в. Ведь выдала же она двух.

В о ж е в а т о в. Выдать-то выдала, да надо их спросить, сладко ли им жить-то. Старшую увез какой-то горец, кавказский князек. Вот потехато была! Как увидал, затрясся, заплакал даже — так две недели и стоял подле нее, за кинжал держался да глазами сверкал, чтоб не подходил никто. Женился и уехал, да, говорят, не довез до Кавказа-то: зарезал на дороге от ревности. Другая тоже за какого-то иностранца вышла, а он после оказался совсем не иностранец, а шулер.

К н у р о в. Огудалова разочла не глупо: состояние небольшое, давать приданое не из чего, так она живет открыто, всех принимает.

В о ж е в а т о в. Любит и сама пожить весело. А средства у нее так невелики, что даже и на такую жизнь недостает…

К н у р о в. Где ж она берет?

В о ж е в а т о в. Женихи платятся. Как кому понравилась дочка, тот и раскошеливайся. Потом на приданое возьмет с жениха, а приданого не спрашивай.

К н у р о в. Ну, я думаю, не одни женихи платятся, а и вам, например, частое посещение этого семейства недешево обходится.

В о ж е в а т о в. Не разорюсь, Мокий Парменыч.

Что ж делать! За удовольствия платить надо, они даром не даются, а бывать у них в доме — большое удовольствие.

К н у р о в. Действительно удовольствие — это вы правду говорите.

В о ж е в а т о в. А сами почти никогда не бываете.

К н у р о в. Да неловко; много у них всякого сброду бывает; потом встречаются, кланяются, разговаривать лезут. Вот, например, Карандышев, — ну что за знакомство для меня!

В о ж е в а т о в. Да, у них в доме на базар похоже.

К н у р о в. Ну что хорошего! Тот лезет к Ларисе Дмитриевне с комплиментами, другой с нежностями, так и жужжат, не дают с ней слова сказать. Приятно с ней одной почаще видеться, без помехи.

В о ж е в а т о в. Жениться надо.

К н у р о в. Жениться! Не всякому можно, да не всякий и захочет; вот я, например, женатый.

В о ж е в а т о в. Так уж нечего делать. Хорош виноград, да зелен, Мокий Парменыч.

К н у р о в. Вы думаете?

В о ж е в а т о в. Видимое дело. Не таких правил люди: мало ли случаев-то было, да вот не

польстились: хоть за Карандышева, да замуж.

К н у р о в. А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку.

В о ж е в а т о в. Да, не скучно будет, прогулка приятная. Какие у вас планы-то, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Да и у вас этих планов-то не было ли тоже?

В о ж е в а т о в. Где мне! Я простоват на такие дела. Смелости у меня с женщинами нет: воспитание, знаете, такое, уж очень нравственное, патриархальное получил.

К н у р о в. Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость — великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле «Ласточки» обошлось бы?

В о ж е в а т о в. Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я очень молод, а не зарвусь, лишнего не передам.

К н у р о в. Не ручайтесь! Долго ли в ваши лета влюбиться; а уж тогда какие расчеты!

В о ж е в а т о в. Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

К н у р о в. Чего?

В о ж е в а т о в. А вот что любовью-то назы-

вают.

К н у р о в. Похвально, хорошим купцом будете. А все-таки вы к ней гораздо ближе, чем другие.

В о ж е в а т о в. Да в чем моя близость? Лишний стаканчик шампанского потихоньку от матери иногда налью, песенку выучу, романы вожу, которых девушкам читать не дают.

К н у р о в. Развращаете, значит, понемножку.

В о ж е в а т о в. Да мне что! Я ведь насильно не навязываю. Что ж мне об ее нравственности заботиться: я ей не опекун.

К н у р о в. Я все удивляюсь: неужели у Ларисы Дмитриевны, кроме Карандышева, совсем женихов не было?

В о ж е в а т о в. Были, да ведь она простовата.

К н у р о в. Как простовата? То есть глупа?

В о ж е в а т о в. Не глупа, а хитрости нет, не в матушку. У той все хитрость да лесть, а эта вдруг, ни с того ни с сего, и скажет, что не надо.

К н у р о в. То есть правду?

В о ж е в а т о в. Да, правду; а бесприданницам так нельзя. К кому расположена, нисколько этого не скрывает. Вот Сергей Сергеич Паратов в прошлом году появился, наглядеться на него не могла; а он месяца два поездил, женихов всех отбил, да и след его простыл, исчез неизвестно

куда.

К н у р о в. Что с ним сделалось?

В о ж е в а т о в. Кто его знает; ведь он мудреный какой-то. А уж как она его любила, чуть не умерла с горя. Какая чувствительная! *(Смеется.)* Бросилась за ним догонять, уж мать со второй станции воротила.

К н у р о в. А после Паратова были женихи?

В о ж е в а т о в. Набегали двое: старик какой-то с подагрой да разбогатевший управляющий какого-то князя, вечно пьяный. Уж Ларисе и не до них, а любезничать надо было: маменька приказывает.

К н у р о в. Однако положение ее незавидное.

В о ж е в а т о в. Да, смешно даже. У ней иногда слезинки на глазах, видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться велит. Потом вдруг появился этот кассир… Вот бросал деньги-то, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Отбил всех, да недолго покуражился: у них в доме его и арестовали. Скандалище здоровый! *(Смеется.)* С месяц Огудаловым никуда глаз показать было нельзя. Тут уж Лариса наотрез матери объявила: «Довольно, говорит, с нас сраму-то: за первого пойду, кто посватается, богат ли, беден ли — разбирать не буду». А Карандышев и тут как тут с

предложением.

К н у р о в. Откуда взялся этот Карандышев?

В о ж е в а т о в. Он давно у них в доме вертится, года три. Гнать не гнали, а и почету большого не было. Когда перемежка случалась, никого из богатых женихов в виду не было, так и его придерживали, слегка приглашивали, чтоб не совсем пусто было в доме. А как, бывало, набежит какой-нибудь богатенький, так просто жалость было смотреть на Карандышева: и не говорят с ним, и не смотрят на него. А он-то, в углу сидя, разные роли разыгрывает, дикие взгляды бросает, отчаянным прикидывается. Раз застрелиться хотел, да не вышло ничего, только насмешил всех. А то вот потеха-то: был у них как-то, еще при Паратове, костюмированный вечер; так Карандышев оделся разбойником, взял в руки топор и бросал на всех зверские взгляды, особенно на Сергея Сергеича.

К н у р о в. И что же?

В о ж е в а т о в. Топор отняли и переодеться велели; а то, мол, пошел вон!

К н у р о в. Значит, он за постоянство награжден. Рад, я думаю.

В о ж е в а т о в. Еще как рад-то, сияет, как апельсин. Что смеху-то! Ведь он у нас чудак. Ему бы

жениться поскорей да уехать в свое именьишко, пока разговоры утихнут, — так и Огудаловым хотелось, — а он таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, голову так высоко поднял, что, того и гляди, наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надел зачем-то, а никогда их не носил. Кланяется — едва кивает; тон какой взял: прежде и не слыхать его было, а теперь все «я да я, я хочу, я желаю».

К н у р о в. Как мужик русский: мало радости, что пьян, надо поломаться, чтоб все видели; поломается, поколотят его раза два, ну, он и доволен, и идет спать.

Вожеватов. Да, кажется, и Карандышеву не миновать.

К н у р о в. Бедная девушка! как она страдает, на него глядя, я думаю.

В о ж е в а т о в. Квартиру свою вздумал отделывать — вот чудит-то. В кабинете ковер грошовый на стену прибил, кинжалов, пистолетов тульских навешал. Уж диви бы охотник, а то и ружья-то никогда в руки не брал. Тащит к себе, показывает; надо хвалить, а то обидишь: человек самолюбивый, завистливый. Лошадь из деревни выписал, клячу какую-то разношерстную, кучер маленький, а кафтан на нем с большого. И возит на этом

верблюде-то Ларису Дмитриевну; сидит так гордо, будто на тысячных рысаках едет. С бульвара выходит, так кричит городовому: «Прикажи подавать мой экипаж!» Ну, и подъезжает этот экипаж с музыкой: все винты, все гайки дребезжат на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, как живые.

К н у р о в. Жаль бедную Ларису Дмитриевну! Жаль.

В о ж е в а т о в. Что это вы очень жалостливы стали?

К н у р о в. Да разве вы не видите, что эта женщина создана для роскоши? Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует.

В о ж е в а т о в. И хорошего ювелира.

К н у р о в. Совершенную правду вы сказали. Ювелир — не простой мастеровой: он должен быть художником. В нищенской обстановке, да еще за дураком мужем, она или погибнет, или опошлится.

В о ж е в а т о в. А я так думаю, что бросит она его скорехонько. Теперь еще она как убитая; а вот оправится да поглядит на мужа попристальнее, каков он… *(Тихо.)* Вот они, легки на помине-то.

Входят К а р а н д ы ш е в, О г у д а л о в а, Л а р и с а. Вожеватов

встает и кланяется. Кнуров вынимает газету.

Явление третье

Кнуров, Вожеватов, Карандышев, Огудалова; Лариса в глубине садится на скамейку у решетки и смотрит в бинокль на Волгу;

Гаврило и Иван.

О г у д а л о в а *(подходя к столу)*. Здравствуйте, господа!

Карандышев подходит за ней. Вожеватов подает руку Огудаловой и Карандышеву. Кнуров, молча и не вставая с места, подает руку

Огудаловой, слегка кивает Карандышеву и погружается в чтение

газеты.

В о ж е в а т о в. Харита Игнатьевна, присядьте, милости просим! *(Подвигает стул.)*

Огудалова садится.

Чайку не прикажете ли?

Карандышев садится поодаль.

О г у д а л о в а. Пожалуй, чашку выпью.

В о ж е в а т о в. Иван, подай чашку да прибавь кипя-точку!

И в а н берет чайник и уходит.

К а р а н д ы ш е в. Что за странная фантазия пить чай в это время? Удивляюсь.

Вожеватов. Жажда, Юлий Капитоныч, а что пить — не знаю. Посоветуйте — буду очень благодарен.

Карандышев *(смотрит на часы)*. Теперь — полдень, можно выпить рюмочку водки, съесть котлетку, выпить стаканчик вина хорошего. Я всегда так завтракаю.

В о ж е в а т о в *(Огудаловой)*. Вот жизнь-то, Харита Игнатьевна, позавидуешь! *(Карандышеву.)* Пожил бы, кажется, хоть денек на вашем месте. Водочки да винца! Нам так нельзя-с: пожалуй, разум потеряешь. Вам можно все: вы капиталу не проживете, потому его нет, а уж мы такие горькие зародились на свете, у нас дела очень велики; так нам разума-то терять и нельзя.

И в а н подает чайник и чашки.

Пожалуйте, Харита Игнатьевна! *(Наливает и подает чашку.)* Я и чай-то холодный пью, чтобы люди не сказали, что я горячие напитки употребляю.

О г у д а л о в а. Чай-то холодный, только, Вася, ты мне крепко налил.

В о ж е в а т о в. Ничего-с. Выкушайте, сделайте одолжение! На воздухе не вредно.

К а р а н д ы ш е в *(Ивану)*. Приходи ко мне сегодня служить за обедом!

И в а н. Слушаю-с, Юлий Капитоныч.

К а р а н д ы ш е в. Ты, братец, почище оденься!

И в а н. Известное дело — фрак; нешто не понимаем-с!

К а р а н д ы ш е в. Василий Данилыч, вот что: приезжайте-ка вы ко мне обедать сегодня!

В о ж е в а т о в. Покорно благодарю. Мне тоже во фраке прикажете?

К а р а н д ы ш е в. Как вам угодно: не стесняйтесь. Однако дамы будут.

В о ж е в а т о в *(кланяясь).* Слушаю-с. Надеюсь не уронить себя.

К а р а н д ы ш е в *(подходит к Кнурову).* Мокий Парменыч, не угодно ли вам будет сегодня отобедать у ме-$_{\text{ня}}$К? н у р о в *(с удивлением оглядывает его).* У вас?!

О г у д а л о в а. Мокий Парменыч, это все равно, что у нас, — этот обед для Ларисы. $_{\text{ед}}$К$_{\text{у.}}$н у р о в. Да, так это вы приглашаете? Хорошо, я при-

К а р а н д ы ш е в. Так уж я буду надеяться.

К н у р о в. Уж я сказал, что приеду. *(Читает газету.)*

О г у д а л о в а. Юлий Капитоныч — мой будущий зять: я выдаю за него Ларису.

К н у р о в *(продолжая читать).* Это ваше дело.

К а р а н д ы ш е в. Да-с, Мокий Парменыч, я риск-

нул. Я и вообще всегда был выше предрассудков.

Кнуров закрывается газетой.

В о ж е в а т о в *(Огудаловой).* Мокий Парменыч строг.

К а р а н д ы ш е в *(отходя от Кнурова к Вожеватову).* Я желаю, чтоб Ларису Дмитриевну окружали только избранные люди.

В о ж е в а т о в. Значит, и я к избранному обществу принадлежу? Благодарю, не ожидал. *(Гавриле.)* Гаврило, сколько с меня за чай?

Г а в р и л о. Две порции изволили спрашивать?

В о ж е в а т о в. Да, две порции.

Г а в р и л о. Так уж сами знаете, Василий Данилыч, не в первый раз… Тринадцать рублей-с.

В о ж е в а т о в. То-то, я думал, что подешевле стало.

Г а в р и л о. С чего дешевле-то быть! Курсы, пошлина, помилуйте!

В о ж е в а т о в. Да ведь я не спорю с тобой: что ты пристаешь! Получай деньги и отстань! *(Отдает деньги.)*

К а р а н д ы ш е в. За что же так дорого? Я не понимаю.

Г а в р и л о. Кому дорого, а кому нет. Вы такого чаю не кушаете.

О г у д а л о в а *(Карандышеву)*. Перестаньте вы, не мешайтесь не в свое дело!

И в а н. Василий Данилыч, «Ласточка» подходит.

В о ж е в а т о в. Мокий Парменыч, «Ласточка» подходит; не угодно ли взглянуть? Мы вниз не пойдем, с горы посмотрим.

К н у р о в. Пойдемте. Любопытно. *(Встает.)*

О г у д а л о в а. Вася, я доеду на твоей лошади?

В о ж е в а т о в. Поезжайте, только пришлите поскорей! *(Подходит к Ларисе и говорит с ней тихо.)*

О г у д а л о в а *(подходит к Кнурову)*. Мокий Парменыч, затеяли мы свадьбу, так не поверите, сколько хлопот.

Кнуров. Да.

О г у д а л о в а. И вдруг такие расходы, которых никак нельзя было ожидать… Вот завтра рожденье Ларисы, хотелось бы что-нибудь подарить.

К н у р о в. Хорошо; я к вам заеду.

О г у д а л о в а уходит.

Л а р и с а *(Вожеватову)*. До свиданья, Вася!

В о ж е в а т о в и К н у р о в уходят. Лариса подходит

к Карандышеву.

Явление четвертое

Карандышев и Лариса.

Л а р и с а. Я сейчас все за Волгу смотрела: как там хорошо, на той стороне! Поедемте поскорей в деревню!

К а р а н д ы ш е в. Вы за Волгу смотрели? А что с вами Вожеватов говорил?

Л а р и с а. Ничего, так, — пустяки какие-то. Меня так и манит за Волгу, в лес... *(Задумчиво.)* Уедемте, уедемте отсюда!

К а р а н д ы ш е в. Однако это странно! Об чем он мог с вами разговаривать?

Л а р и с а. Ах, да об чем бы он ни говорил, — что вам за дело!

К а р а н д ы ш е в. Называете его Васей. Что за фамилиарность с молодым человеком!

Л а р и с а. Мы с малолетства знакомы; еще маленькие играли вместе — ну, я и привыкла.

К а р а н д ы ш е в. Вам надо старые привычки бросить. Что за короткость с пустым, глупым мальчиком! Нельзя же терпеть того, что у вас до сих пор было.

Л а р и с а *(обидясь)*. У нас ничего дурного не было.

К а р а н д ы ш е в. Был цыганский табор-с — вот что было.

Лариса утирает слезы.

Чем же вы обиделись, помилуйте!

Л а р и с а. Что ж, может быть, и цыганский табор; только в нем было, по крайней мере, весело. Сумеете ли вы дать мне что-нибудь лучше этого табора?

К а р а н д ы ш е в. Уж конечно.

Л а р и с а. Зачем вы постоянно попрекаете меня этим табором? Разве мне самой такая жизнь нравилась? Мне было приказано, так нужно было маменьке; значит, волей или неволей, я должна была вести такую жизнь. Колоть беспрестанно мне глаза цыганской жизнью или глупо, или безжалостно. Если бы я не искала тишины, уединения, не захотела бежать от людей — разве бы я пошла за вас? Так умейте это понять и не приписывайте моего выбора своим достоинствам, я их еще не вижу. Я еще только хочу полюбить вас; меня манит скромная семейная жизнь, она мне кажется каким-то раем. Вы видите, я стою на распутье; поддержите меня, мне нужно ободрение, сочувствие; отнеситесь ко мне нежно, с лаской! Ловите эти минуты, не пропустите их!

К а р а н д ы ш е в. Лариса Дмитриевна, я совсем

не хотел вас обидеть, это я сказал так…

Л а р и с а. Что значит «так»? То есть не подумавши? Вы не понимали, что в ваших словах обида, так, что ли?

К а р а н д ы ш е в. Конечно, я без умыслу.

Л а р и с а. Так это еще хуже. Надо думать, о чем говоришь. Болтайте с другими, если вам нравится, а со мной говорите осторожнее! Разве вы не видите, что положение мое очень серьезно? Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сделалась очень чутка и впечатлительна.

К а р а н д ы ш е в. В таком случае я прошу извинить меня.

Л а р и с а. Да Бог с вами, только вперед будьте осторожны! *(Задумчиво.)* Цыганский табор… Да, это, пожалуй, правда… но в этом таборе были и хорошие, и благородные люди.

К а р а н д ы ш е в. Кто же эти благородные люди? Уж не Сергей ли Сергеич Паратов?

Л а р и с а. Нет, я прошу вас, вы не говорите о нем!

К а р а н д ы ш е в. Да почему же-с?

Л а р и с а. Вы его не знаете, да хоть бы и знали, так… извините, не вам о нем судить.

К а р а н д ы ш е в. Об людях судят по поступкам.

Разве он хорошо поступил с вами?

Л а р и с а. Это уж мое дело. Если я боюсь и не смею осуждать его, так не позволю и вам.

К а р а н д ы ш е в. Лариса Дмитриевна, скажите мне, только, прошу вас, говорите откровенно!

Л а р и с а. Что вам угодно?

К а р а н д ы ш е в. Ну чем я хуже Паратова?

Л а р и с а. Ах, нет, оставьте!

К а р а н д ы ш е в. Позвольте, отчего же?

Л а р и с а. Не надо! не надо! Что за сравнения!

К а р а н д ы ш е в. А мне бы интересно было слышать от вас.

Л а р и с а. Не спрашивайте, не нужно!

К а р а н д ы ш е в. Да почему же?

Л а р и с а. Потому что сравнение не будет в вашу пользу. Сами по себе вы что-нибудь значите, вы хороший, честный человек; но от сравнения с Сергеем Сергеичем вы теряете все.

К а р а н д ы ш е в. Ведь это только слова: нужны доказательства. Вы разберите нас хорошенько!

Л а р и с а. С кем вы равняетесь! Возможно ли такое ослепление! Сергей Сергеич… это идеал мужчины. Вы понимаете, что такое идеал? Быть может, я ошибаюсь, я еще молода, не знаю людей; но это мнение изменить во мне нельзя: оно умрет со мной.

К а р а н д ы ш е в. Не понимаю-с, не понимаю, что в нем особенного; ничего, ничего не вижу. Смелость какая-то, дерзость… Да это всякий может, если захочет.

Л а р и с а. Да вы знаете, какая это смелость?

К а р а н д ы ш е в. Да какая ж такая, что тут необыкновенного? Стоит только напустить на себя.

Л а р и с а. А вот какая, я вам расскажу один случай. Проезжал здесь один кавказский офицер, знакомый Сергея Сергеича, отличный стрелок; были они у нас, Сергей Сергеич и говорит: «Я слышал, вы хорошо стреляете». — «Да, недурно», — говорит офицер. Сергей Сергеич дает ему пистолет, ставит себе стакан на голову и отходит в другую комнату, шагов на двенадцать. «Стреляйте», — говорит.

К а р а н д ы ш е в. И он стрелял?

Л а р и с а. Стрелял и, разумеется, сшиб стакан, но только побледнел немного. Сергей Сергеич говорит: «Вы прекрасно стреляете, но вы побледнели, стреляя в мужчину и человека вам не близкого. Смотрите, я буду стрелять в девушку, которая для меня дороже всего на свете, и не побледнею». Дает мне держать какую-то монету, равнодушно, с улыбкой, стреляет на таком же

расстоянии и выбивает ее.

К а р а н д ы ш е в. И вы послушали его?

Л а р и с а. Да разве можно его не послушать?

К а р а н д ы ш е в. Разве уж вы были так уверены в нем?

Л а р и с а. Что вы! Да разве можно быть в нем неуверенной?

К а р а н д ы ш е в. Сердца нет, оттого он так и смел.

Л а р и с а. Нет, и сердце есть. Я сама видела, как он помогал бедным, как отдавал все деньги, которые были с ним.

К а р а н д ы ш е в. Ну, положим, Паратов имеет какие-нибудь достоинства, по крайней мере, в глазах ваших; а что такое этот купчик Вожеватов, этот ваш Вася?

Л а р и с а. Вы не ревновать ли? Нет, уж вы эти глупости оставьте! Это пошло, я не переношу этого, я вам заранее говорю. Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого.

К а р а н д ы ш е в. А если б явился Паратов?

Л а р и с а. Разумеется, если б явился Сергей Сергеич и был свободен, так довольно одного его взгляда… Успокойтесь, он не явится, а теперь хоть и явится, так уж поздно… Вероятно, мы никогда и не увидимся более.

На Волге пушечный выстрел.

Что это?

К а р а н д ы ш е в. Какой-нибудь купец-самодур слезает с своей баржи, так в честь его салютуют.

Л а р и с а. Ах, как я испугалась!

К а р а н д ы ш е в. Чего, помилуйте?

Л а р и с а. У меня нервы расстроены. Я сейчас с этой скамейки вниз смотрела, и у меня закружилась голова. Тут можно очень ушибиться?

К а р а н д ы ш е в. Ушибиться! Тут верная смерть: внизу мощено камнем. Да, впрочем, тут так высоко, что умрешь прежде, чем долетишь до земли.

Л а р и с а. Пойдемте домой, пора!

К а р а н д ы ш е в. Да и мне нужно, у меня ведь обед.

Л а р и с а *(подойдя к решетке)*. Подождите немного. *(Смотрит вниз.)* Ай, ай! держите меня!

К а р а н д ы ш е в *(берет Ларису за руку)*. Пойдемте, что за ребячество!

Уходят. Г а в р и л о и И в а н выходят из кофейной.

Явление пятое

Гаврило и Иван.

И в а н. Пушка! Барин приехал, барин приехал, Сергей Сергеич.

Г а в р и л о. Я говорил, что он. Уж я знаю: видно сокола по полету.

И в а н. Коляска пустая в гору едет, значит, господа пешком идут. Да вон они! *(Убегает в кофейную.)*

Г а в р и л о. Милости просим. Чем только их попотчевать-то, не сообразишь.

Входит П а р а т о в (черный однобортный сюртук в обтяжку, высокие лаковые сапоги, белая фуражка, через плечо дорожная сумка), Р о б и н з о н (в плаще, правая пола закинута на левое плечо, мягкая высокая шляпа надета набок), К н у р о в, В о ж е в а т о в;

И в а н выбегает из кофейной с веничком и бросается обметать

Паратова.

Явление шестое

Паратов, Робинзон, Кнуров, Вожеватов, Гаврило и Иван.

П а р а т о в *(Ивану).* Да что ты! Я с воды, на Волге-то не пыльно.

И в а н. Все-таки, сударь, нельзя же… порядок требует. Целый год вас не видали, да чтобы… с приездом, сударь.

П а р а т о в. Ну, хорошо, спасибо! На! *(Дает рублевую бумажку.)*

И в а н. Покорнейше благодарим-с. *(Отходит.)*

П а р а т о в. Так вы меня, Василий Данилыч, с «Самолетом» ждали?

В о ж е в а т о в. Да ведь я не знал, что вы на своей «Ласточке» прилетите; я думал, что она с баржами идет.

П а р а т о в. Нет, я баржи продал. Я думал нынче рано утром приехать, мне хотелось обогнать «Самолет»; да трус машинист. Кричу кочегарам: «Шуруй!», а он у них дрова отнимает. Вылез из своей мурьи: «Если вы, говорит, хоть полено еще подкинете, я за борт выброшусь». Боялся, что котел не выдержит, цифры мне какие-то на бумажке выводил, давление рассчитывал.

Иностранец, голландец он, душа коротка; у них арифметика вместо души-то. А я, господа, и позабыл познакомить вас с моим другом. Мокий Парменыч, Василий Данилыч! Рекомендую: Робинзон.

Робинзон важно раскланивается и подает руку Кнурову

и Вожеватову.

В о ж е в а т о в. А как их по имени и отчеству?

П а р а т о в. Так, просто Робинзон, без имени и отчества.

Р о б и н з о н *(Паратову).* Серж!

П а р а т о в. Что тебе?

Р о б и н з о н. Полдень, мой друг, я стражду.

П а р а т о в. А вот погоди, в гостиницу приедем.

Р о б и н з о н (показывая на кофейную). Voilà![1]

П а р а т о в. Ну, ступай, черт с тобой!

Робинзон идет в кофейную.

[1]Вот! *(фр.)*

Гаврило, ты этому барину больше одной рюмки не давай: он характера непокойного.

Р о б и н з о н *(пожимая плечами).* Серж! *(Уходит в кофейную, Гаврило за ним.)*

П а р а т о в. Это, господа, провинциальный актер, Счастливцев Аркадий.

В о ж е в а т о в. Почему же он Робинзон?

П а р а т о в. А вот почему: ехал он на каком-то пароходе, уж не знаю, с другом своим, с купеческим сыном Непутевым; разумеется, оба пьяные до последней возможности. Творили они, что только им в голову придет, публика все терпела. Наконец, в довершение безобразия, придумали драматическое представление: разделись, разрезали подушку, вывалялись в пуху и начали изображать диких; тут уж капитан, по требованию пассажиров, и высадил их на пустой остров. Бежим мы мимо этого острова, гляжу, кто-то взывает, поднявши руки кверху. Я сейчас «стоп», сажусь сам в шлюпку и обретаю артиста Счастливцева. Взял его на пароход, одел с ног до головы в свое платье, благо у меня много лишнего. Господа, я имею слабость к артистам… Вот почему он Робинзон.

В о ж е в а т о в. А Непутевый на острове остался?

П а р а т о в. Да на что он мне; пусть проветрится. Сами посудите, господа, ведь в дороге скука смертная, всякому товарищу рад.

К н у р о в. Еще бы, конечно.

В о ж е в а т о в. Это такое счастье, такое счастье! Вот находка-то золотая!

Кнуров. Одно только неприятно — пьянством одолеет.

П а р а т о в. Нет, со мной, господа, нельзя: я строг на этот счет. Денег у него нет, без моего разрешения давать не велено, а у меня как попросит, так я ему в руки французские разговоры — на счастье нашлись у меня; изволь прежде страницу выучить, без того не дам. Ну, и учит сидит. Как старается!

В о ж е в а т о в. Эко вам счастье, Сергей Сергеич! Кажется, ничего б не пожалел за такого человека, а нет как нет. Он хороший актер?

П а р а т о в. Ну нет, какой хороший! Он все амплуа прошел и в суфлерах был; а теперь в оперетках играет. Ничего, так себе, смешит.

В о ж е в а т о в. Значит, веселый?

П а р а т о в. Потешный господин.

В о ж е в а т о в. И пошутить с ним можно?

П а р а т о в. Ничего, он не обидчив. Вот отводите свою душу, могу его вам дня на два, на три предоставить.

В о ж е в а т о в. Очень благодарен. Коли придет по нраву, так не останется в накладе.

К н у р о в. Как это вам, Сергей Сергеич, не жаль «Ласточку» продавать?

П а р а т о в. Что такое «жаль», этого я не знаю.

У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

В о ж е в а т о в. Приданое хорошее.

П а р а т о в. Но достается оно мне не дешево: я должен проститься с моей свободой, с моей веселой жизнью; поэтому надо постараться как можно повеселей провести последние дни.

В о ж е в а т о в. Будем стараться, Сергей Сергеич, будем стараться.

П а р а т о в. Отец моей невесты важный чиновный господин; старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не любит, кто много курит табаку. Тут уж надевай фрак и parlez français![1]Вот я теперь и практикуюсь с Робинзоном. Только он, для важности, что ли, уж не знаю, зовет меня «ля Серж», а не просто «Серж». Умора!

На крыльце кофейной показывается Р о б и н з о н, что-то жует,

за ним — Г а в р и л о.

[1]Говорите по-французски! *(фр.)*

Явление седьмое

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило и Иван.

П а р а т о в *(Робинзону).* Que faites-vous là? Venez![1]

Р о б и н з о н *(с важностью).* Comment?[2]

П а р а т о в. Что за прелесть! Каков тон, господа! *(Робинзону.)* Оставь ты эту вашу скверную привычку бросать порядочное общество для трактира!

В о ж е в а т о в. Да, это за ними водится.

Р о б и н з о н. Ля Серж, ты уж успел… Очень нужно было.

П а р а т о в. Да, извини, я твой псевдоним раскрыл.

В о ж е в а т о в. Мы, Робинзон, тебя не выдадим, ты у нас так за англичанина и пойдешь.

Р о б и н з о н. Как, сразу на «ты»? Мы с вами брудершафта не пили.

В о ж е в а т о в. Это все равно… Что за церемонии!

Р о б и н з о н. Но я фамилиарности не терплю и не дозволяю всякому…

В о ж е в а т о в. Да я не всякий.

Р о б и н з о н. А кто же вы?

В о ж е в а т о в. Купец.

Р о б и н з о н. Богатый?

В о ж е в а т о в. Богатый.

Р о б и н з о н. И тороватый?

В о ж е в а т о в. И тороватый.

Р о б и н з о н. Вот это в моем вкусе. *(Подает руку Вожеватову.)* Очень приятно! Вот теперь я могу тебе позволить обращаться со мной запросто.

В о ж е в а т о в. Значит, приятели: два тела — одна душа.

Р о б и н з о н. И один карман. Имя-отчество? То есть одно имя, отчества не надо.

В о ж е в а т о в. Василий Данилыч.

Р о б и н з о н. Так вот, Вася, для первого знакомства заплати за меня!

В о ж е в а т о в. Гаврило, запиши! Сергей Сергеич, мы нынче вечером прогулочку сочиним за Волгу. На одном

[1]Что вы там делаете? Идите сюда! *(фр.)*

[2]Как? *(фр.)*

катере цыгане, на другом мы; приедем, усядемся на коврике, жженочку сварим.

Г а в р и л о. А у меня, Сергей Сергеич, два ананасика давно вас дожидаются; надо их нарушить для вашего приезда.

П а р а т о в *(Гавриле).* Хорошо, срежь! *(Вожеватову.)* Делайте, господа, со мной что хотите!

Г а в р и л о. Да уж я, Василий Данилыч, все заготовлю, что требуется; у меня и кастрюлечка серебряная водится для таких оказий; уж я и своих людей с вами отпущу.

В о ж е в а т о в. Ну ладно. Чтобы к шести часам все было готово; коли что лишнее припасешь, взыску не будет; а за недостачу ответишь.

Г а в р и л о. Понимаем-с.

В о ж е в а т о в. А назад поедем, на катерах разноцветные фонарики зажжем.

Р о б и н з о н. Давно ли я его знаю, а уж полюбил, господа. Вот чудо-то!

П а р а т о в. Главное, чтоб весело. Я прощаюсь с холостой жизнью, так чтоб было чем ее вспомнить. А откушать сегодня, господа, прошу ко мне.

В о ж е в а т о в. Эка досада! Ведь нельзя, Сергей Сергеич.

К н у р о в. Отозваны мы.

П а р а т о в. Откажитесь, господа.

В о ж е в а т о в. Отказаться-то нельзя: Лариса Дмитриевна выходит замуж, так мы у жениха обедаем.

П а р а т о в. Лариса выходит замуж! *(Задумы-*

вается.) Что ж… Бог с ней! Это даже лучше… Я немножко виноват перед ней, то есть так виноват, что не должен бы и носу к ним показывать; ну, а теперь она выходит замуж, значит, старые счеты покончены, и я могу опять явиться поцеловать ручки у ней и у тетеньки. Я Хариту Игнатьевну для краткости тетенькой зову. Ведь я было чуть не женился на Ларисе, — вот бы людей-то насмешил! Да, разыграл было дурака. Замуж выходит… Это очень мило с ее стороны; все-таки на душе у меня немного полегче… и дай ей Бог здоровья и всякого благополучия! Заеду я к ним, заеду; любопытно, очень любопытно поглядеть на нее.

В о ж е в а т о в. Уж наверно и вас пригласят.

П а р а т о в. Само собой, как же можно без меня!

К н у р о в. Я очень рад, все-таки будет с кем хоть слово за обедом перемолвить.

В о ж е в а т о в. Там и потолкуем, как нам повеселее время провести, может быть, и еще что придумаем.

П а р а т о в. Да, господа, жизнь коротка, говорят философы, так надо уметь ею пользоваться. N'est ce pas[1], Робинзон?

Р о б и н з о н. Вуй, ля Серж.

В о ж е в а т о в. Постараемся; скучать не будете: на том стоим. Мы третий катер прихватим, полковую музыку посадим.

П а р а т о в. До свидания, господа! Я в гостиницу. Марш, Робинзон!

Р о б и н з о н *(поднимая шляпу).*

Да здравствует веселье!

Да здравствует Услад!

[1]Не правда ли? *(фр.)*

Действие второе

ЛИЦА
ОГУДАЛОВА.
ЛАРИСА.
КАРАНДЫШЕВ.
ПАРАТОВ.
КНУРОВ.
ВОЖЕВАТОВ.
РОБИНЗОН.
ИЛЬЯ-ЦЫГАН.
ЛАКЕЙ ОГУДАЛОВОЙ

Комната в доме Огудаловой; две двери: одна, в глубине, входная;

другая налево от актеров; направо — окно; мебель приличная,

фортепьяно, на нем лежит гитара.

Явление первое

О г у д а л о в а одна. Подходит к двери налево, с коробочкой

в руках.

О г у д а л о в а. Лариса, Лариса!

Лариса за сценой: «Я, мама, одеваюсь».

Погляди-ка, какой тебе подарок Вася привез!

Лариса за сценой: «После погляжу!»

О г у д а л о в а. Какие вещи — рублей пятьсот стоят. «Положите, говорит, завтра поутру в ее комнату и не говорите от кого». А ведь знает, плутишка, что я не утерплю, скажу. Я его просила посидеть, не остался, с каким-то иностранцем ездит, город ему показывает. Да ведь шут он, у него не разберешь, нарочно он или вправду.

«Надо, говорит, этому иностранцу все замечательные трактирные заведения показать». Хотел к нам привезти этого иностранца. *(Взглянув в окно.)* А вот и Мокий Парменыч! Не выходи, я лучше одна с ним потолкую.

Входит К н у р о в.

Явление второе

Огудалова и Кнуров.

К н у р о в *(в дверях).* У вас никого нет?

О г у д а л о в а. Никого, Мокий Парменыч.

К н у р о в *(входит).* Ну и прекрасно.

О г у д а л о в а. На чем записать такое счастье! Благодарна, Мокий Парменыч, очень благодарна, что удостоили. Я так рада, растерялась, право…

не знаю, где и посадить вас.

К н у р о в. Все равно, сяду где-нибудь. *(Садится).*

О г у д а л о в а. А Ларису извините: она переодевается. Да ведь можно ее поторопить.

К н у р о в. Нет, зачем беспокоить!

О г у д а л о в а. Как это вы вздумали?

К н у р о в. Брожу ведь я много пешком перед обедом-то, ну вот и зашел.

О г у д а л о в а. Будьте уверены, Мокий Парменыч, что мы за особенное счастье поставляем ваш визит; ни с чем этого сравнить нельзя.

К н у р о в. Так выдаете замуж Ларису Дмитриевну?

О г у д а л о в а. Да, замуж, Мокий Парменыч.

К н у р о в. Нашелся жених, который берет без денег?

О г у д а л о в а. Без денег, Мокий Парменыч, где ж нам взять денег-то.

К н у р о в. Что ж он, средства имеет большие, жених-то ваш?

О г у д а л о в а. Какие средства! Самые ограниченные.

К н у р о в. Да… А как вы полагаете, хорошо вы поступили, что отдаете Ларису Дмитриевну за человека бедного?

О г у д а л о в а. Не знаю, Мокий Парменыч. Я тут ни при чем, ее воля была.

К н у р о в. Ну, а этот молодой человек, как, по-вашему, хорошо поступает?

О г у д а л о в а. Что ж, я нахожу, что это похвально с его стороны.

К н у р о в. Ничего тут нет похвального, напротив, это непохвально. Пожалуй, с своей точки зрения, он неглуп. Что он такое, кто его знал, кто на него обращал внимание! А теперь весь город заговорит про него, он влезает в лучшее общество, он позволяет себе приглашать меня на обед, например... Но вот что глупо: он не подумал или не захотел подумать, как и чем ему жить с такой женой. Вот об чем поговорить нам с вами следует. $_{ны}О_{ч}$г! у д а л о в а. Сделайте одолжение, Мокий Парме-

К н у р о в. Как вы думаете о вашей дочери, что она та-$^{ко}О^{е?}$г у д а л о в а. Да уж я не знаю, что и говорить; мне одно осталось: слушать вас.

К н у р о в. Ведь в Ларисе Дмитриевне земного, этого житейского, нет. Ну, понимаете, тривиального, что нужно для бедной семейной жизни.

О г у д а л о в а. Ничего нет, ничего.

К н у р о в. Ведь это эфир.

О г у д а л о в а. Эфир, Мокий Парменыч.

К н у р о в. Она создана для блеску.

О г у д а л о в а. Для блеску, Мокий Парменыч.

К н у р о в. Ну, а может ли ваш Карандышев доставить ей этот блеск?

О г у д а л о в а. Нет, где же!

К н у р о в. Бедной полумещанской жизни она не вынесет. Что ж остается ей? Зачахнуть, а потом, как водится, — чахотка.

О г у д а л о в а. Ах, что вы, что вы! Сохрани Бог!

К н у р о в. Хорошо, если она догадается поскорее бросить мужа и вернуться к вам.

О г у д а л о в а. Опять беда, Мокий Парменыч, чем нам жить с дочерью!

К н у р о в. Ну, эта беда поправимая. Теплое участие сильного, богатого человека…

О г у д а л о в а. Хорошо, как найдется это участие.

К н у р о в. Надо постараться приобресть. В таких случаях доброго друга, солидного, прочного, иметь необходимо.

О г у д а л о в а. Уж как необходимо-то!

К н у р о в. Вы можете мне сказать, что она еще и замуж-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она может разойтись с мужем. Да, пожалуй, может быть, что и очень далеко, а ведь может быть, что и очень близко. Так луч-

ше предупредить вас, чтоб вы еще не сделали какой-нибудь ошибки, чтоб знали, что я для Ларисы Дмитриевны ничего не пожалею. Что вы улыбаетесь?

О г у д а л о в а. Я очень рада, Мокий Парменыч, что вы так расположены к нам.

К н у р о в. Вы, может быть, думаете, что такие предложения не бывают бескорыстны?

О г у д а л о в а. Ах, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Обижайтесь, если угодно, прогоните меня.

О г у д а л о в а *(конфузясь).* Ах, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Найдите таких людей, которые посулят вам десятки тысяч даром, да тогда и браните меня, не трудитесь напрасно искать: не найдете. Но я увлекся в сторону, я пришел не для этих разговоров. Что это у вас за коробочка?

О г у д а л о в а. Это я, Мокий Парменыч, хотела дочери подарок сделать.

К н у р о в *(рассматривая вещи)*. Да…

О г у д а л о в а. Да дорого, не по карману.

К н у р о в *(отдает коробочку).* Ну, это пустяки; есть дело поважнее. Вам нужно сделать для Ларисы Дмитриевны хороший гардероб, то есть мало сказать хороший — очень хороший. Подвенечное

платье, ну и все там, что следует.

О г у д а л о в а. Да, да, Мокий Парменыч.

К н у р о в. Обидно будет видеть, если ее оденут кой-как. Так вы закажите все это в лучшем магазине, да не рассчитывайте, не копейничайте! А счеты пришлите ко мне: я заплачу.

О г у д а л о в а. Право, даже уж и слов-то не подберешь, как благодарить вас!

К н у р о в. Вот зачем, собственно, я зашел к вам. *(Встает.)*

О г у д а л о в а. А все-таки мне завтра хотелось бы дочери сюрприз сделать. Сердце матери, знаете…

К н у р о в *(берет коробочку)*. Ну, что там такое? Что это стоит?

О г у д а л о в а. Оцените, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Что тут ценить! Пустое дело! Триста рублей это стоит. *(Достает из бумажника деньги и отдает Огудаловой.)* До свиданья! Я пойду еще побродить, я нынче на хороший обед рассчитываю. За обедом увидимся. *(Идет к двери.)*

О г у д а л о в а. Очень, очень вам благодарна за всё, Мо-кий Парменыч, за всё!

К н у р о в уходит. Входит Л а р и с а с корзинкой в руках.

Явление третье

Огудалова и Лариса.

Л а р и с а *(ставит корзинку на столик и рассматривает вещи в коробочке)*. Это Вася-то подарил? Недурно. Какой милый!

О г у д а л о в а. Недурно. Это очень дорогие вещи. Будто ты и не рада?

Л а р и с а. Никакой особенной радости не чувствую.

О г у д а л о в а. Ты поблагодари Васю, так шепни ему на ухо: благодарю, мол. И Кнурову тоже.

Л а р и с а. А Кнурову за что?

О г у д а л о в а. Уж так надо, я знаю за что.

Л а р и с а. Ах, мама, все-то у тебя секреты да хитрости.

О г у д а л о в а. Ну, ну, хитрости! Без хитрости на свете не проживешь.

Л а р и с а *(берет гитару, садится к окну и запевает)*.

Матушка, голубушка, солнышко мое,

Пожалей, родимая, дитятко твое!

Юлий Капитоныч хочет в мировые судьи баллотироваться.

О г у д а л о в а. Ну вот и прекрасно. В какой

уезд?

Л а р и с а. В Заболотье!

О г у д а л о в а. Ай, в лес ведь это. Что ему вздумалось такую даль?

Л а р и с а. Там кандидатов меньше: наверное выберут.

О г у д а л о в а. Что ж, ничего, и там люди живут.

Л а р и с а. Мне хоть в лес, да только поскорей отсюда выбраться.

О г у д а л о в а. Да оно и хорошо в захолустье пожить, там и твой Карандышев мил покажется; пожалуй, первым человеком в уезде будет; вот помаленьку и привыкнешь к нему.

Л а р и с а. Да он и здесь хорош, я в нем ничего не замечаю дурного.

О г у д а л о в а. Ну, что уж! Такие ль хорошие-то бывают!

Л а р и с а. Конечно, есть и лучше, я сама это очень хорошо знаю.

О г у д а л о в а. Есть, да не про нашу честь.

Л а р и с а. Теперь для меня и этот хорош. Да что толковать, дело решенное.

О г у д а л о в а. Я ведь только радуюсь, что он тебе нравится. Слава Богу. Осуждать его перед тобой я не стану; а и притворяться-то нам друг

перед другом нечего — ты сама не слепая.

Л а р и с а. Я ослепла, я все чувства потеряла, да и рада. Давно уж точно во сне все вижу, что кругом меня происходит. Нет, уехать надо, вырваться отсюда. Я стану приставать к Юлию Капитонычу. Скоро и лето пройдет, а я хочу гулять по лесам, собирать ягоды и грибы…

О г у д а л о в а. Вот для чего ты корзиночку-то приготовила! Понимаю теперь. Ты уж и шляпу соломенную с широкими полями заведи, вот и будешь пастушкой.

Л а р и с а. И шляпу заведу. *(Запевает.)*

Не искушай меня без нупжды…

Там спокойствие, тишина.

О г у д а л о в а. А вот сентябрь настанет, так не очень тихо будет, ветер-то загудит в окна.

Л а р и с а. Ну, что ж такое.

О г у д а л о в а. Волки завоют на разные голоса.

Л а р и с а. Все-таки лучше, чем здесь. Я по крайней мере душой отдохну.

О г у д а л о в а. Да разве я тебя отговариваю? Поезжай, сделай милость, отдыхай душой! Только знай, что Заболотье не Италия. Это я обязана тебе сказать; а то, как ты разочаруешься, так меня же будешь винить, что я тебя не предупредила.

Л а р и с а. Благодарю тебя. Но пусть там и дико,

и глухо, и холодно; для меня после той жизни, которую я здесь испытала, всякий тихий уголок покажется раем. Что это Юлий Капитоныч медлит, я не понимаю.

О г у д а л о в а. До деревни ль ему! Ему покрасоваться хочется. Да и неудивительно: из ничего да в люди попал.

Л а р и с а *(напевает):*

Не искушай меня без нужды…

Эка досада, не налажу никак… *(Взглянув в окно.)* Илья, Илья! Зайди на минутку. Наберу с собой в деревню романсов и буду играть да петь от скуки.

Входит И л ь я.

Явление четвертое

Огудалова, Лариса и Илья.

И л ь я. С праздником! Дай Бог здорово да счастливо! *(Кладет фуражку на стул у двери.)*

Л а р и с а. Илья, наладь мне «Не искушай меня без нужды». Все сбиваюсь. *(Подает гитару.)*

И л ь я. Сейчас, барышня. *(Берет гитару и подстраивает.)* Хороша песня; она в три голоса хороша, тенор надо: второе колено делает… Больно хорошо. А у нас беда, ах, беда!

О г у д а л о в а. Какая беда?

И л ь я. Антон у нас есть, тенором поет.

О г у д а л о в а. Знаю, знаю.

И л ь я. Один тенор и есть, а то все басы. Какие басы, какие басы! А тенор один Антон.

О г у д а л о в а. Так что ж?

И л ь я. Не годится в хор — хоть брось.

О г у д а л о в а. Нездоров?

И л ь я. Нет, здоров, совсем невредимый.

О г у д а л о в а. Что ж с ним?

И л ь я. Пополам перегнуло набок, совсем углом; так глаголем и ходит другая неделя. Ах, беда! Теперь в хоре всякий лишний человек дорого стоит; а без тенора как быть! К дохтору ходил, дохтор говорит: «Через неделю, через две отпустит, опять прямой будешь». А нам теперь его надо.

Л а р и с а. Да ты пой.

И л ь я. Сейчас, барышня. Секунда фальшивит. Вот беда, вот беда! В хоре надо браво стоять, а его набок перегнуло.

О г у д а л о в а. От чего это с ним?

И л ь я. От глупости.

О г у д а л о в а. От какой глупости?

И л ь я. Такая есть глупость в нас. Говорил: «Наблюдай, Антон, эту осторожность!» А он не понимает.

О г у д а л о в а. Да и мы не понимаем.

И л ь я. Ну, не вам будь сказано, гулял, так гулял, так гулял! Я говорю: «Антон, наблюдай эту осторожность!» А он не понимает. Ах, беда, ах, беда! Теперь сто рублей человек стоит, вот какое дело у нас; такого барина ждем. А Антона набок свело. Какой прямой цыган был, а теперь кривой. *(Запевает басом.)* «Не искушай…»

Голос в окно: «Илья, Илья, ча адарик! ча сегер!»[1]

Намо? Со туке требе?[2]

Голос с улицы: «Иди, барин приехал!»

Хохавеса![3]

Голос с улицы: «Верно приехал!»

Некогда, барышня, барин приехал. *(Кладет гитару и берет фуражку.)*

О г у д а л о в а. Какой барин?

И л ь я. Такой барин, ждем не дождемся: год ждали — вот какой барин! *(Уходит.)*

[1]Поди сюда! Иди скорей! *(Перевод авт.)*

[2]Зачем? Что тебе? *(Перевод авт.)*

[3]Обманываешь! *(Перевод авт.)*

Явление пятое

Огудалова и Лариса.

О г у д а л о в а. Кто ж бы это приехал? Должно быть, богатый и, вероятно, Лариса, холостой, коли цыгане так ему обрадовались. Видно, уж так у цыган и живет. Ах, Лариса, не прозевали ли мы жениха? Куда торопиться-то было?

Л а р и с а. Ах, мама, мало, что ли, я страдала? Нет, довольно унижаться.

О г у д а л о в а. Экое страшное слово сказала: «унижаться»! Испугать, что ли, меня вздумала? Мы люди бедные, нам унижаться-то всю жизнь. Так уж лучше унижаться смолоду, чтобы потом пожить по-человечески.

Л а р и с а. Нет, не могу; тяжело, невыносимо тяжело.

О г у д а л о в а. А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останешься ничем.

Л а р и с а. Опять притворяться, опять лгать!

О г у д а л о в а. И притворяйся, и лги! Счастье не пойдет за тобой, если сама от него бегаешь.

Входит К а р а н д ы ш е в.

Явление шестое

Огудалова, Лариса и Карандышев.

О г у д а л о в а. Юлий Капитоныч, Лариса у нас в деревню собралась, вон и корзинку для грибов приготовила!

Л а р и с а. Да, сделайте для меня эту милость, поедемте поскорей!

К а р а н д ы ш е в. Я вас не понимаю; куда вы торопитесь, зачем?

Л а р и с а. Мне так хочется бежать отсюда.

К а р а н д ы ш е в *(запальчиво)*. От кого бежать? Кто вас гонит? Или вы стыдитесь за меня, что ли?

Л а р и с а *(холодно)*. Нет, я за вас не стыжусь. Не знаю, что дальше будет, а пока вы еще мне повода не подали.

К а р а н д ы ш е в. Так зачем бежать, зачем скрываться от людей! Дайте мне время устроиться, опомниться, прийти в себя! Я рад, я счастлив… дайте мне возможность почувствовать всю приятность моего положения!

О г у д а л о в а. Повеличаться.

К а р а н д ы ш е в. Да, повеличаться, я не скрываю. Я много, очень много перенес уколов

для своего самолюбия, моя гордость не раз была оскорблена; теперь я хочу и вправе погордиться и повеличаться.

Л а р и с а. Вы когда же думаете ехать в деревню?

К а р а н д ы ш е в. После свадьбы, когда вам угодно, хоть на другой день. Только венчаться — непременно здесь; чтоб не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающий.

Л а р и с а. Да ведь последнее-то почти так, Юлий Капитоныч, вот это правда.

К а р а н д ы ш е в *(с сердцем)*. Так правду эту вы и знайте про себя! *(Сквозь слезы.)* Пожалейте вы меня хоть сколько-нибудь! Пусть хоть посторонние-то думают, что вы любите меня, что выбор ваш был свободен.

Л а р и с а. Зачем это?

К а р а н д ы ш е в. Как — зачем? Разве уж вы совсем не допускаете в человеке самолюбия?

Л а р и с а. Самолюбие! Вы только о себе! Все себя любят! Когда же меня-то будет любить кто-нибудь! Доведете вы меня до погибели.

О г у д а л о в а. Полно, Лариса, что ты?

Л а р и с а. Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну,

послушайте: если уж свадьба будет здесь, так, пожалуйста, чтобы поменьше было народу, чтобы как можно тише, скромнее!

О г у д а л о в а. Нет, ты не фантазируй! Свадьба — так свадьба; я Огудалова, я нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь так, что здесь и не видывали.

К а р а н д ы ш е в. Да и я ничего не пожалею.

Л а р и с а. Ну, я молчу. Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите.

К а р а н д ы ш е в. Вот и обед сегодня для меня обойдется недешево.

О г у д а л о в а. А этот обед ваш я считаю уж совсем лишним — напрасная трата.

К а р а н д ы ш е в. Да если б он стоил мне вдвое, втрое, я б не пожалел денег.

О г у д а л о в а. Никому он не нужен.

К а р а н д ы ш е в. Мне нужен.

Л а р и с а. Да зачем, Юлий Капитоныч?

К а р а н д ы ш е в. Лариса Дмитриевна, три года я терпел унижения, три года я сносил насмешки прямо в лицо от ваших знакомых; надо же и мне, в свою очередь, посмеяться над ними.

О г у д а л о в а. Что вы еще придумываете! Ссору, что ли, хотите затеять? Так мы с Ларисой и не пойдем.

Л а р и с а. Ах, пожалуйста, не обижайте никого!

К а р а н д ы ш е в. «Не обижайте»! А меня обижать можно! Да успокойтесь, никакой ссоры не будет, все будет очень мирно. Я предложу за вас тост и поблагодарю вас публично за счастье, которое вы делаете мне своим выбором, за то, что вы отнеслись ко мне не так, как другие, что вы оценили меня и поверили в искренность моих чувств. Вот и все, вот и вся моя месть!

О г у д а л о в а. И все это совсем не нужно.

К а р а н д ы ш е в. Нет, уж эти фаты одолели меня своим фанфаронством. Ведь не сами они нажили богатство; что ж они им хвастаются! По пятнадцати рублей за порцию чаю бросать!

О г у д а л о в а. Все это вы на бедного Васю нападаете.

К а р а н д ы ш е в. Да не один Вася — все хороши. Вон посмотрите, что в городе делается, какая радость на лицах! Извозчики все повеселели, скачут по улицам, кричат друг другу: «Барин приехал, барин приехал!» Половые в трактирах тоже сияют, выбегают на улицу, из трактира в трактир перекликаются: «Барин приехал, барин приехал!» Цыгане с ума сошли, все вдруг галдят, машут руками. У гостиницы съезд, толпа народу.

Сейчас к гостинице четыре цыганки разряженные в коляске подъехали, поздравить с приездом. Чудо, что за картина! А барин-то, я слышал, промотался совсем, последний пароходишко продал. Кто приехал? Промотавшийся кутила, развратный человек, и весь город рад. Хороши нравы!

О г у д а л о в а. Да кто приехал-то?

К а р а н д ы ш е в. Ваш Сергей Сергеич Паратов.

Лариса в испуге встает.

О г у д а л о в а. А, так вот кто!

Л а р и с а. Поедемте в деревню, сейчас поедемте!

К а р а н д ы ш е в. Теперь-то и не нужно ехать.

О г у д а л о в а. Что ты, Лариса, зачем от него прятаться! Он не разбойник.

Л а р и с а. Что вы меня не слушаете! Топите вы меня, толкаете в пропасть!

О г у д а л о в а. Ты сумасшедшая.

К а р а н д ы ш е в. Чего вы боитесь?

Л а р и с а. Я не за себя боюсь.

К а р а н д ы ш е в. За кого же?

Лариса. За вас.

К а р а н д ы ш е в. О, за меня не бойтесь! Я в обиду не дамся. Попробуй он только задеть меня, так увидит!

О г у д а л о в а. Нет, что вы! Сохрани вас Бог! Это ведь не Вася. Вы поосторожнее с ним, а то жизни не рады будете.

К а р а н д ы ш е в *(у окна)*. Вот, изволите видеть, к вам подъехал; четыре иноходца в ряд и цыган на козлах с кучером. Какую пыль в глаза пускает! Оно конечно, никому вреда нет, пусть тешится; а в сущности-то, и гнусно и глупо.

Л а р и с а *(Карандышеву)*. Пойдемте, пойдемте ко мне в комнату. Мама, прими сюда, пожалуйста, отделайся от его визитов!

Л а р и с а и К а р а н д ы ш е в уходят. Входит П а р а т о в.

Явление седьмое

Огудалова и Паратов[1].

П а р а т о в. Тетенька, ручку!

О г у д а л о в а *(простирая руки).* Ах, Сергей Сергеич! Ах, родной мой!

П а р а т о в. В объятия желаете заключить? Можно.

Обнимаются и целуются.

О г у д а л о в а. Каким ветром занесло? Проездом, вероятно?

П а р а т о в. Нарочно сюда, и первый визит к

вам, тетенька.

О г у д а л о в а. Благодарю. Как поживаете, как дела ваши?

[1]Паратов всю сцену ведет в шутливо-серьезном тоне. *(Примеч. авт.)*

П а р а т о в. Гневить Бога нечего, тетенька, живу весело, а дела не важны.

О г у д а л о в а *(поглядев на Паратова)*. Сергей Сергеич, скажите, мой родной, что это вы тогда так вдруг исчезли?

П а р а т о в. Неприятную телеграмму получил, тетенька.

О г у д а л о в а. Какую?

П а р а т о в. Управители мои и управляющие свели без меня домок мой в ореховую скорлупку-с. Своими операциями довели было до аукционной продажи мои пароходики и все движимое и недвижимое имение. Так я полетел тогда спасать свои животишки-с.

О г у д а л о в а. И, разумеется, все спасли и все устроили.

П а р а т о в. Никак нет-с; устроил, да не совсем, брешь порядочная осталась. Впрочем, тетенька, духу не теряю и веселого расположения не утратил.

О г у д а л о в а. Вижу, что не утратил.

П а р а т о в. На одном потеряем, на другом выиграем, тетенька; вот наше дело какое.

О г у д а л о в а. На чем же вы выиграть хотите? Новые обороты завели?

П а р а т о в. Не нам, легкомысленным джентльменам, новые обороты заводить! За это в долговое отделение, тетенька. Хочу продать свою волюшку.

О г у д а л о в а. Понимаю: выгодно жениться хотите. А во сколько вы цените свою волюшку?

П а р а т о в. В полмиллиона-с.

О г у д а л о в а. Порядочно.

П а р а т о в. Дешевле, тетенька, нельзя-с: расчету нет, себе дороже, сами знаете.

О г у д а л о в а. Молодец мужчина!

П а р а т о в. С тем возьмите.

О г у д а л о в а. Экой сокол! Глядеть на тебя да радоваться.

П а р а т о в. Очень лестно слышать от вас. Ручку пожалуйте! *(Целует руку.)*

О г у д а л о в а. А покупатели, то есть покупательницы-то есть?

П а р а т о в. Поискать — так найдутся.

О г у д а л о в а. Извините за нескромный вопрос!

П а р а т о в. Коли очень нескромный, так не

спрашивайте: я стыдлив.

О г у д а л о в а. Да полно тебе шутить-то! Есть невеста или нет? Коли есть, кто она?

П а р а т о в. Хоть зарежьте, не скажу.

О г у д а л о в а. Ну, как знаешь.

П а р а т о в. Я бы желал засвидетельствовать свое почтение Ларисе Дмитриевне. Могу я ее видеть?

О г у д а л о в а. Отчего же. Я ее сейчас пришлю к вам. *(Берет футляр с вещами.)* Да вот, Сергей Сергеич, завтра Ларисы рождение, хотелось бы подарить ей эти вещи, да денег много не хватает.

П а р а т о в. Тетенька, тетенька! ведь уж человек с трех взяла! Я тактику-то вашу помню.

О г у д а л о в а *(берет Паратова за ухо).* Ах ты, проказник!

П а р а т о в. Я завтра сам привезу подарок, получше этого.

О г у д а л о в а. Я позову к вам Ларису. *(Уходит.)*

Входит Л а р и са.

Явление восьмое

Паратов и Лариса.

П а р а т о в. Не ожидали?

Л а р и с а. Нет, теперь не ожидала. Я ждала вас долго, но уж давно перестала ждать.

П а р а т о в. Отчего же перестали ждать?

Л а р и с а. Не надеялась дождаться. Вы скрылись так неожиданно, и ни одного письма…

П а р а т о в. Я не писал потому, что не мог сообщить вам ничего приятного.

Л а р и с а. Я так и думала.

П а р а т о в. И замуж выходите?

Л а р и с а. Да, замуж.

П а р а т о в. А позвольте вас спросить: долго вы меня ждали?

Л а р и с а. Зачем вам знать это?

П а р а т о в. Мне не для любопытства, Лариса Дмитриевна; меня интересуют чисто теоретические соображения. Мне хочется знать, скоро ли женщина забывает страстно любимого человека: на другой день после разлуки с ним, через неделю или через месяц… имел ли право Гамлет сказать матери, что она «башмаков еще не износила» и так далее.

Л а р и с а. На ваш вопрос я вам не отвечу, Сергей Сергеич; можете думать обо мне, что вам угодно.

П а р а т о в. Об вас я всегда буду думать с уважением; но женщины вообще, после вашего поступка, много теряют в глазах моих. ете Л. а р и

с а. Да какой мой поступок? Вы ничего не зна-

П а р а т о в. Эти «кроткие, нежные взгляды», этот сладкий любовный шепот, когда каждое слово чередуется с глубоким вздохом, — эти клятвы… И все это через месяц повторяется другому, как выученный урок. О женщины!

Л а р и с а. Что женщины?

П а р а т о в. Ничтожество вам имя!

Л а р и с а. Ах, как вы смеете так обижать меня? Разве вы знаете, что я после вас полюбила кого-нибудь? Вы уверены в этом?

П а р а т о в. Я не уверен, но полагаю.

Л а р и с а. Чтобы так жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

П а р а т о в. Вы выходите замуж?

Л а р и с а. Но что меня заставило… Если дома жить нельзя, если во время страшной, смертельной тоски заставляют любезничать, улыбаться, навязывают женихов, на которых без отвращения нельзя смотреть, если в доме скандалы, если надо бежать и из дому, и даже из городу?

П а р а т о в. Лариса, так вы?..

Л а р и с а. Что я? Ну, что вы хотели сказать?

П а р а т о в. Извините! Я виноват перед вами. Так вы не забыли меня, вы еще… меня любите?

Лариса молчит.

Ну, скажите, будьте откровенны!

Л а р и с а. Конечно да. Нечего и спрашивать.

П а р а т о в *(нежно целует руку Ларисы).* Благодарю вас, благодарю.

Л а р и с а. Вам только и нужно было: вы — человек гордый.

П а р а т о в. Уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам; но любовь вашу уступить было бы тяжело.

Л а р и с а. Неужели?

П а р а т о в. Если б вы предпочли мне кого-нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я нелегко бы простил вам это.

Л а р и с а. А теперь?

П а р а т о в. А теперь я во всю жизнь сохраню самое приятное воспоминание о вас, и мы расстанемся как лучшие друзья.

Л а р и с а. Значит, пусть женщина плачет, страдает, только бы любила вас?

П а р а т о в. Что делать, Лариса Дмитриевна! В любви равенства нет, это уж не мной заведено. В любви приходится иногда и плакать.

Л а р и с а. И непременно женщине?

П а р а т о в. Уж, разумеется, не мужчине.

Л а р и с а. Да почему?

П а р а т о в. Очень просто; потому что если

мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобресть ум человеческий.

Л а р и с а. Кабы любовь-то была равная с обеих сторон, так слез-то бы не было. Бывает это когда-нибудь?

П а р а т о в. Изредка случается. Только уж это какое-то кондитерское пирожное выходит, какое-то безе.

Л а р и с а. Сергей Сергеич, я сказала вам то, чего не должна была говорить; я надеюсь, что вы не употребите во зло моей откровенности.

П а р а т о в. Помилуйте, за кого же вы меня принимаете! Если женщина свободна, ну, тогда другой разговор… Я, Лариса Дмитриевна, человек с правилами, брак для меня дело священное. Я этого вольнодумства терпеть не могу. Позвольте узнать: ваш будущий супруг, конечно, обладает многими достоинствами?

Л а р и с а. Нет, одним только.

П а р а т о в. Немного.

Л а р и с а. Зато дорогим.

П а р а т о в. А именно?

Л а р и с а. Он любит меня.

П а р а т о в. Действительно дорогим; это для домашнего обихода очень хорошо.

Входят О г у д а л о в а и К а р а н д ы ш е в.

Явление девятое

Паратов, Лариса, Огудалова, Карандышев, потом л а к е й.

О г у д а л о в а. Позвольте вас познакомить, господа! *(Паратову.)* Юлий Капитоныч Карандышев. *(Карандышеву.)* Сергей Сергеич Паратов.

П а р а т о в *(подавая руку Карандышеву)*. Мы уж знакомы. *(Кланяясь.)* Человек с большими усами и малыми способностями. Прошу любить и жаловать. Старый друг Хариты Игнатьевны и Ларисы Дмитриевны.

К а р а н д ы ш е в *(сдержанно)*. Очень приятно.

О г у д а л о в а. Сергей Сергеич у нас в доме как родной.

К а р а н д ы ш е в. Очень приятно.

П а р а т о в *(Карандышеву).* Вы не ревнивы?

К а р а н д ы ш е в. Я надеюсь, что Лариса Дмитриевна не подаст мне никакого повода быть ревнивым.

П а р а т о в. Да ведь ревнивые люди ревнуют без всякого повода.

Л а р и с а. Я ручаюсь, что Юлий Капитоныч меня ревновать не будет.

К а р а н д ы ш е в. Да, конечно; но если бы…

П а р а т о в. О да, да. Вероятно, это было бы что-нибудь очень ужасное.

О г у д а л о в а. Что вы, господа, затеяли! Разве нет других разговоров, кроме ревности!

Л а р и с а. Мы, Сергей Сергеич, скоро едем в деревню.

П а р а т о в. От прекрасных здешних мест?

К а р а н д ы ш е в. Что же вы находите здесь прекрасного?

П а р а т о в. Ведь это как кому; на вкус, на цвет образца нет.

О г у д а л о в а. Правда, правда. Кому город нравится, а кому деревня.

П а р а т о в. Тетенька, у всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой — свиной хрящик.

О г у д а л о в а. Ах, проказник! Откуда вы столько пословиц знаете?

П а р а т о в. С бурлаками водился, тетенька, так русскому языку выучишься. $_{\text{ку}}$К? а р а н д ы ш е в. У бурлаков учиться русскому язы-

П а р а т о в. А почему ж у них не учиться?

К а р а н д ы ш е в. Да потому, что мы считаем их…

П а р а т о в. Кто это — мы?

К а р а н д ы ш е в *(разгорячаясь)*. Мы, то есть

образованные люди, а не бурлаки.

П а р а т о в. Ну-с, чем же вы считаете бурлаков? Я судохозяин и вступаюсь за них; я сам такой же бурлак.

К а р а н д ы ш е в. Мы считаем их образцом грубости и невежества.

П а р а т о в. Ну, далее, господин Карандышев!

К а р а н д ы ш е в. Все, больше ничего.

П а р а т о в. Нет, не все, главного недостает: вам нужно просить извинения.

К а р а н д ы ш е в. Мне — извиняться!

П а р а т о в. Да, уж нечего делать, надо.

К а р а н д ы ш е в. Да с какой стати? Это мое убеждение.

П а р а т о в. Но-но-но-но! Отвилять нельзя.

О г у д а л о в а. Господа, господа, что вы!

П а р а т о в. Не беспокойтесь, я за это на дуэль не вызову: ваш жених цел останется; я только поучу его. У меня правило: никому ничего не прощать; а то страх забудут, забываться станут.

Л а р и с а *(Карандышеву)*. Что вы делаете? Просите извинения сейчас, я вам приказываю.

П а р а т о в *(Огудаловой)*. Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, так на неделю дома запираюсь да казнь придумываю.

К а р а н д ы ш е в *(Паратову)*. Я не понимаю.

П а р а т о в. Так выучитесь прежде понимать да потом и разговаривайте!

О г у д а л о в а. Сергей Сергеич, я на колени брошусь перед вами; ну, ради меня, извините его!

П а р а т о в *(Карандышеву).* Благодарите Хариту Игнатьевну. Я вас прощаю. Только, мой родной, разбирайте людей! Я еду-еду, не свищу, а наеду — не спущу.

Карандышев хочет отвечать.

О г у д а л о в а. Не возражайте, не возражайте! А то я с вами поссорюсь. Лариса! Вели шампанского подать да налей им по стаканчику — пусть выпьют мировую.

Л а р и с а уходит.

И уж, господа, пожалуйста, не ссорьтесь больше. Я женщина мирного характера; я люблю, чтоб все дружно было, согласно.

П а р а т о в. Я сам мирного характера, курицу не обижу, я никогда первый не начну; за себя я вам ручаюсь.

О г у д а л о в а. Юлий Капитоныч, вы — еще молодой человек, вам надо быть поскромнее, горячиться не следует. Извольте-ка вот пригласить Сергея Сергеича на обед, извольте непременно! Нам очень приятно быть с ним вместе.

К а р а н д ы ш е в. Я и сам хотел. Сергей Сергеич,

угодно вам откушать у меня сегодня?

П а р а т о в *(холодно)*. С удовольствием.

Входит Л а р и са, за ней ч е л о в е к с бутылкой шампанского

в руках и стаканами на подносе.

Л а р и с а *(наливает)*. Господа, прошу покорно.

Паратов и Карандышев берут стаканы.

Прошу вас быть друзьями.

П а р а т о в. Ваша просьба для меня равняется приказу.

О г у д а л о в а *(Карандышеву)*. Вот и вы берите пример с Сергея Сергеича!

К а р а н д ы ш е в. Про меня нечего и говорить: для меня каждое слово Ларисы Дмитриевны — закон.

Входит В о ж е в а т о в.

Явление десятое

Огудалова, Лариса, Паратов, Карандышев, Вожеватов, потом

Робинзон.

В о ж е в а т о в. Где шампанское, там и мы. Каково чутье! Харита Игнатьевна, Лариса Дмитриевна, позвольте белокурому в комнату войти!

О г у д а л о в а. Какому белокурому?

В о ж е в а т о в. Сейчас увидите. Войди, белокур!

Р о б и н з о н входит.

Честь имею представить вам нового друга моего: лорд

Робинзон.

О г у д а л о в а. Очень приятно.

В о ж е в а т о в *(Робинзону)*. Целуй ручки!

Робинзон целует руки у Огудаловой и Ларисы.

Ну, милорд, теперь поди сюда!

О г у д а л о в а. Что это вы как командуете вашим другом?

В о ж е в а т о в. Он почти не бывает в дамском обществе, так застенчив. Все больше путешествовал, и по воде, и по суше, а вот недавно совсем было одичал на необитаемом острове. *(Карандышеву.)* Позвольте вас познакомить! Лорд Робинзон, Юлий Капитоныч Карандышев!

К а р а н д ы ш е в *(подавая руку Робинзону)*. Вы уж давно выехали из Англии?

Р о б и н з о н. Yes. (Йес.)[1]

В о ж е в а т о в *(Паратову)*. Я его слова три по-английски выучил, да, признаться, сам-то не много больше знаю. *(Робинзону.)* Что ты на винато поглядываешь? Харита Игнатьевна, можно?

О г у д а л о в а. Сделайте одолжение.

В о ж е в а т о в. Англичане ведь целый день пьют вино, с утра.

О г у д а л о в а. Неужели вы целый день пьете?

Р о б и н з о н. Yes.

В о ж е в а т о в. Они три раза завтракают да потом обедают с шести часов до двенадцати.

О г у д а л о в а. Возможно ли?

Р о б и н з о н. Yes.

В о ж е в а т о в *(Робинзону)*. Ну, наливай!

Р о б и н з о н *(налив стаканы)*. If you please! (Иф ю плиз!)[2]

Пьют.

П а р а т о в *(Карандышеву)*. Пригласите и его обедать! Мы с ним везде вместе, я без него не могу.

К а р а н д ы ш е в. Как его зовут?

П а р а т о в. Да кто ж их по имени зовет! Лорд, милорд…

К а р а н д ы ш е в. Разве он лорд?

[1]Да *(англ.)*.

[2]Пожалуйста! *(англ.)*

П а р а т о в. Конечно, не лорд; да они так любят. А то просто: сэр Робинзон.

К а р а н д ы ш е в *(Робинзону)*. Сэр Робинзон, прошу покорно сегодня откушать у меня.

Р о б и н з о н. I thank you. (Ай сенк ю.)[1]

К а р а н д ы ш е в *(Огудаловой)*. Харита Игнатьев-

на, я отправлюсь домой, мне нужно похлопотать кой о чем. *(Кланяется всем.)* Я вас жду, господа. Честь имею кланяться! *(Уходит.)*

П а р а т о в *(берет шляпу)*. Да и нам пора, надо отдохнуть с дороги.

В о ж е в а т о в. К обеду приготовиться.

О г у д а л о в а. Погодите, господа, не все вдруг.

Огудалова и Лариса уходят за Карандышевым в переднюю.

Явление одиннадцатое

Паратов, Вожеватов и Робинзон.

В о ж е в а т о в. Понравился вам жених?

П а р а т о в. Чему тут нравиться! Кому он может нравиться! А еще разговаривает, гусь лапчатый!

В о ж е в а т о в. Разве было что?

П а р а т о в. Был разговор небольшой. Топорщился тоже, как и человек, петушиться тоже вздумал. Да погоди, дружок, я над тобой, дружок, потешусь. *(Ударив себя по лбу.)* Ах, какая мысль блестящая! Ну, Робинзон, тебе предстоит работа трудная, старайся…

В о ж е в а т о в. Что такое?

П а р а т о в. А вот что… *(Прислушиваясь.)* Идут. После скажу, господа.

Входят О г у д а л о в а и Л а р и с а.
Честь имею кланяться.
В о ж е в а т о в. До свидания!
Раскланиваются.
[1]Благодарю вас *(англ.)*.

Действие третье

ЛИЦА
ЕВФРОСИНЬЯ ПОТАПОВНА,
тетка Карандышева.
КАРАНДЫШЕВ.
ОГУДАЛОВА.
ЛАРИСА.
ПАРАТОВ.
КНУРОВ.
ВОЖЕВАТОВ.
РОБИНЗОН.
ИВАН.
ИЛЬЯ-ЦЫГАН.

Кабинет Карандышева; комната, меблированная с претензиями, но без вкуса; на одной стене прибит над диваном ковер, на котором

развешано оружие; три двери: одна в середине, две по бокам.

Явление первое

Евфросинья Потаповна и Иван (выходит из двери

налево).

И в а н. Лимонов пожалуйте!

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Каких лимонов, аспид?

И в а н. Мессинских-с.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. На что они тебе понадобились?

И в а н. После обеда которые господа кофей кушают, а которые чай, так к чаю требуются.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Вымотали вы из меня всю душеньку нынче. Подай клюковного морсу, разве не все равно. Возьми там у меня графинчик; ты поосторожнее, графинчик-то старенький, пробочка и так еле держится, сургучиком подклеена. Пойдем, я сама выдам. *(Уходит в среднюю дверь, Иван за ней.)*

Входят О г у д а л о в а и Л а р и с а слева.

Явление второе

Огудалова и Лариса.

Л а р и с а. Ах, мама, я не знала, куда деться.

О г у д а л о в а. Я так и ожидала от него.

Л а р и с а. Что за обед, что за обед! А еще зовет Мокия Парменыча! Что он делает?

О г у д а л о в а. Да, угостил, нечего сказать.

Л а р и с а. Ах, как нехорошо! Нет хуже этого стыда, когда приходится за других стыдиться. Вот мы ни в чем не виноваты, а стыдно, стыдно, так бы убежала куда-нибудь. А он как будто не замечает ничего, он даже весел.

О г у д а л о в а. Да ему и заметить нельзя: он ничего не знает, он никогда и не видывал, как порядочные люди обедают. Он еще думает, что удивил всех своей роскошью, вот он и весел. Да разве ты не замечаешь? Его нарочно подпаивают.

Л а р и с а. Ах, ах! Останови его, останови его!

О г у д а л о в а. Как остановить! Он — не малолетний, пора без няньки жить.

Л а р и с а. Да ведь он не глуп, как же он не видит этого.

О г у д а л о в а. Не глуп, да самолюбив. Над ним подтрунивают, вино похваливают, он и рад; сами-то только вид делают, что пьют, а ему подливают.

Л а р и с а. Ах! Я боюсь, всего боюсь. Зачем они это делают?

О г у д а л о в а. Да так просто, позабавиться хотят.

Л а р и с а. Да ведь они меня терзают-то!

О г у д а л о в а. А кому нужно, что ты терзаешься.

Вот, Лариса, еще ничего не видя, а уж терзание; что дальше-то будет?

Л а р и с а. Ах, дело сделано; можно только жалеть, а поправить нельзя.

Входит Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а.

Явление третье

Огудалова, Лариса и Евфросинья Потаповна.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Уж откушали? А чаю не угодно?

О г у д а л о в а. Нет, увольте.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. А мужчины-то что?

О г у д а л о в а. Они там сидят, разговаривают.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Ну, покушали и вставали бы; чего еще дожидаются? Уж достался мне этот обед: что хлопот, что изъяну! Поваришки разбойники, в кухню-то точно какой победитель придет, слова ему сказать не смей!

О г у д а л о в а. Да об чем с ним разговаривать? Коли он хороший повар, так учить его не надо.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Да не об ученье речь, а много очень добра изводят. Кабы свой материал, домашний, деревенский, так я бы слова не сказала; а то купленный, дорогой, так его

и жалко. Помилуйте, требует сахару, ванилю, рыбьего клею; а ваниль этот дорогой, а рыбий клей еще дороже. Ну и положил бы чуточку для духу, а он валит зря; сердце-то и мрет, на него глядя.

О г у д а л о в а. Да, для расчетливых людей, конечно…

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Какие тут расчеты, коли человек с ума сошел. Возьмем стерлядь: разве вкус-то в ней не один, что большая, что маленькая? А в цене-то разница ох велика! Полтинничек десяток и за глаза бы, а он по полтиннику штуку платил.

О г у д а л о в а. Ну, этим, что были за обедом, еще погулять по Волге да подрасти бы не мешало.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Ах, да ведь, пожалуй, есть и в рубль, и в два; плати, у кого деньги бешеные. Кабы для начальника какого высокого али для владыки, ну, уж это так и полагается, а то для кого! Опять, вино хотел было дорогое покупать — в рубль и больше, да купец честный человек попался: берите, говорит, кругом по шести гривен за бутылку, а ерлыки наклеим какие прикажете! Уж и вино отпустил! Можно сказать, что на чести. Попробовала я рюмочку, так и гвоздикой-то пахнет, и розаном пахнет, и еще чем-то. Как ему быть дешевым,

когда в него столько дорогих духов кладется! И деньги немалые: шесть гривен за бутылку; а уж и стоит дать. А дороже платить не из чего: жалованьем живем. Вот у нас сосед женился, так к нему этого одного пуху, перин да подушек, возили-возили, возили-возили, да все чистого; потом пушного: и лисица, и куница, и соболь! Все это в дом, так есть из чего ему тратиться. А вот рядом чиновник женился, так всего приданого привезли фортепьяны старые. Не разживешься. Все равно и нам форсить некстати.

Л а р и с а *(Огудаловой).* Бежала б я отсюда куда глаза глядят.

О г у д а л о в а. Невозможно, к несчастию.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Да коли вам что не по себе, так пожалуйте ко мне в комнату; а то придут мужчины, накурят так, что не продохнешь. Что я стою-то! Бежать мне серебро сосчитать да запереть, нынче народ без креста.

Огудалова и Лариса уходят в дверь направо, Евфросинья П о т а п о в н а — в среднюю. Из двери налево выходят Паратов,

Кнуров, Вожеватов.

Явление четвертое

Паратов, Кнуров и Вожеватов.

К н у р о в. Я, господа, в клуб обедать поеду: я не ел ничего.

П а р а т о в. Подождите, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Со мной в первый раз в жизни такой случай. Приглашает обедать известных людей, а есть нечего… Он человек глупый, господа.

П а р а т о в. Мы не спорим. Надо ему отдать справедливость: он действительно глуп.

К н у р о в. И сам прежде всех напился.

В о ж е в а т о в. Мы его порядочно подстроили.

П а р а т о в. Да, я свою мысль привел в исполнение.

Мне еще давеча в голову пришло: накатить его хорошенько и посмотреть, что выйдет.

К н у р о в. Так у вас было это задумано?

П а р а т о в. Мы прежде условились. Вот, господа, для таких случаев Робинзоны-то и дороги.

В о ж е в а т о в. Золото, а не человек.

П а р а т о в. Чтобы напоить хозяина, надо самому пить с ним вместе; а есть ли возможность глотать эту микстуру, которую он вином величает. А Робинзон — натура, выдержанная на

заграничных винах ярославского производства, ему нипочем. Он пьет да похваливает, пробует то одно, то другое, сравнивает, смакует с видом знатока, но без хозяина пить не соглашается; тот и попался. Человек непривычный, много ль ему надо, скорехонько и дошел до восторга.

К н у р о в. Это забавно; только мне, господа, не шутя есть хочется.

П а р а т о в. Еще успеете. Погодите немного, мы попросим Ларису Дмитриевну спеть что-нибудь.

К н у р о в. Это другое дело. А где ж Робинзон?

В о ж е в а т о в. Они там еще допивают.

Входит Р о б и н з о н.

Явление пятое

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Р о б и н з о н *(падая на диван)*. Батюшки, помогите! Ну, Серж, будешь ты за меня Богу отвечать!

П а р а т о в. Что ж ты, пьян, что ли?

Р о б и н з о н. Пьян! Разве я на это жалуюсь когда-нибудь? Кабы пьян, это бы прелесть что такое — лучше бы и желать ничего нельзя. Я с этим добрым намерением ехал сюда да с этим добрым намерением и на свете живу. Это цель моей жизни.

П а р а т о в. Что ж с тобой?

Р о б и н з о н. Я отравлен, я сейчас караул закричу.

П а р а т о в. Да ты что пил-то больше, какое вино?

Р о б и н з о н. Кто ж это знает? Химик я, что ли! Ни один аптекарь не разберет.

П а р а т о в. Да что на бутылке-то, какой этикет?

Р о б и н з о н. На бутылке-то «бургонское», а в бутылке-то «киндер-бальзам» какой-то. Не пройдет мне даром эта специя, уж я чувствую.

В о ж е в а т о в. Это случается: как делают вино, так переложат лишнее что-нибудь против пропорции. Ошибиться долго ли? человек — не машина. Мухоморов не переложили ли?

Р о б и н з о н. Что тебе весело! Человек погибает, а ты

[ра]В[вд].о ж е в а т о в. Шабаш! Помирать тебе, Робинзон.

Р о б и н з о н. Ну, это вздор, помирать я не согласен... Ах! хоть бы знать, какое увечье-то от этого вина бывает.

В о ж е в а т о в. Один глаз лопнет непременно, ты так и жди.

За сценой голос Карандышева: «Эй, дайте нам

бургонского!»

Р о б и н з о н. Ну вот, изволите слышать, опять бургонского! Спасите, погибаю! Серж, пожалей хоть ты меня! Ведь я в цвете лет, господа, я подаю большие надежды. За что ж искусство должно лишиться…

П а р а т о в. Да не плачь, я тебя вылечу; я знаю, чем помочь тебе; как рукой снимет.

Входит К а р а н д ы ш е в с ящиком сигар.

Явление шестое

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон и Карандышев.

Р о б и н з о н *(взглянув на ковер)*. Что это у вас такое?

К а р а н д ы ш е в. Сигары.

Р о б и н з о н. Нет, что развешано-то? Бутафорские вещи?

К а р а н д ы ш е в. Какие бутафорские вещи! Это турецкое оружие.

П а р а т о в. Так вот кто виноват, что австрийцы турок одолеть не могут.

К а р а н д ы ш е в. Как? Что за шутки! Помилуйте, что это за вздор! Чем я виноват?

П а р а т о в. Вы забрали у них все дрянное, негод-

ное оружие; вот они с горя хорошим английским и запаслись.

В о ж е в а т о в. Да, да, вот кто виноват! теперь нашлось. Ну, вам австрийцы спасибо не скажут.

К а р а н д ы ш е в. Да чем оно негодное? Вот этот пистолет, например. *(Снимает со стены пистолет.)*

П а р а т о в *(берет у него пистолет)*. Этот пистолет?

К а р а н д ы ш е в. Ах, осторожнее, он заряжен.

П а р а т о в. Не бойтесь! Заряжен ли он, не заряжен ли, опасность от него одинакова: он все равно не выстрелит. Стреляйте в меня в пяти шагах, я позволяю.

К а р а н д ы ш е в. Ну, нет-с, и этот пистолет пригодиться может.

П а р а т о в. Да, в стену гвозди вколачивать. *(Бросает пистолет на стол.)*

В о ж е в а т о в. Ну нет, не скажите! По русской пословице: «На грех и из палки выстрелишь».

К а р а н д ы ш е в *(Паратову)*. Не угодно ли сигар?

П а р а т о в. Да ведь, чай, дорогие? Рублей семь сотня, я думаю.

К а р а н д ы ш е в. Да-с, около того: сорт высокий, очень высокий сорт.

П а р а т о в. Я этот сорт знаю: регалия капустиссима dos amigos, я его держу для приятелей, а сам не курю.

К а р а н д ы ш е в *(Кнурову)*. Не прикажете ли?

К н у р о в. Не хочу я ваших сигар — свои курю.

К а р а н д ы ш е в. Хорошенькие сигары, хорошенькие-с.

К н у р о в. Ну, а хорошие, так и курите сами.

К а р а н д ы ш е в *(Вожеватову).* Вам не угодно ли?

В о ж е в а т о в. Для меня эти очень дороги; пожалуй, избалуешься. Не нашему носу рябину клевать: рябина — ягода нежная.

К а р а н д ы ш е в. А вы, сэр Робинзон, курите?

Р о б и н з о н. Я-то? Странный вопрос! Пожалуйте пяточек! *(Выбирает пять штук, вынимает из кармана бумажку и тщательно завертывает.)*

К а р а н д ы ш е в. Что же вы не закуриваете?

Р о б и н з о н. Нет, как можно! Эти сигары надо курить в природе, в хорошем местоположении.

К а р а н д ы ш е в. Да почему же?

Р о б и н з о н. А потому, что если их закурить в порядочном доме, так, пожалуй, прибьют, чего я терпеть не могу.

В о ж е в а т о в. Не любишь, когда бьют?

Р о б и н з о н. Нет, с детства отвращение имею.

К а р а н д ы ш е в. Какой он оригинал! А, господа, каков оригинал! Сейчас видно, что англичанин. *(Громко.)* А где наши дамы? *(Еще громче.)* Где дамы?

Входит Огудалов а.

Явление седьмое

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Огудалова.

О г у д а л о в а. Дамы здесь, не беспокойтесь. *(Карандышеву тихо.)* Что вы делаете? Посмотрите вы на се-бяК! а р а н д ы ш е в. Я, помилуйте, я себя знаю. Посмотрите: все пьяны, а я только весел. Я счастлив сегодня, я торжествую.

О г у д а л о в а. Торжествуйте, только не так громко! *(Подходит к Паратову.)* Сергей Сергеич, перестаньте издеваться над Юлием Капитонычем! Нам больно видеть: вы обижаете меня и Ларису.

П а р а т о в. Ах, тетенька, смею ли я!

О г у д а л о в а. Неужели вы еще не забыли давешнюю ссору? Как не стыдно!

П а р а т о в. Что вы! Я, тетенька, незлопамятен. Да извольте, я для вашего удовольствия все это покончу одним разом. Юлий Капитоныч!

К а р а н д ы ш е в. Что вам угодно?

П а р а т о в. Хотите брудершафт со мной выпить?

О г у д а л о в а. Вот это хорошо. Благодарю вас!

К а р а н д ы ш е в. Брудершафт, вы говорите? Извольте, с удовольствием.

П а р а т о в *(Огудаловой).* Да попросите сюда Ларису Дмитриевну! Что она прячется от нас!

О г у д а л о в а. Хорошо, я приведу ее. *(Уходит.)*

К а р а н д ы ш е в. Что же мы выпьем? Бургонского?

П а р а т о в. Нет, уж от бургонского увольте! Я человек простой.

К а р а н д ы ш е в. Так чего же?

П а р а т о в. Знаете что: любопытно теперь нам с вами коньячку выпить. Коньяк есть?

К а р а н д ы ш е в. Как не быть! У меня все есть. Эй, Иван, коньяку!

П а р а т о в. Зачем сюда, мы так выпьем; только велите стаканчиков дать: я рюмок не признаю.

Р о б и н з о н. Что ж вы прежде не сказали, что у вас коньяк есть? Сколько дорогого времени-то потеряно!

В о ж е в а т о в. Как он ожил!

Р о б и н з о н. С этим напитком я обращаться умею, я к нему применился.

П а р а т о в и К а р а н д ы ш е в уходят в дверь налево.

Явление восьмое

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Р о б и н з о н *(глядит в дверь налево).* Погиб Карандышев. Я начал, а Серж его докончит. Наливают, устанавливаются в позу; живая картина. Посмотрите, какая у Сержа улыбка! Совсем Бертрам. *(Поет из «Роберта».)* «Ты мой спаситель. — Я твой спаситель! — И покровитель. — И покровитель». Ну, проглотил. Целуются. *(Поет.)* «Как счастлив я! — Жертва моя!» Ай, уносит Иван коньяк, уносит! *(Громко.)* Что ты, что ты, оставь! Я его давно дожидаюсь. *(Убегает.)*

Из средней двери выходит И л ь я.

Явление девятое

Кнуров, Вожеватов, Илья, потом П а р а т ов.

В о ж е в а т о в. Что тебе, Илья?

И л ь я. Да наши готовы, собрались совсем, на бульваре дожидаются. Когда ехать прикажете?

В о ж е в а т о в. Сейчас все вместе поедем, подо-

ждите немного!

И л ь я. Хорошо. Как прикажете, так и будет.

Входит Паратов.

П а р а т о в. А, Илья, готовы?

И л ь я. Готовы, Сергей Сергеич.

П а р а т о в. Гитара с тобой?

И л ь я. Не захватил, Сергей Сергеич.

П а р а т о в. Гитару нужно, слышишь?

И л ь я. Сейчас сбегаю, Сергей Сергеич! *(Уходит.)*

П а р а т о в. Я хочу попросить Ларису Дмитриевну спеть нам что-нибудь, да и поедемте за Волгу.

К н у р о в. Невесела наша прогулка будет без Ларисы Дмитриевны. Вот если бы… Дорого можно заплатить за такое удовольствие.

В о ж е в а т о в. Если бы Лариса Дмитриевна поехала, я бы с радости всех гребцов по рублю серебром оделил.

П а р а т о в. Представьте, господа, я и сам о том же думаю; вот как мы сошлись.

К н у р о в. Да есть ли возможность?

П а р а т о в. На свете нет ничего невозможного, говорят философы.

К н у р о в. А Робинзон, господа, лишний. Потешились, и будет. Напьется он там до звериного образа — что хорошего! Эта прогулка дело се-

рьезное, он нам совсем не компания. *(Указывая в дверь.)* Вон он как к коньяку-то прильнул.

В о ж е в а т о в. Так не брать его.

П а р а т о в. Увяжется как-нибудь!

В о ж е в а т о в. Погодите, господа, я от него отделаюсь. *(В дверь.)* Робинзон!

Входит Р о б и н з о н.

Явление десятое

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Р о б и н з о н. Что тебе?

В о ж е в а т о в *(тихо).* Хочешь ехать в Париж?

Р о б и н з о н. Как в Париж, когда?

В о ж е в а т о в. Сегодня вечером.

Р о б и н з о н. А мы за Волгу сбирались.

В о ж е в а т о в. Как хочешь; поезжай за Волгу, а я в Париж.

Р о б и н з о н. Да ведь у меня паспорта нет.

В о ж е в а т о в. Это уж мое дело.

Р о б и н з о н. Я пожалуй.

В о ж е в а т о в. Так отсюда мы поедем вместе; я тебя завезу домой к себе; там и жди меня, отдохни, усни. Мне нужно заехать по делам места в два.

Р о б и н з о н. А интересно бы и цыган по-

слушать.

Вожеватов. А еще артист! Стыдись! Цыганские песни — ведь это невежество. То ли дело итальянская опера или оперетка веселенькая! Вот что тебе надо слушать. Чай, сам играл.

Робинзон. Еще бы! Я в «Птичках певчих» играл.

Вожеватов. Кого?

Робинзон. Нотариуса.

Вожеватов. Ну, как же такому артисту да в Париже не побывать! После Парижа тебе какая цена-то будет!

Робинзон. Руку!

Вожеватов. Едешь?

Робинзон. Еду.

Вожеватов *(Паратову).* Как он тут пел из «Роберта»! Что за голос!

Паратов. А вот мы с ним в Нижнем на ярмарке дел наделаем.

Робинзон. Еще поеду ли я, спросить надо.

Паратов. Что так?

Робинзон. Невежества я и без ярмарки довольно вижу.

Паратов. Ого как он поговаривать начал!

Робинзон. Нынче образованные люди в Европу ездят, а не по ярмаркам шатаются.

П а р а т о в. Какие же государства и какие города Европы вы осчастливить хотите?

Р о б и н з о н. Конечно, Париж, я уж туда давно собираюсь.

В о ж е в а т о в. Мы с ним сегодня вечером едем.

П а р а т о в. А, вот что! Счастливого пути! В Париж тебе действительно надо ехать. Там только тебя и недоставало. А где ж хозяин?

Р о б и н з о н. Он там, он говорил, что сюрприз нам готовит.

Входят справа Огудалова и Лариса, слева — Карандышев
и Иван.

Явление одиннадцатое

Огудалова, Лариса, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев, Иван, потом Илья и Евфросинья Потаповна.

П а р а т о в *(Ларисе).* Что вы нас покинули?

Л а р и с а. Мне что-то нездоровится.

П а р а т о в. А мы с вашим женихом брудершафт выпили. Теперь уж друзья навек.

Л а р и с а. Благодарю вас. *(Жмет руку Паратову.)*

К а р а н д ы ш е в *(Паратову).* Серж!

П а р а т о в *(Ларисе).* Вот видите, какая короткость. *(Карандышеву.)* Что тебе?

К а р а н д ы ш е в. Тебя кто-то спрашивает.

П а р а т о в. Кто там?

И в а н. Цыган Илья.

П а р а т о в. Так зови его сюда.

И в а н уходит.

Господа, извините, что я приглашаю Илью в наше общество. Это мой лучший друг. Где принимают меня, там должны принимать и моих друзей. Это мое правило.

В о ж е в а т о в *(Ларисе тихо).* Я новую песенку знаю.

Л а р и с а. Хорошая?

В о ж е в а т о в. Бесподобная! «Веревьюшки веревью, на барышне башмачки».

Л а р и с а. Это забавно!

В о ж е в а т о в. Я вас выучу.

Входит И л ь я с гитарой.

П а р а т о в *(Ларисе).* Позвольте, Лариса Дмитриевна, попросить вас осчастливить нас! Спойте нам какой-нибудь романс или песенку! Я вас целый год не слыхал, да, вероятно, и не услышу уж более.

К н у р о в. Позвольте и мне повторить ту же

прось-бук! а р а н д ы ш е в. Нельзя, господа, нельзя. Лариса Дмитриевна не станет петь.

П а р а т о в. Да почем ты знаешь, что не станет? А может быть, и станет.

Л а р и с а. Извините, господа, я и не расположена сегодня, и не в голосе.

К н у р о в. Что-нибудь, что вам угодно!

К а р а н д ы ш е в. Уж коли я говорю, что не станет, так не станет.

П а р а т о в. А вот посмотрим. Мы попросим хорошенько, на колени станем.

В о ж е в а т о в. Это я сейчас, я человек гибкий.

К а р а н д ы ш е в. Нет, нет, и не просите, нельзя; я запрещаю.

Огудалова. Что вы! Запрещайте тогда, когда будете иметь право, а теперь еще погодите запрещать: рано.

Карандыше в. Нет, нет! Я положительно запрещаю.

Л а р и с а. Вы запрещаете? Так я буду петь, господа.

Карандышев, надувшись, отходит в угол и садится.

П а р а т о в. Илья!

И л ь я. Что будем петь, барышня?

Л а р и с а. «Не искушай».

И л ь я *(подстраивая гитару).* Вот третий голос надо! Ах, беда! Какой тенор был! От своей от глупости.

Поют в два голоса.

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей!
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.

Все различным образом выражают восторг. Паратов сидит, запустив руки в волоса. Во втором куплете слегка пристает Робинзон.

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не хочу предаться вновь
Раз обманувшим сновиденьям.

И л ь я *(Робинзону).* Вот спасибо, барин! Выручил.

К н у р о в *(Ларисе).* Велико наслаждение видеть вас, а еще больше наслаждения слушать вас.

П а р а т о в *(с мрачным видом).* Мне кажется, я с ума сойду. *(Целует руку Ларисы.)*

В о ж е в а т о в. Послушать да и умереть — вот оно что!

(Карандышеву.) А вы хотели лишить нас этого удовольствия.

К а р а н д ы ш е в. Я, господа, не меньше вашего

восхищаюсь пением Ларисы Дмитриевны. Мы сейчас выпьем шампанского за ее здоровье.

В о ж е в а т о в. Умную речь приятно и слышать.

К а р а н д ы ш е в *(громко).* Подайте шампанского!

О г у д а л о в а *(тихо).* Потише! Что вы кричите!

К а р а н д ы ш е в. Помилуйте, я у себя дома. Я знаю, что делаю. *(Громко.)* Подайте шампанского!

Входит Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Какого тебе еще шампанского? Поминутно то того, то другого.

К а р а н д ы ш е в. Не мешайтесь не в свое дело! Исполняйте, что вам приказывают!

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Так поди сам! А уж я ноги отходила; я еще, может быть, не евши с утра. *(Уходит.)*

К а р а н д ы ш е в идет в дверь налево.

О г у д а л о в а. Послушайте, Юлий Капитоныч!.. *(Уходит за Карандышевым.)*

П а р а т о в. Илья, поезжай! чтоб катера были готовы! Мы сейчас приедем.

И л ь я уходит в среднюю дверь.

В о ж е в а т о в *(Кнурову).* Оставим его одного

с Ларисой Дмитриевной. *(Робинзону.)* Робинзон, смотри, Иван коньяк-то убирает.

Р о б и н з о н. Да я его убью! Мне легче с жизнью расстаться!

Уходят налево К н у р о в, В о ж е в а т о в и Р о б и н з о н.

Явление двенадцатое

Лариса и Паратов.

П а р а т о в. Очаровательница! *(Страстно глядит на Ларису.)* Как я проклинал себя, когда вы пели!

Л а р и с а. За что?

П а р а т о в. Ведь я — не дерево; потерять такое сокровище, как вы, разве легко?

Л а р и с а. Кто ж виноват?

П а р а т о в. Конечно, я, и гораздо более виноват, чем вы думаете. Я должен презирать себя.

Л а р и с а. За что же, скажите!

П а р а т о в. Зачем я бежал от вас! На что променял

вас Л?а р и с а. Зачем же вы это сделали?

П а р а т о в. Ах, зачем! Конечно, малодушие. Надо было поправить свое состояние. Да Бог с ним, с состоянием! Я проиграл больше, чем состояние,

я потерял вас; я и сам страдаю, и вас заставил страдать.

Л а р и с а. Да, надо правду сказать, вы надолго отравили мою жизнь.

П а р а т о в. Погодите, погодите винить меня! Я еще не совсем опошлился, не совсем огрубел; во мне врожденного торгашества нет; благородные чувства еще шевелятся в душе моей. Еще несколько таких минут, да… еще несколько таких минут…

Л а р и с а *(тихо).* Говорите!

П а р а т о в. Я брошу все расчеты, и уж никакая сила не вырвет вас у меня, разве вместе с моей жизнью.

Л а р и с а. Чего же вы хотите?

П а р а т о в. Видеть вас, слушать вас… Я завтра уезжаю.

Л а р и с а *(опустя голову).* Завтра.

П а р а т о в. Слушать ваш очаровательный голос, забывать весь мир и мечтать только об одном блаженстве.

Л а р и с а *(тихо).* О каком?

П а р а т о в. О блаженстве быть рабом вашим, быть у ваших ног.

Л а р и с а. Но как же?

П а р а т о в. Послушайте: мы едем всей компа-

нией кататься по Волге на катерах — поедемте!

Л а р и с а. Ах! а здесь? Я не знаю, право... Как же здесь?

П а р а т о в. Что такое «здесь»? Сюда сейчас приедут: тетка Карандышева, барыни в крашеных шелковых платьях; разговор будет о соленых грибах.

Л а р и с а. Когда же ехать?

П а р а т о в. Сейчас.

Л а р и с а. Сейчас?

П а р а т о в. Сейчас или никогда!

Л а р и с а. Едемте.

П а р а т о в. Как, вы решаетесь ехать за Волгу?

Л а р и с а. Куда вам угодно.

П а р а т о в. С нами, сейчас?

Л а р и с а. Когда вам угодно.

П а р а т о в. Ну, признаюсь, выше и благородней этого я ничего вообразить не могу. Очаровательное создание! Повелительница моя!

Л а р и с а. Вы — мой повелитель!

Входят О г у д а л о в а, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Р о б и н з о н,

К а р а н д ы ш е в и И в а н с подносом, на котором стаканы

шампанского.

Явление тринадцатое

Огудалова, Лариса, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон,

Карандышев и Иван.

П а р а т о в *(Кнурову и Вожеватову)*. Она поедет.

К а р а н д ы ш е в. Господа, я предлагаю тост за Ларису Дмитриевну.

Все берут стаканы.

Господа, вы сейчас восхищались талантом Ларисы Дмитриевны. Ваши похвалы — для нее не новость; с детства она окружена поклонниками, которые восхваляют ее в глазах при каждом удобном случае. Да-с, талантов у нее действительно много. Но не за них я хочу похвалить ее. Главное, неоцененное достоинство Ларисы Дмитриевны — то, господа… то, господа…

В о ж е в а т о в. Спутается.

П а р а т о в. Нет, вынырнет, выучил.

К а р а н д ы ш е в. То, господа, что она умеет ценить и выбирать людей. Да-с, Лариса Дмитриевна знает, что не все то золото, что блестит. Она умеет отличать золото от мишуры. Много блестящих молодых людей окружало ее; но она мишурным

блеском не прельстилась. Она искала для себя человека не блестящего, а достойного…

П а р а т о в *(одобрительно).* Браво, браво!

К а р а н д ы ш е в. И выбрала…

П а р а т о в. Вас! Браво, браво!

В о ж е в а т о в и Р о б и н з о н. Браво, браво!

К а р а н д ы ш е в. Да, господа, я не только смею, я имею право гордиться и горжусь. Она меня поняла, оценила и предпочла всем. Извините, господа, может быть, не всем это приятно слышать; но я счел своим долгом поблагодарить публично Ларису Дмитриевну за такое лестное для меня предпочтение. Господа, я сам пью и предлагаю выпить за здоровье моей невесты!

П а р а т о в, В о ж е в а т о в и Р о б и н з о н. Ура!

П а р а т о в *(Карандышеву).* Есть еще вино-то?

К а р а н д ы ш е в. Разумеется, есть; как же не быть! Что ты говоришь? Уж я достану.

П а р а т о в. Надо еще тост выпить.

К а р а н д ы ш е в. Какой?

П а р а т о в. За здоровье счастливейшего из смертных, Юлия Капитоныча Карандышева.

К а р а н д ы ш е в. Ах да. Так ты предложишь? Ты и предложи, Серж! А я пойду похлопочу; я достану. *(Уходит.)*

К н у р о в. Ну, хорошенького понемножку. Прощайте! Я заеду закушу и сейчас же на сборный пункт. *(Кланяется дамам.)*

В о ж е в а т о в *(указывая на среднюю дверь).* Здесь пройдите, Мокий Парменыч. Тут прямо выход в переднюю, никто вас и не увидит.

К н у р о в уходит.

П а р а т о в *(Вожеватову).* И мы сейчас едем. *(Ларисе.)* Собирайтесь!

Л а р и с а уходит направо.

В о ж е в а т о в. Не дождавшись тоста?

П а р а т о в. Так лучше.

В о ж е в а т о в. Да чем же?

П а р а т о в. Смешнее.

Выходит Л а р и с а с шляпкой в руках.

В о ж е в а т о в. И то смешнее. Робинзон! едем.

Р о б и н з о н. Куда?

В о ж е в а т о в. Домой, сбираться в Париж.

Р о б и н з о н и В о ж е в а т о в раскланиваются и уходят.

П а р а т о в *(Ларисе тихо).* Едем! *(Уходит.)*

Л а р и с а *(Огудаловой).* Прощай, мама!

О г у д а л о в а. Что ты! Куда ты?

Л а р и с а. Или тебе радоваться, мама, или ищи меня в Волге.

О г у д а л о в а. Бог с тобой! Что ты!

Л а р и с а. Видно, от своей судьбы не уйдешь! *(Уходит.)*

О г у д а л о в а. Вот наконец до чего дошло: всеобщее бегство! Ах, Лариса!.. Догонять мне ее иль нет? Нет, зачем!.. Что бы там ни было, все-таки кругом нее люди… А здесь хоть и бросить, так потеря невелика!

Входят К а р а н д ы ш е в и И в а н с бутылкой шампанского.

Явление четырнадцатое

Огудалова, Карандышев, Иван, потом Е в ф р о с и н ь я Потаповна.

К а р а н д ы ш е в. Я, господа… *(Оглядывает комнату).* Где же они? Уехали? Вот это учтиво, нечего сказать! Ну, да тем лучше! Однако когда ж они успели? И вы, пожалуй, уедете? Нет, уж вы-то с Ларисой Дмитриевной погодите! Обиделись? Понимаю! Ну и прекрасно. И мы останемся в тесном семейном кругу… А где же Лариса Дмитриевна? *(У двери направо.)* Тетенька, у вас Лариса Дмитриевна?

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а *(входя).* Никакой у меня твоей Ларисы Дмитриевны нет.

К а р а н д ы ш е в. Однако что ж это такое, в самом деле! Иван, куда девались все господа и Лариса Дмитриевна?

И в а н. Лариса Дмитриевна, надо полагать, с господами вместе уехали… Потому как господа за Волгу сбирались, вроде как пикник у них.

К а р а н д ы ш е в. Как — за Волгу?

И в а н. На катерах-с. И посуда, и вина, все от нас пошло-с; еще давеча отправили; ну, и прислуга — всё как следует-с.

К а р а н д ы ш е в *(садится и хватается за голову).* Ах, что же это, что же это! ет.И в а н. И цыгане, и музыка с ними — всё как следу-

К а р а н д ы ш е в *(с горячностью).* Харита Игнатьевна, где ваша дочь? Отвечайте мне, где ваша дочь?

О г у д а л о в а. Я к вам привезла дочь, Юлий Капитоныч; вы мне скажите, где моя дочь!

К а р а н д ы ш е в. И все это преднамеренно, умышленно — все вы вперед сговорились… *(Со слезами.)* Жестоко, бесчеловечно жестоко!

О г у д а л о в а. Рано было торжествовать-то!

К а р а н д ы ш е в. Да, это смешно… Я смешной человек… Я знаю сам, что я смешной человек. Да разве людей казнят за то, что они смешны? Я смешон — ну, смейся надо мной, смейся в глаза!

Приходите ко мне обедать, пейте мое вино и ругайтесь, смейтесь надо мной — я того стою. Но разломать грудь у смешного человека, вырвать сердце, бросить под ноги и растоптать его! Ох, ох! Как мне жить! Как мне жить!

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Да полно ты, перестань! Не о чем сокрушаться-то!

К а р а н д ы ш е в. И ведь это не разбойники, это почетные люди… Это всё приятели Хариты Игнатьевны.

О г у д а л о в а. Я ничего не знаю.

К а р а н д ы ш е в. Нет, у вас одна шайка, вы все заодно. Но знайте, Харита Игнатьевна, что и самого кроткого человека можно довести до бешенства. Не все преступники — злодеи, и смирный человек решится на преступление, когда ему другого выхода нет. Если мне на белом свете остается только или повеситься от стыда и отчаяния, или мстить, так уж я буду мстить. Для меня нет теперь ни страха, ни закона, ни жалости; только злоба лютая и жажда мести душат меня. Я буду мстить каждому из них, каждому, пока не убьют меня самого. *(Схватывает со стола пистолет и убегает.)*

О г у д а л о в а. Что он взял-то?

И в а н. Пистолет.

О г у д а л о в а. Беги, беги за ним, кричи, чтоб остановили.

Действие четвертое

ЛИЦА
ПАРАТОВ.
КНУРОВ.
ВОЖЕВАТОВ.
РОБИНЗОН.
ЛАРИСА.
КАРАНДЫШЕВ.
ИЛЬЯ.
ГАВРИЛО.
ИВАН.
ЦЫГАНЕ И ЦЫГАНКИ.

Декорация первого действия. Светлая летняя ночь.

Явление первое

Р о б и н з о н с мазиком в руках и И в а н выходят из кофейной.

И в а н. Мазик-то пожалуйте!

Р о б и н з о н. Не отдам. Ты играй со мной! Отчего ты не играешь?

И в а н. Да как же играть с вами, когда вы денег

не платите!

Р о б и н з о н. Я после отдам. Мои деньги у Василья Данилыча, он их увез с собой. Разве ты не веришь?

И в а н. Как же вы это с ними на пикник не поехали?

Р о б и н з о н. Я заснул; а он не посмел меня беспокоить, будить, ну и уехал один. Давай играть!

И в а н. Нельзя-с, игра не равна: я ставлю деньги, а вы нет; выигрываете — берете, а проигрываете — не отдаете. Ставьте деньги-с!

Р о б и н з о н. Что ж, разве мне кредиту нет? Это странно! Я первый город такой вижу; я везде по всей России все больше в кредит.

И в а н. Это я очень верю-с. Коли спросить чего угодно, мы подадим; знавши Сергея Сергеича и Василья Данилыча, какие они господа, мы обязаны для вас кредит сделать-с; а игра денег требует-с.

Р о б и н з о н. Так бы ты и говорил. Возьми мазик и дай мне бутылку… чего бы?..

И в а н. Портвейн есть, недурен-с.

Р о б и н з о н. Я ведь дешевого не пью.

И в а н. Дорогой подадим-с.

Р о б и н з о н. Да вели мне приготовить… знаешь, этого… как оно…

И в а н. Дупелей зажарить можно; не прикажете ли?

Р о б и н з о н. Да, вот именно дупелей.

И в а н. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Р о б и н з о н. Они пошутить захотели надо мной; ну и прекрасно, и я пошучу над ними. Я, с огорчения, задолжаю рублей двадцать, пусть расплачиваются. Они думают, что мне общество их очень нужно, — ошибаются; мне только бы кредит; а то я и один не соскучусь, я и solo могу разыграть очень веселое. К довершению удовольствия, денег бы занять…

Входит И в а н с бутылкой.

И в а н *(ставит бутылку).* Дупеля заказаны-с.

Р о б и н з о н. Я здесь театр снимаю.

И в а н. Дело хорошее-с.

Р о б и н з о н. Не знаю, кому буфет сдать. Твой хозяин не возьмет ли?

И в а н. Отчего не взять-с!

Р о б и н з о н. Только у меня — чтоб содержать исправно! И для верности побольше задатку сейчас же!

И в а н. Нет, уж он учен, задатку не дает: его так-то уж двое обманули.

Робинзон. Уж двое? Да, коли уж двое…

И в а н. Так третьему не поверит.

Р о б и н з о н. Какой народ! Удивляюсь. Везде поспеют; где только можно взять, все уж взято, непочатых мест нет. Ну, не надо, не нуждаюсь я в нем. Ты ему не говори ничего, а то он подумает, что и я хочу обмануть; а я горд.

И в а н. Да-с, оно конечно... А как давеча господин Карандышев рассердились, когда все гости вдруг уехали! Очень гневались, даже убить кого-то хотели, так с пистолетом и ушли из дому.

Р о б и н з о н. С пистолетом? Это нехорошо.

И в а н. Хмельненьки были; я полагаю, что это у них постепенно пройдет-с. Они по бульвару раза два проходили... да вон и сейчас идут.

Р о б и н з о н *(оробев).* Ты говоришь, с пистолетом? Он кого убить-то хотел — не меня ведь?

И в а н. Уж не могу вам сказать. *(Уходит.)*

Входит К а р а н д ы ш е в, Робинзон старается спрятаться за

бутылку.

Явление второе

Робинзон, Карандышев, потом И в а н.

К а р а н д ы ш е в *(подходит к Робинзону).* Где ваши товарищи, господин Робинзон? Р о б и н з о н. Какие товарищи? У меня нет товари-

К а р а н д ы ш е в. А те господа, которые обедали у меня с вами вместе?

Р о б и н з о н. Какие ж это товарищи! Это так… мимолетное знакомство.

К а р а н д ы ш е в. Так не знаете ли, где они теперь?

Р о б и н з о н. Не могу сказать, я стараюсь удаляться от этой компании; я человек смирный, знаете ли… семейный…

К а р а н д ы ш е в. Вы семейный?

Р о б и н з о н. Очень семейный… Для меня тихая семейная жизнь выше всего; а неудовольствие какое или ссора — это Боже сохрани; я люблю и побеседовать, только чтоб разговор умный, учтивый, об искусстве например… Ну, с благородным человеком, вот как вы, можно и выпить немножко. Не прикажете ли?

К а р а н д ы ш е в. Не хочу.

Р о б и н з о н. Как угодно. Главное дело, чтоб неприятности не было.

К а р а н д ы ш е в. Да вы должны же знать, где они.

Р о б и н з о н. Кутят где-нибудь, что ж им больше-то делать!

К а р а н д ы ш е в. Говорят, они за Волгу поехали?

Р о б и н з о н. Очень может быть.

К а р а н д ы ш е в. Вас не взяли с собой?

Р о б и н з о н. Нет; я человек семейный.

К а р а н д ы ш е в. Когда ж они воротятся?

Р о б и н з о н. Уж это они и сами не знают, я думаю. К утру вернутся.

К а р а н д ы ш е в. К утру?!

Р о б и н з о н. Может быть, и раньше.

К а р а н д ы ш е в. Все-таки надо подождать; мне кой с кем из них объясниться нужно.

Р о б и н з о н. Коли ждать, так на пристани; зачем они сюда пойдут! С пристани они прямо домой проедут. Чего им еще? Чай, и так сыты.

К а р а н д ы ш е в. Да на какой пристани? Пристаней у нас много.

Р о б и н з о н. Да на какой угодно, только не здесь; здесь их не дождетесь.

К а р а н д ы ш е в. Ну, хорошо, я пойду на пристань. Прощайте. *(Подает руку Робинзону.)* Не хотите ли проводить меня?

Р о б и н з о н. Нет, помилуйте, я человек семейный.

К а р а н д ы ш е в уходит.

Иван, Иван!

Входит И в а н.

Накрой мне в комнате и вино перенеси туда!

И в а н. В комнате, сударь, душно. Что за неволя!

Р о б и н з о н. Нет, мне на воздухе вечером вредно: доктор запретил. Да если этот барин спрашивать будет, так скажи, что меня нет. *(Уходит в кофейную.)*

Из кофейной выходит Г а в р и л о.

Явление третье

Гаврило и Иван.

Г а в р и л о. Ты смотрел на Волгу? Не видать наших?

И в а н. Должно быть, приехали.

Г а в р и л о. Что так?

И в а н. Да под горой шум, эфиопы загалдели. *(Берет со стола бутылку и уходит в кофейную.)*

Входят И л ь я и х о р ц ы г а н.

Явление четвертое

Гаврило, Илья, цыгане и цыганки.

Г а в р и л о. Хорошо съездили?

И л ь я. И, хорошо! Так хорошо, не говори!

Г а в р и л о. Господа веселы?

И л ь я. Разгулялись, важно разгулялись, дай Бог на здоровье! Сюда идут; всю ночь, гляди, прогуляют.

Г а в р и л о *(потирая руки)*. Так ступайте усаживайтесь! Женщинам велю чай подать, а вы к буфету — закусите!

И л ь я. Старушкам к чаю-то ромку вели — любят.

Илья, ц ы г а н е, ц ы г а н ки, Гаврило уходят в кофейную.

Выходят К н у р о в и В о ж е в а т ов.

Явление пятое

Кнуров и Вожеватов.

К н у р о в. Кажется, драма начинается.

В о ж е в а т о в. Похоже.

К н у р о в. Я уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел.

В о ж е в а т о в. Да ведь у них дешевы.

К н у р о в. Как хотите, а положение ее незавидное.

В о ж е в а т о в. Дело обойдется как-нибудь.

К н у р о в. Ну, едва ли.

В о ж е в а т о в. Карандышев посердится немножко, поломается сколько ему надо и опять

тот же будет.

К н у р о в. Да она-то не та же. Ведь чтоб бросить жениха чуть не накануне свадьбы, надо иметь основание. Вы подумайте: Сергей Сергеич приехал на один день, и она бросает для него жениха, с которым ей жить всю жизнь. Значит, она надежду имеет на Сергея Сергеича; иначе зачем он ей!

В о ж е в а т о в. Так вы думаете, что тут не без обмана, что он опять словами поманил ее?

К н у р о в. Да непременно. И, должно быть, обещания были определенные и серьезные; а то как бы она поверила человеку, который уж раз обманул ее!

В о ж е в а т о в. Мудреного нет; Сергей Сергеич ни над чем не задумается: человек смелый.

К н у р о в. Да ведь как ни смел, а миллионную невесту на Ларису Дмитриевну не променяет.

В о ж е в а т о в. Еще бы! что за расчет!

К н у р о в. Так посудите, каково ей, бедной!

В о ж е в а т о в. Что делать-то! мы не виноваты, наше дело сторона.

На крыльце кофейной показывается Робинзон.

Явление шестое

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Вожеватов. А, милорд! Что во сне видел?

Р о б и н з о н. Богатых дураков; то же, что и наяву вижу.

В о ж е в а т о в. Ну, как же ты, бедный умник, здесь время проводишь?

Р о б и н з о н. Превосходно! Живу в свое удовольствие, и притом в долг, на твой счет. Что может быть лучше!

В о ж е в а т о в. Позавидуешь тебе. И долго ты намерен наслаждаться такой приятной жизнью?

Р о б и н з о н. Да ты чудак, я вижу. Ты подумай: какой же мне расчет отказываться от таких прелестей!

В о ж е в а т о в. Что-то я не помню: как будто я тебе открытого листа не давал?

Р о б и н з о н. Так ты в Париж обещал со мной ехать — разве это не все равно?

В о ж е в а т о в. Нет, не все равно! Что я обещал, то исполню; для меня слово — закон, что сказано, то свято. Ты спроси: обманывал ли я кого-нибудь?

Р о б и н з о н. А покуда ты сбираешься в Париж,

не воздухом же мне питаться?

В о ж е в а т о в. Об этом уговору не было. В Париж хоть сейчас.

Р о б и н з о н. Теперь поздно; поедем, Вася, завтра.

В о ж е в а т о в. Ну, завтра так завтра. Послушай, вот что: поезжай лучше ты один, я тебе прогоны выдам взад и вперед.

Р о б и н з о н. Как — один? Я дороги не найду.

В о ж е в а т о в. Довезут.

Р о б и н з о н. Послушай, Вася, я по-французски не совсем свободно… Хочу выучиться, да все времени нет.

В о ж е в а т о в. Да зачем тебе французский язык?

Р о б и н з о н. Как же, в Париже да по-французски не говорить?

В о ж е в а т о в. Да и не надо совсем, и никто там не говорит по-французски.

Р о б и н з о н. Столица Франции, да чтоб там по-французски не говорили! Что ты меня, за дурака, что ли, считаешь?

В о ж е в а т о в. Да какая столица! Что ты, в уме ли! О каком Париже ты думаешь? Трактир у нас на площади есть «Париж», вот я куда хотел с тобой ехать.

Р о б и н з о н. Браво, браво!

В о ж е в а т о в. А ты полагал, в настоящий? Хоть бы ты немножко подумал. А еще умным человеком считаешь себя! Ну, зачем я тебя туда возьму, с какой стати? Клетку, что ли, сделать да показывать тебя?

Р о б и н з о н. Хорошей ты школы, Вася, хорошей; серьезный из тебя негоциант выйдет.

В о ж е в а т о в. Да ничего; я стороной слышал, одобряют.

К н у р о в. Василий Данилыч, оставьте его! Мне нужно вам сказать кой-что.

В о ж е в а т о в *(подходя)*. Что вам угодно?

К н у р о в. Я все думал о Ларисе Дмитриевне. Мне кажется, она теперь находится в таком положении, что нам, близким людям, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участие в ее судьбе.

Робинзон прислушивается.

В о ж е в а т о в. То есть вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай взять ее с собой в Па-ри К-жн? у р о в. Да, пожалуй, если угодно: это одно и то же.

В о ж е в а т о в. Так за чем же дело стало? Кто мешает?

К н у р о в. Вы мне мешаете, а я вам. Может

быть, вы не боитесь соперничества? Я тоже не очень опасаюсь; а все-таки неловко, беспокойно; гораздо лучше, когда поле чисто.

В о ж е в а т о в. Отступного я не возьму, Мокий Парменыч.

К н у р о в. Зачем отступное? Можно иначе как-нибудь.

Вожеватов. Да вот, лучше всего. *(Вынимает из кармана монету и кладет под руку.)* Орел или решетка?

К н у р о в *(в раздумье)*. Если скажу: орел, так проиграю; орел, конечно, вы. *(Решительно.)* Решетка.

В о ж е в а т о в *(поднимая руку)*. Ваше. Значит, мне одному в Париж ехать. Я не в убытке: расходов меньше.

К н у р о в. Только, Василий Данилыч, давши слово, держись; а не давши, крепись! Вы купец, вы должны понимать, что значит слово.

В о ж е в а т о в. Вы меня обижаете. Я сам знаю, что такое купеческое слово. Ведь я с вами дело имею, а не с Робинзоном.

К н у р о в. Вон Сергей Сергеич идет с Ларисой Дмитриевной! Войдемте в кофейную, не будем им мешать.

Кнуров и Вожеватов уходят в кофейную. Входят

Паратов
и Лариса.

Явление седьмое

Паратов, Лариса и Робинзон.

Л а р и с а. Ах, как я устала! Я теряю силы, я насилу взошла на гору. *(Садится в глубине сцены на скамейку у решетки.)*

П а р а т о в. А, Робинзон! Ну, что ж ты, скоро в Париж едешь?

Р о б и н з о н. С кем это? С тобой, ля Серж, куда хочешь, а уж с купцом я не поеду. Нет, с купцами кончено.

П а р а т о в. Что так?

Р о б и н з о н. Невежи!

П а р а т о в. Будто? Давно ли ты догадался?

Р о б и н з о н. Всегда знал. Я всегда за дворян.

П а р а т о в. Это делает тебе честь, Робинзон. Но ты не по времени горд. Применяйся к обстоятельствам, бедный друг мой! Время просвещенных покровителей, время меценатов прошло; теперь торжество буржуазии, теперь искусство на вес золота ценится, в полном смысле наступает золотой век. Но, уж не взыщи, подчас и ваксой напоят, и в бочке с горы для собственного удовольствия

прокатят — на какого Медичиса нападешь. Не отлучайся: ты мне будешь нужен!

Р о б и н з о н. Для тебя в огонь и в воду. *(Уходит в кофейную.)*

П а р а т о в *(Ларисе).* Позвольте теперь поблагодарить вас за удовольствие — нет, этого мало, — за счастие, которое вы нам доставили.

Л а р и с а. Нет, нет, Сергей Сергеич, вы мне фраз не говорите! Вы мне скажите только: что я — жена ваша или нет?

П а р а т о в. Прежде всего, Лариса Дмитриевна, вам нужно ехать домой. Поговорить обстоятельно мы еще успеем завтра.

Л а р и с а. Я не поеду домой.

П а р а т о в. Но и здесь оставаться вам нельзя. Прокатиться с нами по Волге днем — это еще можно допустить; но кутить всю ночь в трактире, в центре города, с людьми, известными дурным поведением! Какую пищу вы дадите для разговоров.

Л а р и с а. Что мне дело до разговоров! С вами я могу быть везде. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой.

П а р а т о в. Вы поедете на моих лошадях — разве это не все равно?

Л а р и с а. Нет, не все равно. Вы меня увезли от

жениха, маменька видела, как мы уехали, — она не будет беспокоиться, как бы мы поздно ни возвратились… Она покойна, она уверена в вас, она только будет ждать нас, ждать… чтоб благословить. Я должна или приехать с вами, или совсем не являться домой.

П а р а т о в. Что такое? Что значит «совсем не являться»? Куда деться вам?

Л а р и с а. Для несчастных людей много простора в Божьем мире: вот сад, вот Волга. Здесь на каждом сучке удавиться можно, на Волге — выбирай любое место. Везде утопиться легко, если есть желание да сил достанет.

П а р а т о в. Какая экзальтация! Вам можно жить и должно. Кто откажет вам в любви, в уважении! Да тот же ваш жених: он будет радехонек, если вы опять его приласкаете.

Л а р и с а. Что вы говорите! Я мужа своего если уж не любить, так хоть уважать должна; а как я могу уважать человека, который равнодушно сносит насмешки и всевозможные оскорбления! Это дело кончено: он для меня не существует. У меня один жених: это вы.

П а р а т о в. Извините, не обижайтесь на мои слова! Но едва ли вы имеете право быть так требовательны ко мне.

Л а р и с а. Что вы говорите! Разве вы не забыли? Так я вам опять повторю все с начала. Я год страдала, год не могла забыть вас, жизнь стала для меня пуста; я решилась наконец выйти замуж за Карандышева, чуть не за первого встречного. Я думала, что семейные обязанности наполнят мою жизнь и помирят меня с ней. Явились вы и говорите: «Брось все, я твой». Разве это не право? Я думала, что ваше слово искренне, что я его выстрадала.

П а р а т о в. Все это прекрасно, и обо всем этом мы с вами потолкуем завтра.

Л а р и с а. Нет, сегодня, сейчас.

П а р а т о в. Вы требуете?

Л а р и с а. Требую.

В дверях кофейной видны Кнуров и Вожеватов.

П а р а т о в. Извольте. Послушайте, Лариса Дмитриевна! Вы допускаете мгновенное увлечение?

Л а р и с а. Допускаю. Я сама способна увлечься.

П а р а т о в. Нет, я не так выразился; допускаете ли вы, что человек, скованный по рукам и по ногам неразрывными цепями, может так увлечься, что забудет все на свете, забудет и гнетущую его действительность, забудет и свои цепи?

Л а р и с а. Ну, что же! И хорошо, что он забудет.

П а р а т о в. Это душевное состояние очень хорошо, я с вами не спорю; но оно непродолжительно. Угар страстного увлечения скоро проходит, остаются цепи и здравый рассудок, который говорит, что этих цепей разорвать нельзя, что они неразрывны.

Л а р и с а *(задумчиво).* Неразрывные цепи! *(Быстро.)* Вы женаты?

П а р а т о в. Нет.

Л а р и с а. А всякие другие цепи — не помеха! Будем носить их вместе, я разделю с вами эту ношу, bonльшую половину тяжести я возьму на себя.

П а р а т о в. Я обручен.

Лариса. Ах!

П а р а т о в *(показывая обручальное кольцо)*. Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь.

Л а р и с а. Что же вы молчали?! Безбожно, безбожно! *(Садится на стул.)*

П а р а т о в. Разве я в состоянии был помнить что-нибудь! Я видел вас, и ничего более для меня не существовало.

Л а р и с а. Поглядите на меня!

Паратов смотрит на нее.

«В глазах, как на небе, светло…» Ха-ха-ха! *(Исте-*

рически смеется.) Подите от меня! Довольно! Я уж сама об себе подумаю. *(Опирает голову на руку.)*

Кнуров, В о ж е в а т о в и Р о б и н з о н выходят на крыльцо
кофейной.

Явление восьмое

Паратов, Лариса, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

П а р а т о в *(подходя к кофейной).* Робинзон, поди сыщи мою коляску! Она тут у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитриевну домой.

Р о б и н з о н. Ля Серж! Он тут, он ходит с пистоле-томП.а р а т о в. Кто — он?

Р о б и н з о н. Карандышев.

П а р а т о в. Так что ж мне за дело!

Р о б и н з о н. Он меня убьет.

П а р а т о в. Ну вот, велика важность! Исполняй, что приказывают! Без рассуждений! Я этого не люблю, Робинзон.

Р о б и н з о н. Я тебе говорю: как он увидит меня с ней вместе, он меня убьет.

П а р а т о в. Убьет он тебя или нет — это еще неизвестно; а вот если ты не исполнишь сейчас же того, что я тебе приказываю, так я тебя убью

уж наверное. *(Уходит в кофейную.)*

Робинзон *(грозя кулаком).* О варвары, о разбойники! Ну, попал я в компанию! *(Уходит.)*

Вожеватов подходит к Ларисе.

Лариса *(взглянув на Вожеватова).* Вася, я погибаю!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, голубушка моя! Что делать-то! Ничего не поделаешь.

Лариса. Вася, мы с тобой с детства знакомы, почти родные; что мне делать — научи!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, уважаю я вас и рад бы... Я ничего не могу. Верьте моему слову!

Лариса. Да я ничего и не требую от тебя; я прошу только пожалеть меня. Ну, хоть поплачь со мной вместе!

Вожеватов. Не могу, ничего не могу.

Лариса. И у тебя тоже цепи?

Вожеватов. Кандалы, Лариса Дмитриевна.

Лариса. Какие?

Вожеватов. Честное купеческое слово. *(Отходит в кофейную.)*

Кнуров *(подходит к Ларисе).* Лариса Дмитриевна, выслушайте меня и не обижайтесь! У меня и в помышлении нет вас обидеть. Я только желаю вам добра и счастья, чего вы вполне заслу-

живаете. Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку?

Лариса отрицательно качает головой.

И полное обеспечение на всю жизнь?

Лариса молчит.

Стыда не бойтесь: осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит. Я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления.

Лариса поворачивает голову в другую сторону.

Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вам руку, но я женат.

Лариса молчит.

Вы расстроены, я не смею торопить вас ответом. Подумайте! Если вам будет угодно благосклонно принять мое предложение, известите меня, и с той минуты я сделаюсь вашим самым преданным слугой и самым точным исполнителем всех ваших желаний и даже капризов, как бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможного мало. *(Почтительно кланяется и уходит в кофейную).*

Явление девятое

Лариса одна.

Л а р и с а. Я давеча смотрела вниз через решетку, у меня закружилась голова, и я чуть не упала. А если упасть, так, говорят… верная смерть. *(Подумав.)* Вот хорошо бы броситься! Нет, зачем бросаться!.. Стоять у решетки и смотреть вниз, закружится голова — и упадешь… Да, это лучше… в беспамятстве, ни боли… ничего не будешь чувствовать! *(Подходит к решетке и смотрит вниз. Нагибается, крепко хватается за решетку, потом с ужасом отбегает.)* Ой-ой! Как страшно! *(Чуть не падает, хватается за беседку).* Какое головокружение! Я падаю, падаю, ай! *(Садится у стола подле беседки.)* Ох, нет… *(Сквозь слезы.)* Расставаться с жизнью совсем не так просто, как я думала. Вот и нет сил! Вот я какая несчастная! А ведь есть люди, для которых это легко. Видно, уж тем совсем жить нельзя; их ничто не прельщает, им ничто не мило, ничего не жалко. Ах, что я!.. Да ведь и мне ничто не мило, и мне жить нельзя, и мне жить незачем! Что ж я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью? Что мешает? *(Задумывается.)* Ах, нет, нет… Не Кнуров… роскошь,

блеск… нет, нет… я далека от суеты… *(Вздрогнув.)* Разврат… ох, нет… Просто решимости не имею. Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить… когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная!

Кабы теперь меня убил кто-нибудь… Как хорошо умереть… пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и умереть… Да я, кажется, захвораю. Как дурно мне!..

Хворать долго, успокоиться, совсем примириться, всем простить и умереть… Ах, как дурно, как кружится голова. *(Подпирает голову рукой и сидит в забытьи.)*

Входят Робинзон и Карандышев.

Явление десятое

Лариса, Робинзон и Карандышев.

Карандышев. Вы говорите, что вам велено отвезти ее домой?

Робинзон. Да-с, велено.

Карандышев. И вы говорили, что они оскорбили

ее?Робинзон. Уж чего еще хуже, чего обиднее!

Карандышев. Она сама виновата: ее по-

ступок заслуживал наказания. Я ей говорил, что это за люди; наконец, она сама могла, она имела время заметить разницу между мной и ими. Да, она виновата, но судить ее, кроме меня, никто не имеет права, а тем более оскорблять. Это уж мое дело: прощу я ее или нет; но защитником ее я обязан явиться. У ней нет ни братьев, ни близких; один я, только один я обязан вступиться за нее и наказать оскорбителей. Где она?

Р о б и н з о н. Она здесь была. Вот она!

К а р а н д ы ш е в. При нашем объяснении посторонних не должно быть; вы будете лишний. Оставьте нас!

Робинзо н. С величайшим удовольствием. Я скажу, что вам сдал Ларису Дмитриевну. Честь имею кланяться! *(Уходит в кофейную.)*

Карандышев подходит к столу и садится против Ларисы.

Явление одиннадцатое

Лариса и Карандышев.

Л а р и с а *(подымая голову)*. Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь?

К а р а н д ы ш е в. Где же быть мне?

Л а р и с а. Не знаю. Где хотите, только не там,

где я.

К а р а н д ы ш е в. Вы ошибаетесь: я всегда должен быть при вас, чтобы оберегать вас. И теперь я здесь, чтобы отмстить за ваше оскорбление.

Л а р и с а. Для меня самое тяжкое оскорбление — это ваше покровительство; ни от кого и никаких других оскорблений мне не было.

К а р а н д ы ш е в. Уж вы слишком невзыскательны. Кнуров и Вожеватов мечут жеребий, кому вы достанетесь, играют в орлянку — и это не оскорбление? Хороши ваши приятели! Какое уважение к вам! Они не смотрят на вас как на женщину, как на человека, — человек сам располагает своей судьбой; они смотрят на вас как на вещь. Ну, если вы вещь — это другое дело. Вещь, конечно, принадлежит тому, кто ее выиграл, вещь и обижаться не может.

Л а р и с а *(глубоко оскорбленная)*. Вещь… да, вещь! Они правы, я вещь, а не человек. Я сейчас убедилась в том, я испытала себя… я вещь! *(С горячностью.)* Наконец слово для меня найдено, вы нашли его. Уходите! Прошу вас, оставьте меня!

К а р а н д ы ш е в. Оставить вас? Как я вас оставлю, на кого я вас оставлю?

Л а р и с а. Всякая вещь должна иметь хозяина, я пойду к хозяину.

К а р а н д ы ш е в *(с жаром).* Я беру вас, я ваш хозяин. *(Хватает ее за руку).*

Л а р и с а *(оттолкнув его).* О нет! Каждой вещи своя цена есть… Ха-ха-ха… я слишком, слишком дорога для вас.

К а р а н д ы ш е в. Что вы говорите! Мог ли я ожидать от вас таких бесстыдных слов?

Л а р и с а *(со слезами).* Уж если быть вещью, так одно утешение — быть дорогой, очень дорогой! Сослужите мне последнюю службу: подите пошлите ко мне Кнурова.

К а р а н д ы ш е в. Что вы, что вы, опомнитесь!

Л а р и с а. Ну, так я сама пойду.

К а р а н д ы ш е в. Лариса Дмитриевна! Остановитесь! Я вас прощаю, я все прощаю.

Л а р и с а *(с горькой улыбкой).* Вы мне прощаете? Благодарю вас. Только я-то себе не прощаю, что вздумала связать судьбу свою с таким ничтожеством, как вы.

К а р а н д ы ш е в. Уедемте, уедемте сейчас из этого города, я на все согласен.

Л а р и с а. Поздно. Я вас просила взять меня поскорей из цыганского табора, вы не умели этого сделать; видно, мне жить и умереть в цыганском таборе.

Карандыше в. Ну, я вас умоляю, осчастливьте

меня!

Л а р и с а. Поздно. Уж теперь у меня перед глазами заблестело золото, засверкали бриллианты.

К а р а н д ы ш е в. Я готов на всякую жертву, готов терпеть всякое унижение для вас.

Л а р и с а *(с отвращением).* Подите, вы слишком мелки, слишком ничтожны для меня.

К а р а н д ы ш е в. Скажите же: чем мне заслужить любовь вашу? *(Падает на колени.)* Я вас люблю, люблю!

Л а р и с а. Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрели и смотрят как на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала теплого, сердечного слова. А ведь так жить холодно. Я не виновата: я искала любви и не нашла… ее нет на свете… нечего и искать. Я не нашла любви, так буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу.

К а р а н д ы ш е в *(вставая).* О, не раскайтесь! *(Кладет руку за борт сюртука.)* Вы должны быть моей.

Л а р и с а. Чьей ни быть, но не вашей!

К а р а н д ы ш е в *(запальчиво)*. Не моей?

Л а р и с а. Никогда!

К а р а н д ы ш е в. Так не доставайся ж ты

никому! *(Стреляет в нее из пистолета.)*

Л а р и с а *(хватаясь за грудь).* Ах! Благодарю вас! *(Опускается на стул.)*

К а р а н д ы ш е в. Что я, что я… ах, безумный! *(Роняет пистолет.)*

Л а р и с а *(нежно).* Милый мой, какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда, на стол! Это я сама… сама. Ах, какое благодеяние… *(Поднимает пистолет и кладет на стол.)*

Из кофейной выходят Паратов, К н у р о в, В о ж е в а т ов,

Робинзон, Гаврило и Иван.

Явление двенадцатое

Лариса, Карандышев, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило и Иван.

В с е. Что такое, что такое?

Л а р и с а. Это я сама… Никто не виноват, никто… Это я сама. За сценой цыгане запевают песню.

П а р а т о в. Велите замолчать! Велите замолчать!

Л а р и с а *(постепенно слабеющим голосом).* Нет, нет, зачем… Пусть веселятся, кому весело… Я не хочу мешать никому! Живите, живите все!

Вам надо жить, а мне надо… умереть… Я ни на кого не жалуюсь, ни на кого не обижаюсь… вы все хорошие люди… я вас всех… всех люблю. *(Посылает поцелуй.)*

Громкий хор цыган.

Примечания

Свои люди – сочтемся!

Написана в 1849 г., первая публикация — «Москвитянин», 1850, № 6. Запрещена к постановке Театральной цензурой. Впервые пошла в Иркутске в 1857 г., а в Москве и Петербурге только в 1861 г. с измененным по требованию цензуры финалом. (За Подхалюзиным являлся квартальный, чтобы отдать его под суд. От взятки, предложенной Подхалюзиным, он отказывался.)

С. 34. *Собранье* — Купеческое собрание. Существовали в Москве Благородное (Дворянское) собрание и Купеческое собрание — сословные клубы.

С. 41. *Бальсанцу* — бальзамцу. Бальзам здесь — род настойки.

С. 43. *Арабчик* — монета в 10 рублей, червонец.

С. 46. *Экзекутор* — чиновник, занимавшийся хозяйственными делами учреждения.

…к Троице… — совершал паломничество в Троице-Сергиевскую лавру, находящуюся примерно в семидесяти километрах от Москвы.

С. 50. *Ты из городу, что ль…* — Имеется в виду Китай-город, прилегающая к Красной площади часть Москвы с особенно оживленной торгов-

лей.

С. 51. *«Ведомости»* — «Московские полицейские ведомости» — газета официальных объявлений.

Городская шестигласная дума — городской орган самоуправления, состоящий из шести выбранных членов — «гласных».

С. 53. *Дисконт* — погашение векселя, долгового обязательства.

С городовыми лучше не связывайся… — городовые здесь — то же, что иногородние, то есть купцы из других городов, не московские.

Вязка — уплата определенной суммы конкуренту на торгах, с тем, чтобы он не сбивал или не набивал цену.

С. 55. *Три листика* — название игры в карты.

Пристенок — игра, в которой участники бросают монеты о стенку.

С. 58. *…к Воскресенским воротам с Бутырок-то.* — От бывшего Бутырского хутора (район Бутырской тюрьмы) до Воскресенских ворот у Кремля расстояние около 5 км.

С. 61. *Отымалка* — кухонная тряпка для горячей посуды.

С. 65. *Голицы* — кожаные рукавицы.

Понёвница — та, которая носит понёву, простую домотканую юбку, женщина из крестьян.

Преображенское — при Островском — окраина Москвы по Стромынской дороге за Яузой.

С. 69. *Имение* — здесь — в значении «имущество».

С. 72. *Пахтать* — сбивать (обычно масло).

С. 73. *Шестерней… Проедет и парочкой…* — купцам, в отличие от дворян, не полагалось запрягать в легковой экипаж больше двух лошадей.

С. 86. *«Уж и где же это видано…»* — шуточная народная песня.

С. 88. *У Арбатского* — в магазине экипажей.

Сокольники, Парк — московские места увеселительных прогулок и выездов.

С. 91. *Четырнадцатый класс* — низший класс по табели о рангах чиновников.

С. 92. *Яма* — разговорное название долговой тюрьмы.

Не в свои сани не садись

Написана в 1852 г., первая публикация — «Москвитянин», 1853, № 3. Это первая пьеса Островского, которая была сыграна на сцене (спектакль состоялся на сцене Большого театра в Москве, прошел с огромным успехом).

С. 104. *Машир на хаус* — искаж. нем. «ступай домой», то есть отправлен в отставку.

С. 118. *«Научить ли те, Ванюша…»* — народная пес-няС. . 124. *«Вспомни, вспомни, моя любезная…»* — романс А. Е. Варламова.

С. 132. *Сиделец* — продавец в лавке.

Приказный — чиновник.

С. 136. *«Ах, об чем ты проливаешь…»* — романс на слова Ф. Толстого.

С. 139. *Маркёр* — служащий в бильярдной.

Гроза

Написана в 1859 г. Первая публикация — «Библиотека для чтения», 1860, № 1. Первая постановка — 1859 г. на сцене Малого театра.

С. 156. *«Среди долины ровныя…»* — известная песня на слова поэта и ученого А. Ф. Мерзлякова.

Антик — древность. Здесь — редкость, диковина.

С. 158. *Коммерческая академия* — среднее учебное заведение в Москве, куда принимали детей купцов, мещан и иностранцев.

С. 161. *Гербовые листы* — листы бумаги с государственным гербом, на которой полагалось подавать прошения и составлять официальные документы, что являлось формой налога на обращение в государственные учреждения.

С. 162. *Перпету-мобиль* — перпетуум-мобиле — вечный двигатель, невозможность создания вечного двигателя доказана наукой и подтверждена практикой.

С. 172. *Враг смущает.* — Здесь «враг» — нечистая сила.

С. 188. *«Открылась бездна, звезд полна…»* — из стихотворения М. В. Ломоносова «Вечернее раз-

мышление о Божием величестве».

С. 200. *«Я телом в прахе истлеваю…»* — строки из оды Г. Р. Державина «Бог».

С. 203. *«С полночных стран встает заря!»* — строки из стихотворения М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве».

Рацеи — поучения, наставления.

С. 205. *«Ночною темнотою покрылись небеса…»* — песня на слова из переложенного М. В. Ломоносовым стихотворения древнегреческого поэта Анакреона.

С. 207. *Тяхта* — искаж. Кяхта, город на границе Монголии, через который шла торговля с Китаем.

На всякого мудреца довольно простоты

Написана в 1868 г. Первая публикация — «Отечественные записки», 1868, № 11. Первая постановка — Александринский театр в Петербурге, 1868 г.

С. 220. *…наш брат, Исакий* — выражение восходит к житию монаха Киево-Печерского монастыря Исаакия (искушавшие его бесы, которым он поклонился, приняв одного из них за Христа, закричали при этом «Наш Исаакий!»).

С. 224. *Вы понимаете, после чего?* — Имеется в виду отмена крепостного права.

С. 241. *Такие все места заняты: одно Бисмарком, другое Бейстом. – Бисмарк* — немецкий, *Бейст* — австрийский государственные деятели, о них часто писали русские газеты.

С. 245. *Мне в сенат нужно. – Сенат* — правительственное учреждение.

С. 256. *…ей по Владимирке.* — Владимирская дорога была основной дорогой, по которой шли этапы на сибирскую каторгу.

Вот он, ваш хваленый суд! — отклик на введенный судебной реформой 1864 г. суд присяжных.

Пристанодержательство — термин уголовного права, означающий один из видов преступной деятельности, — укрывательство преступников.

С. 259. *...умер Иван Яковлич!* — Иван Яковлевич Корейша, известный в Москве юродивый, живший в больнице для умалишенных, считался прорицателем, к нему съезжалось за советами множество народу.

С. 260. *Шабала* — болтун.

С. 266. *...не по новым учреждениям...* — то есть не по тем, которые возникли в результате реформ.

С. 269. *«Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней теченье...»* — цитата из трагедии В. А. Озерова «Фингал», как и все нижеследующие, относится к началу XIX в., что и вызывает обиду молодящейся Мамае-во́Сы́.. 270. *«О боги! Не прошу от вас...»* — цитата из трагедии Озерова «Поликсена».

«О матерь, слезный ток...» — из трагедии Озерова «Поликсена».

С. 270. *«При вести таковой задумчив пребываешь...»* — эта и все следующие цитаты из трагедии Озерова «Дмитрий Донской».

Бесприданница

Написана в 1878 г. Первая публикация — «Отечественные записки», 1879, № 1. Первая постановка — Малый театр в Москве, 1878 г.

С. 296. *Обедня, вечерня* — церковные службы.

С. 298. *Трензель* — деталь конской узды.

С. 312. *Мурья* — здесь — люк в палубе парохода.

С. 314. *«Ля Серж».* — Робинзон смешно коверкает французский язык, где артикль перед собственными именами не употребляется, к тому же «ля» — артикль женского рода.

С. 322. *«Матушка, голубушка…»* — начало популярного романса.

Мировой судья — ведал незначительными гражданскими и уголовными делами и избирался земским собранием.

С. 323. *«Не искушай меня без нужды…»* — известный романс Глинки на слова Баратынского.

С. 325. *…глаголем и ходит* — ходит, согнутый буквой «Г» («глаголь» в славянской азбуке).

Секунда фальшивит… — то есть фальшивит вторая струна.

С. 330. *Долговое отделение* — отделение в тюрьме для должников-неплательщиков.

С. 332. *«Башмаков еще не износила...», «О женщины, ничтожество вам имя...»* — слова из монолога Гамлета в трагедии Шекспира «Гамлет».

С. 334. *«От прекрасных здешних мест»* — слова из популярного старинного романса.

С. 341. *Владыка* — церковный чин, ведавший округом.

С.344. *Бургонское* — сорт вина из Бургундии во Франции.

Киндер-бальзам — детская лекарственная настойка на спирту.

С. 345. *Регалия капустиссима dos amigos* — шутка. Регалия — сорт дорогих сигар. Капустиссима — в значении из капустных листьев. Dos amigos — два друга (*исп.*).

С. 347. *Бертрам* — персонаж оперы «Роберт-дьявол» Мейербера.

С. 349. *«Птички певчие»* — оперетта Ж. Оффенбаха, сейчас чаще называемая «Перикола» по имени героини.

С. 350. *«Веревьюшки веревью...»* — народная песня.

С. 359. *Мазик* — бильярдный кий.

С. 362. *Эфиопы* — здесь — цыгане.

С. 363. *Открытый лист* — давал привилегии

проезжающему почтовым трактом. Здесь, возможно, Вожеватов имеет в виду открытый счет.

С. 364. *Прогоны* — плата за проезд на казенных почтовых лошадях.

С. 366. *Медичис (Медичи) Лоренцо* — глава Флорентийской республики XV века, прославившийся покровительством искусствам.

С. 368. *«В глазах, как на небе, светло…»* — строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «К портрету».

А. Журавлева